

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Последний оракул

«Последний оракул»

ЭКСМО

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Последний оракул

ЭКСМО

Москва

«ДОМИНО»

Санкт-Петербург

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 67

~~James Rollins~~

THE LAST ORACLE

Copyright © 2008 by James Czajkowski

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергей Шикина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Роллинс Дж.

Р 67 Последний оракул : роман / Джеймс Роллинс ; [пер. с англ. А. Новикова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2012. — 528 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-42834-2

Нищий оборванец, застреленный снайпером у самых дверей штаб-квартиры спецотряда «Сигма», успевает передать командиру Грею Пирсону старинную греческую монету с изображением храма Дельфийского оракула. Убитый опознан: это Арчибальд Полк, входивший в сообщество элитных ученых, известное под названием «Ясоны». В последнее время отколовшаяся группа «Ясонов» проводила секретные эксперименты с детьми-аутистами, усиливая проявляемые ими необыкновенные способности. Однако у маленьких подопытных возникает странный побочный эффект, и его неконтролируемое развитие грозит ужасными последствиями для всего человечества. Видимо, об этом Арчибальд Полк и пытался предупредить «Сигму». Но какое отношение к этому имеет древнегреческий оракул? Чтобы понять это, Грей Пирсон и его товарищи должны разгадать тайну, окутанную веками.

Новый захватывающий супербестселлер от автора «Амазонии», «Бездны», «Песчаного дьявола»!

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© А. Новиков, перевод на русский язык, 2010

© Оформление. ООО «ИД «Домино», 2010

© ООО «Издательство «Эксмо»,

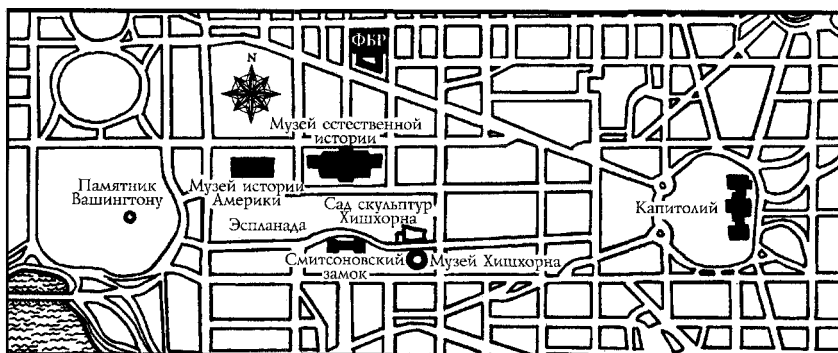
издание на русском языке, 2012

ISBN 978-5-699-42834-2

*Посвящается Шей и Брайсу,
потому что вы оба молодцы*

ЭСПЛАНАДА, ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

ИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ХРОНИК

*Высшее благословение приходит к нам,
когда мы на пути к безумию, каковое есть
святой дар.*

Сократ о Дельфийском оракуле

Древние греки, со своим пантеоном богов, свято верили в силу пророчества. Они почитали тех, кто мог прочесть предзнаменования по кишкам козла, кто провидел будущее в поднимающемся к небу дыме от погребального костра, кто предсказывал те или иные события, бросая сушеные кости. Но один из пророков пользовался наивысшим почетом — загадочный Дельфийский оракул.

На протяжении почти двух тысячелетий, со временем сменяя друг друга, в храме Аполлона на склоне горы Парнас жили женщины, которых тщательно охраняли. Раз в поколение одна из них принимала имя Пифия и занимала место на пророческом треножнике над расселиной скалы, откуда поднимались одуряющие испарения. Под их воздействием она отвечала на вопросы о будущем — как близком, так и далеком.

В числе ее почитателей были самые заметные фигуры греческой и римской истории: Платон, Софокл, Аристотель, Плутарх, Овидий. Ее почитали даже первохристиане. На своде Сикстинской капеллы Микеланджело написал ее, предсказывающей появление Христа на земле.

Была ли она шарлатанкой, которая дурачила доверчивых, произнося загадочные фразы? Ответ на этот вопрос не имеет значения. Важно другое: почитаемая царями и завоевателя-

ми Древнего мира, Пифия своими пророчествами изменила ход истории.

И хотя большая часть того, что было связано с Пифией, осталось погребено под пластами исторических загадок и мифов, частица истины все-таки вышла на поверхность. В 2001 году археологи и геологи обнаружили странное залегание тектонических плит под горой Парнас. В нем, словно предусмотренное специально, имелось отверстие, через которое выходили пары углеводорода в сочетании с другими газами — такими, как этилен, способный вызывать у человека эйфорию, напоминающую состояние транса, и галлюцинации, подобные тем, что были описаны в исторических манускриптах.

Таким образом, хоть наука и раскрыла один из секретов Пифии, все прочее оставалось под покровом тайны.

Действительно ли оракул провидел будущее? Или это было «божественное безумие»?

Познай самого себя, и ты познаешь вселенную и богов.

Надпись на Дельфийском храме

398 год н. э.

Гора Парнас, Греция

Они пришли, чтобы убить ее.

Женщина стояла в портике храма. Она ежилась в своем тонком одеянии — простом белом полотне, прихваченном поясом на талии, но причиной тому был не предутренный холод.

Внизу, по склону горы Парнас, напоминая огненную реку, поднимался поток людей с факелами. Они шли по вымощенной мраморными плитами Священной дороге, зигзагами взбиравшейся к храму Аполлона. Их поступь сопровождалась ударами мечей о щиты. Целый легион римской когорты, пять сотен воинов. Дорога тянулась мимо разбитых и поваленных статуй и давно разграбленных сокровищниц. Все, что могло гореть, было предано огню.

Отблески пламени танцевали на руинах, и в их свете возникало иллюзорное видение лучших времен и былой славы: сокровищницы, что ломились от золота и драгоценных камней, легионы статуй, изваянных прославленными скульпторами, толпы людей, собиравшиеся, чтобы услышать пророчества оракула.

Те времена давно канули в Лету.

За последнее столетие Дельфы пришли в запустение вследствие вторжения галлов, разграбления, учиненного фракийцами, но в первую очередь из-за забвения. Теперь лишь немногие приходили, чтобы внимать словам оракула: пастух коз, желавший узнать, верна ли ему жена, или моряк в поисках добрых знамений, перед тем как предпринять путешествие через Коринфский залив.

Настал конец времен, пришли последние дни Дельфийского оракула. После тридцати лет пророчествования она станет последней, кто носит имя Пифия.

Последним Дельфийским оракулом.

Но перед тем она должна выполнить заключительную миссию.

Пифия повернула лицо к востоку, где утреннее небо начинало светлеть.

«О розовощекая Эос, богиня утренней зари, поторопи Аполлона, пусть поскорее впрягает своих четырех коней в колесницу солнца».

Одна из сестер, молодая прислужница, появилась из храма за ее спиной.

— Госпожа, идемте с нами! — взмолилась она. — Еще не поздно! Мы еще можем спастись вместе с остальными в верхних пещерах!

Пифия успокаивающим жестом положила руку на плечо девушки. Ночью остальные женщины взобрались по неровному склону к вершине горы и укрылись в пещерах Диониса. Но у Пифии здесь было еще одно, последнее дело.

— Госпожа, на то, чтобы исполнить последнее пророчество, не остается времени.

— Я должна сделать это.

— Тогда делайте прямо сейчас, пока еще не слишком поздно.

Пифия отвернулась.

— Нужно дождаться рассвета седьмого дня.

Когда накануне вечером солнце опустилось за горизонт, она провела все необходимые приготовления: совершила омовение в источнике Кассотиды и сожгла листья священного лавра на большом алтаре из черного мрамора, стоявшем напротив храма. Она в точности следовала ритуалу — тому самому, который выполнила самая первая Пифия много тысяч лет назад.

Только сейчас оракул была не одна в ходе этой церемонии очищения.

Рядом с ней находилась девочка, лишь недавно встретившая свое двенадцатое лето.

Такое маленькое существо и такое странное.

Девочка стояла обнаженной в водах источника, пока старшая женщина омывала и умащивала ее кожу. Она не произнесла ни слова, просто стояла, сжимая и разжимая пальцы, словно пыталась ухватить что-то, видимое только ей. Какой бог подверг ребенка столь суровому наказанию и при этом благословил его? Уж точно не Аполлон. Поскольку слова, произнесенные девочкой тридцать дней назад, могли быть продиктованы только богом. Слова, которые быстро распространились и зажгли факелы, поднимавшиеся сейчас по склону горы.

О, лучше бы этого ребенка сюда не приводили!

Пифия помнила слова, произнесенные одной из ее предшественниц, умершей много веков назад. Это было грозное предостережение. Император Август спросил ее:

— Почему оракул стал столь молчалив?

Сестра ответила:

— Иудейский юноша, бог, который правит благословенными, велит мне покинуть этот дом...

Эти слова оказались воистину пророческими. Культ Христа разрастался, грозя поглотить всю империю и не оставляя надежд на возвращение прежней жизни.

И вот месяц назад к ступеням храма привели эту странную девочку.

Пифия отвернулась от огня и стала смотреть в сторону адитона, внутреннего святилища храма Аполлона. Там ее ждала девочка.

Она была сиротой родом из далекого города Киос. Люди веками приводили сюда таких детей, желая переложить тяготы по их воспитанию на плечи сестер. Большинство из них отправляли обратно, позволяя остаться лишь идеальным — со стройными ногами, красивыми руками, ясным взглядом и, конечно же, девственным. Аполлон ни за что не принял бы для своего пророческого духа сосуд более низкого качества.

Поэтому, когда эта тонкая, словно тростинка, девочка появилась обнаженной на ступенях храма, Пифия сначала едва удостоила ее взглядом. Ребенок был запущенным, спутанные темные волосы висели неопрятными космами, кожа испещрена оспинами. И все же под неприглядной оболочкой Пифия ощутила нечто глубоко скрытое. В том, как девочка беспрестанно раскачивалась вперед и назад, в ее глазах, которые хотя и смотрели, но ничего не видели.

Ее опекуны заявили, что девочка обладает божественным даром, что она может сказать, сколько оливок на дереве, лишь взглянув на него, или определить, когда обьягнется овца, просто прикоснувшись к животному.

После того как Пифия выслушала эти истории, у нее пробудился интерес к ребенку. Стоя на ступенях храма, она велела девочке подойти к ней. Та повиновалась, но двигалась так, словно тело ей не принадлежало, будто вверх по лестнице ее нес ветер.

— Ты можешь назвать мне свое имя? — спросила ребенка Пифия.

— Ее зовут Антея, — ответил за девочку ее опекун, стоявший внизу.

Пифия не сводила с девочки глаз.

— Антея, ты знаешь, зачем тебя сюда привели?

— Твой дом пуст, — пробормотала наконец девочка, глядя в пол.

«Что ж, она хотя бы умеет разговаривать».

Пифия бросила взгляд внутрь храма. В центре главного зала горел вечный огонь. Сейчас там действительно было пусто, но слова, которые прошептала девочка, подразумевали нечто большее.

Возможно, такова была ее манера поведения — такая странная, такая далекая, словно одной ногой она стояла в этом мире, а другой — за его пределами.

Ребенок посмотрел на Пифию своими ясными голубыми глазами, полными невинности. Этот взгляд никак не вязался

со словами, сорвавшимися с губ девочки в следующий момент:

— Ты — старая. Ты скоро умрешь.

Опекун попытался бранить ее, но ответ Пифии прозвучал мягко:

— Мы все когда-нибудь умрем, Антея. Так устроен мир. Девочка покачала головой.

— Только не иудейский юноша.

Эти странные глаза буравили ее, и Пифии показалось, что волосы на ее руках зашевелились. Вне всякого сомнения, девочку обучили основам культа Христа и кровавого креста. Но — снова эти слова. Какое странное совпадение!

Иудейский юноша...

Точно так же сказала ее предшественница, пророчившая роковой конец.

— Но придет другой, — продолжала девочка. — Другой юноша.

— Другой юноша? — Пифия склонилась к ребенку. — Кто он? Откуда?

— Из моих снов. — Антея потерла ухо ладонью.

Ощутив в девочке неизведанные глубины, Пифия решила окунуться в них.

— Этот юноша, — проговорила она, — кто он?

То, что девочка произнесла затем, заставило собравшихся вокруг людей дружно выдохнуть. Даже они могли распознать святотатство, услышав его.

— Он брат иудейского юноши. — Ребенок крепко прижался к подолу одеяния Пифии. — В моих снах он горит... И он сожжет все. Ничего не останется. Даже Рима.

В течение последнего месяца Пифия пыталась узнать побольше о страшном будущем, которое сулила девочка. Она даже ввела ее в круг сестер. Но Антея лишь глубже уходила в себя, замыкалась и отказывалась говорить. И все же существовал один способ узнать правду.

Если девочка и впрямь несла в себе божественное благословение, сила дыхания Аполлона, его пророческие испарения могли высвободить то, что таилось в странности ребенка.

Но хватит ли ей времени?

Легкое прикосновение к локтю отвлекло Пифию от размышлений и заставило вернуться к реальности.

— Госпожа, солнце... — проговорила юная прислужница.

Пифия взглянула на восток. Небо уже сияло, возвещая о скором появлении светила. Снизу доносились крики римских солдат. Слух о необыкновенной девочке распространился быстро. Ее пророчества о неизбежном конце Рима проделали далекий путь и достигли ушей императора. Имперский посланец потребовал, чтобы ребенок был доставлен в Рим, объявив, что девочка одержима бесами.

Пифия отказалась. Боги послали девочку к ее порогу, в храм Аполлона. Пифия не отдаст Антею, не подвергнув ее прежде испытанию и не получив ответы на свои вопросы.

На востоке первые лучи восходящего солнца пронзили небо. Седьмой день седьмого месяца наступил.

Они ждали достаточно долго.

Она вошла в храм. Здесь ее тоже встретили языки пламени, но они источали доброе тепло, исходящее из сердца святилища. Огонь стерегли две пожилые сестры. Они были слишком стары, чтобы преодолеть трудный подъем к вершине горы. Пифия с благодарностью кивнула каждой из них и поспешила в адитон — подземное святилище, куда было позволено входить лишь тем, кто служит оракулу.

По мере того как она спускалась по ступеням, мрамор уступил место известняку. Лестница привела ее в маленькую пещеру. Ее нашел много столетий назад козий пастух, который, приблизившись к входу в пещеру, ощутил сладкое дыхание Аполлона, после чего его посетили странные видения.

Переживут ли эти дары еще один восход солнца?

В пещере Пифию ждала девочка. Одета в большую, не по размеру тунику, она сидела, скрестив ноги, рядом с бронзовым треножником, на котором покоился омфал — священный камень в виде половины яйца, обозначающий пуп земли, центр вселенной.

Кроме него в пещере имелся еще один высокий стул в виде золотого треножника. Он стоял над расселиной в полу. Пи-

фию, хотя она давно привыкла к поднимававшемуся из нее дыханию Аполлона, каждый раз поражало благоухание, напоминающее запах цветущего миндаля.

Дыхание бога, его пророческая пневма.

— Пора, — сказала она молодой сестре, спустившейся вместе с ней в адитон. — Дай мне ребенка.

Пифия подошла к треножнику и села на стул. Поднимавшиеся из расселины испарения, то самое дыхание Аполлона, окутали ее.

— Торопись.

Молодая сестра подняла девочку с пола пещеры и посадила ее на колени Пифии. Та обняла ее нежно, как мать обнимает ребенка, но Антея не ответила на эту ласку.

Пифия уже ощущала действие испарений, поднимавшихся из трещины в полу. По рукам и ногам пробежала знакомая дрожь, ее горло, в которое входил Аполлон, горело, зрение стало туманиться.

Но девочка была меньше, и поэтому испарения действовали на нее сильнее. Пифия понимала, что ребенок не сможет долго выдерживать дыхание Аполлона. Однако, если существовала хоть какая-то возможность получить от девочки ответ, она должна воспользоваться ею.

— Дитя, — заговорила Пифия, — расскажи нам больше об этом юноше и пророчестве конца, которое он нашептал тебе. Где он поднимется?

— Из меня, — еле слышно сорвалось с маленьких губ. — Из моих снов.

Маленькие пальчики нашли руку Пифии и стиснули ее.

С губ девочки продолжали падать слова:

— Твой дом опустел... твои источники пересохли. Но начнет бить новый источник провидения.

Руки Пифии крепче сжали тело девочки. Слишком долго храм умирал медленной смертью.

— Новый источник... — В ее голосе прозвучала надежда. — Здесь, в Дельфах?

Губы девочки двигались, но слов не было слышно.

Пифия встряхнула ребенка.

— Где?

Девочка подняла прозрачную руку и положила ее себе на живот. В тот же момент Пифию посетило видение: звонкий серебристый ключ бьет из пупка девочки, из самой ее утробы. Новый источник. Но было ли это видение послано Аполлоном? Или его породила надежда, жившая в ее душе?

Пронзительный крик заставил ее вздрогнуть. Послышались грубые голоса. По ступеням в пещеру скатилась фигура в белом. Это была одна из старух, стороживших священный огонь. Она прижимала руку к плечу, а между ее пальцами торчал наконечник стрелы. Из-под ладони текла алая кровь.

— Слишком поздно! — крикнула женщина и рухнула на колени. — Римляне...

Пифия слышала слова сестры, но продолжала оставаться в трансе, вызванном испарениями. Внутренним взором она видела девочку, из которой бил прозрачный ключ, новый источник пророческой силы. Но одновременно с этим Пифия ощущала вонь от факелов римлян. Кровь и дым вошли в ее видение. Теперь из источника бежала тонкая черно-красная струйка и текла в будущее.

Ребенок внезапно обмяк на ее руках, окончательно заблудившись в испарениях. Пифия же видела темный поток, истекающий из черной фигуры... Тени юноши. Позади него бушевало пламя.

В ее мозгу эхом прозвучали слова, произнесенные девочкой месяц назад. «Брат иудейского юноши... Тот, кто подожжет весь мир».

Пифия держала безжизненное тело девочки. Пророчество ребенка сулило страшный конец и одновременно спасение. Может, было бы лучше отдать ее имперскому легиону и положить конец столь неопределенному будущему здесь? Сверху доносились все те же грубые голоса. Искать спасения было уже негде. Разве что в смерти.

Она все еще была захвачена видением.

Ребенка послал Аполлон. Послал Пифии.

«Начнет бить новый источник...»

Она сделала глубокий вдох, выпуская в себя Аполлона.

«Что я должна делать?»

Римский центурион пересек зал. Он получил ясный приказ: убить девочку, предрекавшую конец империи. Прошлой ночью они захватили одну из храмовых прислужниц, и под кнутом, прежде чем он отдал ее на потеху своим солдатам, она призналась, что ребенок все еще находится в храме.

— Принесите факелы! — крикнул он. — Обыщите каждый угол!

Его внимание — и меч — привлекло движение в задней части зала. Из тени вышла женщина. Пошатываясь и спотыкаясь на каждом шагу, она шла как слепая. На ней был белый хитон, а голову украшал венок из лавровых ветвей.

Он знал, кто стоит перед ним.

Дельфийский оракул.

Центурион подавил дрожь страха. Подобно многим другим солдатам, он до сих пор втайне был подвержен старым суевериям. Он даже приносил быков в жертву богу Митре и совершал омовения в их крови. Избавиться от этого было невозможно.

— Кто посмел осквернить храм Аполлона? — воскликнула она.

Ощущая на себе тяжелые взгляды солдат, центурион приблизился к женщине.

— Приведи девчонку, — потребовал он.

— Ее нет. Вам до нее не добраться.

Центурион знал, что это невозможно. Храм был окружен.

И все же беспокойство толкало его вперед.

Оракул преградила ему путь к ступеням и уперлась ладонью в его нагрудник.

— Мужчинам запрещено входить в адитон!

— Только не императору. А я здесь — по его указу.

Женщина отказывалась пропустить его.

— Ты не пройдешь!

У центуриона был приказ, заверенный печатью императора Феодосия, который ему вручил императорский сын Аркадий. Старые боги должны замолчать, их храмы — исчезнуть. По всей империи, включая Дельфы. Однако помимо этих указаний центурион получил еще одно.

И он его выполнит.

Он глубоко, по самую рукоять, вонзил меч в живот оракулу. Из ее горла вырвался хрип, и она повалилась ему на плечо, как падает женщина в объятия возлюбленного. Центурион грубо оттолкнул ее от себя.

Кровь выплеснулась на его доспехи и на пол.

Оракул упала на мраморные плиты и перекатилась на бок. Дрожащая рука протянулась к луже ее собственной крови и осталась в ней.

— Новый источник... — прошептала женщина, словно давая кому-то обещание.

А затем ее сковала смерть.

Перешагнув через мертвое тело, центурион спустился по лестнице в маленькую глухую пещеру. В черном озерце крови лежал труп старухи, пронзенной стрелой. Возле трещины в полу валялся опрокинутый трехногий стул. Обшаривая пещеру глазами, центурион сделал полный оборот вокруг своей оси.

Это невозможно, но...

Пещера была пуста.

Март 1959 года

Карпатские горы, Румыния

Майор Юрий Раев выбрался из кабины «ЗИС-151» и прыгнул на дорогу, изрытую глубокими колеями. Его ноги дрожали. Чтобы хоть немного прийти в себя, он оперся о зеленую стальную дверь потрепанного грузовика, одновременно проклиная и благодаря его. От тряски, не прекращавшейся на протяжении всей недели их блуждания по горам, у него бо-

лел позвоночник. Ему казалось, что даже коренные зубы распатались и теперь свободно болтаются в челюсти. И все же именно этот раздолбанный грузовичок, преодолев все каменистые подъемы и затопленные разливом рек дороги, привез их сюда, к затерявшемуся в горах цыганскому поселку.

Раздавшийся грохот заставил его оглянуться. Это упал задний борт кузова, и оттуда посыпались солдаты в черно-белом. Их зимние маскхалаты сливались со снегом и гранитом густо поросших лесом гор. В воздухе все еще висели клочья утреннего тумана, напоминавшие привидения.

Мужчины ругались и топали ногами, пытаясь согреться. Тут и там вспыхивали огоньки — солдаты закуривали и, клацая затворами, готовили автоматы Калашникова к возможному бою. Являясь основной группой, они двигались в арьергарде, и именно они должны были выполнить главную задачу. Остальные силы осуществляли функцию поддержки.

Юрий повернулся к своему заместителю, лейтенанту Добрицкому. Это был коренастый украинец с изрытым оспинами лицом и сломанным носом. Он тоже был облачен в маскхалат. Вокруг глаз у него остались красные круги от защитных очков.

— Майор, лагерь оцеплен.

— Это они? Те, кого мы ищем?

Добрицкий пожал плечами, предоставив командиру самому делать выводы. У них уже была одна ложная тревога, когда, устроив налет на зимовку, они обнаружили там только оголодавших крестьян, зарабатывавших на жизнь непосильным трудом на каменоломнях.

Юрий хмуро огляделся. Эти горы были словно из другой эры. Как будто вернулся каменный век с его убогостью и суевериями. Но при этом лесистые горные склоны представляли собой прекрасное убежище для тех, кому по какой-то причине было необходимо спрятаться.

Юрий отошел в сторону и стал смотреть на изгиб раскисшей земляной полосы, которую при всем желании было труд-

но назвать дорогой. Головные машины размесили грязь и снег, оставили на ней глубокие колеи. Сквозь деревья Юрий увидел штук двадцать тяжелых мотоциклов «Урал» с колясками, в которых сидели вооруженные солдаты. Он прибыли сюда заранее и окружили становище, перекрыв все возможные пути бегства.

В это удаленное место их привели слухи и признания, полученные под пытками. И все же, чтобы найти его, понадобилось облазить чуть ли не все Карпаты и сжечь несколько хуторов. Только таким способом можно было отогреть замерзшие языки местных крестьян. Мало кто проявлял желание говорить о карпатских цыганах, особенно об этом изолированном от других племени, о котором шепотом рассказывали страшные истории, то и дело упоминая стригоев и мороев — злых духов и ведьм.

Неужели он их все же нашел?

Лейтенант Добрицкий переминался с ноги на ногу.

— Что теперь, майор?

Раев заметил, как скептически кривятся губы украинца. Хотя на плечах Юрия были погоны майора Советской Армии, он не являлся солдатом. Раев был на целую голову ниже Добрицкого, с заметным животиком и рыхлым лицом. Призванный в армию из Ленинградского государственного университета, он дослужился до звания майора, работая в различных научно-исследовательских учреждениях Министерства обороны СССР. В двадцать восемь лет он уже возглавлял лабораторию биофизики Государственного института медико-биологических исследований Российской академии наук.

— Где капитан Мартова? — спросил Юрий.

Представитель военной разведки обычно держалась возле Добрицкого, зорко наблюдая за всем происходящим.

— Она ждет нас у входа в становище.

Добрицкий упрямо шагал по центру раскисшей дороги. Юрий предпочел обочину, где землю подморозило и идти было легче. Когда они поднялись на очередное возвышение, лейте-

нант указал на становище, угнездившееся в глубокой впадине между отвесными утесами и окруженное черным лесом.

— Цыгане, — прорычал Добрицкий. — Как вы хотели.

Но то ли это племя?

Впереди виднелись цыганские кибитки, размазанные выцветшими зеленой и черной красками, с колесами выше человеческого роста. По крайней мере, выше Юрия. В некоторых местах краска отслоилась, и из-под нее выглядывали более веселые, радостные цвета — напоминание о лучших временах. Деревянные кибитки были завалены снегом и обросли сосульками, мороз разрисовал их окна замысловатыми узорами. Черные круги обозначали старые кострища. Два костра горели в глубине становища и сейчас, вздымая языки пламени выше самых высоких кибиток. Одна из них была сожжена, и от нее остался лишь обугленный остов. В сторонке, рядом со штабелем досок и грудой камней, грустно свесив головы, стояли низкорослые стреноженные лошади. По становищу слонялись козы и несколько овец.

Солдаты взяли поселение в кольцо. Там и сям валялись трупы в одежде, больше похожей на лохмотья, и меховых полшубках. Те, кто остался в живых, выглядели немногим лучше. Обитателей становища выгнали из кибиток и прочных палаток. Из глубины лагеря доносились крики — солдаты гнали оставшихся цыган. Послышались автоматные очереди. Это стреляли «калашниковы». Юрий смотрел на толпу людей с мрачными глазами. Некоторые женщины стояли на коленях. Смуглые, темноволосые мужчины не сводили с незваных гостей суровых, непреклонных взглядов. Многие были ранены, истекали кровью, у других были сломаны руки или ноги.

— Где все дети? — спросил Юрий.

Ответ раздался с другой стороны, произнесенный голосом острым и ломким, как лед, покрывавший горные вершины:

— Они забаррикадировались в церкви.

Юрий повернулся к произнесшей эти слова женщине, капитану Савине Мартовой, офицеру разведки, прикомандированной к их группе. На ней была черная шинель с воротником,

отороченным мехом русского волка, с тоном которого прекрасно сочетались ее темные волосы.

Подняв тонкую руку, она указала на крутой склон позади кибиток и палаток. Там возвышалась церковь, единственное прочное строение в поселке. Сложенная из собранных здесь же камней, она сливалась с окрестными склонами.

— Когда наши подразделения прибыли сюда, дети уже спрятались в этой церквушке, — сообщила Савина.

Добрицкий согласно закивал.

— Должно быть, слышали звук мотоциклетных моторов.

Взгляды Савины и Юрия встретились. В ее зеленых глазах плясал утренний свет. У офицера разведки имелись собственные соображения. Именно она принесла в институт, где работал Юрий, кипы бумаг, ноутбуки и распечатки с информацией, захваченной при освобождении Освенцима и касавшейся в основном экспериментов доктора Йозефа Менгеле. Ангела Смерти, как его называли в концлагере.

После того как Юрий ознакомился с этими материалами, ему стали сниться кошмары, от которых он с криком просыпался в холодном поту. Широко известно, что Менгеле проводил ужасные эксперименты на заключенных, но больше всего он любил использовать в качестве подопытных кроликов цыган и их детей. Перед тем как приступить к экспериментам, он гладил ребенка по головке и угощал его шоколадкой. Детишки называли его «дядя Пепе». В конце концов он убил всех детей, которые оказались в его распоряжении, но прежде, чем это случилось, ему удалось обнаружить уникальную пару близнецов. Девочек, похожих друг на друга как две капли воды, Сапу и Мину.

Менгеле скрупулезно записывал все, что было связано с необыкновенными близняшками: возраст, происхождение, родословную. Чтобы выяснить дополнительные детали, он подверг пыткам их семью и близких. Но поскольку война близилась к концу, доктор был вынужден свернуть свои эксперименты, не успев довести их до конца. Он убил девочек-близняшек, сделав им инъекции хлороформа в сердце.

Менгеле выразил охватившее его огорчение в короткой, сделанной небрежным почерком записи в самом конце своих дневников.

«Wenn ich nur mehr Zeit gehabt hätte...»

«Если бы у меня было больше времени...»

— Вы готовы? — спросила Савина у Юрия.

Тот кивнул.

В сопровождении Добрицкого и еще одного солдата они вошли в становище. Им пришлось перешагнуть через труп, лежащий вниз лицом в луже замерзшей крови.

Впереди показалась церковь. Она была сложена из камней и не имела окон. Единственная дверь, сделанная из крепких бревен и обшитая медными листами, была закрыта и заперта изнутри. Рядом с ней стояли двое солдат со стальным тараном.

Добрицкий взглянул на Юрия.

Тот кивнул.

Солдаты размахнулись тараном и ударили им в дверь. Полетели щепки. После еще двух ударов дверь с грохотом открылась.

Первой вошла Савина, следом за ней тенью скользнул Юрий.

Темное пространство церкви освещалось маленькими масляными лампами. По обеим сторонам стояли ряды скамеек, впереди возвышался алтарь. На лавках, неправдоподобно молчаливые, сидели дети всех возрастов.

Идя к алтарю, Юрий рассматривал детей. Многие из них были отмечены тем или иным физическим уродством. Одни были микроцефалами с крохотными головами, другие — карликами, третьи имели заячью губу. Один ребенок представлял собой обрубок без рук. Близкородственное скрещивание. По коже Юрия побежали мурашки. Неудивительно, что местные жители боялись этих цыган и рассказывали сказки о духах и чудовищах.

— Как вы узнаете, те ли это дети? — спросила Савина.

Юрий процитировал фразу, произнесенную под пытками и записанную Менгеле:

— Логово шовихани*.

Так называлось место, где появились на свет близнецы и которое цыгане хранили в секрете со времен возникновения своих первых племен.

— Это они? — не отставала Савина.

Юрий покачал головой.

— Я не знаю.

Он направился к девочке, сидевшей возле алтаря и прижимавшей к груди тряпичную куклу. Одежда на ней была немногим лучше, чем на кукле. Приблизившись, Юрий заметил, что ребенок выглядит вполне здоровым и не имеет каких-либо видимых физических дефектов; чистые голубые кристаллы ее глаз светились изнутри.

Большая редкость у цыган.

В точности как у близняшек Саши и Мины.

Юрий присел перед ней на корточки. Она будто не замечала взрослого мужчины и смотрела сквозь него. Юрий почувствовал, что с этим ребенком что-то не так и это «что-то», возможно, хуже любых физических уродств.

Хотя ее взгляд был устремлен в какие-то невидимые никому дали, она протянула к нему руку и прошептала тонким голоском:

— Дядя Пепе.

Юрия окатила волна страха. Дядя Пепе... ласковое имя, которым называли Йозефа Менгеле цыганские дети. Но эта девочка была слишком мала, она просто не могла побывать ни в одном из концлагерей.

Он смотрел в ее пустые глаза. Знал ли этот ребенок о его намерениях? А если да, то откуда? В мозгу Юрия вертелись слова Менгеле.

«Если бы у меня было больше времени...»

Перед Юрием подобной проблемы не стояло. В распоряжении его команды будет столько времени, сколько понадобится. В укромном месте, подальше от посторонних глаз, уже строилась лаборатория.

* Шовихани — цыганская колдунья. (Здесь и далее прим. перев.)

Савина подошла ближе. Ей был нужен ответ.

Юрий знал правду. Она открылась ему в тот же миг, когда он заглянул в лицо этой девочки. И все же он колебался.

Савина прикоснулась к его локтю.

— Майор?

Обратной дороги не было, и, хотя Юрий знал о том, какой кошмар последует за этим, он кивнул и ответил:

— Да, это шовихани.

— Вы уверены?

Юрий снова кивнул, не отводя взгляда от голубых глаз девочки. Он словно сквозь туман слышал, как Савина приказала Добрицкому:

— Посадите всех детей в грузовик. Остальных — уничтожьте.

Юрий не стал отменять эти приказы. Он слишком хорошо знал, для чего они находятся здесь.

Девочка по-прежнему держала руку на весу.

— Дядя Пепе, — повторила она.

Он взял маленькие пальчики в свою ладонь. Отпираться не было смысла, прятаться — тоже.

«Да, это я».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Наши дни

5 сентября, 13 часов 38 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Не каждый день у тебя на руках умирает человек.

Коммандер Грей Пирс шел через вашингтонскую Эспланаду*, когда ему повстречался бездомный. Грей и без того находился в отвратительном настроении, только что пройдя через одну словесную баталию и направляясь навстречу другой, а полуденная жара еще больше усиливала его раздражение на весь окружающий мир. Город задышался от обычного для этого времени года зноя, и тротуар был пуст. Одетый в незаправленную полотняную рубашку и джинсы, коммандер мог бы оценить свое состояние с помощью кулинарного термина, который употребляют официанты, говоря о бифштексе: «хорошо прожаренный».

Примерно за полквартала он заметил исхудавшую фигуру, которая плелась ему навстречу. На бездомном были мешковатые джинсы с завернутыми до колен штанинами и поношенные армейские ботинки, зашнурованные лишь до половины. Несмотря на жару, он кутался в мятый пиджак. Когда мужчина подошел ближе, Грей обратил внимание на седину в его спутанной бороде и выцветшие, покрасневшие глаза. Бездомный беспокойно озирался по сторонам.

* Эспланада Вашингтона — парковая и пешеходная зона, окаймленная зданиями Смитсоновских музеев, протянувшаяся к западу от Капитолия к мемориалу Линкольна.

Появление в этом районе подобных попрошаек не было редкостью, тем более что празднование Дня труда закончилось только вчера. Туристы разошлись по своим гостиницам, полицейские, следившие в эти дни за порядком, — по близлежащим барам, а дворники уже закончили убирать горы мусора, наглядное свидетельство происходившей здесь гульбы. Остались только бродяги, которые надеялись найти в траве оброненные монетки или рылись в мусорных баках в поисках пустых бутылок и алюминиевых банок. Они напоминали крабов, сдирающих клешнями остатки плоти с уже истлевшего скелета.

Грей не уклонился от встречи с бродягой и продолжал идти по Джефферсон-авеню по направлению к Смитсоновскому замку, каковой и являлся конечной точкой его пешего путешествия. Он даже встретился с нищим взглядом, чтобы определить, не представляет ли тот угрозы, да и просто зафиксировать его существование. Хотя среди попрошаек было предостаточно жуликов, которые только прикидывались нищими, большинство из них оказались на улицах вследствие жизненных неудач, пристрастия к алкоголю и наркотикам или психических заболеваний. Было среди них и немало ветеранов вооруженных сил.

Грей не отвел взгляд в сторону, и, возможно, именно поэтому глаза другого мужчины вспыхнули.

Под грязью и морщинами, покрывавшими его лицо, Грей прочитал облегчение и надежду. После того как бездомный увидел Грея, его походка стала более твердой и целеустремленной. Возможно, он боялся, что его добыча скроется в замке раньше, чем он успеет настичь ее. Руки бездомного дрожали. Он был либо пьян, либо с сильного похмелья.

К Грею протянулась рука ладонью вверх.

Это был универсальный жест, и от трущоб Бразилии до бульваров Бангкока он означал одно: «Помогите мне! Пожалуйста!»

Грей сунул руку в карман блейзера, намереваясь вынуть бумажник. Многие друзья упрекали его в наивности, оттого

что он подает милостыню попрошайкам. «Эти типы все равно потратят твои деньги на выпивку или наркоту», — говорили они, но Грея это не волновало. Не ему судить. Он просто помогал другому человеческому существу, попавшему в беду. Если тебя просят о помощи, помоги — таков был его принцип. И еще, говоря по совести, подобная благотворительность, возможно, шла на пользу и ему, помогая заглушить чувство вины, таившееся в таких глубинах его сознания, в которые он не осмеливался заглядывать.

И стояла эта индульгенция всего-то пару баксов.

Выгодная сделка.

Он заглянул в бумажник. Одни двадцатки. Он только что получил их в банкомате на станции метро. Грей передернул плечами и вытащил из бумажника купюру с портретом Эндрю Джексона.

Что ж, иногда очищение обходится дороже, чем в пару баксов.

Когда они поравнялись, Грей поднял левую руку с двадцаткой навстречу поднятой руке нищего и вдруг увидел, что его рука не пуста. В центре его ладони лежала потускневшая монета размером примерно в половину долларовой.

Грей недоуменно наморщил лоб.

Впервые нищий пытался дать милостыню ему!

Прежде чем он успел понять, что происходит, бездомный повалился на Грея, словно кто-то толкнул его сзади. Рот бедолаги открылся, будто от удивления, приняв форму буквы «О». Он упал на Грея, и тот инстинктивно подхватил пожилого мужчину.

Бродяга оказался легче, чем ожидал Грей. Под одеждой, куда ни прикоснешь, ощущались только кости, будто это был не человек, а скелет, одетый в пиджак и джинсы. Рука бездомного прижалась к щеке Грея. Она была чудовищно горячей, и на мгновение командера обуял страх: а вдруг старик болен какой-нибудь смертельной инфекционной болезнью? Но он все же не выпустил тело, безвольно обвисшее на его руках.

Грей перехватил бедолагу, чтобы его было удобнее тащить, и тут его левая рука, обнимавшая бездомного за спину, ощутила что-то теплое и липкое.

Кровь.

Подчиняясь инстинкту, Грей кинулся вбок, упал и скатился с тротуара, не отпуская нищего. Густая трава смягчила их падение.

Следующих выстрелов Грей не услышал, но в то место на асфальте, где он только что находился, впились и, выбив искры, отрикошетили две пули. Не останавливаясь, он продолжал катиться по траве — до тех пор, пока не оказался за монументальным, сооруженным из бетона и стали знаком, стоявшим на лужайке перед Смитсоновским замком. Он был высотой по пояс, и Грей укрылся за ним вместе с оборванцем, которого продолжал прижимать к себе. На знаке красовалась надпись: «СМИТСОНОВСКИЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР».

Очень кстати. Если Грей сейчас в чем-то и нуждался, то именно в информации.

Например, относительно того, кто в него только что стрелял.

Монументальный знак, похожий на обелиск, отделял его от Эспланады, предлагая временную защиту. Само здание замка представляло собой нагромождение башен и башенок из красного песчаника, добытого в карьерах Сенека-Крик, штат Мэриленд. Норманнский замок, настоящая крепость. Чтобы укрыться в ней, нужно было преодолеть всего несколько метров, но, выйдя на это открытое пространство, они окажутся как на ладони у снайпера.

Из кобуры за спиной Грей достал пистолет, компактный «ЗИГ-Зауэр» Р229. Нет, он не видел цели, но приготовил оружие на тот случай, если нападавший предпримет прямую атаку.

Рядом с Греем застонал бездомный. Вся его спина была залита кровью. Жизнь до самого конца продолжала оставаться безжалостной по отношению к этому бедняге. Несчастный

хотел попросить жалкую милостыню, а получил пулю в спину из-за того, что стрелок, целивший в Грея, промазал.

Но кто пытался убить его? И почему?

Бездомный поднял трясущуюся руку, падавшую при каждом вдохе. По местоположению входного пулевого отверстия и обильному кровотечению Грей определил, что пуля пробила почку несчастного. Смертельная рана, тем более для столь ослабленного организма.

Рука раненого протянулась к бедру Грея. Его пальцы разжались, и монета упала на траву.

Предсмертный дар.

Та милостыня, которую подавал Грей, отчасти вернулась к нему.

Выполнив то, что был должен, бездомный умер. Его конечности обмякли, а голова упала на плечо Грея. Тот безмолвно выругался и так же беззвучно добавил: «Прости, старина».

Свободной рукой он нащупал в кармане сотовый телефон, достал его и нажал на кнопку экстренного вызова. Ответ последовал незамедлительно.

Грей говорил быстро, требуя от главного командования немедленно оказать ему помощь.

— Группа поддержки уже в пути, — сказал директор. — Мы видим тебя на мониторах с камер, установленных у замка. Там много крови. Ты ранен?

— Нет, — коротко ответил он.

— Оставайся там, где находишься.

Грей не стал спорить. Снайпер больше не стрелял. По крайней мере, Грей не слышал звонких ударов пуль по металлическому знаку. И все же он решил не двигаться и дожидаться прибытия подмоги.

Сунув в карман сотовый телефон, он поднял с травы монету, выпавшую из руки бездомного. Она была тяжелой, толстой и грубо отчеканенной. Мокрой от крови рукой он рассеянно потер поверхность монеты, и его взгляду представило изображение то ли греческого, то ли римского храма с шестью колоннами, увенчанными остроконечной крышей.

— Что за черт?

В центре монеты была выбита единственная буква.

Грей подумал, что это греческая буква Σ .

Сигма.

В математике эта буква обозначает сумму слагаемых, но одновременно с этим она являлась символом организации, на которую работал Грей. Это была засекреченная, элитная спецслужба, собравшая бывших сотрудников спецподразделений, прошедших научную подготовку в различных областях знаний и выступавших теперь в роли беспощадного клинка УППОНИР — Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ.

Грей посмотрел на замок. Именно здесь располагалась штаб-квартира «Сигмы», закопанная глубоко под фундаментом Смитсоновского замка, в бункерах, оставшихся со времен Второй мировой войны. Это местоположение было идеальным для «Сигмы»: рядом находились правительственные здания, Пентагон и различные частные и государственные лаборатории.

Он вновь перевел взгляд на монету и в тот же миг осознал свою ошибку. Буква была не греческой Σ , а обычной прописной буквой «Е». В момент паники глаза сыграли с ним шутку: он увидел то, что вертелось у него в голове.

Грей сжал монету в кулаке.

Просто «Е».

Уже не в первый раз за последние несколько недель Грей принимал видимое за желаемое. По крайней мере, в этом были убеждены многие из его коллег. Вот уже месяц как он искал подтверждения того, что его пропавший друг Монк Коккалис, возможно, жив. Но до сегодняшнего дня, даже несмотря на то что он подключил к расследованию все ресурсы «Сигмы», Грей неизменно упирался в одни только тупики.

— Ты гоняешься за призраками, — предупредил его Пейнтер Кроу после первой недели поисков.

Вполне возможно, что так оно и было.

Двери замка, стоявшего через дорогу, распахнулись, и оттуда высыпали фигуры в черном и с автоматами на изготовку.

Прибыла группа поддержки.

Они перемещались осторожно, с опаской, но в них никто не стрелял.

Бойцы дошли до того места, где лежал Грей, и выстроились вдоль него защитной фалангой. Один из мужчин опустился на колени рядом с бездомным и поставил на землю чемоданчик с набором средств для оказания первой медицинской помощи.

— Мне кажется, ему это уже не потребуется, — проговорил Грей.

Врач проверил пульс раненого и подтвердил предположение командера:

— Мертв.

Грей поднялся с земли.

Появление в дверях бокового входа Пейнтера Кроу удивило Грея сверх всякой меры. Без пиджака, с закатанными по локоть рукавами рубашки, босс вышел на улицу мрачнее тучи. Хотя Пейнтер был на десять лет старше Грея, он двигался подобно матерому мускулистому волку. Для своего эффектного появления директор Кроу выбрал момент, когда риск оказался сведен к минимуму. Или же, как и Грей, он пришел к выводу, что снайпер уже смылся.

И этот человек обречен заниматься бумажной работой? Какая несправедливость!

Пейнтер подошел к Грею. В отдалении послышалось завывание полицейских сирен.

— Я на всякий случай вызвал местную полицию, — сообщил Кроу.

— Поздновато, — откликнулся Грей.

— Возможно. Но пусть баллистики определят, откуда стреляли. За тобой был хвост?

Грей мотнул головой.

— Если и был, я его не заметил.

Пейнтер Кроу цепким взглядом осматривал Эспланаду. Кто мог напасть на Грея, да еще буквально на пороге их штаб-квартиры? Ясно одно: это предупреждение. Но против чего? Грей не был задействован в операциях «Сигмы» с того момента, когда он выполнил свое последнее задание в Камбодже.

— Мы уже взяли под защиту твоих родителей, — сказал Пейнтер. — Так, на всякий случай.

Грей благодарно кивнул, хотя и понимал, что ни отцу, ни матери это не понравится. Они только-только пришли в себя после жестокого похищения, произошедшего два месяца назад.

Однако теперь, когда непосредственная угроза миновала, Грей сосредоточился на том, кто пытался его убить и, главное, почему. Не исключено, что покушение было связано с тем расследованием, которое он вел, но неужели его поиски пропавшего друга до такой степени подействовали кому-то на нервы?

Несмотря на то что у его ног лежал мертвец, в душе Грея вспыхнул огонек надежды.

— Директор, а что, если это убийство...

Пейнтер Кроу не дал ему договорить, предупреждающе подняв руку. Его брови сдвинулись в одну линию, глаза сузились. Он опустился на одно колено около трупа и осторожно повернул голову мертвеца, чтобы стало видно его лицо. Через несколько мгновений он сел на пятую точку. Вид у него был ошеломленный.

— В чем дело, сэр?

— Я думаю, мишенью был не ты, Грей.

Грей посмотрел на тротуар и вспомнил искры, которые выбили из асфальта пущенные в него пули.

— По крайней мере, ты был не главной мишенью, — продолжал директор. — Снайпер, возможно, пытался убрать тебя как потенциального свидетеля.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я знаю этого человека. Его зовут Арчибальд Полк. Он — профессор кафедры неврологии Массачусетского технологического института.

Грей скептически взглянул на желтушное тело, спутанную бороду, грязное лицо. Но директор, похоже, не шутил. Если его слова были правдой, этот бедолага в последнее время переживал не самые лучшие времена.

— Каким образом он опустился до такого безобразного состояния?

Пейнтер встал и покачал головой.

— Не знаю. Мы с ним не общались уже лет десять. Но главный вопрос — зачем кому-то понадобилось его убивать?

Грей посмотрел на труп, и его вновь охватили сомнения. Если Пейнтер прав и он не являлся главной мишенью снайпера, получалось, что покушение никак не связано с расследованием.

Внутри его вновь закипела ярость.

Какого черта! Этот человек умер на его руках!

— Он, наверное, шел сюда, — проговорил Пейнтер, взглянув на здание Смитсоновского замка. — Шел ко мне. Вот только зачем?

Грей разжал кулак. На его окровавленной ладони лежала странная монета.

— Может, чтобы отдать вам это?

14 часов 02 минуты

Не обращая внимания на надрывающиеся сирены, пожилой мужчина в пыльном сером костюме медленно брел по Пенсильвания-авеню. В одной руке он держал потертый дорожный саквояж, второй сжимал руку девочки. На малышке девяти лет от роду было надето платье, по неприглядности сравнимое с нарядом ее опекуна. Ее темные волосы были стянуты сзади красной лентой, обнажая бледное лицо; туфельки, начищенные до блеска, перепачканы засохшей грязью с игровой площадки, с которой девочку только что забрали.

— Папа, ты нашел своего друга? — спросила она по-русски.

Он сжал ее ладошку в своей руке и устало ответил:

— Да, солнышко. Только помни: здесь мы должны говорить по-английски.

Девочка не отставала.

— Он был рад тебя увидеть? — спросила она.

Мужчина вспомнил, как через оптический прицел снайперской винтовки увидел завалившееся тело.

— Рад, да еще как! Для него это было сюрпризом.

— Это уж точно. Значит, теперь мы можем вернуться домой? Марта, наверное, очень скучает без меня.

— Да, скоро мы будем дома.

— Как скоро? — раздраженно спросила она и почесала ухо.

В том месте, где она раздвинула волосы, промелькнул блеск железа.

Он опустил руку девочки и пригладил ее волосы над ухом.

— Нужно сделать еще кое-что, а потом поедem домой.

Они приближались к Десятой улице. Справа от них возвышалось здание, выстроенное из бетонных блоков, — безобразная коробка, которую кто-то безуспешно попытался украсить флагами.

Мужчина направился к входу. Он дошел до того места, куда направлялся.

До здания Федерального бюро расследований. ФБР.

15 часов 46 минут

В шкафчике спортзала, где Грей оставил свою одежду, зажужжал сотовый телефон. Поскальзываясь на мокром полу, он побежал к нему.

Незадолго до этого, подробно рассказав директору Кроу о случившемся, Грей, чтобы разрядиться, спустился на тот этаж подземного бункера «Сигмы», где располагался спортзал, и в течение двух часов истязал себя спортивными упражнениями, дважды приняв душ. Это помогло ему сбросить напряжение. Но не до конца. Он был обязан найти ответы, связанные с убийством.

Добежав до своего шкафчика, он открыл дверцу и взял сотовый телефон «Блэк Берри», лежавший на полу. Наверняка звонил директор Кроу. Как только его палец приблизился к

клавишам телефона, звонок умолк. Он опоздал. Грей просмотрел список звонивших. Это был не Пейнтер Кроу.

На дисплее телефона значилось: Р. Трипол.

А Грей о нем почти забыл!

Капитан Рон Трипол, из разведки Военно-морских сил США.

Капитан возглавлял спасательную операцию в районе индонезийского острова Пусат. Согласно официальной версии, ему был отдан приказ поднять на поверхность затонувшее судно «Владычица морей». В распоряжении Трипола имелись два батискафа, которые вели поиск утонувшего судна и обеспечивали охрану периметра.

Но у Грея во всей этой истории была личная заинтересованность.

Остров Пусат был именно тем местом, где в последний раз видели его друга и напарника Монка Коккалиса. Капитан Трипол обещал найти тело Монка. Он был близким другом и бывшим коллегой вдовы Монка, Кэт Брайент. Этим утром Грей уже успел съездить в НЦМР, Национальный центр морской разведки в городе Сьютленд, что в штате Мэриленд, надеясь получить хоть какую-то информацию о своем пропавшем друге. Там его послали подальше и велели ждать окончания официального расследования. Именно по этой причине он сейчас бушевал, требуя, чтобы директор Кроу надавил на командование ВМС.

Взбешенный оттого, что его так грубо отфутболили, Грей нажал на кнопку обратного вызова и поднес трубку телефона к уху. Дожидаясь соединения с НЦМР, он уселся на скамейку и стал смотреть на шкафчик, что стоял напротив. На его дверце была наклеена широкая липкая лента, а на ней черным фломастером написано имя прежнего хозяина.

КОККАЛИС.

Хотя ни у кого не оставалось сомнений в том, что Монк мертв, ни у кого при этом не хватало духу сорвать надпись. В душе каждого продолжала теплиться надежда. У всех, кроме Грея.

У него был долг перед Коккалисом.

Монк взобрался по карьерной лестнице «Сигмы» раньше Грея. Его взяли на работу в «Сигму» из «зеленых беретов», аккуратно когда Грея выпустили из Ливенуортской тюрьмы. Он отсиживал срок за то, что набил морду вышестоящему офицеру, когда служил в военно-диверсионных войсках. Монк и Грей быстро подружились, хотя и выглядели друг рядом с другом странной парочкой. Ростом Монк был всего метр шестьдесят, с наголо выбритой головой. Квадратным телосложением он чем-то напоминал питбуля, являя собой странный и немного забавный контраст с высоким и стройным Греем. Но подлинная разница между ними лежала значительно глубже, нежели просто во внешних отличиях. Легкомысленная, беззаботная манера поведения Монка время от времени бесила Грея с его стальным бескомпромиссным характером, и, если бы не возникшая между ними дружба, он просто ушел бы из «Сигмы», как в свое время ушел из рейнджеров.

В ожидании ответа Грей вспоминал своего бывшего напарника. За годы совместной службы им довелось бок о бок участвовать в бесчисленных передрягах. Напоминанием об этом являлись многие шрамы от пулевых ранений, оставшиеся на теле Монка. Во время выполнения одной операции Монк даже потерял кисть левой руки, вместо которой у него теперь был протез. В ушах Грея до сих пор звучал лающий, громогласный смех Монка... и его напряженный голос, когда он был серьезен. Коэффициент умственного развития этого лысого коротышки приближался к уровню гениальности, он имел ученые степени в судебной медицине и естественных науках.

Как мог пропасть столь опытный и подготовленный профессионал? Причем пропасть без следа?

Наконец телефон ожил, и в трубке прозвучал резкий голос:

— Капитан Рон Трипол.

— Капитан, это Грей Пирс.

— А, командер! Хорошо, что вы позвонили. Я сам собирался связаться с вами сегодня днем. К сожалению, у меня совсем мало времени до следующей встречи.

По тону собеседника Грей уже почувствовал, что сейчас услышит что-то очень неприятное.

— В чем дело, капитан?

— Перейду сразу к сути дела. Я получил приказ прекратить поиски.

— Что-о?

— Нам удалось поднять из воды двадцать два тела. Стоματοлогическая идентификация показывает, что ни одно из них не принадлежит вашему человеку.

— Всего двадцать два?

Даже по самым скромным подсчетам это была лишь малая часть погибших.

— Я все понимаю, командер, но поиски тел и без того были затруднены огромными глубинами и давлением. Все дно лагуны изрезано пещерами и утыкано лавовыми трубками, которые в некоторых местах тянутся на мили, представляя собой настоящий лабиринт.

— И все же с вашим оборудованием...

— Коммандер, — капитан говорил твердым, непререкаемым тоном, — два дня назад мы потеряли аквалангиста, хорошего человека, у которого осталась жена и двое детей.

Грей закрыл глаза, лишь на секунду представив боль от подобной утраты.

— Обыскивать подводные пещеры означает рисковать жизнями других людей. А для чего?

Грей ничего не ответил.

— Коммандер Пирс, я полагаю, вы больше не получали никаких известий? Никаких новых загадочных сообщений?

Грей вздохнул.

Чтобы уговорить капитана помочь, он сослался на одно сообщение, которое получил... или, возможно, получил. Это случилось уже через несколько недель после исчезновения Монка. Что бы ни произошло там, на острове, единственной частью его друга, которую удалось найти, был протез его левой руки — настоящий шедевр биотехнологии, созданный инженерами УППОНИР, со встроенным беспроводным радионин-

терфейсом. Когда эту руку везли на кладбище, чтобы, за неимением остального, предать ее земле, пальцы протеза стали слабо выбивать сигнал SOS. Это продолжалось всего несколько секунд и было замечено одним только Греем. Изучив протез, техники решили, что это был всего лишь остаточный сбой сложного устройства, то, что компьютерщики называют глюком. Компьютерная система показала, что никаких команд протезу не поступало. Это был всего лишь сбой, и больше ничего. Электрический призрак, блуждавший в машине.

Но тем не менее Грей отказывался сдаваться, хотя проходила неделя за неделей.

— Коммандер...

Трипол ожидал ответа.

— Нет, капитан, — мрачно признался Грей, — больше ничего такого не было.

Трипол помолчал, а потом заговорил более медленно:

— В таком случае, коммандер, возможно, следует поставить на этом точку. Так будет лучше для всех. — Его голос смягчился. — А что с Кэт, женой вашего напарника? Как она переносит все это?

Это было самое болезненное, и Грею было мучительно сообщать Кэт о случившемся. Но разве мог он этого не сделать? Монк был ее мужем, они растили маленькую дочь Пенелопу. И все же, может, он поторопился? Кэт выслушала рассказ Грея stoически. Прямая, как струна, она стояла в черном траурном платье, и только глаза выдавали ее горе. Она понимала: надежда когда-нибудь вновь увидеть мужа слаба, почти прозрачна. Кэт взглянула на Пенелопу, сидевшую в салоне черного лимузина, а затем вновь перевела взгляд на Грея. Она не произнесла ни слова, лишь покачала головой. Она не хотела цепляться за эту соломинку надежды, понимая, что, если та подведет, она не сможет пережить потерю Монка во второй раз. Это уничтожит ее, а она сейчас была и без того раздавлена. Кроме того, Кэт должна была заботиться о Пенелопе. Дочь была единственным кусочком Монка, оставшимся у нее, человечком из плоти и крови, а не каким-то фантомом.

Грей все это понял и продолжил расследование уже на свой страх и риск. С того дня они с Кэт больше не разговаривали. Это было чем-то вроде молчаливого пакта. Она не хотела слышать от него никаких новостей до тех пор, пока дело не разрешится — в ту или иную сторону. Правда, несколько вечеров с Кэт и ее крошкой провела мать Грея. Она ничего не знала про SOS, но чувствовала, что с Кэт что-то не так.

«Ее будто что-то преследует» — так она сформулировала это.

Грей знал, что преследует Кэт.

Несмотря на решение, принятое ею в тот день, она все же ухватила за тонкую ниточку надежды. То, что оттолкнуло ее разум, отказывалось отпустить сердце, и это мучило ее.

Ради блага Кэт, ради семьи Монка Грей должен примириться с жестокой реальностью.

— Благодарю вас, капитан, за все, что вы сделали, — наконец пробормотал он.

— Это вы сделали для него все, что могли, знайте это. Но наступает момент, когда нужно двигаться дальше.

Грей прочистил горло.

— И примите мои соболезнования в связи с гибелью вашего человека.

— А вы — мои.

Связь разъединилась. Грей долго стоял в молчании, а затем подошел к шкафчику напротив и положил ладонь на его холодную металлическую поверхность. Холодную, как могила.

«Мне так жаль...»

Он ухватился за краешек липкой ленты и сорвал ее.

Хватит гоняться за призраками.

«Прощай, Монк».

16 часов 02 минуты

Пейнтер, словно играя с монетой, поставил ее ребром на поверхность письменного стола и щелкнул по ней ногтем. Монета завертелась волчком, а он, глядя на ее серебряный блеск,

размышлял о заключенной в ней тайне. Монету вернули из лаборатории полчаса назад вместе с детальным отчетом о результатах исследований, который Пейнтер Кроу внимательно прочитал. Было проведено тщательное лазерное исследование на предмет обнаружения отпечатков пальцев, ее металлическую поверхность и более поздние наслоения подвергли анализу с помощью спектрометра, чтобы определить содержание в ней конкретных металлов. Были также сделаны многочисленные фотографии, в том числе и при помощи стереомикроскопа.

Вращение монеты стало замедляться, а затем она и вовсе упала на поверхность стола из красного дерева. В лаборатории монету осторожно очистили, и древнее изображение на ее поверхности засияло.

Греческий храм, поддерживаемый шестью дорическими колоннами.

В центре храма красовалась большая буква.

Е

Греческая буква «эпсилон».

На обратной стороне было выбито погрудное изображение женщины, а под ним — слова: DIVA FAUSTINA. По крайней мере, теперь, после отчета экспертов, происхождение монеты больше не являлось тайной.

Но какого же...

Его размышления прервал интерком, оживший на столе.

— Директор Кроу, прибыл командер Пирс.

— Очень хорошо, Brent, пусть войдет.

Пейнтер пододвинул отчет ближе к себе, и в тот же момент дверь распахнулась. Вошел Грей. Его черные волосы были мокрыми и расчесанными. Он сменил свою запачканную кровью одежду, и теперь на нем была зеленая рубашка с вышитым на левой стороне груди словом «АРМИЯ», черные джинсы и ботинки. Пейнтер сразу заметил, как мрачно лицо его подчиненного и насколько печален взгляд его синих глаз. О причине этих перемен было несложно догадаться. Пейнтер

уже слышал о случившемся от своих знакомых в военно-морской разведке.

Он жестом пригласил Грея присесть.

Как только командер сел, он сразу заметил лежащую на столе монету, и в его взгляде вспыхнул интерес.

Это хорошо.

Пейнтер пододвинул монету к Грею.

— Командер, я не забыл, что вы просили разрешения отсутствовать на службе в течение неопределенного времени, — заговорил он официальным тоном, — но сейчас мне хотелось бы попросить вас заняться расследованием этого дела.

Грей даже не протянул руки, чтобы взять монету.

— Можно мне сначала задать вам вопрос, сэр?

Пейнтер кивнул.

— Тот убитый, профессор...

— Арчибальд Полк.

— Вы говорили, что он, должно быть, направлялся сюда, чтобы повидаться с вами.

Пейнтер снова кивнул. Он уже догадывался, почему Грей задает эти вопросы.

— Значит, профессор Полк был знаком с «Сигмой»? Несмотря на строжайший режим секретности, в условиях которой мы существуем и работаем, он знал о нашей организации?

— Да, в некотором смысле.

Брови Грея сошлись в одну линию.

— В каком именно?

— Арчибальд Полк придумал «Сигму».

Удивление, отразившееся на лице подчиненного, порадовало Пейнтера. Грею была необходима встряска. Тот выпрямился на стуле, намереваясь что-то сказать, но директор предупреждающим жестом поднял руку.

— Я ответил на твой вопрос, Грей. Теперь ты ответь на мой. Возьмешься ли ты за расследование этого дела?

— После того как профессора застрелили прямо у меня на глазах, мне хочется получить ответы не меньше, чем всем остальным.

— А что с твоими, гм, внеслужебными делами?

Лицо Грея на мгновение исказила мучительная гримаса. Его черты окаменели, как будто что-то внутри его болезненно сжалось.

— Полагаю, вы уже обо всем слышали, сэр.

— Да, флотские свернули поиски.

Грей тяжело вздохнул.

— Я попробовал все, что мог, но безуспешно. Больше я ничего не могу сделать и признаю это.

— По-твоему, Монк еще жив?

— Я... Я не знаю.

— И сможешь жить с этим?

Грей не мигая встретил его взгляд.

— Я обязан.

Пейнтер удовлетворенно кивнул.

— Тогда давай поговорим о монете.

Грей протянул руку и взял монету со стола. Покрутив ее в пальцах, он внимательно изучил недавно очищенные поверхности серебряного кружка.

— Удалось ли вам что-нибудь выяснить о ней?

— Немного. Римская монета, отчеканенная во втором веке. Обрати внимание на портрет женщины, выбитый на обратной стороне. Это Фаустина Старшая, жена императора Антонина Пия. Она покровительствовала детям-сиротам и занималась благотворительностью в отношении нуждающихся женщин. Она также восхищалась сестринским обществом сивилл, женщин-прорицательниц из храма в Греции.

Пейнтер жестом предложил Грею перевернуть монету.

— На другой стороне — изображение того самого храма. Храма в Дельфах.

— Как в книге «Оракул из Дельф»? О женщинах-прорицателях?

— Совершенно верно.

Отчет на столе Пейнтера включал в себя и короткую историческую справку об оракуле. В ней подробно рассказывалось о том, как эти женщины вдыхали галлюциногенные ис-

парения, после чего отвечали страждущим на вопросы об их будущем. Но эти пророчества представляли собой нечто гораздо большее, нежели обычное гадание, поэтому те женщины оказывали значительное влияние на Древний мир.

— На протяжении тысячелетия пророчества оракула помогли обрести свободу тысячам рабов, посеять зерна западной демократии и возвысить святость человеческой жизни. Существует даже мнение, что их слова сыграли решающую роль в том, что Греция вырвалась из мрака варварства и стала развиваться в направлении современной цивилизации.

— А что тут делает большая «Е», выгравированная в центре храма? — спросил Грей. — Насколько я понимаю, это греческая буква «эпсилон»?

— Да, и она тоже из храма оракула. Там еще были загадочные надписи: «Gnothi seauton», что переводится как...

— Познай себя, — закончил за него Грей.

Пейнтер кивнул. Как это он забыл, что Грей был отлично подкован во всем, что связано с философскими течениями Античности? Когда Пейнтер — прямо в Ливенуортской тюрьме — завербовал его для работы в «Сигме», тот занимался углубленным изучением химии и даосизма. Именно эта уникальность ума Грея Пирса и привлекла с самого начала внимание Пейнтера Кроу. Однако за столь выдающиеся способности приходилось платить. У Грея эта цена заключалась в замкнутости и неприязни к работе в команде, что он в очередной раз наглядно продемонстрировал на протяжении последних недель. Поэтому Пейнтеру было приятно видеть, что этот человек наконец вернулся к реальности и сосредоточился на насущных делах.

— Изображение загадочной буквы «Е», — Пейнтер кивнул на монету, — располагалось на фронте храма.

— Но что она означает?

Пейнтер пожал плечами.

— Этого не знает никто, даже сами греки. Несколько вариантов объяснения предложил древнегреческий ученый Плу-

тарх, посвятивший этой теме отдельный труд, общий смысл которого сводился к тому, что буква «Е» имела очень большое значение. Некоторые современные ученые предполагают, что первоначально там было две буквы: «G» и «Е», являвшиеся древним символом Геи, богини, олицетворяющей землю. Ведь изначально оракул принадлежал Гее.

— Не пойму одного: если значение символа столь таинственно, зачем выбивать его на монете?

Пейнтер подвинул ему отчет экспертов.

— Дополнительные детали ты сможешь узнать из этого документа. Со временем «Е» оракула стала символом культа пророчества. На протяжении веков живописцы изображали ее на своих полотнах. К примеру, на картине Никола Пуссена она изображена над головой Христа, который вручает апостолу Петру ключ от врат рая. Этот символ предположительно обозначает поворотные моменты в истории человечества, происходящие благодаря отдельным людям, будь то Дельфийский оракул или Иисус из Назарета.

Грей, не прикоснувшись к бумагам, покачал головой.

— Однако какое отношение все это имеет к мертвецу? — Он взял со стола серебряную монету. — Или, может быть, ее ценность столь велика, что из-за нее стоит убить человека?

— Нет, — мотнул головой Пейнтер, — эта монета не особенно ценна.

— Так какого же...

Грея прервал интерком.

— Директор Кроу, — послышался из него голос помощника Пейнтера, — извините, что прерываю вашу беседу...

— В чем дело, Брент?

— Поступил срочный звонок от доктора Дженнингса из патологоанатомической лаборатории. Он настаивает на немедленной телеконференции.

— Хорошо. Выведи изображение на первый монитор.

Грей поднялся, готовый уйти, но Пейнтер жестом велел ему сесть и развернулся в кресле к мониторам. В его кабинете,

расположенном глубоко под землей, не было окон, но зато в нем имелись три больших плазменных экрана, установленных на стене. Его личные окна в мир. Только что они были темными, но вот тот, что располагался слева, вспыхнул.

Взглядам двух мужчин предстало изображение патолого-анатомической лаборатории. На переднем плане стоял доктор Малкольм Дженнингс. Шестидесятилетний руководитель управления исследований и разработок «Сигмы» был облачен в хирургический халат, прозрачное пластиковое забрало для защиты лица было сдвинуто на макушку. Позади него располагалось одно из помещений лаборатории: бетонные полы, ряды электронных измерительных приборов, а посередине, на столе, покоилось тело, стыдливо укрытое простыней.

Профессор Арчибальд Полк.

Потребовалось сделать несколько звонков в высокие инстанции, чтобы покойника отвезли не в городской морг, а в лабораторию «Сигмы». Однако Малкольм Дженнингс считался весьма авторитетным судмедэкспертом, поэтому в итоге им все же удалось заполучить тело.

По мрачному выражению на лице ученого сразу стало понятно, что возникли какие-то проблемы.

— В чем дело, Малкольм?

— Я вынужден объявить в лаборатории карантин.

Это заявление Пейнтеру не понравилось.

— Угроза заражения? — спросил он.

— Заражения — нет, но угроза определенно есть. Позвольте показать вам кое-что.

Дженнингс вышел из кадра, но они продолжали слышать его голос:

— Подозрения возникли у меня уже после первичного осмотра тела. Выпадение волос, разрушение зубной эмали, ожоги на коже... Если бы этого человека не застрелили, готов побиться об заклад, он и так умер бы в ближайшие дни.

— О чем ты толкуешь, Малкольм? — удивленно спросил Пейнтер.

Тот, видимо, не услышал вопроса. Патологоанатом вновь появился на экране, но теперь на нем был тяжелый и плотный фартук, а в руках он держал прибор с торчавшим из него черным щупом.

Грей встал и подошел поближе к монитору.

Доктор Дженнингс поводил щупом над телом мертвеца. Прибор в его руке отчаянно заверещал. Патологоанатом повернулся к камере.

— Тело радиоактивно.

2

*5 сентября, 17 часов 25 минут
Вашингтон, округ Колумбия*

Оказавшись вновь под палящим солнцем, Грей двинулся по тротуару мимо Смитсоновского замка. Слева от него тянулась Эспланада, безлюдная из-за жары.

Позади Грея желтая полицейская лента отмечала место, где вскоре после полудня было совершено убийство. Группа криминалистов закончила работу, но место преступления все еще было перекрыто и находилось под неусыпным надзором поставленного здесь офицера вашингтонской полиции.

Грей шел на восток по Джефферсон-драйв. За ним тенью следовал здоровенный телохранитель, которого он изо всех сил пытался не замечать. Он не просил приставлять к нему охрану, и уж тем более этого бугая.

Грей прикоснулся к микрофону, укрепленному у горла, и проговорил:

— Я обнаружил след.

В ответ беспроводной наушник в его ухе разразился шипением.

Грей поправил его и сказал шепотом:

— Повторите, я не расслышал.

— Ты можешь идти по этому следу? — спросил Пейнтер Кроу.

— Да, но не знаю, как долго. Сигнал очень слабый.

Грей сам предложил этот план действий. Он посмотрел на прибор, который держал в руке, портативный дозиметр «Гамма-скаут». Вмонтированный в него счетчик Гейгера — Мюл-

лера (трубка, заполненная галогеном) был достаточно чувствительным, чтобы улавливать даже слабое радиоактивное излучение, особенно будучи настроенным на изотопы стронция-90, обнаруженные в теле Полка. Грей предполагал, что профессор оставил за собой радиоактивный след, по которому можно восстановить его маршрут, и, похоже, не ошибся.

— Сделай все, что в твоих силах, Грей. Любая информация о том, где находился в последние дни профессор, может иметь решающее значение. Я уже пытался связаться с его дочерью, но не смог до нее дозвониться.

— Я буду идти по следу столько, сколько смогу. — Грей вздохнул. Он продолжал двигаться по тротуару вдоль Эспланады, то и дело поглядывая на прибор. — Если что-то обнаружу, тут же сообщу.

Однако после того, как он прошел еще полквартала, сигнал неожиданно пропал. Выругавшись, Грей остановился, попытался и наткнулся на телохранителя, неотступно следовавшего за ним.

— Черт побери, Пирс! — прорычал тот. — Я только что начистил ботинки!

Грей оглянулся через плечо на гору мускулов, возвышавшуюся позади него. Джо Ковальски, бывший морской пехотинец, был одет в спортивную куртку и широкие штаны. И то и другое шло ему как корове седло. С коротко остриженной щеточкой черных волос и сломанным в молодости носом он больше напоминал выбритую гориллу, на которую напялили мятую одежду.

Ковальски нагнулся и вытер испачканный ботинок полкой своей куртки.

— Это же «Чукка»! Я отдал за них три сотни баксов. Они специально для игры в поло, со швом «елочкой» и сделаны в Англии. Их шили мне по спецзаказу.

Вздернув брови, Грей оторвал глаза от дозиметра и посмотрел на гориллу в штанах.

Ковальски, видимо, понял, что болтает слишком много и не то, сконфузился и стал оправдываться:

— Ну ладно, просто я люблю обувь. Ну и что? На сегодня у меня было назначено свидание, но... она отказалась.

«Умная девушка», — подумал Грей, но вслух произнес:

— Очень жаль.

— Да ладно. Хорошо хоть шов не разошелся, — сказал Ковальски.

— Я имел в виду, жаль, что девица тебя продинамила.

— А-а, это? — Ковальски передернул плечами. — Ей же хуже.

Грей не стал спорить. Он снова сосредоточил внимание на показаниях прибора и медленно повернулся вокруг своей оси. Сделав шаг вправо, он опять поймал радиоактивный «запах». Тот уходил прочь от тротуара и вел через поросшие травой лужайки Эспланады.

— Сюда.

След профессора провел их мимо расположенных на Эспланаде Музея и сада скульптур Хишхорна. Повторяя путь Полка, Грей пересек тенистый, утопающий в зелени оазис и вышел из него. За садом след Полка продолжал тянуться поперек Эспланады, вдоль палаток и ларьков, оставшихся после празднования Дня труда. Их еще не успели разобрать до конца.

Грей оглянулся и мысленно проследил путь, проделанный профессором.

— Он пытался держаться в тени, подальше от посторонних глаз.

— А может, парню было просто жарко, — предположил Ковальски, вытерев взмокшие брови.

Грей огляделся. К западу статуя Вашингтона гигантским пальцем указывала прямо на раскаленное солнце, к востоку возвышался купол Капитолия США.

Грею нужно было получить ответы, поэтому он продолжил свой путь. По мере того как он шел через Эспланadu, показатели на цифровом дисплее «Гамма-скаута» постепенно уменьшались. С каждым шагом прибор фиксировал все меньший объем миллирем.

Дойдя до дальней оконечности Эспланады, Грей торопливо пересек Мэдисон-драйв. Он вновь поймал след, когда вошел в следующий парк. Приближаясь к тенистой купе краснолистных кизиловых деревьев и индийской сирени, он увидел, что показатели вновь стали расти. Возле клумбы невысоких — по колено — кустов гортензии стояла скамейка. Грей подошел к ней. В этом безлюдном месте количество миллирем подпрыгнуло.

Полк здесь кого-то ждал? Именно этим мог объясняться внезапно усилившийся радиационный след.

Грей отвел в сторону усыпанную цветами ветку сирени, и его взгляду предстала вся Эспланада, включая пространство перед Смитсоновским замком. Может, профессор ждал здесь того момента, когда, по его мнению, ему ничего не будет грозить? Грей прищурился от слепящего солнечного света. Он вспомнил диагноз Малкольма, то, насколько исхудавшим и ослабевшим был Полк. Он явно находился при последнем издыхании, а отчаяние и вовсе лишило его сил.

Почему?

Грей уже собрался идти дальше, но тут за его спиной Ковальски прочистил глотку. Грей обернулся. Гигант сидел на корточках, снова полируя свой злосчастный ботинок, но вторая его рука была засунута под скамейку.

— Взгляните-ка на это, — произнес он и протянул Грею какой-то предмет.

Это был маленький бинокль.

Грей поднес к нему дозиметр, и показатели радиации сразу же подпрыгнули.

— А штучка-то горячая, — проговорил он.

Ковальски поспешно перехватил бинокль за ремешок и стал совать его Грею.

— Нате, возьмите! Да скорее же!

Грей взял бинокль. Страхи его спутника были беспочвенными. Если бинокль и был радиоактивен, то уровень его радиационного фона был лишь немногим выше естественного.

Повернувшись, Грей поднес бинокль к глазам и посмотрел на Смитсоновский замок. Здание выросло в размерах. Он увидел фигуру человека, идущего вдоль фасада, и даже черты его лица были ясно различимы. Грей вспомнил, с какой поспешностью Полк направлялся к нему. Тогда он списал это на обычное нетерпение попрошайки поскорее получить милостыню, но теперь начинал думать, что Полк узнал его. Может, им двигало не отчаяние? Может, он заметил Грея, пересекающего Эспланаду, и выбрался из своего укрытия специально, чтобы перехватить его?

Грей опустил бинокль и положил его в освинцованную сумку, висевшую у пояса.

— Пошли, — бросил он своему спутнику.

Выйдя из кущи деревьев, он двинулся на восток по тропинке, тянувшейся вдоль Мэдисон-драйв. Через некоторое время тропинка привела их к ступеням. Грей задрал голову и увидел, что они оказались перед входом в один из самых знаменитых музеев Эспланады — Национальный музей естественной истории. Здесь была выставлена богатая коллекция экспонатов из всех уголков света и представлявших интерес для самых разных отраслей знаний: экологии, геологии, археологии, от крохотных окаменелостей до гигантского скелета тираннозавра.

Грей вытянул шею. Купол музея возвышался над портиком, который поддерживали шесть огромных коринфских колонн. Разглядывая это грандиозное сооружение, Грей вдруг изумился тому, насколько фасад музея похож на греческий храм, изображенный на монете профессора.

«А нет ли тут какой-то связи?» — пронеслось в его мозгу.

Прежде чем идти дальше по следу, который явно вел в здание, он решил отчитаться перед начальством. Отойдя в сторонку, Грей оперся локтями о каменную балюстраду и включил свою компактную рацию. Директор Кроу ответил немедленно.

— Ты что-нибудь обнаружил? — спросил он.

Грей заговорил едва слышным шепотом:

— Похоже, след профессора ведет в Смитсоновский музей естественной истории.

— В музей?

— Я продолжу поиск внутри. Только сначала скажите, был ли он как-то связан с этим учреждением?

— Мне об этом ничего не известно. Но на всякий случай я спрошу у наших бывших коллег.

Грей вспомнил ту часть разговора с директором, когда Пейнтер отрывочно упомянул о прошлом профессора Полка.

— И еще одно, директор Кроу. Вы мне кое-что не объяснили.

— Что именно, командер?

— Вы сказали, что профессор Полк придумал «Сигму». Что вы имели в виду?

Немного помолчав, Пейнтер заговорил:

— Грей, что тебе известно об организации под названием «Ясоны»?

Вопрос застал Пирса врасплох, и он даже не нашелся, что ответить, кроме невнятного:

— Простите, сэр?

— «Ясоны» — это мозговой центр, сформированный в годы холодной войны. В него входили лучшие специалисты во многих областях знаний и даже ряд лауреатов Нобелевской премии. Они собрались вместе, чтобы консультировать военную элиту относительно различных технологических проектов.

— Профессор Полк тоже входил в их число?

— Да, входил. В течение многих лет «Ясоны» встречались каждое лето и устраивали мозговые атаки, рассматривая то или иное новшество. А отвечая на твой вопрос, могу сказать следующее. На одном из таких заседаний Арчибальд Полк предложил создать военизированную группу исследователей, которые работали бы на УППОНИР и выступали в качестве оперативных агентов управления.

— И таким образом родилась «Сигма»?

— Совершенно верно. Но я не думаю, что это каким-то образом связано с его убийством. Полк уже много лет не имеет никакого отношения к «Ясонам».

Грей посмотрел на возвышающийся над ним фасад в греческом стиле.

— Может, здесь работал кто-то из его коллег-«Ясонов»? Может, именно поэтому он сюда и пришел?

— Хорошая версия. Я проверю ее, но на это потребуется время. В последние годы организация становилась все более засекреченной. Работая над различными проектами, одни «Ясоны» даже не знают, чем заняты другие. Но я позвоню кому надо.

— А я пойду дальше по этому следу. — Грей вздохнул и махнул рукой Ковальски: — Идем внутрь.

— Самое время убраться с этого проклятого солнца.

Тут было не поспорить. Войдя в двери, он сразу оценил благодатную тень и прохладу кондиционированного воздуха. Вход в музей был свободным. Грей показал глянцевою черную служебную карточку направившемуся к ним охраннику с металлодетектором. Тот махнул рукой, позволяя им пройти без осмотра.

Войдя в главную ротонду, Грей был поражен ее размерами. Зал восьмиугольной формы имел три яруса, каждый из которых поддерживали колонны, а последний переходил в куполообразный черепичный свод. Солнечный свет попадал в зал сквозь ряд окон, расположенных под куполом.

В центре зала находился один из талисманов музея — чучело восьмитонного африканского слона. Он стоял с поднятым хоботом и изогнутыми бивнями на лужайке из сухой травы. След Полка вел вокруг слона по направлению к лестнице для посетителей. Двигаясь по нему, Грей заметил плакат, укрепленный на стене в левой части зала. Он сообщал об открытии в следующем месяце новой экспозиции. На плакате также была изображена отражающаяся в круглом щите голова Медузы с волосами в виде извивающихся змей. Глядя на плакат, Грей

замедлил шаг. Когда он прочитал название грядущей экспозиции, перед его внутренним взглядом возникла монета Полка, и он понял, что находится на верном пути.

ЗАБЫТЫЕ ЗАГАДКИ ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

18 часов 32 минуты

В полутемной комнате двое мужчин смотрели через зеркальное одностороннее стекло на детскую комнату, находившуюся по другую его сторону. Они устроились в кожаных креслах с высокими спинками. Позади них располагались четыре пластмассовых сиденья, подобные тем, что устанавливают на стадионах, но они сейчас пустовали. Это была сугубо личная встреча.

Соседняя комната, располагавшаяся за стеклом, была ярко освещена, а стены в ней окрашены в белый с небольшим добавлением голубого — цвета, который, по мнению медиков, способствует спокойному, созерцательному настроению. В комнате находилась кровать со стеганым одеялом в цветочек и детский столик.

Старший из двоих сидел прямой как палка. Рядом с его креслом стоял потрепанный саквояж с разобранной СВД — снайперской винтовкой Драгунова. Второй, пятидесятилетний мужчина, был на двадцать лет моложе своего русского компаньона. Он ссутулился в своем идеально отглаженном костюме. Его взгляд был прикован к девочке, стоявшей перед пластмассовым пюпитром и копавшейся в коробке с толстыми цветными фломастерами. Последние тридцать минут она провела, рисуя зеленым фломастером большой прямоугольник на прикрепленном к пюпитру листе ватмана. Девочка с гипнотизирующей методичностью водила фломастером вперед и назад.

— Доктор Раев, — заговорил тот, что помоложе, — мне не хочется повторять одно и то же, но вы действительно уверены в том, что у профессора Полка не было при себе нужного нам предмета?

Доктор Юрий Раев вздохнул.

— Я потратил на этот проект всю свою жизнь. — «И свою душу», — добавил он про себя. — Я не позволю кому бы то ни было пустить все под откос, когда мы уже так близко.

— Тогда где же он? Мы перевернули все вверх дном в том дешевом мотеле, где Полк провел последнюю ночь, — и ничего. Если это окажется в недружественных руках, возникнет слишком много вопросов.

Юрий взглянул на мужчину в соседнем кресле. Джон Мэплторп, начальник управления Агентства военной разведки США, являлся обладателем длинного лица, провисшей под подбородком кожи и мешков под глазами, как если бы он был сделан из свечного воска и его слишком долго держали на солнце. Даже краска для волос, которую он использовал, была слишком темной, отчего и человеку несведущему сразу становилось ясно, что этот оплывший тип отчаянно старается выглядеть моложе. Юрий не имел права осуждать того, кто в пожилом возрасте пытается молодиться. Его собственная кожа тоже давно обвисла, но мышцы под ней, как в прежние времена, оставались крепкими, реакция — молниеносной, тело — ловким. Поддерживать столь великолепную форму ему помогали не только инъекции андрогенов, гормонов роста и физические упражнения, которыми он доводил себя до изнеможения, но и то, что Раев ни на минуту не прекращал бороться за то, чтобы удержать время. Но двигало им не тщеславие.

Он посмотрел в соседнюю комнату.

Нет, не тщеславие.

Мэплторп барабанил пальцами по ручке кресла.

— Мы обязаны вернуть то, что украл Полк.

— У него не было этого с собой, — заверил Юрий Мэплторпа с еще большей настойчивостью. — Предмет слишком велик, чтобы спрятать его на себе, даже под пиджаком. Хорошо еще, что мне удалось остановить его раньше, чем он успел с кем-нибудь поговорить.

— Надеюсь, вы правы. В противном случае не поздоровится всем нам. — Мэплторп вновь стал смотреть на девочку. — И она сумела выследить его? Аж из России?

Юрий кивнул, а когда он заговорил, в его голосе звучала отцовская гордость:

— С ее помощью и с помощью ее брата-близнеца нам, возможно, удалось наконец преодолеть барьер.

— Жаль только, что у нее не получается действовать быстрее, — презрительно фыркнул Мэпплторп. — У дочери моего шурина сын — аутист. Я вам об этом не рассказывал? Но он не идиот савант, поскольку даже шнурки с трудом завязывает.

— Надо говорить «аутист-савант»! — ошетинился Юрий.

Его собеседник лишь равнодушно передернул плечами.

Этот американец все сильнее раздражал Юрия. Подобно Мэпплторпу, очень немногие, даже медики, имели глубокое представление о сути аутизма. А вот Юрий знал это психическое отклонение досконально, поскольку был очень близко к ним знаком. На самом деле это был целый набор нарушений, который выражался в отсутствии контакта с окружающими, эмоциональной холодности и неадекватной реакции на происходящие вокруг события. У детей, страдающих этим недугом, отмечались тики, задержка в развитии речи, патологическая привязанность к отдельным предметам и неуместные монотонные манипуляции с ними, а часто и дисфункциональное отношение к событиям и людям.

Однако иногда это психическое нарушение творило чудеса.

В редких случаях дети-аутисты демонстрировали блестящие способности в какой-нибудь узкой сфере, как, например, математика, музыка или живопись. Таких называли савантами, и они составляли десять процентов от всех детей, страдающих аутизмом. Однако Юрия интересовали даже не они, а еще более редкие индивидуумы, получившие название «саванты-уникумы», те аутисты, талант которых находился на уровне подлинного гения. По всему миру таких можно было насчитать меньше сорока. Но даже среди этих исключительных личностей существовала горстка тех, по сравнению с которыми все остальные казались гномиками.

Все они произошли из одной генетической линии.

В мозгу Юрия вспыхнуло слово, давным-давно сказанное ему старой цыганкой. Шовихани.

Он смотрел сквозь зеркальное стекло на темноволосую девочку.

— Мы не должны допустить, чтобы хоть одна живая душа пронюхала о том, чем мы здесь занимаемся, — забормотал рядом с ним Мэпплторп. — Иначе Нюрнбергский процесс над нацистскими военными преступниками покажется нам разбором мелкого дорожно-транспортного происшествия.

Юрий не ответил. Вряд ли Мэпплторп осознавал масштаб проведенных им исследований, но Юрию приходилось иметь с ним дело, поскольку после падения Берлинской стены ему понадобились новые источники финансирования, чтобы продолжить свою работу. Целых десять лет он осторожно зондировал почву в Америке. Сначала все казалось безнадежным, но затем политический климат изменился. В результате начавшейся глобальной войны с международным терроризмом стали возникать новые альянсы, заключаться новые союзы. Бывшие враги стали друзьями. Но, что еще более важно, пали границы собственности. Пришла новая эра, а вместе с ней и новая мораль. Броское изречение «Цель оправдывает средства» обрело силу закона.

Любые средства.

При условии, если это служит всеобщему благу.

Правительство Юрия знало это всегда, а вот американцам пришлось учиться, когда суровая реальность прижала их к стене.

Юрия вывел из задумчивости Мэпплторп.

— Что она делает? — спросил американец, указывая на стекло.

Юрий встал. Саша все так же стояла у пюпитра, только теперь в ее руке был не зеленый, а черный фломастер. Ее рука летала вверх и вниз над листом ватмана, рисуя какие-то прямоугольные фигуры, в которых было невозможно угадать какой-либо конкретный образ. Сначала она рисовала в одном углу, затем — в другом.

Мэпплторп насмешливо фыркнул.

— А вы еще утверждали, что девочка обладает талантом в живописи.

— Так и есть.

Саша продолжала работать. Большой зеленый прямоугольник, который она нарисовала сначала, постепенно заполнялся черными угловатыми фигурами и зигзагами. Другую руку она держала отставленной в сторону, перпендикулярно к туловищу, которое словно одеревенело. Она как будто пыталась сохранить равновесие, сопротивляясь некоей потусторонней силе.

Наконец обе ее руки упали вдоль тела.

Она отвернулась от пюпитра, села, скрестив ноги по-турецки, и стала раскачиваться из стороны в сторону. Ее лоб покрывали мелкие капельки пота. Протянув руку, она взяла валявшийся рядом игрушечный деревянный кубик и принялась методично поворачивать его в одну и ту же сторону, будто пытаясь разгадать какую-то головоломку, видимую только ей.

Юрий перевел взгляд на ее рисунок.

Мэпплторп присоединился к нему.

— Что это такое? — спросил он. — Галиматья какая-то.

— Нет! — ответил Юрий по-русски, наверное, потому, что был встревожен, очень встревожен.

Он поторопился к двери, которая вела в соседнюю комнату. Когда он вошел в детскую, Саша, даже не взглянув на него, продолжала раскачиваться и крутить пальчиками кубик. По опыту Юрий знал, что теперь она еще некоторое время не выйдет из этого состояния.

Но о Сашином таланте ему было известно и кое-что еще.

Подойдя к пюпитру, он снял с него лист с рисунком.

— Что вы делаете? — удивился Мэпплторп.

Юрий повернул рисунок на сто восемьдесят градусов и снова прикрепил его к пюпитру. Иногда Саша рисовала вверх ногами. Это не было редкостью для аутистов-савантов. Они часто воспринимали мир совсем не так, как обычные люди. Цифры у них обладали звуками, слова — запахами.

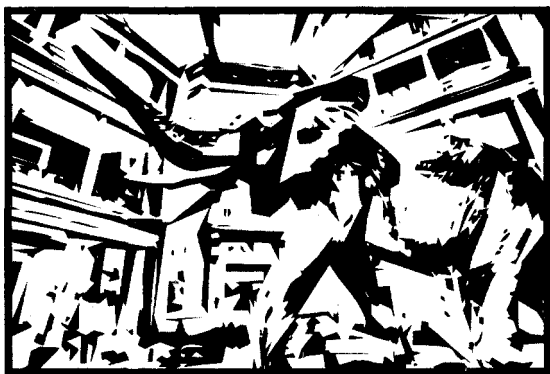
Юрий посмотрел на Сашу. Ее блестящие голубые глаза были прикованы к игрушечному кубику.

Повернувшись к Мэпплторпу, Юрий увидел изумление на его лице. Американец подошел к рисунку и, будто потеряв дар речи, стал тыкать в него пальцем. Наконец с его губ сорвались слова:

— Боже правый... Эта фигура в центре... Она похожа на слона.

Юрий посмотрел туда, куда указывал Мэпплторп, и сердце застряло у него в горле. Саша не нарисовала бы такое, если бы кто-то не подтолкнул ее к этому. Именно такие рисунки вывели его на доктора Полка. Рисунки Эспланады, Смитсоновского замка и того места, где Юрий устроил затем снайперское гнездо. Двигаться пришлось быстро, поскольку до появления Полка оставалось всего два часа. Именно два часа — таков был лимит необычайного таланта Саши.

Мэпплторп наклонился ближе к рисунку.

— Это зал, в котором стоит слон... Мне кажется, я знаю, где это. Я водил туда своего внука всего две недели назад. Это ротонда Музея естественной истории.

Юрий наморщил лоб.

— Того, который находится на Эспланаде?

И того самого, где так долго пряталась сегодня его дичь.

Мэпплторп кивнул.

Юрий посмотрел в зеркало и увидел только собственное отражение. Неужели Саша почувствовала, что они вернулись туда? И главное, почувствовала ли она глубокую тревогу Мэпплторпа относительно того, что было украдено доктором Полком?

Выяснить это можно было только одним способом.

Указав на рисунок, Юрий обратился к Мэпплторпу:

— Вам следует отправить туда своих людей. Немедленно!

18 часов 48 минут

Грей продолжал углубляться в недра музея. Из огромной ротонды с чучелом слона радиоактивный след Полка тянулся вверх по лестнице для посетителей. Ведомый им, Грей поднялся на второй этаж и двинулся дальше. Очень скоро он оказался перед дверью с табличкой, на которой значилось: «СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Грей подергал ручку, но дверь не поддавалась. Она была заперта на электронный замок, открыть который можно было только с помощью электронной карточки сотрудника музея. Грей нахмурился. Как же удалось пройти через нее Полку? Он прикоснулся к микрофону у горла и вызвал командный пункт. В тот же момент в наушнике послышался голос Пейнтера Кроу:

— Что, командер?

— Сэр, мне нужна помощь. — Он объяснил, куда привел их след, и добавил: — Я должен проникнуть внутрь.

— Подожди немного, Грей, сейчас я добавлю к кодам твоей идентификационной карточки код доступа в Смитсоновские музеи.

Воцарилась тишина. Грей представил себе, как в эту минуту директор печатает на клавиатуре своего компьютера. Рядом с ним Ковальски прислонился к стене и насвистывал сквозь зубы.

— Попробуй теперь, — наконец сказал Пейнтер.

Грей провел своей карточкой сквозь прорезь электронного устройства и услышал, как щелкнул механизм замка.

— Сработало, сэр. Я сообщу вам о том, что нам удастся найти.

Грей нырнул в открывшуюся дверь и оказался на запретной для посторонних территории музея. Здесь все было почти так же, как снаружи, разве что чуть более утилитарно: мраморные полы, за десятилетия отполированные до блеска сотнями шаркающих ног, тусклый свет флуоресцентных ламп и деревянные двери с окошками из матового стекла, на которых были протравлены слова: «Энтомология», «Зоология беспозвоночных», «Палеонтология», «Ботаника»...

След вел их по настоящему лабиринту, пока они не уткнулись в дверь без каких-либо обозначений. Тут прибор отметил повышение уровня радиоактивности. Грей поднес «Гамма-скаут» к ручке двери, и показатели резко подпрыгнули. Отступив назад, командер заметил, что след уходит дальше по коридору, упиравшемуся в небольшой цементный пятачок, на дальней стене которого располагались пять металлических подъемных ворот. Погрузочная площадка музея. Грей смотрел то вправо, то влево, пытаясь представить себе, как действовал Полк. Профессор, должно быть, проник в музей через грузовые ворота, а вышел через главный вход.

Не пытался ли он отделаться от хвоста?

Ковальски подергал дверную ручку.

— Не заперто, — сообщил он и в доказательство этого распахнул дверь настежь.

Темнота, открывшаяся перед ними, пахла пылью, сухим сеном и немного — хвоей. Грей достал из кармана фонарик и включил его. Задняя часть колоссального пространства была

заставлена стеллажами и полками. Вдоль одной стены, поставленные друг на друга, выстроились деревянные ящики с прибитыми к ним перевозочными бирками. Крышки нескольких из них были открыты, видимо, с помощью фомки, пол — усыпан упаковочной соломой и более современным пенополистиролом.

Хранилище.

Слева от двери помещался письменный стол, на котором стояли компьютер и принтер. Обычные столы, уставленные глиняной посудой и каменными обломками с орнаментом, тянулись по другую сторону. Кто-то тут производил инвентаризацию. Чуть дальше на деревянных поддонах виднелось несколько более крупных предметов: мраморная статуя женщины с отломанными руками, изъеденная коррозией бронзовая бычья голова, основание каменной колонны.

След указывал внутрь помещения, и Грей двинулся туда же, недоумевая, что заставило профессора болтаться на этом складе. Может, он просто решил укрыться тут от проходившего мимо охранника? Следуя указаниям счетчика, Грей оказался возле одного из предметов, также стоявшего на поддоне, — полусферического камня в форме половины яйца. В верхней части этого артефакта имелось отверстие. Он напоминал бы гранитную модель вулкана, если бы не был покрыт письменами. Грей наклонился, чтобы рассмотреть их поближе.

Древнегреческий.

Нахмурившись, командер поднес к камню дозиметр. Радиационный хвост огибал поддон и тянулся дальше. Грей двинулся туда же, идя след в след с мертвым профессором. Чем привлек Полка этот экспонат?

Его размышления прервал грохот, раздавшийся слева от него. Повернувшись, он увидел Ковальски, сжимающего ручку от вазы. Остальное в виде осколков валялось у его ног.

— Она... разбилась, — виновато пролепетал великан.

У этого человека определенно был дар констатировать очевидное.

Грей лишь покачал головой. Нужно было оставить Ковальски в коридоре. Он вел себя как слон в посудной лавке, вот только слон лучше владел собой.

— Она шаталась, черт бы ее побрал, — проговорил Ковальски, но в его голосе прозвучала злость скорее на самого себя, нежели на злосчастную вазу. — Идите сюда, взгляните на это, — добавил он, ткнув в сторону стола тем, что осталось от вазы.

Грей подошел к телохранителю. На столе ровными рядами были разложены монеты Древней Греции. Одной явно не хватало. Не той ли, которую сунул ему Полк? Не здесь ли он ее стащил?

— Я случайно наткнулся на стол, а ваза полетела на пол. Я подхватил ее, но она рассыпалась у меня в руках.

Он аккуратно положил ручку от вазы на стол.

— Не переживай по этому поводу. Ее стоимость просто вычитут из твоей зарплаты, да и дело с концом.

— Дьявол! А сколько, по-вашему, она может стоить?

— Несколько сотен.

Вояка испустил облегченный вздох.

— Ну, это не так уж страшно.

— Несколько сотен тысяч, — прояснил ситуацию Грей.

— О господи, чтоб тебя...

Словоизвержение Ковальски было прервано скрипом дверной ручки. Грей начал поворачиваться, но огромная лапа Ковальски схватила его за предплечье и дернула назад. Он заслонил Грея своим телом, а второй рукой с удивительной ловкостью выхватил из наплечной кобуры пистолет сорок пятого калибра.

В хранилище вошла хрупкая женщина. Она покопалась в своей сумочке, а потом стала слепо шарить по стене в поисках выключателя, не подозревая об их присутствии. Это продолжалось до тех пор, пока она не заметила две вещи: свет от карманного фонарика и человеческую глыбу, направившую ей в грудь пистолет.

От испуга женщина пискнула и прижалась спиной к дверному косяку.

— Извиняюсь, — пробасил Ковальски и поднял ствол пистолета к потолку.

Грей торопливо обогнул сбитого с толку телохранителя и заговорил:

— Не пугайтесь, мэм, все в порядке. Мы — из службы безопасности музея и расследуем обстоятельства незаконного проникновения.

Ковальски ткнул пистолетом в осколки вазы на полу.

— Ага. Какой-то тип раскокал эту штуку.

Засовывая оружие в кобуру, он поглядел на Грея, взглядом умоляя подтвердить его слова.

Женщина крепко прижимала к груди сумочку. Второй рукой она придерживала на кончике носа крошечные очки. Тоненькая, с коротко стриженными каштановыми волосами, она больше напоминала старшеклассницу, но по прищуренным, полным подозрительности глазам было видно, что ей по крайней мере на десяток лет больше.

— Могу я видеть ваши документы? — твердым голосом спросила она, оставаясь тем не менее рядом с открытой дверью.

Грей продемонстрировал ей свою черную идентификационную карточку, на которой имелась его фотография и золотая президентская печать.

— Если хотите, я назову вам телефонный номер, позвонив по которому вы сможете убедиться в том, что я говорю правду.

Все так же щурясь, женщина посмотрела на служебное удостоверение Грея и, похоже, немного расслабилась, хотя напряжение не до конца отпустило ее. Окинув хранилище взглядом, она спросила:

— Что-нибудь похищено?

— Вам виднее, — ответил Грей, надеясь извлечь пользу из этой неожиданно сложившейся ситуации. — Правда, мне показалось, что на этом столе не хватает одной монеты.

— Что-о? — Позабыв о страхе, она поспешила к ним, и после первого же взгляда на стол с монетами ее лицо превратилось в маску отчаяния. — О нет! Боже мой! Эту коллекцию нам на время передал музей в Дельфах.

Снова Дельфы.

Она посмотрела на куполообразный камень — тот самый, который, судя по всему, привлек внимание Полка. Ковальски стоял, опершись на него.

— Прошу вас, не прикасайтесь к этому.

Ковальски выпрямился и осуждающе посмотрел на свою ладонь, словно во всем была виновата она. Сам же он был настолько благопристоен, что зарделся от смущения.

— Извините.

— Могу ли я полюбопытствовать, что это такое? — равнодушным тоном спросил Грей, кивнув на каменное сооружение.

Женщина молитвенно сложила руки.

— Это жемчужина коллекции. Он займет почетное место в грядущей экспозиции. Благодарение небесам, что воры не надругались над ним. — Для пущей уверенности она обошла камень. — Ему больше тысячи шестисот лет.

— Но что это? — не отступал Грей.

— Это называется омфал, что можно перевести примерно как «пуп». В Древней Греции омфал считался точкой, вокруг которой вращается мир, центром вселенной. С омфалом связано множество мифов, ему приписывалась огромная сила.

— Как же вам удалось его заполучить?

Женщина кивнула в сторону стола.

— Он из той же коллекции, что и все это. Мы также приняли его на временное хранение от Дельфийского музея.

— Дельфы — это то место, где располагался храм Дельфийского оракула?

Женщина окинула Грея удивленным взглядом.

— Совершенно верно. Омфал находился во внутреннем святилище храма, считавшемся его самым сокровенным помещением.

— И это тот самый камень?

— Нет, к сожалению, это всего лишь копия. До последнего времени считалось, что это подлинный омфал, описанный в древних исторических трудах Плутарха и Сократа. Однако община дельфийских сестер-прорицательниц существовала три тысячелетия назад, а возраст этого камня, как недавно установили, едва превышает половину этого срока.

— Что же случилось с оригиналом?

— Никто не знает. Затерялся в пучинах истории.

Она выпрямилась и пошла к лабораторному халату, висевшему на крючке у двери. Надев его, женщина сняла с пиджака свою служебную карточку и прицепила ее к отвороту халата. Взглянув на нее, Грей увидел фотографию женщины и ее имя: «ПОЛК Э.».

— Полк... — произнес он вслух.

— Да, доктор Элизабет Полк, — подтвердила женщина.

Грей ощутил во всем теле покалывание. Так вот почему профессор пришел именно сюда.

— Вы, случайно, не знакомы с Арчибальдом Полком?

Она посмотрела на него очень серьезным взглядом.

— Это мой отец. А что?

*5 сентября, 19 часов 22 минуты
Вашингтон, округ Колумбия*

— Мертв?

Грей сидел на краешке письменного стола в хранилище музея. Он понимал, какую боль испытывает женщина, выслушав то, что он был вынужден ей сказать. Элизабет Полк упала на стол и сгорбилась на нем в своем лабораторном халате. Слез не было, шок запер их внутри нее, но, как будто на всякий случай, она сняла свои узкие очки.

— Я слышала про стрельбу на Эспланаде, — бормотала женщина, — но и подумать не могла, что... — Она безнадежно покачала головой. — Весь день я провела в этом подвале.

«А сотовый телефон здесь наверняка не работает», — мысленно отметил Грей. Неудивительно, что Пейнтер, который целый день пытался дозвониться до дочери Полка, потерпел фиаско. Она же в течение всего этого дня находилась в двух шагах от него, в чреве Музея естественной истории.

— Извините, что пристаю к вам с вопросами в такой тяжелый для вас момент, — проговорил он, — но все же когда вы видели отца в последний раз?

Женщина с усилием сглотнула, пытаясь взять себя в руки. Ее голос дрожал и срывался.

— Я... Я точно не помню. Примерно год назад. Мы были в ссоре. О господи, чего я только ему не наговорила...

В ее глазах читались боль и сожаление.

— Я уверен, он знал, что на самом деле вы любите его.

Ее глаза вспыхнули, но взгляд, устремленный на Грея, был тяжелым.

— Спасибо вам за эти слова. Но ведь вы его не знали!

Грей почувствовал, что под оболочкой тихони и книжного червя таится железная воля. Ее гнев не смутил его, поскольку он понимал: эти эмоции направлены не против него, а скорее внутрь ее самой. Ковальски, видимо почувствовав себя неловко, отошел в глубь хранилища.

Грей повернулся и указал на стол, где рядами были выложены монеты.

— Я знал вашего отца, поскольку именно на его теле мы нашли недостающую здесь монету. — Грей вспомнил пояснения, услышанные им от Пейнтера. — Монету, на одной стороне которой выбито изображение Фаустины Старшей, а на другой — Дельфийского храма.

Глаза женщины округлились. Она посмотрела на пустое место, где раньше лежала монета.

— Перед тем как его застрелили, он приходил сюда, в ваш офис.

— Это не мой офис, — пробормотала она. — Я всего лишь провожу здесь исследования, необходимые для моей докторской диссертации. Между прочим, именно отец, используя свои связи, выбил для меня разрешение работать над диссертацией в Дельфийском музее в Греции. Я вернулась из Дельф всего месяц назад и сейчас являюсь куратором выставки, которая вскоре должна здесь открыться. Даже не подозревала, что отец знал о моем возвращении. Тем более после нашей... — Она взмахнула рукой, словно отметая то, что собиралась произнести в следующий момент.

— Видимо, он интересовался тем, как идут у вас дела.

Из ее глаз все же выкатилось несколько слезинок, и она резким движением отерла лицо рукавом халата.

Грей дал ей время успокоиться и посмотрел на Ковальски, который описывал круги вокруг омфала, уподобившись спутнику некоей новой планеты. Теперь он знал, что отец Элизабет следовал по той же орбите. Но почему?

Словно услышав его мысли, Элизабет задала тот же вопрос:

— Почему отец пришел сюда? Зачем он взял монету?

— Понятия не имею. Но я уверен: ваш отец знал, что кто-то следит за ним, идет по его следу. — Грей представил, как Полк слоняется по Эспланаде, пытаясь выйти на контакт с сотрудниками «Сигмы» и при этом не обнаружить себя. — Должно быть, он взял монету именно на тот случай, если его убьют. Монета была невзрачной, покрытой налетом и, находясь в кармане, могла остаться незамеченной убийцами, если бы те решили обыскать тело. Но при более тщательном осмотре в морге она непременно была бы обнаружена и не могла не вызывать удивления. Он, вероятно, рассчитывал на то, что монета приведет нашедших ее сюда, где вы к тому времени уже будете бить тревогу в связи с ее исчезновением.

По мере того как Грей говорил, слезы на лице Элизабет высохли.

— Но для чего ему могло понадобиться все это? — спросила она.

Грей напряженно думал. Он даже закрыл глаза, пытаясь поставить себя на место профессора Полка.

— Если я не ошибаюсь относительно монеты, вашего отца беспокоило предположение, что его могут обыскать. Он, очевидно, знал, что охотникам, идущим по его следу, необходим какой-то определенный предмет. Предмет, который находился у него.

«Ну конечно же!»

Он открыл глаза, спрыгнул со стола и потянул Элизабет со стула. Его глаза обшаривали хранилище, но на сей раз не в поисках призраков. По тому, как женщина свела брови, Грей понял: она тоже догадалась. Элизабет надела очки.

— Отец мог спрятать здесь то, за чем охотились убийцы.

Грей направился туда, где возле куполообразного камня бесцельно слонялся Ковальски.

— Вашего отца крайне заинтересовал этот храмовый омфал.

Элизабет, все так же хмурия брови, шла следом за ним.

— Откуда вы можете это знать?

Грей вкратце рассказал ей о радиационном следе и показал «Гамма-скаут».

— След, оставленный вашим отцом, привел сюда, и, учитывая то, насколько велики в этом месте показатели дозиметра, мистер Полк оставался рядом с этим экспонатом достаточно долго.

Услышав о том, что ее отец подвергся радиоактивному облучению, Элизабет побледнела. И все же она нашла в себе силы указать рукой в сторону и сказать Ковальски:

— Вон на той стене висит фонарь для экстренных ситуаций.

Ковальски кивнул и через несколько секунд принес его.

Элизабет приблизилась к камню.

— Хотя омфал с виду очень тяжелый, на самом деле внутри он полый.

Она указала на отверстие в верхней части каменного купола.

Грей все понял. Ее отец без труда мог бросить какой-нибудь предмет внутрь здорового камня. Он взял из рук Ковальски фонарь, наклонился над омфалом и посветил в отверстие. Внутри каменюга действительно был пустым. В самом низу в свете фонаря Грей увидел доски деревянного поддона, на котором покоился омфал. Он поводит лучом из стороны в сторону и заметил что-то, лежащее возле одной из стенок камня. По виду предмет напоминал полированный булыжник размером примерно с мускусную дыню.

— Хрен поймешь, что это за штука, — пробормотал Грей и выпрямился. — Нам нужно поднять камень.

— Он тяжелый, — предупредила Элизабет. — Для того чтобы вытащить его из ящика, потребовалось шестеро мужчин. Правда, в дальней части хранилища, где сложены инструменты, есть лом. С его помощью мы могли бы приподнять омфал. Но действовать нужно очень осторожно.

— Я сейчас принесу, — сказал Ковальски и отправился в глубь хранилища.

Как только он ушел, зазвонил телефон на столе Элизабет. Она приблизилась к аппарату и взглянула на дисплей определителя номера.

— Это служба безопасности. — Взглянув на часы, она добавила: — Музей уже закрылся, и они, вероятно, хотят выяснить, долго ли я еще здесь пробуду.

— Скажите им, что как минимум час.

Женщина кивнула и сняла трубку. Представившись, она стала слушать. Уже через несколько секунд ее глаза округлились.

— Поняла. Я сейчас же поднимаюсь.

Повесив трубку, она повернулась к Грею.

— Кто-то позвонил и сообщил, что в музее заложена бомба. Они эвакуируют всех из здания.

Грей молчал, лихорадочно соображая. Он понимал, что подобная угроза, тем более сейчас, не может быть простым совпадением. Осознание того же самого он прочитал и в глазах женщины.

— Кто-то узнал, — медленно проговорил он. — После сегодняшней стрельбы на Эспланаде никто не сможет отмахнуться от предупреждения о возможном взрыве. Это прекрасный предлог для того, чтобы скрытно обыскать все здание.

Грей обернулся и посмотрел на омфал.

Времени на то, чтобы деликатничать, не оставалось.

Ковальски, вернувшийся из дальнего конца хранилища, видимо, тоже понял это, поскольку вместо лома на его плече лежала здоровенная кувалда.

— Я все слышал, — сказал он. — Отойдите в сторонку.

— Нет! — воскликнула Элизабет.

Однако Ковальски явно не считал «нет» ответом, заслуживающим внимания, поскольку в следующее мгновение он занес кувалду над головой и со страшной силой опустил ее вниз.

Элизабет испуганно выдохнула, но вместо того, чтобы ударить по священному камню, молот сокрушил деревянный поддон, на котором тот стоял. Во все стороны полетели щепки, доски разломились. Ковальски нанес еще несколько ударов в то же место.

Утратив равновесие, огромный камень покосился в ту сторону, где поддон оказался разломан, а затем медленно завалился набок, сломав еще несколько досок. Однако сам артефакт, похоже, ничуть не пострадал.

Ковальски закинул кувалду на плечо.

Элизабет смотрела на великана со смесью ужаса и благоговения.

Грей подскочил к поддону и опустился на одно колено. Предмет, еще недавно таившийся внутри омфала, теперь лежал как на ладони. Он оказался вовсе не булыжником. Грей поднес к нему «Гамма-скаут». Предмет излучал некоторое количество радиации, но не больше, чем бинокль, который они нашли несколькими часами раньше.

Удовлетворенный результатами осмотра, Грей взял его и поднялся на ноги.

Когда он выпрямился, Элизабет отшатнулась назад.

Глаза Ковальски сузились.

— Череп? И вся эта бодяга — из-за него?

Грей рассмотрел находку. Череп был маленьким, и у него отсутствовала нижняя челюсть. Перевернув его, Грей увидел, что верхнюю челюсть отличали довольно большие клыки, а сам череп был слегка вытянут вперед, наподобие звериной морды.

— Не человеческий, — констатировал Грей. — Судя по размеру и форме черепа, я бы предположил, что он принадлежит обезьяне. Возможно, шимпанзе.

Выражение на физиономии Ковальски стало еще более кислым.

— Вот здо-орово! — протянул он. — Опять обезьяны!

Грей знал, что после одного из заданий у здоровяка выработалось стойкое отвращение ко всему, что связано с этими животными. Были у него какие-то неприятности то ли с бабуинами, то ли с человекообразными. Правда, Грею пока так и не удалось вытянуть из Ковальски сколько-нибудь вразумительных сведений о том, что же он все-таки не поделил с обезьянами.

— А что это такое? — спросила Элизабет. — Вот это, сбоку?

Грей понял, к чему относится ее вопрос. Не заметить этого было невозможно. Прикрепленная к височной кости прямо над ушным отверстием, поблескивала полоска из нержавеющей стали.

— Не знаю, — признался он. — Может, устройство наподобие слухового аппарата. Возможно, даже какой-нибудь кохлеарный имплантат.

— У паршивой макаки? — фыркнул Ковальски.

Грей пожал плечами.

— Потом выясним.

— Зачем отец принес это сюда?

Грей покачал головой.

— И этого я тоже не знаю. Но кто-то очень хотел его остановить. И кто-то по-прежнему хочет заполучить эту вещь обратно.

— Что мы будем делать теперь?

— Найдем способ выбраться отсюда, прежде чем кто-либо узнает, что череп — у нас.

Грей еще раз внимательно осмотрел поддон, желая убедить-ся в том, что они ничего не проглядели. Например, записку, которая бы все объяснила. Нагнувшись, он осветил каменный купол изнутри.

Ничего.

Когда Грей уже хотел вынуть руку с фонарем, свет упал на внутреннюю поверхность омфала, и что-то привлекло его внимание. Это было похоже на изгибающуюся бороздку, вырезанную на стенке камня. Она начиналась от нижнего края и тянулась к отверстию в его верхней части. Грей провел по ней пальцем и понял, что это длинная цепочка выбитых на камне букв. Нагнувшись еще ниже, он сфокусировал луч фонаря и направил его на надпись.

— Древний санскрит, — пояснила Элизабет, заметив, как внимательно мужчина рассматривает надпись.

Грей выпрямился.

— А что санскрит делает внутри...

— Послушайте, — перебил его Ковальски, — что, эта чертовщина сейчас так важна? — Он ткнул большим пальцем в сторону двери. — Не забыли о звонке относительно бомбы? Может, нам все-таки лучше уносить отсюда ноги?

Грей поднялся на ноги. Здоровяк был прав: они и так потеряли уйму времени. Здание уже наверняка наводнили...

Из коридора донесся сдавленный крик.

Ковальски театрально закатил глаза, словно говоря: «Я же предупреждал!»

— Что будем делать? — спросила Элизабет.

19 часов 37 минут

Пейнтер постучал в полуотворенную дверь патологоанатомической лаборатории.

— Входите! — крикнул изнутри Малкольм. — Джонс, у тебя есть данные из...

Пейнтер толчком распахнул дверь как раз в тот момент, когда Малкольм развернулся на своем крутящемся кресле. На нем по-прежнему был голубой лабораторный халат, очки были сдвинуты на макушку, и он тер переносицу, когда увидел, кто стоит перед ним.

— Директор?

Он сделал попытку встать, но Пейнтер жестом разрешил ему не делать этого.

— Брент передал мне, что ты звонил, а я как раз возвращаюсь к себе после просмотров видеозаписей камер наружного наблюдения с близлежащих зданий. Вот и решил зайти по дороге.

— Стрелок попал на пленку?

— Пока не нашли. Мы все еще просматриваем записи. Но их — горы, и вдобавок некоторые домовладельцы выкаблучиваются, не желая предоставлять записи со своих камер.

После событий 11 сентября 2001 года система наружного видеонаблюдения в американской столице была расширена неизмеримо. На целых десять миль во всех направлениях от Белого дома видеокамеры круглосуточно прощупывали объективами каждый квадратный фут улиц, парков и общественных мест. А также шестьдесят процентов внутреннего пространства помещений. Несколько камер зафиксировали путь доктора Арчибальда Полка через Эспланаду. Они подтвердили, что Грей с помощью дозиметра вычислил его маршрут совершенно правильно. Но оставались белые пятна. Хотя камеры записали то, как Полк повалился на руки Грею, ни одна из них не уловила вспышки от выстрела и тем более самого снайпера.

Это не могло не беспокоить.

Пейнтер уже начинал подозревать, что стрелок знал о расположении камер и сознательно выбрал такую позицию, где мог оставаться невидимым для них. Или, того хуже, кто-то сознательно уничтожил те записи, на которых он был заснят.

Если хотя бы одно из этих предположений окажется верным, это будет означать, что убийца доктора Полка имеет в Вашингтоне влиятельных и осведомленных покровителей. Но кого и где? Если убийство связано с предыдущей работой Полка в составе «Ясонов», это открывало ящик Пандоры, в котором могли таиться самые чудовищные возможности. «Ясоны» запустили руки в проекты всех степеней секретности.

Пейнтер знал: сегодня он не уснет.

Их всех ожидает бессонная ночь.

— Есть какие-нибудь новости от Грея? — поинтересовался Малкольм, убирая кипу бумаг со стула и пододвигая его Пейнтеру.

— Он обшаривает Музей естественной истории. Радиоактивный след привел именно туда.

— Будем надеяться, что ему удастся что-нибудь раскопать, но именно в связи с этим я вам и позвонил. Я нашел кое-какие хлебные крошки, по которым можно искать дорогу.

Заинтригованный, Пейнтер опустился на стул. Малкольм развернул плоский экран компьютера так, чтобы директору было лучше видно.

— Так что ты там нарыл? — спросил тот.

— Нечто весьма любопытное. Не знаю, правда, что с этим делать, но, возможно, оно поможет нам в расследовании. Зная, что Полк умирал от лучевой болезни, я попытался определить, где именно он мог подхватить дозу. Исследование желудочно-кишечного тракта и печени доктора показало, что он не глотал ничего радиоактивного.

— То есть ему никто не подсыпал в ужин полония двести десять или какой-нибудь гадости в этом роде?

Малкольм кивнул.

— Исходя из объема радиационных ожогов на коже, я могу с уверенностью утверждать, что покойный стал жертвой внешнего источника облучения, причем микроанализ его волос показывает, что дозу он получил очень большую. Полк подвергся радиационному заражению менее недели назад.

— Но где...

Малкольм поднял руку, призывая директора к терпению, а второй принялся печатать на клавиатуре компьютера.

— В глубоких альвеолярных карманах его легких осталась радиоактивная пыль. Ну, примерно как в легких шахтеров осаждается пыль угольная. Я прогнал образец этой пыли через масс-спектрограф и смог составить схему ее изотопного содержания.

Он указал на экран. В левой его части побежали строчки с какими-то данными.

— Такая характеристика радиации столь же уникальна, как отпечатки пальцев. Чтобы получить ее, мне пришлось всего-то взломать базу данных штаб-квартиры МАГАТЭ в Вене.

Пейнтер заметил, что в верхней части окна поиска действительно значилось название этой организации: Международное агентство по атомной энергии.

— Агентство отслеживает все горячие зоны в мире: рудники, реакторы, промышленные предприятия. Вопреки рас-

пространенному мнению не вся радиация одинакова. Мы говорим о материалах, подвергающихся постоянному распаду, изотопное содержание которых может варьироваться в зависимости от того, где их добывали и как обрабатывали. Конечный вывод таков: рисунок радиации уникален для каждого места, где применяются радиоактивные материалы.

— Что же рассказала тебе радиоактивная пыль из легких профессора?

— Я провел поиск в базе данных МАГАТЭ и нашел совпадение.

— Ты узнал, где подвергся радиационному облучению Полк?

Малкольм кивнул на монитор, на котором перестали бежать строчки с информацией и возникла карта мира. Затем она увеличилась, и на ней неподалеку от Киева высветилась точка. А потом появилась рамочка и в ней — название населенного пункта. Название, ставшее синонимом радиационной катастрофы.

Чернобыль.

Что занесло Арчибальда Полка в Чернобыль? Каким образом он получил смертельную дозу облучения, оказавшись рядом с мертвым реактором? На этой неделе реактор планировалось накрыть новым саркофагом — толстым стальным куполом.

Прежде чем Пейнтер успел засыпать Малкольма вопросами, на его ремне завибрировал сотовый телефон. Звонил помощник. Нахмурившись, он поднес трубку к уху.

— В чем дело, Брент?

— Директор, из Министерства национальной безопасности поступил сигнал тревоги. Только что получено сообщение о том, что в Музее естественной истории заложена бомба.

Пальцы Пейнтера, сжимавшие трубку, побелели от напряжения. «Музей естественной истории... — пронеслось в его мозгу. — Именно туда направлялся Грей!»

Скверно.

— Соедини меня с Греем.

Он ждал, прижимая к уху телефон. Малкольм не спускал с него взгляда.

Поступило ли предупреждение от Грея или от кого-то еще? В любом случае что-то тут было не так.

Это предположение подтвердилось минутой позже. В телефоне снова раздался голос Брента:

— Сэр, он не отвечает.

19 часов 56 минут

Они шли по направлению к погрузочной зоне, а Элизабет Полк мысленно пыталась оценить Грея Пирса. Поглядывая на него исподтишка, она отметила успевшие побледнеть кровоподтеки на одной стороне его лица. В жестокой драке он побывал, наверное, около месяца назад. Благодаря загару, который наверняка скрывал отметины, оставшиеся от других столкновений, его кожа напоминала кованую медь и резко контрастировала с синевой его глаз. Эти глаза словно облили ее жидким льдом, когда он увидел у погрузочных ворот полдюжины мужчин, проверяющих сотрудников музея, и заставил их с Ковальски повернуть обратно.

— Что-то здесь не так, — проговорил он.

Прежде чем они ретировались, Элизабет успела рассмотреть погрузочный док. Огромное помещение было освещено мигающим светом флуоресцентных ламп, заставлено высокими полками с чистящими средствами, а также товарами для магазинчиков и ларьков, торговавших под маркой музея. Единственный электропогрузчик одиноко примостился рядом с подъемными механизмами, которые использовались при доставке особо тяжелых музейных экспонатов. Подъемные стальные ворота справа были открыты, и на фоне тусклого дневного света вдоль них живым кордоном выстроились мужчины в черной форме спецназа. Под непрерывающееся заывание сирены, оповещавшей о срочной эвакуации, они обыскивали каждого рабочего и служащего музея, который хотел покинуть здание этим путем.

Внескольких шагах от ворот стоял, наблюдая за всем этим, узкоплечий мужчина в синем костюме. Видимо, именно он возглавлял здешнюю торговую сеть.

Грей потащил ее обратно по коридору. Элизабет поправила на плече сумку. На ней красовался логотип музея, а внутри покоился странный череп, который ее отец зачем-то спрятал в музейном хранилище. При мысли об отце Элизабет почувствовала тупую боль в груди, и ей захотелось плакать. Однако она подавила эмоции, сказав себе, что сейчас не самый подходящий момент оплакивать утрату.

С лестницы, находившейся дальше по коридору, в противоположном от погрузочной зоны направлении, послышался громогласный голос, приказавший обыскивать каждый угол. По ступеням загрохотали тяжелые ботинки.

Грей остановился и повернулся к Элизабет.

— Отсюда есть еще какой-нибудь выход?

Она кивнула.

— Служебные тоннели. Мы только что прошли мимо входа в них.

Грей смерил Элизабет взглядом своих ледяных глаз, словно пытаясь оценить ее знания и компетентность.

Она повела их обратно.

— Некоторые сотрудники устраивают там перекуры.

Элизабет виновато взглянула на Грея. Она сама понимала, что надо бы бросить курить. Однако вредная привычка оказалась полезной в плане завязывания дружеских отношений с другими исследователями, в результате чего возникло нечто вроде тайного клуба курильщиков. А платой за такое удовольствие был всего-то риск заполучить эмфизему или рак легких.

— В здании музея курить, разумеется, запрещено. Опасность возникновения пожара и все такое прочее. Но там, внизу, сплошной камень и трубы отопления, так что гореть нечему.

Элизабет подвела их к двери без каких-либо надписей и отперла ее своим электронным ключом-карточкой. За дверью начиналась лестница. Крашенные цементные ступени, вдоль

которых тянулись металлические перила, уходили вниз, делая резкие повороты.

Раньше чем они успели войти, их внимание привлекло низкое рычание, послышавшееся со стороны погрузочной зоны, и все трое посмотрели туда. В тридцати ярдах дальше по коридору показался приземистый, хищный силуэт животного. Немецкая овчарка. На собаке, как и на людях, был черный комбинезон, а от ошейника тянулся поводок, однако человека на другом его конце еще не было видно.

Элизабет застыла.

Собака увидела их и рванулась вперед. Поводок натянулся струной.

— Вперед! — поторопил Грей, толкнул Элизабет в открытую дверь и последовал за ней.

Его громадный напарник ввалился туда же.

Внутри было тесно и душно. Система кондиционирования воздуха до этих подвальных помещений не доходила. Единственным источником света служила тусклая лампочка, забранная металлической сеткой.

Грей закрыл дверь, и легкий щелчок электронного замка сообщил, что она снова заперта. Завывания сирены стали глуше.

Они стали спускаться.

— Вы знаете, куда ведут эти тоннели? — спросил Грей.

Женщина с сомнением покачала головой.

— Точно не знаю. Я никогда не заходила дальше, чем было нужно, чтобы покурить. Но говорят, что внизу настоящий лабиринт. Тоннели разбегаются во все стороны и, по слухам, проходят даже под Белым домом. Однако наверняка где-то должен быть и выход в город.

За их спинами в дверь ударилось что-то тяжелое и послышался глухой лай. Раздались крики, заставив их ускорить спуск.

— А может, это собака для поиска взрывчатки? — спросила Элизабет. — Может, угроза взрыва реальна?

Ковальски фыркнул.

— Когда находишься рядом с Пирсом, угроза взрыва ласкает слух.

Лестница закончилась, и они оказались перед дверью в виде стальной решетки. Грей отодвинул засов, и дверь со скрипом открылась. Тоннель тянулся в обе стороны — черный, как сажа, душный, пахнувший сырым цементом и наполненный шепотом тонких струек воды.

— Надеюсь, кто-нибудь догадался прихватить фонарь? — поинтересовался Ковальски.

Грей еле слышно выругался. Он оставил фонарь в хранилище.

Элизабет сунула руку в карман и достала зажигалку. Это был старинный серебряный «Данхилл». Женщина открыла ее, чиркнула колесиком, и появился маленький огонек. Опытной рукой она сделала его сильнее.

— Здорово! — хохотнул Ковальски. — Жаль, что я не прихватил из дома одну из своих сигар.

— Я тоже, — буркнула в ответ Элизабет.

Ковальски хотел сказать еще какую-нибудь колкость, но стоило ему открыть рот, как лестницу позади них залил яркий свет. Звук сирены стал громче. Их преследователи преодолели верхнюю дверь.

— Скорее! — Грей пошел направо. — Идите поближе друг к другу.

Элизабет старалась держаться рядом с плечом Грея, Ковальски топал сзади. Женщина старалась держать зажигалку как можно выше, но ее танцующий огонек освещал путь всего на несколько ярдов вперед.

Грей рысил по тоннелю, высоко подняв руку — так, чтобы кончики его пальцев скользили по трубам, тянувшимся наверху. Он свернул в первый же поворот, чтобы не находиться на линии прямой видимости.

Где-то сзади басовито гавкнул пес.

Грей перешел с рыси на бег.

Полы лабораторного халата Элизабет развевались позади нее, как белые крылья. Они свернули в следующий поворот, и от пламени зажигалки вспыхнула паутина.

— Куда мы скачем? — на бегу спросил Ковальски.

— Подальше отсюда, — ответил Грей.

— И в этом весь ваш гениальный план? Просто «подальше отсюда»?

Сзади раздался злобный лай. Послышались крики. Их след обнаружили.

— Беру свои слова обратно, — поправил сам себя Ковальски. — «Подальше отсюда» меня вполне устраивает.

Тесной группой они влетели в лабиринт тоннелей.

В другом конце города, на лавочке под вишневым деревом, отдыхал Юрий. Как хорошо было наконец присесть! Его колени болели, поясницу, казалось, вот-вот скрутит. Он уже проглотил без воды четыре таблетки «Алив», но пока это мало помогало. Дома у него были более сильнодействующие обезболивающие средства, но везти их в Соединенные Штаты он поостерегся. Поскорее бы вернуться в Муравейник!

Юрий вытянул ногу и начал массировать колено.

Пока он отдыхал, солнце стало клониться к закату, заставляя людей и предметы отбрасывать длинные тени на лужайки и пешеходные дорожки. В нескольких шагах от того места, где он сидел, тянулся низкий цементный барьер, в который упиралась дорожка. Возле него толпились детишки и их родители, смеясь и показывая пальцами на обитателей вольера. А там, внизу, был воссоздан маленький кусочек китайского леса: плоские каменные плиты, гроты, пруды и ручьи. На склонах этих причудливых каменных сооружений и вдоль них росли кусты, плакучие ивы, пробковые деревья и бамбук. Обитателями этого маленького рая были Мэй Сян и Тянь Тянь — две гигантские панды, которых Соединенные Штаты на время позаимствовали у Китайской Народной Республики. От восхищенного созерцания этих милых животных не могли оторваться ни взрослые, ни дети.

Включая Сапу.

Девочка стояла, положив руки на парапет, и ритмично била ногой по цементному бордюру. Однако постепенно это движение замедлялось.

Как он и надеялся.

Юрий привез девочку в Национальный зоопарк Вашингтона сразу после представления, которое она устроила для Мэпплторпа. Он давно знал о том, какой успокаивающий эффект оказывают животные на его подопечных. Особенно на Сашу. Сейчас ему не было необходимости делать анализ ее спинномозговой жидкости, чтобы выяснить уровень BDNF — нейротрофического фактора головного мозга. После таких нагрузок, как сегодняшние, он подпрыгивал до пиковых, опасных показателей. Юрий не был готов к этому. Последнее Сашино представление застало его врасплох, и он понял, что ее необходимо срочно успокоить. Оказавшись вдалеке от привычной среды, она была особенно сильно возбуждена и уязвима, а это создавало риск необратимых мозговых повреждений. Ему уже случалось видеть такое. Им понадобились десятилетия, чтобы выявить особые отношения, существующие между детьми-аутистами и животными, и успокаивающий эффект от их общения с представителями животного мира.

Поэтому, пока Мэпплторп общаривал Музей естественной истории, Раев привез Сашу в самый знаменитый зоопарк американской столицы. Он находился недалеко, и Юрий не боялся заблудиться в чужом городе.

Саша стучала ногой все реже и реже. Она успокаивалась прямо на глазах. Правда, нос ее туфельки был исцарапан и она пришла в полную негодность, но лучше уж туфелька, чем мозг.

Юрий почувствовал, что узел, стягивавший его позвоночник, ослаб. Следующим же рейсом он увезет ее обратно в Россию. Как только они вернутся в Муравейник, он подвергнет ее тотальному медицинскому обследованию: анализы крови и мочи, компьютерно-томографическое сканирование головного мозга. Он должен быть уверен, что она не пострадала.

Но больше всего Юрия интересовало другое: как она смогла стимулировать себя самостоятельно? Это не должно было случиться. Кортикальный имплантат обеспечивал стабильный уровень стимуляции, отрегулированный индивидуаль-

но, в соответствии со способностями каждого ребенка. Сашина выходка в офисе Мэпплторпа не должна была произойти, если только ее имплантат не был активирован на расстоянии, что и вызвало подобный эффект.

Так что же это было? Неужели произошел какой-то сбой в ее имплантате? Или его активировал кто-то другой? Или, того хуже, Саша по мере взросления начинала выходить из-под контроля?

Несмотря на жару и приятные ощущения от отдыха, ему стало зябко.

Что-то пошло не так.

Толпа посетителей зоопарка, собравшихся у вольера с бамбуковыми медведями, разразилась восторженными воплями, замигали вспышки фотоаппаратов. Это оживление привлекло к вольеру новых любопытных. Юрий услышал, как дети выкрикивают имя: «Тай Шань! Тай Шань!»

Несмотря на протестующую боль в спине, Юрий выпрямился на лавке. Он знал это имя из брошюры зоопарка. Тай Шань была панда-девочка, родившаяся у Мэй Сян несколько месяцев назад. Наверное, сейчас она выбралась из своего убежища, вызвав ликование толпы.

Люди толкались, чтобы лучше рассмотреть детеныша. Родители поднимали детей и сажали их себе на плечи, фотокамеры бешено моргали вспышками. Встревоженный столь буйным поведением туристов, Юрий встал с лавки. В этой толпе он потерял Сашу из виду. Он знал, что девочка не любит, когда к ней прикасаются.

Пройдя вдоль дорожки, он втиснулся в толпу. Через несколько минут зоопарк закрывался. Пора уходить.

Юрий дошел до паранета, где до этого стояла Саша.

Ее там не было.

С гулко бьющимся сердцем он посмотрел вправо и влево. Никаких признаков ее черных как смоль волос и красных ленточек. Грубо расталкивая людей, сопровождаемый окриками и ругательствами, Юрий снова выбрался из толпы. Он слу-

чайно выбил из рук какого-то мужчины фотокамеру, и та упала на асфальт.

Мужчина схватил его за плечо и развернул к себе лицом.

— Поаккуратнее, мистер!

Юрий стряхнул с плеча его руку. Его глаза, в которых плясал неподдельный ужас, встретились с глазами мужчины.

— Моя внучка... Она пропала!

Злость на лице хозяина фотоаппарата сменилась тревогой. Известие тут же облетело всех собравшихся у вольера. Пропал ребенок! Это было именно то, чего больше всего на свете боятся любые родители, бабушки и дедушки. На него посыпались участливые вопросы. Как она выглядит? Что на ней надето? Многие пытались поддержать его добрым словом, уверяли, что девочка непременно найдется.

Оглушенный ударами собственного сердца, Юрий едва слышал, что ему говорят. Он не должен был оставлять ее одну! Не должен был садиться!

Толпа вокруг него редела, и теперь можно было видеть во всех направлениях.

Юрий медленно повернулся вокруг своей оси. Он искал девочку, но уже знал правду.

Саша исчезла.

*5 сентября, 20 часов 12 минут
Вашингтон, округ Колумбия*

— Дверь! — проревел сзади Ковальски.

Грей резко остановился и обернулся. Элизабет Полк повела в воздухе зажигалкой, и их взорам предстала маленькая железная дверца в углублении стены. Грей поначалу проскочил мимо нее, слишком сосредоточенный на поиске выхода на улицу.

Позади них по тоннелю эхом разносились звуки погони: топот ног и крики людей. Гавкнул пес. Значит, преследователи вновь взяли их след. Грей и его спутники двигались зигзагами, пытаясь оторваться от погони, но все эти усилия оказались тщетными. Ситуация складывалась явно не в их пользу.

Ковальски подскочил к двери и дернул ручку.

— Заперто, — сообщил он и от злости ударил кулаком по металлической поверхности.

Подойдя к нему, Грей заметил под дверной ручкой считывающее устройство электронного замка. Огонек зажигалки осветил маленькую стальную табличку, на которой буквами в стиле ар-деко было выбито:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ

Эта дверь представляла собой подземный вход еще в один из музеев Смитсоновского института. Стоявшая к двери ближе других, Элизабет провела через считывающее устройство своей служебной карточкой, но замок не отреагировал. Ковальски на всякий случай снова подергал ручку и отрицательно помотал головой.

— Моя карточка работает только в Музее естественной истории, — проговорила женщина. — Но я подумала...

Их внимание привлек ожесточенный лай. Обернувшись, они увидели, что дальний конец тоннеля осветили пляшущие лучи фонарей.

— Нам бы лучше поторопиться, — предупредил Ковальски и отступил от двери.

Прогремел выстрел. Что-то вспыхнуло на железной двери, ударившись в то место, где секунду назад стоял Ковальски. Затем оно упало на цементный пол и стало крутиться, разбрасывая вокруг голубые электрические искры. Ковальски шагахнулся от этой штуки, как слон от мыши.

Грей сразу понял, с чем они имеют дело. Электрошоковый снаряд увеличенной дальности. Он выпускается из стандартного дробовика двенадцатого калибра и, попадая в цель, парализует нервно-мышечную систему. Эта пуля могла свалить с ног горную гориллу.

— МИНИСТЕРСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ! — прогремел голос, многократно усиленный громкоговорителем. — ОСТАНОВИТЕСЬ, ИЛИ МЫ БУДЕМ СТРЕЛЯТЬ СНОВА!

— Ну вот, теперь они предупреждают нас, — проговорил Ковальски и поднял руки над головой.

Наполовину скрытый огромным телом напарника, Грей повернулся к двери и прогнал через считывающее устройство свою черную карточку «Сигмы». На устройстве вспыхнула крохотная зеленая точка.

«Слава богу!»

— ПОЛОЖИТЕ РУКИ ЗА ГОЛОВУ! ОПУСТИТЕСЬ НА КОЛЕНИ!

Грей дернул за ручку, и дверь открылась. Внутри было темно. Протянув руку назад, он схватил Элизабет за локоть. Женщина сморщилась, но затем увидела наполовину открытую дверь. Тогда она в свою очередь ухватила Ковальски за ремень и потянула. Великан уже положил руки на затылок и медленно опускался на колени. Теперь он оглянулся.

Грей плечом распахнул дверь и втащил Элизабет за собой. Ковальски, потеряв равновесие, упал на одно колено, но затем оттолкнулся от пола и нырнул в дверной проем следом за своими спутниками.

Грей услышал еще один выстрел.

Ковальски, врезавшись в Грея и Элизабет, сбил их с ног, и они покатались по ступеням лестницы, которая начиналась почти сразу за порогом. Ударом ноги он захлопнул дверь, но продолжал колотить в нее, изрыгая ругательства.

— Матывоковбогадушу...

Грей увидел, что пуля тазера пробила ботинок его напарника и застряла в нем. Движения его ноги были конвульсивными.

Элизабет тоже заметила это. Подскочив к гиганту, она взобралась на него, придавила его колено к полу и каблуком туфельки раздавила электрический заряд. Ковальски дернулся еще несколько раз, а потом судороги прекратились.

Ругань — нет.

Грей поднялся на ноги и, протянув напарнику руку, помог ему встать.

— Тебе повезло, что пуля угодила в ботинок. Кожа не позволила зубцам проникнуть глубже.

— Да уж, повезло! — Ковальски наклонился и потер болевшую ногу через лакированную кожу ботинка. — Козлы! Они испортили мои «Чукка»!

Выстрелы приглушенно звучали все ближе к двери.

— Пошли, — сказал Грей и двинулся вперед.

Ковальски продолжал оплакивать свою загубленную обувь даже тогда, когда они поднимались по лестнице.

— Пусть теперь Кроу покупает мне новую пару!

Перескакивая разом через две ступеньки, Грей не обращал внимания на нытье Ковальски, но тот не унимался.

— Отдайте вы им эту чертову обезьяну. Пусть забирают, если она им так нужна.

— Нет! — в один голос рявкнули Грей и Элизабет.

В голосе женщины Грей услышал злость. Сам он сейчас испытывал то же самое чувство. Ее отец погиб, чтобы уберечь

череп от тех, кто теперь гонится за ними. Погиб на руках Грея, и он этого так не оставит.

Преодолев последний пролет лестницы, они оказались перед еще одной дверью. Она тоже была заперта. В нижнюю дверь колотили. Преследователям не потребуется много времени, чтобы раздобыть нужный электронный ключ.

— Вот оно, — сказала Элизабет, указывая на считывающее устройство.

Грей снова использовал свою карточку, и замок со щелчком открылся. Распахнув дверь, он оглянулся. Слухами свет полнится. Наверняка те, кто за ними гонится, уже знают, что они перебрались в здание Музея американской истории.

Грей вывел своих спутников в освещенный коридор. Он был точной копией своих собратьев в Музее естественной истории, только загроможден коробками, которые мешали передвигаться быстро. Грей опробовал свою рацию, но сигнала по-прежнему не было. Они находились слишком глубоко под землей.

— Сюда, — сказал он и направился к лестнице, которая вела вверх.

По пути они едва не сбили с ног электрика в униформе, с мотком провода на плече и тяжелым поясом, увешанным инструментами.

— Эй, — возмущенно воскликнул он, — вы что, не видите, куда идете?..

Что-то в лице Грея заставило его умолкнуть. Он освободил им путь, прижавшись к стене. Пройдя мимо электрика, троика стала торопливо подниматься по лестнице.

Чем выше они поднимались, тем больший хаос их встречал: группы работяг, ободранные стены, обнаженные воздуховоды. На следующей лестничной площадке им пришлось лавировать между кипами гипсокартона и стопками мраморной плитки. В ушах звенело от завывания дрелей и электропил, в воздухе пахло свежей краской и стружками.

Грей вспомнил, что в Национальном музее американской истории шла глобальная реконструкция, предусматривающая обновление всей его сорокалетней инфраструктуры. Все

это делалось для того, чтобы как можно в более выгодном свете представить публике три миллиона исторических экспонатов, представляющих собой подлинные сокровища — от цилиндра Авраама Линкольна до красных башмачков* Дороти из «Волшебника страны Оз». Музей был закрыт для посетителей на протяжении последних двух лет, но в следующем месяце должен был открыться.

Они вышли в главный зал музея, и, увидев царивший здесь кавардак, Грей решил, что администрации, наверное, придется повременить с открытием экспозиции. Все поверхности были застелены полиэтиленовой пленкой, вдоль стен возвышались строительные леса высотой в трехэтажный дом, величественные лестницы выглядели так, будто по ним прошла орда варваров. Даже огромная люстра под потолком все еще была закрыта бумагой.

Грей ухватил за рукав ближайшего к нему рабочего, плотника с респиратором на лице.

— Выход! Где ближайший выход?

Плотник с подозрением покосился на него.

— Выход на Конститушн-авеню еще закрыт. Вам придется подняться на второй уровень. — Мужчина указал на лестницу. — Там главный вход со стороны Эспланады.

Грей взглянул на Элизабет, и та кивнула, подтверждая слова работяги.

Они двинулись дальше. Грей снова проверил рацию. По-прежнему ничего. Кто-то или что-то блокировало его сигнал.

Они торопливо дошли до главной лестницы и поднялись на второй уровень. Тут порядка было больше. Зеленые мраморные полы недавно отполировали, и серебристые звезды, которыми они были инкрустированы, ярко блестели. Отсюда отчетливо просматривались стеклянные двери основного входа. Они должны добраться до них раньше, чем...

Нет, слишком поздно.

* В голливудской экранизации произведения Фрэнка Баума «Волшебник из страны Оз» башмачки Дороти были не серебряными, как в книге, а красными, украшенными рубиновыми стразами.

За дверями показались мужчины с автоматами. Они были в темной форме с наплечными знаками различия.

Грей повел Элизабет и Ковальски обратно.

С первого этажа слышался яростный собачий лай. Потом испуганные крики рабочих.

— Что теперь? — спросил Ковальски.

От дверей выхода на Эспланаду зазвучал громкоговоритель:

— **МИНИСТЕРСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ! ЗДАНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НЕМЕДЛЕННО ОСВОБОЖДЕНО! ВСЕМ НАПРАВЛЯТЬСЯ К ГЛАВНОМУ ВХОДУ!**

— Сюда, — сказал Грей.

Он повел их в сторону, по направлению к самому большому экспонату на этом этаже. Это была абстрактная инсталляция, изображавшая американский флаг — пятнадцать полос из поликарбоната, напоминающего зеркало.

— Мы не можем все время бежать, — сказала Элизабет.

— Мы и не будем.

— Значит, спрячемся? — спросил Ковальски. — А как же быть с собакой?

— Мы не будем ни бежать, ни прятаться, — заверил его Грей.

Когда они проходили мимо флага, Грей — отдельными ломаными кусочками — увидел в его зеркальной поверхности, как мужчины в униформе выстроились вдоль выхода из музея непроницаемым кордоном.

Дальше их путь лежал мимо строительных лесов, на которых были свалены стройматериалы и рабочая одежда. Грей взял то, что было необходимо для осуществления его замысла. Кое-что он передал Ковальски, себе же оставил банку с краской и пластиковую бутылку с растворителем. Затем направился в коридор, начинавшийся под абстрактным флагом. Ковальски прочитал табличку на стене перед входом в новую галерею и присвистнул.

— Пирс, что вы задумали?

Коридор вел в сердце музея, туда, где были выставлены самые драгоценные экспонаты. Собственно говоря, именно ради них и была затеяна реконструкция.

Они вошли в длинный затемненный зал. Вдоль одной стены выстроились кресла, противоположная представляла собой стеклянную выставочную витрину. Даже бедлам, царивший позади них, казалось, стих из почтения перед историческим сокровищем, хранящимся за этим стеклом, одной из самых почитаемых национальных реликвий. Сложенный вчетверо, истерзанный пулями кусок хлопка и шерсти, он лежал в наклонной стеклянной витрине и, несмотря на то что его краски выцвели, оставался святыней американской истории — флаг, вдохновивший американцев на создание национального гимна.

— Пирс... — беспокойно окликнул его Ковальски, начиная понимать, что задумал начальник. — Это же звездно-полосатый флаг!

Грей поставил банку с краской на пол и принялся отвинчивать крышку бутылки с легковоспламеняющимся растворителем.

— Пирс, вы же не собираетесь... Даже чтобы отвлечь...

Голос Ковальски предательски дрогнул.

Не обращая на него внимания, Грей повернулся к Элизабет.

— Ваша зажигалка еще при вас?

20 часов 32 минуты

Сидя в офисе охраны Национального зоопарка, Юрий чувствовал, как на него неподъемным грузом навалились все его семьдесят семь лет. Никакие андрогены, стимуляторы и операции не могли бы облегчить той тяжести, что придавила его сердце. От леденящего страха все его конечности онемели и превратились в ноющие от боли куски свинца.

— Мы найдем вашу внучку, — пообещал начальник охраны. — Зоосад уже закрыт, и все занимаются ее поисками.

Юрия оставили в офисе наедине с молодой блондинкой, которой было не больше двадцати пяти. На ней была форменная одежда работников зоопарка песочного цвета, а на лацкане рубашки приколот карточка с ее именем: «ТАБИТА». Присутствие Юрия заставляло девушку нервничать. Она не знала,

как вести себя наедине с человеком, которого постигло такое горе. Табита встала из-за стола и подошла к нему.

— Может быть, вы хотите кому-нибудь позвонить? — спросила она. — Кому-то из родственников?

Юрий поднял голову и несколько долгих секунд изучал взглядом девушку, ее щечки, напоминавшие спелые яблоки, думая о том, какая долгая жизнь лежит перед ней. Он осознал, что и сам был не многим старше, когда выпрыгнул из разбитого грузовика в Карпатских горах. Как бы ему хотелось, чтобы того дня никогда не было и он не нашел бы тот цыганский поселок!

— Так вы хотите позвонить? — снова спросила девушка.

— Да, — ответил Юрий по-русски и медленно кивнул.

Сколько же можно откладывать неизбежное? Он уже и так побеспокоил Мэпплторпа — для того, чтобы не столько доложить о случившемся, сколько заручиться содействием полицейских властей. Но тот слушал невнимательно и постоянно отвлекался, поскольку командовал охотой за тем, что у них украли.

Мэпплторп обронил какую-то фразу относительно дочери профессора Полка, но Юрия сейчас все это уже не интересовало. Главное, американец обещал объявить желтый уровень тревоги с целью найти пропавшую девочку. Будут мобилизованы все ресурсы округа Колумбия и соседних округов. Ее необходимо найти!

Саша...

Перед глазами Юрия стояло ее круглое личико и светлые глаза. Нельзя было отходить от нее ни на шаг. Оставалось надеяться только на то, что она попросту заблудилась. Однако в парке, полном зверей, даже лучший из сценариев таил в себе опасность. А вдруг кто-то похитил ее, увел обманом? В ее нынешнем состоянии девочка уступчива, податлива, ее можно уговорить на что угодно. Юрию приходилось сталкиваться с изрядным числом педофилов. На раннем этапе существования Муравейника они попадались даже среди его сотрудников. Ведь там было так много детей! Слишком много детей. Без ошибок было не обойтись.

Но не все посягательства на детей относились к категории «ошибок».

Юрий мысленно шарахнулся от этой мысли.

Табита принесла радиотелефон.

Юрий мотнул головой и достал свой сотовый.

— Спасибо, но мне нужно сделать международный звонок, — пояснил он. — В Россию. Ее бабушке. Я позвоню по своему телефону.

Табита понимающе кивнула.

— Тогда не буду вам мешать, — сказала она и вышла в соседний кабинет.

Оставшись один, Юрий набрал международный номер. Маленький электронный чип, разработанный специалистами российской разведки, заставит сигнал отразиться от целой серии ретрансляционных башен, благодаря чему его будет невозможно отследить. Параллельно с этим устройство будет шифровать разговор.

Он боялся этого звонка, но не мог ждать дольше. Муравейник необходимо предупредить, но сейчас у них там раннее утро, нет еще и четырех часов. Тем не менее уже после второго гудка на вызов ответил отрывистый и резкий голос:

— В чем дело?

Юрий представил себе женщину на том конце линии, свою начальницу, доктора Савину Мартову. Они вдвоем нашли детей, организовали Муравейник, но благодаря своим связям в КГБ Мартова обошла Юрия по служебной лестнице и стала главной. В России часто говорили: из КГБ не уходят. Что бы ни думали западные лидеры, то же относилось и к нынешнему российскому президенту. Он до сих пор окружал себя бывшими сотрудниками советской разведки, в результате чего бразды правления оказались в руках у выходцев из спецслужб.

Доктор Савина Мартова не являлась исключением.

— Савина, у нас тут крупные проблемы, — заговорил он по-русски и сразу же представил себе, как застыло ее лицо.

Как и Юрий, она также прибегала к хирургии, гормональной терапии и косметологии, но с гораздо более впечатляющим результатом. Ее волосы были по-прежнему темными,

черты нисколько не увяли. Сегодня она могла бы сойти за сорокалетнюю, и Юрий, кажется, знал почему. В отличие от него Савина не находилась в состоянии непрекращающейся войны с собственной совестью, не мучилась чувством вины. В глазах этой женщины светилась уверенность в правоте своих взглядов и поступков. Глубинную суть этого обмана можно было обнаружить, лишь заглянув глубоко в ее глаза. Никакие лекарства не могли замаскировать холодный расчет, поселившийся в них многие годы назад.

— Ты еще не нашел то, что у нас украли? — жестким тоном спросила она. — Я уже слышала о том, что Полк ликвидирован. Так почему же...

— Дело в Саше. Она пропала.

На другом конце линии воцарилось молчание.

— Савина, ты слышишь меня?

— Да. Я только что получила отчет от одного из работников спального корпуса, вот почему, несмотря на ранний час, я уже на ногах. Они обнаружили три пустые койки.

— Кто? Кто из детей пропал?

— Константин, его сестра Киска и Петр.

Савина рассказывала о том, что поиски ведутся по всему Муравейнику, но для Юрия ее голос звучал глухо, словно она говорила из глубокого колодца. Его мысли были заняты другим.

Петр.

Это был Сапин брат-близнец.

— Когда? — выпалил Юрий. — Когда они могли исчезнуть?

Савина коротко вздохнула.

— На вечерней поверке, как доложила дежурная сестра-хозяйка, все были на месте. Значит, они пропали в течение последнего часа.

Юрий посмотрел на часы.

Примерно в то же время, когда исчезла Саша.

Было ли это простым совпадением, или Петр каким-то образом почувствовал опасность, грозящую сестре? Может, это заставило его запаниковать? Но прежде Петр никогда не демонстрировал подобных способностей. Его талант эмпатии

был силен, особенно когда дело касалось животных. И все же, являясь близнецами, они были гораздо ближе друг другу, нежели обычные брат и сестра. Эти двое даже разговаривали на своем особом, непонятном для остальных языке.

Юрий прижимал к уху трубку, а в голову ему лезли мысли одна страшнее другой. Например, о том, что событиями управляют какие-то неведомые силы, чья-то загадочная рука.

Но чья?

— Найди девочку! — выкрикнула Савина, заставив Юрия отвлечься от невеселых дум. — Найди, пока еще не поздно. Ты знаешь, что должно произойти через два дня.

Он знал. Знал даже слишком хорошо. Произойти должно было то, чему они посвятили многие десятилетия напряженного труда, ради чего совершили столько актов жестокости. И все это во имя...

Сбоку от него хлопнула дверь. Вернулся начальник охраны зоопарка. На его загорелом лице было угрюмое выражение, в котором сочетались огорчение и тревога.

— Я найду ее, — твердо проговорил Юрий в трубку, адресуясь скорее себе, нежели начальнице, а затем закрыл телефон, повернулся к высокому мужчине и спросил, перейдя на английский: — Вы отыскиали мою внучку?

— Увы, нет. Мы прочесали весь парк, но не нашли никаких следов девочки.

У Юрия упало сердце.

Начальник охраны, казалось, колебался, и, когда он заговорил снова, его голос звучал нерешительно:

— Однако я должен вам кое-что сказать. Поступило сообщение о том, что девочку, которая подходит под описание вашей внучки, посадили в фургон у южного выхода из зоопарка.

Юрий вскочил со стула. Его глаза округлились.

Охранник поднял руку, призывая его к терпению.

— Полиция округа Колумбия уже занимается этим. Возможно, это ложный след. А больше мы пока ничего не можем сделать.

— Вы обязаны что-то делать!

— Мне очень жаль, сэр. Мне также сообщили, что кто-то из ФБР приказал организовать для вас охрану. Они вот-вот придут сюда и отвезут вас в ваш отель.

Юрий понял, что без Мэпплторпа здесь не обошлось.

— Благодарю вас. Спасибо вам за все, что вы сделали. — Юрий подошел к двери и взялся за ручку. — Я... Мне нужно на свежий воздух.

— Разумеется. Снаружи есть скамейка.

Юрий вышел из офиса охраны. Увидев скамейку, он направился к ней, но, оказавшись вне зоны видимости из окон конторы, садиться не стал, а прошел мимо скамейки и направился к выходу из зоопарка.

Юрий не имел права оказаться под контролем Мэпплторпа. Даже теперь. Этот дурак знал лишь малую толику того, что происходит. Юрий сообщил ему ровно столько, сколько было необходимо для того, чтобы разжечь интерес разведывательных кругов США. Они даже не подозревали, как изменится мир через несколько дней.

Он должен найти Сашу раньше Мэпплторпа.

И сделать это можно было только одним способом.

Пройдя на выходе из зоопарка через полицейский кордон, Юрий остановился и набрал номер на своем сотовом, вновь задействовав систему шифрования. Как и до этого, ответили почти сразу, но на сей раз — автоответчик.

— Вы позвонили на международный коммутатор «Арго инкорпорейтед». Пожалуйста, оставьте сообщение...

Эта компания являлась прикрытием «Ясонов», а псевдоним «Арго» было выбран потому, что так назывался корабль мифического Ясона. При мысли о том, насколько это глупо, Юрий, дожидаясь сигнала автоответчика, сокрушенно покачал головой. Несколько часов назад он убил одного из них, но теперь сам нуждался в помощи тайного общества американских ученых. И он знал, как связаться с ними. В годы холодной войны тогдашние противники вели незримую войну за технологическое превосходство, причем ученые каждой из сторон пользовались неограниченной поддержкой военного ис-

теблишмента и разведывательных служб. В качестве оружия в этой войне применялся не только интеллект, но и самые подлые средства: диверсии, насилие, шантаж. Однако при этом ученые с обеих сторон пользовались определенной свободой действий и независимостью от вояк. За несколько десятилетий они усвоили две вещи. Во-первых, у них есть много общего, и, во-вторых, что еще важнее, существует определенная черта, через которую не переступит ни одна ни другая сторона.

Когда такое понимание сформировалось окончательно, были разработаны способы взаимодействия. В частности, так называемая тревожная кнопка. Вот и сейчас Юрий назвал свой зашифрованный сотовый номер и произнес кодовое слово, принятое еще во время холодной войны:

— Пандора.

20 часов 38 минут

Из зала Звездно-полосатого флага валили клубы дыма.

Грей и его спутники стояли в коридоре, соединяющем зал Флага с центральным залом музея. Предварительно они натянули комбинезоны маляров и скрыли лица под респираторами. Для убедительности Грей даже обрызгал комбинезоны свежей краской.

Он наклонился и заглянул в зал Флага. От дыма щипало в глазах, но ему удалось разглядеть пламя, танцующее на лужах растворителя, который он разлил по деревянному полу. В следующий момент ожила противопожарная система и с потолка во все стороны брызнула вода. Взыла сирена пожарной сигнализации.

Грей подождал еще несколько секунд, желая убедиться в том, что стеклянная витрина, в которой хранился флаг, осталась сухой. Он знал, что витрина представляет собой герметичную камеру, главной задачей которой являлось сохранение национальной реликвии для грядущих поколений. Теперь она защитит флаг от дыма и воды.

Убедившись в том, что святыне ничто не угрожает, он переключил внимание на центральный зал. Снова слышались

крики рабочих. Они и без того были напуганы предупреждением о возможном взрыве бомбы, а тут еще дым и рев пожарной сигнализации.

Грей выглянул в центральный зал и посмотрел в сторону выхода. Предупрежденные через мегафон о необходимости воспользоваться именно этим выходом, мужчины и женщины толпились возле него, толкаясь и наступая друг другу на ноги. В руках у многих были рюкзаки и ящики с инструментами. Паника толкала людей к дверям, где каждого выходящего методично обыскивали вооруженные мужчины и обнюхивали две немецкие овчарки.

— Пошли, — сказал Грей.

Под прикрытием дыма и царящего кругом страха они присоединились к рабочим на выходе, предварительно разойдясь по одному, чтобы спецназовцы не признали в них ту троицу, за которой они бегали по тоннелям. Влиться в паникующую толпу было все равно что прыгнуть в бушующее море у скалистого берега. Их толкали, пинали, лягали, сдавливали со всех сторон. Грей старался не упускать из виду двоих своих товарищей по несчастью.

Людская масса постепенно несла их к выходу. Несмотря на толкучку, вооруженным мужчинам каким-то образом удалось поддерживать на выходе некое подобие порядка. Обыски продолжались, но теперь уже носили более поверхностный характер. Возбужденные шумом и сутолокой, собаки лаяли и натягивали поводки.

Грей крепче ухватился за сумку, висевшую у него на плече, и переместил ее на грудь. Если понадобится, он пробьет себе дорогу сквозь вооруженную цепь, как бык, как нападающий в американском футболе в последнем рывке к воротам.

Посмотрев вбок, он увидел, как толпа вынесла Элизабет через двери и бросила прямо в руки спецназовцев. Ее торопливо обыскали и велели уходить. Когда женщина проходила мимо одной из собак, та разразилась лаем и стала рваться с поводка. Нет, животное не опознало ее запах. Просто овчарка была возбуждена и сбита с толку происходящей суетой. Заглу-

шить запах Элизабет помогли дым и свежая краска на комбинеzone. Она пошла прочь от кордона и скрылась в сумерках Эспланады.

На очереди был Ковальски. Чтобы сделать маскировку более достоверной, в каждой руке он нес по банке с краской, с помощью которых расчищал себе путь. Его тоже обыскивали. Солдаты даже открыли банки.

Грей затаил дыхание. Скверно. Паника скомкала процедуру обыска, но не до такой степени, как он рассчитывал.

Досмотрев Ковальски, один из спецназовцев махнул рукой, веля ему уходить в сторону Эспланады.

Грей вышел из дверей и наткнулся на ладонь человека в черной форме.

— Руки вверх! — скомандовал тот.

Приказ был подкреплён стволом автомата, упершимся Грею в грудь.

Чужие руки проворно ощупали его с головы до ног. К счастью, Грей предусмотрительно отстегнул от лодыжки кобуру с пистолетом и бросил ее в мусорную урну в музее.

И все же...

— Откройте сумку!

Грей понимал, что протестовать или сопротивляться бесполезно. Он бросил сумку на асфальт, расстегнул ее и достал единственный находившийся в ней предмет — электрическую шлифовальную машину. Тот, кто его обыскивал, перевернул сумку и потряс ее над тротуаром, желая убедиться, что в ней ничего не осталось, а затем махнул рукой, веля Грею убраться прочь.

Проходя мимо собаки, Грей заметил мужчину в костюме, стоящего поодаль. На нем не было бронежилета, зато в его ухе было закреплено телефонное блютуз-устройство. Мужчина отдавал незримому собеседнику какие-то приказы, и было очевидно, что он тут главный. Грей сразу вспомнил, что видел этого же человека в погрузочной зоне Музея естественной истории. Поравнявшись с ним, Грей скосил глаза на служебную карточку, прикрепленную к нагрудному карману пиджака, и прочитал три буквы: АВР. Агентство военной разведки.

Значилось на карточке и имя ее владельца: «МЭППЛ-ТОРП».

Пока загадочный Мэпплторп не обратил внимания на проявляемый к его персоне интерес, Грей ускорил шаг, направляясь к Эспланаде. Вскоре он присоединился к двум остальным, поджидавшим его в отдалении от музея. Со стороны они не могли выглядеть подозрительно: трое обычных работяг, собравшихся поболтать во время перерыва.

Грей вновь постучал по микрофону рации. Он пытался поднять «Сигму» по тревоге. Наконец ему ответил знакомый голос:

— Грей! Куда ты запропастился?

Это был Пейнтер Кроу.

— Нет времени объяснять, — ответил Грей. — Мне нужна машина без опознавательных знаков. Пусть остановится на углу Четырнадцатой и Конститушн.

— Сейчас будет.

Направляясь к оговоренной точке эвакуации, Грей протянул руку в сторону Ковальски. Великан отдал ему одну из банок с краской.

— Мне противно даже нести эту гадость. Прямо мурашки по коже.

Когда банка оказалась у него, Грей вздохнул с облегчением. На дне ее лежал странный маленький череп. Грей справедливо рассудил, что вряд ли кому-то захочется шарить рукой в густой латексной краске, особенно если банку несет рабочий, чей комбинезон заляпан этой же краской. После того как череп очистят, возможно, они наконец сумеют получить хоть какие-то ответы.

— У нас получилось! — торжествующе произнесла Элизабет.

Грей промолчал.

Он знал, что до завершения этой истории еще очень далеко.

Через полмира от Вашингтона, в темной комнате без окон, проснулся мужчина. На стоявшей рядом панели круглосуточно работающих приборов светились маленькие огоньки. Он

узнал моргание и ритм электрокардиографа, его нос уловил запах антисептика и йода. Ошеломленный, он резко дернулся на кровати. Огоньки поплыли перед глазами разноцветными испуганными рыбками.

Эта картинка вызвала к жизни что-то важное. Воспоминания.

Огоньки в темной воде...

Он пытался сесть, но локти были привязаны к поручням кровати. Больничной кровати. Он даже не мог оторвать руки от одеяла. Обессиленный, он снова упал на подушку.

«Я что, попал в аварию?»

Сделав вдох, мужчина вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит. Это было какое-то тревожное, щекочущее чувство. Он повернул голову и с трудом разглядел прямоугольник дверного проема. На пороге стояла темная фигура. Вот она двинулась, послышался звук шагов по кафельному полу, а затем шепот на незнакомом языке. Судя по звучанию слов, это был русский.

— Кто здесь? — хрипло спросил он.

Его гортань горела, словно он хлебнул кислоты.

Молчание. Темнота была неподвижна, словно смерть.

Задержав дыхание, он ждал.

Внезапно у двери вспыхнул свет. Он слепил, причинял боль глазам. Мужчина инстинктивно попытался поднять руку, чтобы заслонить глаза, забыв о том, что руки привязаны к кровати.

Он беспомощно моргал. Свет исходил из маленького фонарика-ручки, и благодаря ему он увидел, как в его комнату крадучись вошли три маленькие фигуры. Дети. Фонарик держал мальчик лет двенадцати или тринадцати. Другой рукой он заботливо обнимал за плечи девочку на год или два младше его. Последним шел маленький мальчик, не старше восьми лет. Они подошли к кровати — боязливо, словно приближались к логову льва.

Самый высокий мальчик, который явно был их вожаком, повернулся к самому маленькому и что-то сказал ему по-рус-

ски. Слов было не разобрать, но, судя по интонации, это был вопрос. Он назвал своего спутника именем, напоминавшим английское Питер. Младший кивнул, указал на кровать и забормотал что-то на русском, причем в голосе его звучала уверенность.

Мужчина повернулся на кровати и наконец сумел с усилием прохрипеть:

— Кто вы? Что вам нужно?

Старший заставил его замолчать, направив ему в лицо луч фонарика, и с тревогой посмотрел на открытую дверь. После этого дети разделились. Старший мальчик и девочка принялись распутывать ремни, которыми были примотаны к кровати его конечности, а самый младший продолжал стоять на прежнем месте с широко открытыми глазами. Как и его спутники, он был одет в широкие штаны, темно-серую водолазку, а также курточку и вязаную шапочку того же цвета. Мальчик смотрел прямо на него, и это раздражало, поскольку мужчине казалось, будто ребенок читает что-то у него на лбу.

Когда его руки оказались свободны, он сел. Комната снова поплыла перед глазами, но не так сильно, как в первый раз. Чтобы обрести равновесие, он провел рукой по голове и обнаружил, что его череп совершенно лыс. Несколько швов, которые он нащупал за левым ухом, утвердили мужчину в его первоначальном предположении. Вероятно, он действительно попал в аварию и ему обрили голову для проведения хирургической операции. И все же ощущение лысой головы под собственной ладонью почему-то казалось до боли знакомым и естественным.

Прежде чем он успел разрешить в уме эту дилемму, мужчина поднес к глазам вторую руку. По крайней мере, попытался. Потому что она заканчивалась культей в районе запястья. От испуга и неожиданности его сердце гулко забилося. Авария, в которую он попал, видимо, была поистине страшной. Его целая рука гладила аккуратные стежки швов за ухом, как будто читая азбуку Брайля. Да, несомненно, это следы недавней операции. Однако его культя выглядела давно зажив-

шей и даже огрубела. Он как будто почувствовал отсутствующие пальцы и от охватившего его отчаяния сжал их в невидимый кулак.

Старший мальчик отступил от кровати.

— Пойдем, — проговорил он на английском языке.

Из того, как скрытно действовали его избавители и какой таинственностью было обставлено его освобождение, мужчина сделал вывод о возможном существовании некоей опасности. Одетый в больничную пижаму, он спустил ноги на холодный кафельный пол. Комната снова пришла в движение.

— О-о-ох...

К горлу подступила тошнота.

— Скорее! — поторопил его старший мальчик.

— Подожди, — простонал мужчина, хватая ртом воздух, чтобы утихомирить желудок. — Объясни, что происходит.

— Нет времени, — сказал мальчик и двинулся к двери.

Он был неуклюжим, словно состоял только из рук и ног. Он пытался говорить властным тоном, но ломающийся голос выдавал его юный возраст и владеющий им страх. Приложив ладонь к груди, мальчик представился:

— Меня зовут Константин. Ты должен идти. Пока не стало поздно.

— Но я... Я не...

— Да. Ты растерян. Пока же знай: тебя зовут Монк Коккалис.

Усмехнувшись, мужчина покрутил головой.

Монк Коккалис.

Это имя ему ничего не говорило. Он собрался возразить, исправить эту ошибку, но вдруг осознал, что его память обезоружена, а в том ее месте, где должно было находиться его имя, остался холостой патрон. Сердце сжалось, превратившись в болезненный комок, охватившая его паника мешала видеть. Как такое возможно? Мужчина снова пощупал швы за ухом. Он получил удар по голове? Оказался контужен? Он пытался отыскать внутри себя хоть какие-то воспоминания помимо тех ми-

нут, которые, проснувшись, провел в этой комнате, но там, где он искал, не было ничего. Сплошная пустыня.

Что же произошло?

Он вновь посмотрел на электрокардиограф, от которого к его груди тянулись провода. В углу стоял измеритель кровяного давления, рядом — металлический шест для капельниц. Но если он в состоянии назвать все окружающие предметы, почему ему не удастся вспомнить собственное имя? Он шарил в своем прошлом в поисках чего-то, за что можно уцепиться, но за пределами этой комнаты царила пустота. У него больше не было памяти.

Самый маленький из детей словно почувствовал отчаяние, охватившее взрослого, и подошел к кровати. Свет от тонкого фонарика отражался в его голубых глазах. Монк, если это действительно было его имя, почувствовал, что малыш знает о нем больше, чем он сам. Словно доказывая это, мальчик прочитал все, что творилось у него в душе, и произнес единственные слова, которые могли заставить его подняться с кровати. Протянув руку ладонью вверх, будто прося милостыню, он сказал:

— Спаси нас.

5 сентября, 21 час 30 минут
Вашингтон, округ Колумбия

— Чернобыль? — переспросила Элизабет. — Что понадобилось отцу в России?

Она смотрела на двух мужчин, сидевших напротив нее за кофейным столиком. Сама она устроилась в кресле, спиной к окну, выходящему на зелень парка Рок-Крик. Их привезли в это место после того, как забрали от музея. Грей сказал, что это конспиративная квартира и совершенно безопасное место, но от его слов Элизабет вовсе не почувствовала себя в безопасности. Все происходящее чересчур напоминало шпионский роман. Однако очарование дома — уютного, двухэтажного, построенного из клинкерного кирпича и обшитого обожженным тигровым деревом — успокоило ее.

Хотя бы немного.

По приезде сюда она долго умывалась: оттирала руки и плескала водой в лицо, но ее волосы все равно пахли дымом, а ногти были испачканы краской. После этого Элизабет долго сидела на крышке стульчака, спрятав лицо в ладонях и пытаясь разобраться в событиях последних часов. Она не осознавала, что плачет, пока не почувствовала, что ладони мокры от слез. Слишком много всего на нее обрушилось. У нее до сих пор не было времени свыкнуться с мыслью о том, что отца больше нет. Хотя у нее не было сомнений в том, что это правда, Элизабет пока не была готова смириться с этим жестоким фактом.

И не будет готова до тех пор, пока не получит ответы на некоторые вопросы.

Именно эти вопросы в конце концов выгнали ее из ванной.

Элизабет смотрела на нового для нее человека, сидевшего за кофейным столиком. Он был представлен ей как босс Грея, директор Пейнтер Кроу. Элизабет изучала его. У него были угловатые черты и загорелое лицо. Будучи антропологом, она сразу же прочитала в его глазах наследие, доставшееся ему от его предков, американских индейцев, и их леденистый голубой цвет не мог ввести ее в заблуждение. Над ухом в его черных волосах белела седая прядь, напоминавшая перо цапли.

Мужчины сидели на диване, склонившись над ворохом бумаг, рассыпанных на столе.

Раньше чем она успела задать мучившие ее вопросы, с кухни вернулся Ковальски в носках. Его полированные ботинки стояли на полке холодного камина.

— Вот, нашел крекеры «Ритц» и что-то типа сыра, — оповестил он присутствующих. — В этом я, правда, не уверен. Зато у них есть салями.

Он наклонился и поставил тарелку перед Элизабет.

— Спасибо, Джо, — сказала она, тронутая этим незатейливым проявлением заботы посреди царящей вокруг неразберихи.

От смущения у великана вспыхнули уши.

— Не за что, — прогудел он и выпрямился, затем ткнул пальцем в тарелку, но позабыл, что хотел сказать, и, помотав головой, ретировался к камину, чтобы в очередной раз осмотреть свои ботинки.

Пейнтер откинулся на спинку дивана, и Элизабет переключила внимание на него.

— Что касается Чернобыля, то мы не знаем, зачем ваш батюшка ездил туда. Более того, мы проверили его паспорт, и там нет записей о том, что он выезжал из страны, посещал Россию и затем вернулся в Соединенные Штаты. Последняя запись о его путешествиях сделана пять месяцев назад. Он летал в Индию. Больше о его перемещениях нам ничего не известно.

Элизабет кивнула.

— Он часто ездит туда. По крайней мере дважды в год.

— В Индию? Зачем? — спросил Грей.

— У него исследовательский грант. Будучи неврологом, он изучал биологическую основу инстинктов. Он работал совместно с профессором психологии в университете Мумбая.

Грей посмотрел на своего босса.

— Я проверю, — сказал Пейнтер. — Мне уже приходилось слышать о том, что ваш отец проявляет интерес к изучению инстинктов и интуиции. Собственно говоря, именно по этой причине его и взяли в «Ясоны».

Последняя фраза была адресована Грею, но Элизабет напрыглась при упоминании этой организации. Она не могла скрыть отвращения.

— Так вы о них знаете... о «Ясонах».

Пейнтер посмотрел на Грея, а затем вновь перевел взгляд на Элизабет.

— Да, мы знаем, что ваш отец работал на них.

— Работал? Уместнее сказать, что он был одержим ими.

— Что вы имеете в виду?

Элизабет рассказала о том, как работа с военными переросла у отца во всепоглощающую страсть. Каждое лето он пропадал на один-два месяца, а иногда и больше, остальная же часть года была посвящена выполнению им своих обязанностей в качестве профессора Массачусетского технологического института. В результате дома он бывал очень редко. Это привело к тому, что отношения между ее родителями стали крайне напряженными, взаимные обвинения переходили в ссоры. Мать думала, что у отца роман на стороне.

Подобная обстановка в доме еще больше отдалила отца от семьи. Крепкий некогда брак рассыпался на куски. Мать, уже находившаяся на грани алкоголизма, перешагнула эту грань. Когда Элизабет было шестнадцать, мать, напившись до чертиков, села за руль их внедорожника и свалилась на нем в реку Чарльз. Был ли это несчастный случай или самоубийство, установить так и не удалось.

Но Элизабет знала, кто являлся истинным виновником случившегося.

После этого она редко разговаривала с отцом. Каждый из них замкнулся в своем собственном мире. Теперь не стало и отца. Навсегда. Несмотря на горечь потери, она все же не могла окончательно вырвать из сердца обиду на этого человека. Даже его странная смерть превратилась для нее в мучительный кроссворд.

— Как вы считаете, участие отца в деятельности «Ясонов» как-то связано с его смертью? — спросила она наконец.

— Трудно сказать, — покачал головой Пейнтер. — Расследование только началось. Но мне удалось узнать, с каким из секретных военных проектов была связана работа вашего отца. Этот проект назывался...

— «Звездные врата», — закончила за него Элизабет.

Удивление, отразившееся на лице директора, польстило ей.

Ковальски, сидевший в кресле у камина, встрепнулся.

— Эй, я смотрел этот фильм! Там инопланетяне и всякое такое, да?

— Нет, Джо, это не те «Звездные врата», — ответила Элизабет. — А вы, мистер Кроу, не волнуйтесь. Мой отец не разглашал государственных секретов. Просто я пару раз случайно слышала, как он упоминал название этого проекта. А потом, лет десять спустя, я прочитала рассекреченный доклад ЦРУ, обнародованный благодаря закону о свободе информации.

— В чем суть этого проекта? — осведомился Грей.

Пейнтер мотнул головой в сторону лежавшей на столе стопки документов.

— Все детали — здесь, вплоть до времен холодной войны. Официально проект курировал второй по величине мозговой центр страны, Стэнфордский исследовательский институт, который впоследствии разработал технологию «стелс». Но тогда, в тысяча девятьсот семьдесят третьем году, ЦРУ поручило институту выяснить, возможно ли использовать парапсихологию для сбора разведданных.

— Парапсихологию? — переспросил Грей, удивленно вздернув брови.

Пейнтер кивнул.

— Телепатию, телекинез... Но в первую очередь они сосредоточили свои усилия на изучении ясновидения. Этот феномен называется также «дальновидением» или «видением на расстоянии». Индивидуумы, обладающие таким даром, могли бы следить за различными местами и событиями, находясь за тысячи миль от них, одной только силой своего сознания.

Ковальски в своем углу презрительно фыркнул.

— Психопионы!

— Да, это звучит безумно, но не забывайте: в самые мрачные дни холодной войны любое преимущество, завоеванное Советами, должно было стать достоянием нашей разведки. Любой технологический перевес в пользу противника считался недопустимым. Советский Союз шел на все ради достижения цели. Для Советов парапсихология являлась мультидисциплинарной областью знаний, в которую входили бионика, биофизика, психофизика, психология и нейрофизиология.

Пейнтер кивнул в сторону Элизабет.

— Вот и работы вашего отца в области исследования интуиции и инстинктов. Это из области нейрофизиологии.

Элизабет покосилась на Грея. Взгляд его был недоверчивым, однако он молчал и слушал. Она решила последовать его примеру.

— В отчетах ЦРУ говорится, что Советы добились первых успехов. В тысяча девятьсот семьдесят первом году советская программа, хотя она и без того относилась к разряду секретных, была засекречена вообще намертво — так, будто ее и не бывало. Ручеек информации пересох. Единственное, в чем мы были уверены, так это в том, что исследования в России продолжаются и финансирует их КГБ. Нам было необходимо дать адекватный ответ, иначе мы остались бы позади. Вот тогда к работе и подключили Стэнфордский исследовательский институт.

— И какими были результаты? — спросил Грей.

— В лучшем случае смешанные, — ответил Пейнтер.

Элизабет тоже читала рассекреченный доклад.

— Откровенно говоря, этот проект оказался не очень успешным, — сказала она.

— Это не совсем так, — возразил Пейнтер. — В официальных отчетах говорится, что ясновидение давало результаты в пятнадцати процентах из ста, а это гораздо выше среднестатистических показателей. Кроме того, имелись и вовсе исключительные случаи. Взять, к примеру, нью-йоркского художника Инго Сванна. Он был способен в мельчайших деталях описать здание, получив только его географические координаты — широту и долготу. Его попадания, по словам некоторых официальных лиц, достигали восьмидесяти пяти процентов.

Пейнтер, должно быть, прочитал сомнение в глазах своих слушателей и постучал пальцем по стопке бумаг.

— Эксперименты Стэнфордского исследовательского института были продублированы в Форт-Миде* и лаборатории по изучению аномальных явлений Принстонского университета. Один из самых известных случаев связан с похищением и спасением бригадного генерала Джеймса Дозьера. По словам физика, курировавшего проект, один ясновидящий называл город, куда перевезли похищенного, а второй описал здание, в котором его держали. Описал детально, вплоть до кровати, к которой был прикован генерал. От таких результатов трудно отмахнуться.

— И все же отмахнулись, — проговорила Элизабет. — Насколько мне известно, исследования заморозили в середине девяностых. Затем программу вообще закрыли.

— Не совсем, — загадочно произнес Пейнтер.

Но прежде чем он успел объяснить свою реплику, его перебил Грей.

— Однако если вернуться к началу... Какое отношение все это имело к «Ясонам»?

— Ага, я как раз хотел перейти к этому. Судя по всему, Стэнфордский исследовательский институт, подобно Советам,

* Форт-Мид — город в американском штате Мэриленд, где расположен штаб-квартира Агентства национальной безопасности США.

начал расширять границы своих исследований, распространяя их на другие дисциплины.

— Вроде нейрофизиологии, которой занимался доктор Полк, — подсказал Грей.

Пейнтер кивнул.

— Поскольку проект был засекречен, власти привлекли к работе двух ученых из числа «Ясонов», поручив им проводить параллельные исследования. Одним из них был ваш отец, Элизабет, а вторым — доктор Трент Макбрайд, инженер-биомедик, специальностью которого являлась физиология мозга.

Это имя было знакомо Элизабет. Она помнила поздние визиты в их дом, когда отец надолго запирался в своем кабинете с различными людьми, среди которых был и доктор Макбрайд. Да и сложно было забыть этого громогласного и добродушного мужчину. Он приносил ей подарки — первые издания книг про Нэнси Дрю.

— Я пытался связаться с доктором Макбрайдом, — продолжал Пейнтер, — но повсюду мне говорили только одно: о нем никто ничего не слышал вот уже пять месяцев.

Элизабет почувствовала озноб.

— Пять месяцев... Именно тогда отец улетел в Индию.

Они с Греем обменялись обеспокоенными взглядами.

Что же, в конце концов, происходит?

21 час 40 минут

Юрий Раев вышел из лифта на подземном этаже исследовательского учреждения. После того как Юрию перезвонили, ему понадобилось сорок пять минут, чтобы доехать до Военно-медицинского исследовательского института Уолтера Рида в Мэриленде. Здание представляло собой полмиллиона квадратных футов лабораторных площадей, большая часть которых была предназначена для проведения биологически опасных исследований. Это означало, что здесь работают со всеми разновидностями инфекционных заболеваний.

Чтобы связаться с «Ясонами», Юрий использовал пароль тревоги — «Пандора». Потребовалось еще десять минут для

того, чтобы его вызов дошел до тех, кто был ему нужен, «тайного кабинета» организации, представители которого сотрудничали с русскими в осуществлении проекта, направленного «на благо обеих наций». Юрий надеялся заручиться поддержкой «Ясонов», которые могли бы помочь ему вырвать Сашу из лап Мэпплторпа. «Ясоны», обладая разносторонними научными познаниями, понимали, с какой деликатностью необходимо обращаться с подобным ребенком — как в физиологическом, так и в психологическом плане. А вот Мэпплторп, наоборот, балансировал на грани допустимого, движимый политическими амбициями и слепым эгоизмом. Юрий не доверял этому человеку.

Однако теперь, когда Саша пропала, ему были нужны союзники на американской земле.

Юрию было предложено встретиться с доктором Джеймсом Ченом, неврологом и членом «тайного кабинета», чтобы выработать план совместных действий. На встрече должен был присутствовать еще один член «Ясонов». «Человек, который сможет помочь», — сказали ему.

Получив четкие инструкции и пропуск в здание, Юрий шел по коридору. В столь поздний час все двери были закрыты. На этом уровне было мало лабораторий. Запах хлорки щекотал нос и маскировал другой, мускусный запах. За одной из дверей слышались звуки, напоминавшие обезьяний визг. Должно быть, здесь держали подопытных животных, поэтому и людей тут сейчас не было.

Он заглянул в бумажку с номером комнаты, где ему назначили встречу.

В-2 340.

Отыскав нужную дверь с матовым стеклом, Юрий постучал. По стеклу промелькнула тень, и дверь распахнулась.

— Доктор Раев? Спасибо, что пришли.

На пороге стоял молодой мужчина азиатской внешности в белом лабораторном халате, из-под которого выглядывали синие джинсы. На его темечке, стеклами вверх, красовались очки, словно он их там забыл. У одной стены стоял незатейли-

вый стол, вдоль противоположной выстроился ряд железных клеток. В пространство между прутьями время от времени высывались влажные черные носы, из клеток доносилось шуршание и царапанье маленьких когтей. Лабораторные крысы. Только эти были безволосыми, если не считать усов.

Доктор Чен провел его к открытой двери в задней части комнаты. За ней располагался кабинет, в котором царил форменный кавардак: стальной стол был завален книгами записей, белая доска изрисована квадратами с напоминаниями о том, что предстоит сделать, шкаф забит стеклянными банками со всевозможными образцами.

Юрий был удивлен, увидев знакомую фигуру, ссутулившуюся за столом. Человек говорил по сотовому телефону. В этом пятидесятилетнем мужчине без труда угадывались шотландские корни: массивное сложение, красные щеки и рыжая с сединой борода — аккуратно подстриженная и скрывающая выступающую вперед нижнюю челюсть. Он возглавлял группу «Ясонов», выделенную в помощь русским, а также являлся коллегой и давним другом доктора Арчибальда Полка.

Доктор Трент Макбрайд.

— Он только что вошел, — проговорил Макбрайд в трубку, приветственно кивнув Юрию. — Я всех проинструктирую примерно через час.

Он закрыл телефон, встал и протянул Юрию руку.

— Мне сообщили новые детали в связи с вашей ситуацией. Учитывая нестабильное состояние девочки, это дело первостепенной важности. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти ребенка.

Юрий пожал американцу руку и сел на стул. Он хоть и был удивлен, но при этом испытывал облегчение, обнаружив здесь Макбрайда. Под обычной для того маской добродушной бравады таился острый, практичный ум.

— Значит, вы понимаете, насколько важно отыскать ее, причем как можно скорее? — спросил Юрий.

Макбрайд кивнул и задал встречный вопрос:

— Как долго девочка может продержаться без своих лекарств?

— Тридцать два часа.

— А последняя инъекция была сделана...

— Семь часов назад, — мрачно ответил Юрий.

Значит, чтобы найти Сашу, остается чуть больше суток.

— В таком случае нам придется поторапливаться, — сказал Макбрайд. — Как вы можете догадаться, Мэпплторп уже звонил мне. Собственно говоря, именно по этой причине я приехал сюда лично.

— Я думал, вы находитесь в Женеве. Разве вы не приняли решение уйти со сцены и оставаться за кулисами?

— Лишь до тех пор, пока не будет разрешен вопрос с Арчибалдом. — Его взгляд, направленный на Юрия, стал жестким. — Теперь это произошло, но исход мог бы быть и лучше.

— Вы не хуже меня знаете, что доктор Полк не прожил бы и нескольких дней. Я должен был сделать то, что сделал.

Макбрайд немного смягчился.

— И, как вы помните, я голосовал против того, чтобы привлечь доктора Полка к исследованиям.

Макбрайд откинулся на спинку кресла, которое жалобно скрипнуло под его внушительным весом.

— Я искренне верил в то, что Арчибалд будет более сговорчивым, особенно после того, как познакомится с проектом поближе. В конце концов, этот проект является продолжением работы, которой он посвятил всю свою жизнь. И, учитывая опасность, которую доктор стал собой представлять, единственным выходом было...

Американец печально развел руками.

Доктор Полк подобрался слишком близко к самому сердцу проекта. Даже Макбрайд не знал, насколько близко. В их распоряжении оставалось лишь два варианта: либо завербовать его, либо уничтожить.

Вербовка провалилась, причем — с катастрофическими последствиями. Будучи привезен в Муравейник, Полк бежал оттуда, прихватив с собой важную улику и сверхсекретные сведения. Им не оставалось ничего другого, кроме как ликвидировать его.

— Я весьма сожалею по поводу Арчибальда, — проговорил Юрий.

Это было правдой. Смерть доктора, хотя и являлась трагической необходимостью, стала при этом невосполнимой утратой. Профессор в одиночку добился огромных успехов и был готов обнародовать достижения, которые русские хранили в строжайшем секрете от американцев. В конце концов и те и другие осознали, насколько полезен был доктор Полк.

И до его похищения, и после.

— Что касается пропавшей девочки... — заговорил Юрий, но Макбрайд его перебил:

— Насколько я понимаю, она — один из объектов вашей программы «Омега»?

Юрий утвердительно кивнул.

— Ее эффективность доходит до девяноста семи процентов. Она жизненно необходима для нашей программы. Да и для вашей тоже. Боюсь, Мэпплторп не понимает, насколько деликатным должен быть баланс, чтобы сохранить омега-субъект живым и дееспособным.

Макбрайд потер переносицу.

— Во время нашего телефонного разговора Мэпплторп высказал предположение относительно того, что, возможно, нам стоит отловить ребенка самостоятельно и для собственных нужд.

— Чего-то в этом роде я от него и ожидал.

За спиной Юрия дверь кабинета открылась, и он услышал, как доктор Чен кого-то приветствует — сухо и формально. Он повернул голову и с ужасом увидел, как в комнату входит предмет их разговора. Выражение обвисшей физиономии Мэпплторпа было даже более кислым, нежели обычно. В душе Юрия зашевелились самые дурные предчувствия.

Макбрайд встал.

— А, Джон! Мы как раз говорили о вас. Улыбнулась ли вашей команде удача в возвращении похищенного черепа?

— Нет, хотя мы облазили оба музея — от подвала до чердака.

— Странно, — произнес Макбрайд, нахмурившись. — А от-носительно девочки какие-нибудь новости имеются?

— В небе барражируют вертолеты, прочесывая город квадрат за квадратом. Пока — ничего. И сигнал от следящего устройства до сих пор не поступал.

— Следящее... Какое следящее устройство? — вскинулся Юрий.

Макбрайд обошел стол и, подойдя к Юрию, поднес к его лицу сжатый кулак. Когда он разжал пальцы, на его ладони лежал крохотный предмет, чуть больше булавочной головки. Юрию пришлось наклониться ближе, чтобы рассмотреть его.

— Чудо нанотехнологий, — сказал Макбрайд. — Пассивный микропередатчик с короткоимпульсным аттенуатором и стерильным полимерным корпусом. Во время последнего посещения Муравейника я ввел такие устройства всем детям.

Юрий ничего не знал о подобных имплантациях, но, с другой стороны, даже ему говорили далеко не все.

— Мартова одобрила введение этих следящих устройств?

Макбрайд посмотрел на Юрия и вздернул бровь, словно говоря: «Вы же умный человек, доктор Раев!» Юрий понял: Савина ничего не знает об этом. Макбрайд ввел детям крохотные приборы по собственному почину, втайне от всех остальных. Юрий имел постоянный и неограниченный доступ к детям, но при этом сам находился под постоянным наблюдением.

Он смотрел на передатчик. Тот был настолько мал, что ввести его в организм или тело человека можно было сотней способов.

Но для чего Макбрайду...

Мозг Юрия лихорадочно анализировал различные возможности, вероятности и последствия. Макбрайд, должно быть, действительно ввел передатчики всем детям. После этого ему оставалось лишь активировать соответствующий сценарий, чтобы один или несколько детей покинули гнездо.

Перед внутренним взглядом Юрия возникло лицо Арчибалда Полка в последние секунды его жизни, и тут же осознание страшной истины сразило его, как удар в солнечное сплетение.

— Это все было подстроено, — выдохнул Юрий. — Побег доктора Полка...

— Очень хорошо, — улыбнулся Макбрайд, как учитель, довольный успехами ученика.

Тень Мэпплторпа наковальной упала на Юрия.

Его одурачили.

Он посмотрел на Макбрайда.

— Вы были в Муравейнике, когда Арчибальд сбежал. Это вы организовали его побег!

Последовал кивок.

— Нам было необходимо извлечь одного из ваших омега-субъектов на свет божий.

— Вы использовали доктора Полка в качестве наживки. Вашего друга и коллегу!

— К сожалению, это было необходимо.

— А он... Арчибальд знал, что его используют?

Макбрайд устало вздохнул.

— Я думаю, он мог подозревать, хотя... выбирать ему было не из чего. Либо умри, либо пройди сквозь строй. Иногда приходится быть патриотом помимо собственной воли. И должен сказать, у него это получилось отлично. Он почти добежал до финиша.

— И все это для того, чтобы похитить ребенка?

Макбрайд снова помассировал переносицу.

— Мы подозревали, что вы, русские, что-то скрываете. Разве не так?

Лицо Юрия оставалось бесстрастным. Это было правдой, но он не знал масштабов того, что скрывали от американцев.

— Мы используем этого ребенка, чтобы начать собственную программу здесь, в Соединенных Штатах. Чтобы детально изучить все, что вы с ним сделали. Невзирая на наши многочисленные запросы, ваша группа так и не представила нам детализированного отчета. Вы с самого начала утаивали от нас наиболее важные данные.

«Не только данные, а еще и планы».

Вслух Юрий спросил:

— Как же быть с лекарствами для Саши?

- Этот вопрос мы решим. С вашей помощью, разумеется.
- Никогда, — мотнул головой Юрий.
- Я боялся, что вы это скажете.

Движение глаз Макбрайда заставило Юрия обернуться.

Мэпплторп держал в руке пистолет.

Выстрел был сделан в упор.

21 час 45 минут

Грей был не из тех, кто легко верит в совпадения. Двое ученых, работающих над одним и тем же проектом, пропадают одновременно, а затем один из них появляется в Вашингтоне — подвергшийся радиоактивному облучению и находящийся на пороге смерти.

Он потерял болевшие виски.

— Элизабет, все это должно быть каким-то образом связано с первоначальными исследованиями вашего отца.

— Верно, — кивнул Пейнтер. — Вопрос в другом: какая тут связь? Если бы мы располагали дополнительными деталями... Возможно, чем-то, чего нет в записях вашего отца.

Его слова повисли в воздухе.

Элизабет опустила глаза. Ее руки были крепко стиснуты и лежали на коленях. Видимо, осознав, насколько она напряжена, женщина разжала пальцы и выпрямила их.

— Не знаю, — пробормотала она. — В последние годы мы... мало разговаривали. Ему не очень нравилось, что я решила заняться антропологией. Он хотел, чтобы я пошла по его... — Она тряхнула головой. — Не обращайтесь внимания.

Грей налил в чашку горячий кофе и передал женщине. Она взяла ее с благодарным кивком, но пить не стала, а просто держала, сжав обеими руками, словно согревая ладони.

— Но по всей видимости, он был не так уж недоволен вашим выбором профессии, если выхлопотал для вас место в греческом музее, — предположил Грей.

Она покачала головой.

— Его помощь была вовсе не бескорыстной, как может показаться на первый взгляд. Отца всегда очень интересовал

Дельфийский оракул. Женщины-прорицательницы отлично вписывались в его исследования инстинктов и интуиции. Он считал, что они представляли собой некую генетическую общность и им было присуще какое-то общее врожденное качество. Или же — врожденная неврологическая аномалия. Так что, как видите, отец пристроил меня в Дельфийский музей только для того, чтобы я помогла ему в его изысканиях.

— Но в чем именно заключались эти изыскания? — спросил Грей, пристально глядя на женщину. — Нам могла бы помочь любая информация, которой вы готовы поделиться.

Она вздохнула.

— Я могу рассказать вам, с чего началась одержимость отца вопросами интуиции и инстинктов. — Взгляд Элизабет был устремлен в пространство между двумя сидевшими напротив нее мужчинами. — Вам что-нибудь известно о первых опытах в области интуиции, которые проводились русскими?

Мужчины отрицательно помотали головами.

— Это был ужасный по жестокости эксперимент, но он полностью укладывался в русло отцовских умозаключений. Лет двадцать назад русские забрали у кошки ее недавно родившихся котят, а затем поместили их на борт подводной лодки, которая вышла в море и опустилась на значительную глубину. Контролируя основные жизненные показатели кошки, моряки убили одного котенка. В тот самый момент, когда это случилось, у кошки участилось сердцебиение, подпрыгнуло давление, а в мозгу была зафиксирована острая боль. Кошка впала в состояние возбуждения, казалась растерянной. В течение следующих дней один за другим были убиты остальные котята, и каждый раз кошка реагировала аналогичным образом. Хотя от котят ее отделяло большое расстояние, она чувствовала смерть каждого из них.

— Разновидность материнского инстинкта, — сказал Грей.

— Или интуиции, — кивнула Элизабет. — Как бы то ни было, для отца это стало доказательством существования некоей биологической связи. Он сконцентрировал усилия на том, чтобы, опираясь на неврологию, найти научный базис для этого

странного феномена. Через некоторое время он объединил усилия с одним профессором в Индии, изучавшим аналогичные способности у индийских йогов и мистиков.

— Какие способности? — уточнил Пейнтер.

Элизабет сделала глоток горячего кофе и сокрушенно покачала головой.

— Отец увлекся чтением всяких идиотских историй, которые рассказывали люди с так называемыми особыми психическими способностями. Он выискивал разных психов и шарлатанов, собирал случаи, в подтверждение которых имелись хоть какие-то доказательства, а также те редкие случаи, о которых свидетельствовали настоящие ученые вроде Альберта Эйнштейна.

Грей не смог скрыть удивления.

— Эйнштейна?

Она кивнула.

— На переломе веков по многим университетам мира возили индийскую женщину по имени Шакунтала, демонстрируя ее удивительные способности. Имея всего лишь среднее образование, она демонстрировала необычайные математические навыки, производя в уме сложнейшие вычисления.

— Что-то вроде дара саванта? — спросил Пейнтер.

— Это было нечто большее. Женщина стояла с мелом у доски и начинала писать ответ раньше, чем был задан вопрос. Даже Эйнштейн стал свидетелем и подтвердил этот ее талант. Он задал ей вопрос, на решение которого, включая сложную многоступенчатую систему расчетов, у него самого ушло три месяца, и опять — раньше, чем он закончил говорить, — она уже писала ответ, занявший всю поверхность доски. Эйнштейн спросил женщину, как у нее это получается, на что она ответила: «Цифры просто возникают у меня перед глазами, а я всего лишь записываю их».

Элизабет смотрела на мужчин, ожидая недоверчивых комментариев, но Грей только кивнул ей, предлагая продолжить рассказ. Его уступчивость уже начинала раздражать. Ей казалось, что, если бы он отмел все эти истории, назвав их враньем,

это помогло бы ей укрепиться в каком-то своем внутреннем убеждении.

— Были и другие случаи, — продолжала она, — и тоже в Индии. Один мальчик-рикша мог отвечать на математические вопросы, даже не слыша самого вопроса. Он объяснял, что, когда рядом с ним оказывался кто-то, желающий задать ему такой вопрос, его внезапно охватывало возбуждение и ответы сами выстраивались в его мозгу, «как солдаты». Его впоследствии отвезли в Оксфорд и подвергли тщательному изучению. Доказывая свои способности, он решал математические задачи, которые в то время еще не имели решения. Ученые Оксфорда фиксировали результаты. Спустя десятилетия, когда математика поднялась на новый уровень, все его ответы были проверены и оказались правильными. Но к тому времени мальчик успел состариться и умереть.

Элизабет поставила на столик чашку с кофе.

— Как бы поразительны ни были эти случаи, они лишь приводили отца в исступление. Ему были нужны живые, а не давно умершие объекты для исследований. И вот, продолжая собирать различные невероятные истории, он обнаружил, что многие из них имели место в Индии, среди тамошних йогов и мистиков. К тому времени другие ученые уже подвели физиологический базис под удивительные способности йогов. Такие, например, как способность на протяжении нескольких дней выдерживать сверхнизкие температуры путем регулирования притока крови к коже и конечностям. Или — на протяжении месяцев существовать без пищи посредством снижения интенсивности обмена веществ.

Грей кивнул со знанием дела. Он изучал многие труды, посвященные йогом. Они добивались столь фантастических результатов с помощью психического контроля, вторгаясь в те функции организма, которые, как принято считать, не зависят от воли человека.

— Отец с головой погрузился в индийскую историю, язык и даже древние ведические тексты пророчеств. Он нашел опытных йогов и стал изучать их. Исследования включали в себя

анализы крови, электроэнцефалографию, картирование мозга и даже анализ ДНК с целью проследить генетическую линию наиболее одаренных из этих людей. В итоге ему удалось доказать, что в мозгу существует некая органическая основа для того, что продемонстрировали русские с помощью своего эксперимента на маме-кошке.

Пейнтер поерзал на диване.

— Неудивительно, что Арчибальда привлекли к стэнфордскому проекту. Его исследования как нельзя лучше отвечали поставленным перед ними целям.

— Но почему отца убили из-за них? Он занимался этим много лет назад. — Элизабет встретила взглядом с Греем. — И при чем тут этот странный череп?

— Пока нам это не известно, — ответил Пейнтер, — но к утру мы будем знать о черепе гораздо больше.

Грей очень надеялся, что так оно и будет. В «Сигму» уже была вызвана целая команда экспертов, которые должны были изучить непонятный предмет. Грей с неохотой отдал череп, чтобы его переправили в центральную штаб-квартиру. В каком-то смысле череп являлся ключом ко всей этой загадке, и Грею не хотелось отдавать его в чужие руки.

Их беседу прервал стук в дверь.

Пейнтер резко обернулся, Ковальски встал, держа в руке ботинок.

Грей тоже поднялся с дивана, расстегнул кобуру и вытащил полуавтоматический пистолет. Перед домом несли дежурство двое охранников в штатском. Если бы возникли какие-то проблемы, они сообщили бы об этом по рации. Зачем же стучать в дверь?

Жестом он велел всем отойти в глубь комнаты, а сам подошел к двери и встал сбоку от нее, рядом с небольшим монитором, разделенным на четыре квадрата. В каждом из них транслировалось изображение с четырех внешних и внутренних видеокамер наблюдения. В верхней левой секции было видно, что происходит непосредственно за дверью.

Там, в нескольких шагах от двери, стояли две фигуры.

Тощий мужчина в красной ветровке держал за руку маленького ребенка. Девочку. Она теребила красную ленточку, которой были стянуты ее волосы. В поведении мужчины Грей не увидел ничего угрожающего. В другой руке незнакомец сжимал лист плотной желтой бумаги. Он наклонился, просунул его под дверь и подтолкнул. Лист скользнул по натертому деревянному полу и застыл прямо у ног Грея.

Грей смотрел на детский рисунок, сделанный черным карандашом. Штрихи были грубыми, но на рисунке безошибочно угадывалась главная комната его конспиративной квартиры. Там были нарисованы и четыре человеческие фигуры: две сидели на диване, одна — на стуле, а четвертая, самая большая, очевидно Ковальски, стояла у камина с ботинком в руке. Это был детский рисунок той самой комнаты, в которой они сейчас находились, и их самих.

Грей снова посмотрел на монитор. Его внимание привлекло какое-то движение на трех других секторах экрана. В поле зрения оказались мужчины, также одетые в ветровки. Грей видел, как они взяли на мушку появившихся охранников.

Ковальски подошел и встал рядом с Греем. Он понаблюдав происходящее на мониторе, а затем вздохнул.

— Здорово! — проговорил он. — Вы что, разместили адреса наших конспиративных укрытий в Интернете?

Снаружи охранников заставили опуститься на колени.

Дом был окружен. Они оказались в западне.

На другом конце света человек по имени Монк искал собственный путь к свободе.

Пока трое детей сторожили у входа в палату, он натянул темно-синий комбинезон, подходивший по цвету к рубашке с длинными рукавами, которая уже была на нем. С одной рукой сделать это оказалось не так-то просто. На стуле осталась шерстяная вязаная шапочка и толстые носки. Он натянул шапочку на бритую голову, а носки — на ноги. Затем надел ботинки — удобные, но сильно поношенные и растрескавшиеся.

Одеваясь, он пытался вспомнить хоть что-то о себе и своей прошлой жизни, но у него ничего не получалось. Память хра-

нила лишь то, что произошло после его пробуждения в этой комнате. Хорошо хоть процесс одевания помог ему обрести равновесие и почувствовать себя более уверенно в вертикальном положении.

Одевшись, он подошел к старшему из детей, Константину, стоявшему у двери. Она была металлической и имела засов с внешней стороны. Основательность двери подтвердила, что он являлся узником, а то, что происходило сейчас, стало быть, являлось побегом.

Самый младший из малолетней троицы, Петр, взял Монка за руку и потащил за собой по коридору подальше от света, горевшего на посту дежурной медсестры. Он вспомнил просьбу, с которой обратился к нему этот малыш.

«Спаси нас».

Монк не понимал: от чего? Девочка, которую, судя по всему, звали Киска, привела их к задней лестнице, отмеченной красным неоновым знаком. Пройдя под ним и оказавшись на ступеньках, Монк поднял голову и посмотрел на него. Надпись на знаке была сделана на кириллице.

Итак, он в России. Пусть память оказалась стертой, Монк точно знал: он не отсюда. Он думал на английском, причем без языковых особенностей, характерных для обитателей Британских островов. Это означало, что он должен быть американцем. Или нет? Если он мог понять все это, почему у него не получалось...

Внезапно его ослепил целый каскад образов, словно фотографии из другой жизни одна за другой стали вспыхивать в его мозгу.

Улыбка... Кухня, и кто-то стоит спиной к нему... Стальное, острое лезвие топора, блеснувшее на фоне голубого неба... Огоньки, поднимающиеся из глубин темной воды...

А затем все исчезло.

У него закружилась голова. Он хотел ухватиться за перила, но инстинктивно попытался сделать это искалеченной рукой. Культя скользнула по поручню, и он с трудом удержал равновесие. Взглянув на культу, он вспомнил одно из видений, посетивших его только что.

Стальное, острое лезвие топора, блеснувшее на фоне голубого неба...

Может, это произошло именно так?

Двое старших ребятишек находились впереди, спускаясь по лестнице, и только малыш все так же сжимал его здоровую руку. Он смотрел на Монка глазами такого голубого цвета, что они казались почти белыми. Маленькие пальчики сжимали его пальцы, словно пытаясь приободрить, вселить в него уверенность.

Мальчик мягко потянул его за собой, и он, оступаясь, двинулся следом за остальными.

На лестнице им не встретилось ни одной живой души, и под конец они вышли через заднюю дверь, окунувшись в безлунную, темную ночь. Холодный воздух был неподвижным и влажным. Монк сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь успокоить отчаянно бьющееся сердце.

Слышалось низкое гудение генератора. Монк оглядел здание больницы, состоявшее из двух пятиэтажных башен, соединенных между собой более низкими корпусами.

— Идем. Сюда, — проговорил Константин, принимая командование на себя.

Они рысцой побежали по выложенной брусчаткой аллее, тянувшейся между зданием больницы и стеной высотой не менее шести метров по левую сторону от них. Монк огляделся, пытаясь сориентироваться. За стеной горели несколько фонарей, освещаая черепичные крыши невидимых построек. Добежав до угла, они завернули за него. Аллея сменилась неровной каменистой тропинкой — влажной и скользкой. Здесь, на заднем дворе, освещения не было. Монк сумел разобрать лишь то, что стена, вдоль которой они бежали и по которой скользила его рука, была сооружена из бетонных блоков. По грубым выступам цементного раствора и неровной кладке он определил, что строили ее в спешке.

До его слуха донесся жуткий вой. За ним последовал приглушенный лай и пронзительные крики.

Его ноги сами замедлили бег. Животные. Это что, зоопарк?

Словно прочитав его мысли, высокий мальчик, бежавший первым, обернулся и одними губами произнес: «Зверинец», а затем махнул рукой, призывая двигаться дальше.

Зверинец?

Они добежали до следующего угла, и отсюда тропинка пошла под уклон. С возвышения, на котором они находились, Монк смотрел на раскинувшуюся внизу долину и живописный поселок с выложенными брусчаткой дорожками и домиками с остроконечными крышами и цветочными ящиками. В причудливых уличных фонарях черного цвета горело газовое пламя. В одном из углов поселка расположилось трехэтажное здание школы, окруженное полями для игры в мяч и открытым амфитеатром. В центре маленького поселка находилась площадь с фонтаном, высокие струи которого танцевали и поблескивали в ночи.

На дальней стороне поселка ряд за рядом возвышались пятиэтажные жилые корпуса, по виду напоминавшие индустриальные постройки, темные и безжизненные. Этот район казался давно заброшенным.

В отличие от центральной части поселка.

Там, растерянные и напуганные, суетились люди. Слышались крики. Он видел детей в ночных рубашках и пижамах, смешавшихся со взрослыми, многие из которых были одеты так же и явно только что подняты с кроватей. На других была серая униформа и фуражки с твердым околышем. На узких улочках плясали лучи фонарей.

Что подняло обитателей поселка на ноги в столь неурочный час?

Он услышал, как выкрикивают имена: кто-то — с мольбой, кто-то — со злостью:

— Константин! Петр! Киска!

Так звали троих его маленьких спутников.

С площади в небо по дуге взлетела красная ракета, осветив сонный поселок; кровавый свет заплясал на бетонных стенах дремавших внизу пустынных зданий с черными провалами окон.

Монк следил взглядом за ракетой, которая, достигнув высшей точки, выбросила маленький парашют и стала медленно спускаться. Но внимание Монка оставалось приковано к тому, что находилось наверху.

Небо... Оно было не просто безлунным.

Точнее, его не было вовсе.

Красный свет ракеты осветил массивный каменный свод, тянувшийся во всех направлениях и накрывавший все видимое пространство. Задрав голову и открыв от изумления рот, Монк медленно сделал полный круг, поворачиваясь вокруг своей оси.

Они не выбрались наружу.

Они находились внутри гигантской пещеры.

Судя по виду свода и стен, на которых остались следы взрывов, возможно, она была рукотворной.

Монк снова перевел взгляд на идеальный маленький поселок, расположившийся внутри пещеры, как корабль в бутылке. Однако времени на то, чтобы любоваться видами, не было.

Константин дернул его за рукав, заставив опуститься и спрятаться за глыбой известняка. В их сторону с негромким гудением направлялись три джипа. Вот они проехали мимо и двинулись по крутой дороге в сторону больничного комплекса. Автомобили, судя по всему, были на электрическом ходу, а в них сидели мужчины в униформе и с оружием в руках.

Ничего хорошего это не сулило.

Когда машины скрылись из виду, Константин указал в сторону, противоположную поселку, в темноту, царившую в глубине пещеры. Они пересекли каменистое пространство и оказались на узкой тропинке, которой, судя по ее виду, пользовались крайне редко.

Прижимаясь к склонам пещеры, беглецы миновали подземный поселок. Впереди Монк увидел жерло тоннеля. Яркое освещенное и забранное решетчатыми воротами, оно было таким огромным, что в него, двигаясь рядом, могли бы въехать два цементовоза. Там, за воротами, начиналась дорога, ведущая из пещеры.

Однако дети повели его в противоположную сторону.

Куда они направляются?

Позади них пронзительным воем разорвалась сирена, оглушив их, поскольку они находились в замкнутом пространстве. Все четверо обернулись. На крыше больничного комплекса крутилась красная мигалка.

Жители поселка поняли: пропали не только дети.

Монк пытался заставить детей идти дальше, но завывание сирены словно парализовало их. Они стояли как вкопанные, зажав уши и зажмурив глаза. Киску, похоже, тошнило. Константин опустил на колени и раскачивался из стороны в сторону. Петр что было сил прижался к Монку.

Они обладали сверхчувствительностью.

И все же Монку удалось заставить их продолжить путь. Взяв на руки Петра, он почти волоком тащил за собой Киску. Оглянувшись, он посмотрел на красный мигающий свет на крыше больницы. Пусть он потерял память или, скорее всего, она была умышленно стерта, но он абсолютно точно знал одно: если его поймут опять, он потеряет гораздо больше, чем просто воспоминания. И он боялся, что детей ждет еще более незавидная участь.

Нужно было идти дальше. Но — куда?

6 сентября, 5 часов 22 минуты
Киев, Украина

Николай Солоков ждал, пока установят камеры. Его уже подготовили к интервью: причесали, припудрили. Грудь Николая все еще закрывало большое бумажное полотенце, заправленное за ворот, чтобы грим не сыпался на его голубую рубашку и темно-синий костюм. Желая побыть в одиночестве, он удалился в одну из палат больницы. Зарубежные съемочные группы все еще готовились к трансляции утреннего репортажа со ступеней детского дома.

В высокие окна палаты лился утренний солнечный свет. Между койками бесшумно двигалась медсестра. Здесь от посторонних глаз прятали самых тяжелых детей. Двухлетнюю девочку с неоперабельной опухолью щитовидной железы, десятилетнего мальчика с огромной, раздувшейся от гидроцефалии головой и еще одного мальчика помладше, с бессмысленными глазами олигофрена. Его руки и ноги были крепко привязаны к койке.

Медсестра, украинская матрона квадратного телосложения, заметив, что Солоков смотрит на привязанного ребенка, пояснила:

— Это для того, чтобы он себя не поранил, сенатор*.

Взгляд ее был усталым от ежедневного созерцания стольких страданий.

* Все ошибки и неточности в обозначениях реалий российской действительности остаются на совести автора.

Однако она помнила случаи и похуже. В 1993 году в Молдове родился ребенок с двумя головами, двумя сердцами и двумя позвоночниками, но только одним набором конечностей. У другого новорожденного мозг располагался вне черепа.

Все это было наследие Чернобыля.

Весной 1986 года, глубокой ночью, взорвался четвертый энергоблок Чернобыльской атомной электростанции. В течение следующих десяти дней объем радиации был эквивалентен последствиям взрыва четырехсот бомб, аналогичных той, что уничтожила Хиросиму, и радиоактивное облако стало расползаться по планете. К сегодняшнему дню, по данным Российской академии медицинских наук, число погибших от лучевой болезни превысило сто тысяч человек. Еще семь миллионов, большинство из которых дети, подверглись облучению, что вызвало всплеск онкологических заболеваний и генетических отклонений.

Теперь, когда те, кто подвергся облучению в юном возрасте, сами стали заводить детей, начиналась вторая волна трагедии. Медики сообщали о возрастании числа врожденных отклонений на тридцать процентов.

Именно по этой причине сюда приехал общительный и харизматичный руководитель нижней палаты российского парламента.

Избирательный округ самого Николая в Челябинске находился за тысячу миль отсюда, но и ему были не чужды тревоги, связанные с атомной энергетикой. В горах Урала добывалась большая часть ядерного топлива для Чернобыля и плутоний для советских баллистических ракет. Это место оставалось одним из самых радиоактивных на планете.

— Они готовы к встрече с вами, сенатор, — проговорила за спиной Солокова его помощница.

Он повернулся к ней.

Елена Озерова была стройной женщиной двадцати с небольшим лет, с темными волосами и смуглым лицом. В черном деловом костюме, который скрывал ее и без того маленькие груди, она казалась каким-то бесполом существом. Жесткая,

неразговорчивая, Озерова постоянно находилась рядом с боссом. Журналисты называли ее Распутиным при Николае, и он не возражал против этого.

Все это соответствовало его политическим планам стать смелым реформатором и в то же время вернуть былую славу Российской империи. Даже его тезка, Николай Второй, последний царь из династии Романовых, был заточен и расстрелян в Екатеринбурге, где родился Николай Солоков. Хотя при жизни царь был не лучшим лидером своей страны, после его мученической смерти Русская православная церковь причислила бывшего самодержца всея Руси к лику святых. На месте дома, где была расстреляна царская семья, возвели Храм-на-Крови, символически обозначая возрождение Романовых.

Некоторые утверждали, что сорокаоднолетний Николай Солоков, с его жидкими черными волосами и курчавой бородой, сам являлся возродившимся к жизни царем.

Он поощрял подобные сравнения.

Отягощенная долгами и нищетой, подтачиваемая мздоимством и коррупцией, Россия пыталась подняться на слабых ногах, и в новом тысячелетии ей был нужен новый лидер.

Этим лидером собирался стать Николай.

И планы его шли гораздо дальше.

Он позволил Елене снять бумажное полотенце у него с груди. Она окинула его оценивающим взглядом и одобрительно кивнула.

Николай отправился к свету юпитеров, ожидавших его снаружи.

Он вышел в дверь. Елена, словно тень, следовала за ним. На широком крыльце был установлен помост, позади которого виднелась доска с названием детского дома. Николай прошагал к шеренге микрофонов, выстроившихся на помосте, и поднял руку, призывая к тишине журналистов, сразу же засыпавших его вопросами. Один репортер требовал от него признаться в прежних связях с КГБ, второго интересовали финансовые связи его семьи с крупнейшими горнодобывающими

концернами, действующими в Уральском регионе. Стоило ему подняться к вершинам власти, как возвысили голоса те, кто хотел сбросить его оттуда.

Не обращая внимания на вопросы, Николай стал гнуть свою линию.

Он наклонился к микрофонам, и его голос перекрыл назойливые выкрики журналистов.

— Пора закрыть эти двери! — гремел он, указывая на вход в детский дом. — Дети Украины, Белоруссии, России достаточно пострадали от грехов нашего прошлого! Хватит!

Николай дал волю гневу. Он знал, как это выглядит на телеэкранах: волевое лицо человека, полного решимости изменить жизнь к лучшему. Он продолжал страстно говорить о новом облике России, призывал к решительным действиям, заклинал смотреть в будущее, но не забывать о прошлом.

— Через два дня четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС будет закрыт стальным куполом. Новый саркофаг станет финальной точкой в трагедии и вечным памятником всем мужчинам и женщинам, отдавшим свои жизни ради того, чтобы защитить не только Родину, но и весь мир. Пожарным, непоколебимо стоявшим с брандспойтами в руках, пока радиация выжигала их будущее. Пилотам, проводившим свои винтокрылые машины сквозь клубы радиоактивного дыма, чтобы доставлять к месту катастрофы цемент и припасы. Шахтерам, которые съехались со всей страны, чтобы помочь в сооружении первого щита на разрушенном реакторе. Эти отважные люди, исполненные национальной гордости, являются подлинным сердцем России! Они и совершенный ими подвиг навсегда останутся в нашей памяти!

По мере того как Николай говорил, толпа слушателей за спинами журналистов росла. Ему льстили аплодисменты и крики одобрения, раздававшиеся в паузах.

Это была первая из речей, которые ему предстояло произнести в ходе подготовки к торжественной церемонии установки нового саркофага над мертвым, но все еще смертельно опас-

ным реактором. Прежний — цементный — саркофаг уже крошился. Во время его сооружения он рассматривался как временная мера, а было это двадцать лет назад. Новый весил восемнадцать тысяч тонн и был высотой с половину Эйфелевой башни. Это была самая большая передвижная конструкция на планете.

Другие политики тоже начали набирать очки на предстоящем событии, устраивая такие же мероприятия и произнося подобные речи. Но голос Николая звучал громче и приятнее других, поскольку он был признанным борцом за реформу ядерной энергетики и ликвидацию радиоактивных свалок, опоясывавших страну. Многие пытались свести его риторику на нет, доказывая, что предлагаемые им меры неслыханно дорогостоящи. Члены его собственного парламента бичевали и хаяли его в прессе.

Но Николай знал, что он прав.

Настанет день, когда в этом убедятся и все остальные.

— Запомните мои слова! — продолжал он. — Заканчивая одну главу нашей истории, мы лишь делаем отчаянную попытку спасти положение. Наше ядерное прошлое еще преподнесет нам сюрпризы. И нам, и всему миру. И когда этот день наступит, я надеюсь, наши сердца будут столь же отважны, как у людей, что пожертвовали своим будущим в тот трагический день. Так не будем же бездарно проматывать бесценный дар, полученный нами из их рук. Давайте положим начало новому Возрождению! Пусть из огня возникнет новый мир!

Произнося эти слова, Николай знал, что его глаза горят благородным порывом. Это был девиз его кампании.

Новое Возрождение.

Русский Ренессанс.

Нужно было лишь слегка подтолкнуть страну в нужном направлении.

Елена прикоснулась к локтю босса, желая привлечь его внимание. Он наклонился к ней, и в тот же миг в парке через дорогу хрустнувшей веткой прозвучал винтовочный выстрел.

Краем глаза Николай даже увидел вспышку, вырвавшуюся из ствола, и мимо его уха просвистела пуля.

Снайпер.

Убийца.

Елена дернула его вниз, за помост. В толпе слышались крики, и через секунду началась паника. Воспользовавшись суматохой, Николай прижался губами к ее рту и погладил длинные волосы. Он легко провел пальцем по изгибу холодной хирургической стали за ее ухом.

— Все прошло отлично, — шепнул он.

22 часа 25 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер присоединился к Грею, стоявшему у двери, и тоже стал смотреть на монитор.

Мужчина за дверью заговорил, словно почувствовав их присутствие:

— Мы не причиним вам зла.

Он говорил с сильным акцентом, выдававшим в нем выходца из Восточной Европы.

Пейнтер изучал незнакомца на экране, а затем перевел взгляд на девочку, которая стояла рядом с ним, держа его за руку. Она смотрела прямо в объектив замаскированной камеры.

Мужчина снова заговорил:

— Мы — союзники Арчибальда Полка! — Его голос звучал немного неуверенно, словно он не знал, скажет ли это имя что-нибудь тем, к кому он обращался. — У нас мало времени!

Элизабет подошла и встала позади Пейнтера. Они обменялись взглядами. Если существовала хоть какая-то возможность узнать о судьбе ее отца, стоило рискнуть. Но в разумных пределах. Пейнтер нажал на кнопку переговорного устройства и сказал:

— Если вы союзники, отпустите наших людей и бросьте оружие.

Мужчина на крыльце покачал головой.

— Сначала докажите, что вам можно доверять. Мы многим рисковали, привезя сюда девочку. Мы раскрылись перед вами.

Пейнтер взглянул на Грея. Тот пожал плечами.

— Мы впустим вас внутрь, — сказал Пейнтер. — Но только вас и девочку.

— А я прикажу держать ваших людей на мушке, чтобы гарантировать нашу безопасность.

— Одна большая счастливая семья! — прорычал стоявший тут же Ковальски.

Пейнтер жестом велел Грею увести Элизабет за угол. Сам он встал сбоку от двери. Ковальски, как был, в носках, занял позицию по другую ее сторону и занес над головой свое единственное оружие — ботинок, который держал в руке.

Ему и этого хватит.

Пейнтер отодвинул засов и приоткрыл дверь. Незнакомец поднял свободную руку, показывая, что она пуста. Другую его руку по-прежнему держала девочка. На вид ей было не больше десяти лет. Темноволосая, в платье в черно-серую клеточку. У мужчины была оливковая кожа и легкая щетина на лице. Возможно, египтянин или уроженец какой-то другой арабской страны. В свете фонаря, горевшего над крыльцом, его темно-карие глаза казались черными, в них тлела настоящая и скрытая угроза. Одет он был в джинсы и темно-красную ветровку.

Не сводя глаз с открытой двери, незнакомец повернул голову и что-то проговорил, обращаясь к своим спутникам. Пейнтер не понял ни слова, но, судя по интонации, мужчина приказал им быть начеку.

— Он цыган, — пробормотал Ковальски.

Пейнтер взглянул на великана.

— По соседству от меня жила цыганская семья, потому я и знаю. — Ковальски ткнул пальцем в незнакомца. — Он сейчас говорил на цыганском языке.

— Он прав,— сказал мужчина.— Меня зовут Лука Хирн. Пейнтер открыл дверь шире и знаком предложил ему войти. Незнакомец осторожно переступил порог и в знак приветствия кивнул Пейнтеру и Ковальски.

— Састимос*,— проговорил он.

— Найс тука**,— ответил Ковальски.— Но предупреждаю: на этом мои познания в цыганском языке заканчиваются.

Пейнтер повел Луку и ребенка в гостиную. Девочка шла, странно подергивая конечностями. Ее лицо горело нездоровым румянцем.

Лука заметил стоящего поодаль Грея с пистолетом в руке.

Пейнтер знаком велел тому убрать оружие в кобуру. Он не чувствовал, чтобы от этого человека исходила прямая угроза. В нем ощущалась только крайняя настороженность.

Элизабет шагнула вперед.

— Вы упомянули моего отца.

Лука непонимающе вздернул бровь.

— Это дочь Арчибальда Полка,— пояснил Пейнтер.

Глаза цыгана распирились, и он склонил голову в сторону женщины.

— Я скорблю в связи с вашей утратой. Он был великим человеком.

— Что вам известно о моем отце? — спросила она.— Кто этот ребенок?

Девочка высвободила руку и подошла к столу. Присев возле него на корточки, она принялась раскачиваться вперед и назад.

— Эта девочка? — переспросил Лука.— Не знаю. Загадка. Я получил послание от вашего отца. Безумное голосовое сообщение. Оно было сумбурным, торопливым. Он приказал нам купить в магазине «Радиошек» дюжину радиопередатчиков «Кобра марин» и настроить их на определенную волну. Он говорил как сумасшедший, бормотал цифры. Он хотел, чтобы

* Доброго здоровья (цыганск.).

** Спасибо (цыганск.).

мы рассредоточились по Эспланаде и ждали момента, чтобы принять посылку.

— Посылку? — переспросил Пейнтер.

Лука красноречиво посмотрел на девочку.

— Ее.

— Девочку? — изумленно спросила Элизабет. — Зачем? Лука развел руками.

— Мы были в долгу перед вашим отцом. Мы видели, как его застрелили, хотя тогда еще не знали, что он ваш отец. Но мы сделали так, как он просил, и пошли по следу ребенка.

Пейнтер смотрел на девочку. Где-то на ней непременно должен находиться «жучок», передающее устройство.

— Мы дошли за ней до зоопарка, где сумели забрать ее, не привлекая внимания.

— Вы похитили ее? — задал вопрос Пейнтер.

Лука пожал плечами.

— В конце послания нам было приказано «перехватить посылку» и доставить ее куда-то или кому-то по имени Сигма.

От этих слов Пейнтер едва не подпрыгнул.

— Сообщение обрывалось внезапно, без каких-либо пояснений. Как только девочка оказалась у нас, мы должны были действовать быстро. Мы опасались, что появятся другие, которые будут ее искать. Те, кто сможет вычислить ее так же, как это удалось нам. Тем более что в округе в связи с ее исчезновением была объявлена оранжевая тревога. Но мы не знали, что имел в виду профессор, говоря о каком-то Сигме. Пока мы суетились, пытаясь хоть что-то узнать, девочка вдруг начала рисовать как одержимая.

Он указал на девочку, которая поднялась на ноги, взяла из камина уголек и, подойдя к белой стене, принялась рисовать на ней. Она рисовала словно вслепую — судорожно, отрывисто, начиная в одном месте, затем перескакивая к другому.

— Она рисовала без остановки, — продолжал Лука. — Изображала силуэт парка и мост Рок-Крик. — Он указал на вид, открывавшийся из окна. — А потом — дом, угнездившийся в том же лесу. В поисках этого дома нам пришлось прочесать весь парк, поскольку мы верили в то, что это важно. К тому

времени, когда мы нашли его, она нарисовала картинку, которую я подсунул вам под дверь.

Лука окинул их взглядом.

— Картинку всех вас, друзей и родственников доктора Полка. Вот почему я должен спросить вас: вы знаете этого Сигму?

Пейнтер достал глянцевую служебную карточку, на которой была его фотография, скрепленная президентской печатью, и голографическое изображение греческой буквы. Лука стал рассматривать ее под разными углами, чтобы как следует разглядеть голограмму. Узнав букву, он изменился в лице.

Пока они разговаривали, Грей подошел к девочке, присел на корточки рядом с ней и стал смотреть, как она трудится. Он потер подбородок. Кое-что привлекло его внимание. Кисть его правой руки висела между коленями. Он выпрямил палец и направил его на девочку. Такой знак в бейсболе кетчер подает питчеру.

Лицо девочки просветлело, а головка слегка склонилась набок. Ее глаза были открыты, но она даже не смотрела на руку с угольком, продолжавшую вычерчивать штрихи на стене. Однако не эта странная манера поведения насторожила Грея.

Пейнтер тоже заметил это. Ее волосы, влажные от лихорадочного пота, разошлись над ухом, и между двумя прядями блеснула стальная полоска. Ее очертания было невозможно перепутать ни с чем другим: точно такое же устройство было прикреплено к странному черепу.

Только теперь оно находилось на живом существе.

Кого же прислал им Арчибальд?

Пока Пейнтер размышлял над тем, что это может означать, Элизабет прошла в глубь комнаты.

— Эй, посмотрите на это! — сказала она, указывая на стену.

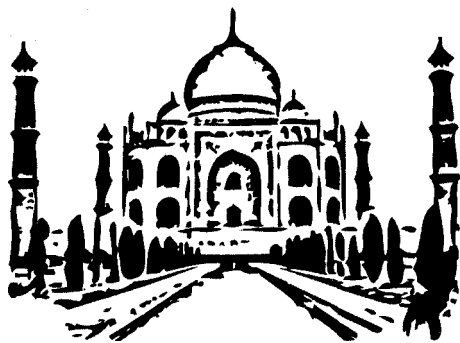
В ее голосе отчетливо слышался страх.

Пейнтер встал рядом с ней. Элизабет снова указала на сделанный углем рисунок. Бессмысленные на первый взгляд штрихи приобретали законченный вид, на глазах превращаясь в то, что было невозможно не узнать. Он наблюдал за этим несколько долгих минут.

— Но это же... — Элизабет запинаясь от изумления. — Это же...

— Тадж-Махал, — закончил за нее Пейнтер.

В наступившей после этих слов тишине послышалось басовитое ритмичное «вух-вух-вух-вух-вух». К дому на низкой высоте подлетал вертолет.

Грей встал и протянул руку девочке.

— Нас кто-то нашел.

6 часов 02 минуты

Киев, Украина

Николай скатился с Елены и остался лежать на спине.

Вентилятор под потолком гостиничного номера обдувал прохладным воздухом его разгоряченное, вспотевшее тело. У него болела поясница и саднили глубокие царапины на плечах. Елена легко соскочила с кровати, тряхнув волосами, доходившими ей до середины спины, и отправилась в душ. Ритмичные движения ее попки снова возбудили Николая. Он пошевелился, но предпринимать ничего не стал. Через полчаса его ожидало новое интервью.

Известие о неудавшемся покушении уже облетело весь мир, и о Николае писали все ведущие средства массовой информации. Как ему сообщили, снайпера подстрелили полицейские, и он скончался еще до приезда в больницу.

Теперь никто и никогда не узнает, что все это было подстроено. И сам снайпер, шахтер из городка Полевской, брат

которого погиб в прошлом году в результате аварии на шахте, уже никогда не узнает, как мастерски его использовали в схеме фальшивого покушения.

События развивались по тщательно разработанной схеме. Елена с ювелирной точностью рассчитала момент своего прикосновения. Таков был ее дар. Располагая необходимой информацией, она могла просчитать вероятное развитие событий с почти стопроцентной точностью. В том, что касается материалов, связанных с бизнесом, лучшие экономисты мира негодились ей в подметки. Поэтому после изучения технических характеристик большинства пистолетов и других легких вооружений ей оставалось только увидеть, в каком положении находится оружие и куда оно нацелено, чтобы просчитать точную траекторию полета пули.

Целиком и полностью доверяя этой женщине, сегодня утром Николай препоручил ей свою жизнь.

И остался жив.

В тот момент, когда они укрылись за помостом на крыльце детдома, Николай, привыкший всегда и во всем контролировать ситуацию, впервые почувствовал себя полностью незащищенным. Его жизнь оказалась в руках другого человека. Это произвело на него необычайно сильное впечатление: его пульс участился, и он не мог дождаться того момента, когда окажется в постели с Еленой.

Елена, обнаженная, с мокрой после душа кожей, вышла из ванной и прислонилась к дверному косяку. Похоть в ее глазах медленно угасала. Неукротимая львица превращалась в сонного котенка. А Николай наблюдал за этими последними уголками — возбуждающей смесью желания и ненависти. Но вскоре и они переплавились в обычную, повседневную покорность.

Подобная стимуляция ее имплантата была необходима — не только для того, чтобы сделать акт совокупления более чувственным, но и чтобы вызвать должный физиологический ответ и повысить вероятность оплодотворения. Николай читал исследования. И его мать хотела, чтобы у него были дети. Она даже одобрила его союз с Еленой. Это была прекрасная комбинация: его стальная воля и ее холодный расчет.

Сегодня утром Николай на славу постарался сделать маму счастливой. Царапины на его теле служили тому лучшим доказательством.

Правда, мама вряд ли одобрила бы то, что Елена привязывает руки ее сына к спинке кровати и хлещет его по бедрам жесткой щеткой. Однако когда Николай вырослел, она сама много раз повторяла ему: «Цель оправдывает средства».

Она всегда была практичной, его мать.

На тумбочке зазвонил телефон. Елена ответила на звонок, а затем передала трубку ему.

— Генерал-майор Савина Мартова, — официальным тоном сообщила она, вновь превратившись в кусок льда. — Она хочет говорить с вами, сенатор.

С усталым вздохом он взял трубку. Как всегда, она умудряется выбрать самое «подходящее» время. Должно быть, тоже услышала о неудавшемся покушении на его жизнь. Теперь наверняка хочет получить исчерпывающий отчет и удивляется, почему он сам до сих пор не позвонил ей. В течение нескольких следующих дней события будут спрессованы в тугую комок, и увидятся они только на формальной церемонии установки нового саркофага в Чернобыле. Все должно пройти гладко.

Николай перенес вес своего тела на исцарапанную задницу и поморщился от боли. Раньше чем он успел произнести хотя бы слово, в трубке прозвучало:

— У нас проблемы, Николай.

Он снова вздохнул.

— Что на этот раз, мама?

22 часа 50 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Прижимая девочку к груди, Грей бежал через двор. У малышки явно был жар, и тело ее на прохладном ночном воздухе казалось еще горячее. Даже сквозь рубашку Грей чувствовал, как горит ее кожа. Пока она рисовала, жар еще больше усилился. Когда Грей взял из ее руки уголек, она упала, и он едва успел ее подхватить. Девочка была в сознании, но ее глаза были абсолютно пустыми, а руки и ноги словно одеревенели. Грею

казалось, что он несет большую куклу. Кукольным было и ее восковое личико.

Грей прикоснулся к ее щеке, посмотрел на длинные и нежные ресницы.

Кто мог сделать такое с ребенком?

Малышку нужно было уберечь во что бы то ни стало.

Он посмотрел в небо. Черный вертолет военного образца опускался, намереваясь приземлиться прямо на улице, второй завис в воздухе в конце квартала, третий барражировал над парком позади дома.

Винтокрылые машины образовали треугольник.

Седан, на котором они приехали, все еще стоял на подъездной дорожке, у Луки и его людей было три одинаковых «форда»-внедорожника, припаркованных на улице. Цыганский барон уже собрал свою свиту. Он отдавал приказы на своем языке, указывая в разные стороны и, видимо, веля им рассредоточиться. Трое из них бросились в сторону парка, достигнув которого разбежались. Еще двое перебежали на другую сторону улицы и укрылись за домами. Соседские собаки дружно облаяли незваных гостей.

Ковальски и Элизабет шли впереди Грея, направляясь к стоявшему на дорожке «линкольну-таункар». Элизабет прижимала к уху сотовый телефон.

Пейнтер спешил к маленькой машинке «тойота-ярис», припаркованной у обочины. Она принадлежала одному из охранников, которых люди Лукипустили. Грей последовал за ним. Охранник уже сидел за рулем. Пейнтер открыл заднюю дверь, повернулся и протянул руки. Грей передал ему девочку, сказав:

— Она вся горит.

Директор кивнул.

— Как только мы окажемся в безопасности, ей будет оказана медицинская помощь. Я уже позвонил Кэт и Лизе и приказал им приготовить все необходимое.

Лиза Каммингс была опытным врачом и имела степень доктора медицинских наук в области физиологии. Параллельно с этим она являлась любовницей директора. Капитан Кэт Брай-

ент была экспертом «Сигмы» по разведке и координации. Она курировала операции за рубежом.

Нырнув на заднее сиденье машины с девочкой на руках, Пейнтер на мгновение выглянул и посмотрел в небо.

— Но сначала, — сказал он, — нам нужно прорваться через этот кордон.

Один из «фордов» сорвался с места и, не включая фар, пошел по улице; второй резко развернулся и рванул в противоположном направлении, вихрем пролетев мимо стоявшей «тойоты» с Пейнтером.

— Будем надеяться, что это работает, — сказал Грей.

Перед тем как уехать, Пейнтер заставил Луку принести «Кобру» — одно из устройств, которыми пользовались цыгане, выслеживая девочку на Эспланаде. Как и надеялся директор, эта штука оказалась настоящей рацией, способной не только принимать, но и передавать. Директор показал Луке, как переключать «Кобру» с приема на передачу, а Лука объяснил это всем своим людям. Теперь они, включив аппараты, разъехались и разбежались в разные стороны, создав тем самым с десяток ложных следов. Директор надеялся, что сигнал передатчиков заглушит сигнал, исходящий от радиомаяка девочки. Под прикрытием этой радиомаскировки Пейнтер рассчитывал добраться с девочкой до подземного бункера, в котором располагался штаб «Сигмы». Там он сможет нейтрализовать исходящий от нее сигнал и защитить ее.

Грей направился в другую сторону, к ожидавшему его «танкару». Ковальски уже нетерпеливо газовал на нейтральной передаче. Их путь лежал в международный аэропорт Рейгана. Грей вспомнил сделанный углем рисунок Тадж-Махала. Этот знаменитый мавзолей находился в Индии, той самой стране, где в последний раз видели Арчибальда Полка. Еще до появления девочки Грей решил расширить границы расследования и пройти по следу доктора в Индии. Таинственный рисунок на стене только укрепил его в этом намерении.

В Индии жил единственный человек, который мог пролить свет на исследования Полка и его перемещения до того момента, как он исчез.

Элизабет стояла возле открытой двери автомобиля, нервно поглядывая в небо. Когда Грей подошел, она как раз закончила разговаривать по телефону.

— Мне удалось дозвониться до доктора Мастерсона, — сообщила она, — коллеги отца из университета Мумбая. Но он сейчас не там, а в Агре.

— В Агре? — переспросил Грей.

— Это тот самый индийский город, в котором находится Тадж-Махал. Когда я позвонила, он был именно там, в мавзолее!

Грей посмотрел на «тойоту», которая отъехала от обочины и покатила по улице.

«Что же, черт побери, происходит?»

Над его головой пролетел вертолет, и птицы шарахнулись в противоположную сторону.

Грей предпринял еще одну попытку.

— Элизабет, — сказал он, — вы будете в большей безопасности, если останетесь здесь.

— Нет, я еду с вами. Вы сами убедитесь в том, что доктор Мастерсон — не самый приветливый и общительный человек, но меня он знает и ожидает моего приезда. Чтобы профессор согласился помочь, мне необходимо быть там.

Их глаза встретились, и во взгляде Элизабет Грей прочитал целую гамму чувств: решимость, страх и глубокую печаль.

— Он был моим отцом, — проговорила она. — Я должна ехать.

— А я за ней пригляжу, — подал голос Ковальски.

В ее глазах промелькнула улыбка.

Грей жестом предложил ей садиться в машину. Он не особо возражал против того, чтобы Элизабет отправилась с ним, поскольку полагал, что ее знания и опыт еще могут пригодиться, прежде чем вся эта история подойдет к концу. Профессор Полк не просто так пришел к дочери в Музей естественной истории. Это он помог ей устроиться в греческий музей. Каким-то образом все происходящее было завязано на Дельфах. Но каким?

Наконец к ним присоединился Лука, который слышал последнюю часть их разговора.

— Я тоже еду, — заявил он.

Грей кивнул в знак согласия. Этот вопрос уже был согласован с Пейнтером, который считал нужным отблагодарить цыгана за то, что он привел к ним девочку. Грея это вполне устраивало. Он уже успел задать Луке несколько вопросов относительно его взаимоотношений с доктором Полком и прочитал в его темных глазах железную решимость.

Когда все было улажено, Грей сел на переднее пассажирское сиденье, а Лука и Элизабет устроились сзади.

— Держитесь крепче! — крикнул Ковальски, дал задний ход и, съехав с дорожки перед домом, погнал «линкольн» по улице.

Вскоре гул вертолетных лопастей над их головами растаял в ночи. Мысли Грея снова вернулись к девочке.

«Кто она? Откуда пришла?»

Монк шел следом за тремя детьми. Шествие замыкал еще кое-кто, присоединившийся к ним у нижнего люка.

Но это был не ребенок.

Монк постоянно ощущал спиной взгляд темных глаз.

Они поднимались по спиральной лестнице, шахта для которой была пробита сквозь толщу известняка. По каменным стенам стекала вода, делая ступеньки скользкими. Лестница была узкой, сугубо функциональной и, по всей видимости, предназначалась для технических нужд. Подъем оказался долгим. Монк уже почти тащил Петра.

Чуть раньше, когда завывала сирена, дети провели Монка по тропинке, которая тянулась по пещере и оканчивалась у небольшого люка. За дверцей оказалась лестница, по которой они сейчас и поднимались. Еще внизу Монку представили последнего и самого странного члена их компании.

Ее звали Марта.

— Сюда! — крикнул Константин, державший их единственный фонарик.

Он уже добрался до верха лестницы. Вскоре Монк вместе с двумя другими детьми присоединился к нему. Старший мальчик, скрючившись, сидел перед аккуратно сложенной стопкой одежды. Впереди короткий тоннель упирался в новый люк.

Константин взял кипу одежды и сунул ее в руки Монку. Тот отнес ее к люку и положил ладонь на его металлическую поверхность. Она была теплой.

Повернувшись, он увидел, как в тоннель с лестницы выбирается последний член их маленькой экспедиции. При весе в сорок килограммов и росте меньше чем в метр Марта опиралась на одну руку. Ее тело покрывала мягкая темная шерсть. Голыми были только мордочка, руки и стопы. Меха вокруг морды уже поседели.

Встреча детей и обезьяны у нижнего люка была теплой и трогательной. Несмотря на вой сирены и чрезвычайную чувствительность детей, шимпанзе обняла каждого из них, не просто по-дружески — по-матерински.

Монк не мог не признать, что в присутствии животного дети заметно успокоились.

Даже сейчас обезьяна, сразу подойдя к детям, ласково прикасалась к ним и что-то лепетала.

Больше всего внимания она уделяла самому младшему из них, Петру. У них существовал какой-то странный способ общаться друг с другом. Это был не язык жестов, а скорее язык тела: легкие прикосновения, различные движения, обмен долгими взглядами. Маленький мальчик, уставший после изнурительного подъема, казалось, заряжался силами от старой шимпанзе.

Константин подошел к люку, протянул Монку какой-то значок и показал, каким образом его следует прикрепить к рюкзаку.

— Что это такое? — спросил Монк.

Константин кивнул на закрытый люк.

— Значок-дозиметр... Для определения уровня радиации.

Монк посмотрел на дверь. Радиация? Что находится за этой дверью? Он вспомнил тепло, которое ощутил, положив ладонь

на ее поверхность. В его мозгу возник образ выжженной земли, радиоактивной пустыни, где нет ничего, кроме руин и пепла.

Когда все были готовы, Константин подошел к люку и всем телом налег на запиравшую его рукоятку. Дверь со скрипом открылась. Ослепительный свет хлынул на них приливной волной. Монк заслонил глаза ладонью, и понадобилось несколько секунд, чтобы он понял, что смотрит всего лишь на восходящее солнце. Спотыкаясь, он вместе с детьми вышел наружу.

То, что он увидел, ничем не напоминало апокалипсический пейзаж, который минуту назад нарисовало его воображение.

Совсем наоборот.

Выйдя из железной двери, они оказались на склоне, густо поросшем лесом, в котором преобладали береза и ольха. Листья многих деревьев наступившая осень уже успела окрасить в желтый цвет. С одной стороны по зеленым от мха камням бежал широкий ручей, вдали тянулась гряда низких гор, испещренная пятнышками озер. Они блестели на солнце подобно серебряным каплям.

Выйдя из ада, они попали в рай.

Но преисподняя еще не до конца отпустила их.

Из тоннеля за их спинами донесся вой. Точно такие же звуки Монк слышал, когда они выбрались за забор больничного комплекса.

Зверинец.

Через секунду первому воющему голосу ответил второй.

Предупреждение Константина о том, что им следует торопиться, оказалось излишним.

Монк узнал эти жуткие звуки — не благодаря памяти, а с помощью той части мозга, в которой были записаны инстинкты хищника и добычи.

Раздался новый вой. Он прозвучал громче и ближе.

На них шла охота.

*6 сентября, 4 часа 55 минут
Вашингтон, округ Колумбия*

Все, что было с ней связано, по-прежнему оставалось загадкой.

Пейнтер смотрел на девочку через стекло. Она наконец уснула. Возле ее кровати несла дежурство Кэт Брайент, углубившись в чтение «Зеленой яичницы с ветчиной» Доктора Сьюсса, лежавшей у нее на коленях. Она читала эту книгу девочке, пока не возымело действие снотворное и та не погрузилась в сон.

С того момента, как ровно в полночь они приехали сюда, девочка не произнесла ни слова, хотя ее глаза внимательно смотрели по сторонам, отмечая все происходившее вокруг. Большую часть времени она провела, раскачиваясь вперед и назад, и напрягалась, когда к ней прикасались. Им удалось заставить ее попить сока и съесть две печенюшки с шоколадной глазурью. Были также взяты анализы крови, проведен полный медицинский осмотр и сделана магнитно-резонансная томография. Температура все еще держалась, но уже не такая высокая, как раньше.

Во время обследования был обнаружен микропередатчик, внедренный девочке под кожу предплечья. Изъять его можно было только хирургическим путем, поэтому было решено пока не трогать электронного шпиона. Тем более что отсюда, из подземелья, сигнал не мог пробиться наружу.

Кэт потянулась и встала. Она была в повседневной одежде: белой хлопчатобумажной рубашке на выпуск и свободных слаксах. Ее темно-рыжие волосы горели приглушенным огнем, падая на белую ткань. Вдову Монка Коккалиса вызвали из дома в штаб-квартиру «Сигмы», чтобы она контролировала проведение полевой операции, но поскольку Грей и его команда все еще находились в воздухе, Кэт решила, что будет полезнее здесь. У нее самой была маленькая дочь, и она принесла из дома книжку Доктора Сьюсса. Хотя девочка не отвечала на обращения к ней, к Кэт она, судя по всему, прониклась симпатией. Ее раскачивание замедлилось.

Пейнтер был рад вновь увидеть Кэт занятой делом. Потеряв мужа, она много недель бесцельно плыла по течению, однако сейчас взяла себя в руки и быстро становилась прежней Кэт Брайент — опытной и деловитой. Выскользнув из комнаты, женщина мягко прикрыла за собой дверь и присоединилась к Пейнтеру, сидевшему за большим столом, вокруг которого стояли стулья. С усталым вздохом Кэт опустила на один из них.

— Она уснула.

— Может, тебе тоже стоит немного поспать? Грею лететь до Индии еще несколько часов.

Кэт кивнула.

— Я позвоню няне, которая осталась с Пенелопой, а потом и вправду завалюсь на пару часиков.

Открылась дверь во внешний коридор, и, обернувшись, они увидели, как в комнату входят Лиза Каммингс и патологоанатом Малкольм Дженнингс. Они были в белых халатах и синей медицинской форме — свободные рубашки и штаны. Лиза, сунув руки в карманы халата, плотно запахнула его полы, словно замерзла. Ее светлые волосы были заплетены в короткую косичку, а лицо выражало глубокую озабоченность. В течение последнего часа эти двое находились в кабинете компьютерной томографии, изучая результаты исследования.

Судя по возбужденному диалогу, который они вели прямо на ходу, сыпля загадочными медицинскими терминами, вра-

чи пришли к каким-то выводам, хотя и необязательно к согласию.

— Нейромодуляция такого масштаба без клеточной поддержки? — спросила Лиза и покачала головой. — Хотя стимуляция базальных ядер, безусловно, не лишена смысла.

— Правда? — спросил Пейнтер, желая привлечь внимание эскулапов.

Лиза, казалось, только сейчас заметила его и Кэт. Ее плечи расслабились, а руки наконец покинули карманы халата. Когда их глаза встретились, на ее губах появилась едва заметная улыбка. Проходя мимо Пейнтера, она погладила его по плечу, а затем села. Малкольм занял последний свободный стул.

— Как ребенок? — поинтересовался он.

— Спит, — ответила Кэт.

— Итак, что вам удалось выяснить? — спросил Пейнтер.

— То, что мы идем по дороге одновременно новой и старой, — загадочно ответил Малкольм и открыл ноутбук, который принес с собой. Затем он нацепил на нос очки с голубыми стеклами, который надевал всегда, работая с компьютером. Они уменьшали нагрузку на глаза. — Мы сравнили приспособления на голове девочки и на принесенном ранее черепе. Оба устройства одинаковы, но у девочки оно более сложное.

— Что они собой представляют? — спросила Кэт.

— Это устройства ТЭС, — ответил Малкольм.

— Транскраниальной электростимуляции, — пояснила Лиза.

Пейнтеру это ровным счетом ничего не говорило, и они с Кэт обменялись озадаченными взглядами.

— Почему бы вам не начать с самого начала? И говорите, пожалуйста, на человеческом языке.

— В таком случае мы начнем отсюда, — сказал Малкольм и постучал себя по виску кончиком карандаша. — С человеческого мозга, состоящего из тридцати миллиардов нейронов. Нейроны взаимодействуют между собой через многочислен-

ные синапсы, образуя примерно миллион миллиардов синаптических связей. Эти связи, в свою очередь, создают огромное количество нервных цепей. Под словом «огромное» я подразумеваю цифру с миллионом нулей.

— Миллион нулей? — переспросил Пейнтер.

Малкольм посмотрел на директора поверх очков.

— Чтобы вы получили представление о цифре, о которой идет речь, могу сообщить вам, что количество атомов во всей Вселенной исчисляется числом всего лишь с восьмьюдесятью нулями.

Увидев на лице Пейнтера ошеломленное выражение, Малкольм кивнул.

— Да-да. Так что в наших черепах заложены такие возможности обработки данных, о которых мы только сейчас начинаем догадываться. Мы пока лишь барахтаемся на поверхности, но кто-то там, — он указал за окно, — нырнул гораздо глубже.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Кэт, тревожась в первую очередь за девочку.

— Благодаря современным технологиям мы добились ощутимых успехов в этой новой для науки области. Словно посылая зонды в космическое пространство, мы вживляли электроды в мозг. Данные из внешнего мира вводятся в мозг посредством электрических импульсов. Мы видим не глазами, а мозгами. Именно поэтому кохлеарные имплантаты позволяют глухим слышать. Они превращают звуки в электрические импульсы, которые поступают в мозг через микроэлектроды, вживленные в слуховой нерв. Со временем кора головного мозга обретает способность различать эти новые сигналы. Это сродни изучению иностранного языка: глухой снова учится слышать.

Малкольм кивком указал на свой ноутбук.

— Работая с помощью электрических импульсов, будучи гибким и умеющим приспосабливаться, человеческий мозг обладает врожденной возможностью работать при подключе-

нии к машинам. В известном смысле это делает нас идеальными природными киборгами.

Пейнтер наморщил лоб.

— Ну и куда все это нас ведет?

Лиза положила ладонь на его руку.

— Туда, где мы уже находимся. Грань между человеком и машиной уже начинает размываться. Микроэлектроды сегодня такого размера, что их можно вводить в человеческие нейроны. В две тысячи шестом году ученые Брауновского университета вживили микрочип в мозг парализованного пациента, соединив его с сотней таких микроэлектродов. Через четыре дня, попрактиковавшись, этот человек одной только силой мысли мог передвигать курсор по экрану компьютера, открывать электронную почту, управлять телевизором и двигать манипулятором робота. Вот как далеко мы продвинулись.

Пейнтер посмотрел в окно.

— Но кто-то продвинулся еще дальше?

Лиза и Малкольм дружно кивнули.

— Вы имеете в виду это устройство?

— Оно является шагом за пределы того, что нам было известно до сегодняшнего дня. Его нановолоконные электроды настолько малы, что трудно сказать, где заканчивается устройство и начинается мозг ребенка. Из результатов исследований на крысах, проводившихся в Гарвардском университете, нам известно, что устройства ТЭС обеспечивают рост нейронов, но, как ни странно, только в областях мозга, отвечающих за обучение и память. Однако мы знаем, что электростимуляция также способна включать и выключать эти нейроны, как электрический рубильник. Дети особенно податливы в этом отношении.

— То есть, если я правильно понимаю, кто-то имплантировал девочке это устройство и теперь управляет его действием, используя его как выключатель?

— В целом да, — сказал Малкольм. — Они проникли глубоко в нейросеть, которую я описал. Только с помощью элек-

тростимуляции они расширили ее еще больше. И, если я не ошибаюсь, направили это расширение на весьма узкую область.

— Что заставляет тебя так думать?

— В неврологии существует так называемый закон Хебба, который в общих чертах гласит, что нервы, которые действуют вместе, связаны друг с другом. Однако, стимулируя какой-то участок мозга, они постоянно усиливают его.

— Но для чего? — спросил Пейнтер.

Малкольм и Лиза обменялись тревожными взглядами. Объяснять директору суть дела патологоанатом предоставил женщине.

Она вздохнула.

— Я говорила с психологом Заком Ларсоном, который обследовал девочку, когда ее сюда привезли. По ряду признаков — отсутствию реакции на внешние раздражители, монотонным повторяющимся движениям, чувствительности к стимуляции — он сделал вывод, что девочка страдает аутизмом. А судя по тому, как она вела себя в доме, о чем вы рассказали, она также является савантом.

Пейнтер уже прочитал отчет Ларсона. Он был составлен быстро, но тщательно. Ларсон провел ряд психологических тестов, включая генетическое исследование некоторых маркеров, типичных для аутизма. Последнее было еще не закончено.

К своему отчету Ларсон приложил информационную справку относительно савантов — этих редких индивидуумов, у которых, несмотря на психическое отклонение, существовали островки удивительных способностей — глубоких и узких. Пейнтер вспомнил персонажа, сыгранного Дастином Хоффманом в кинофильме «Человек дождя». Он был способен молниеносно производить в уме математические вычисления. Однако эта способность была лишь одной из многих, перечисленных Ларсоном. Саванты демонстрировали таланты в способности запоминать гигантские объемы информации, безошибочно определять запахи и вкус, а также в музыке и живописи.

Пейнтер подумал о рисунке Тадж-Махала. Девочка нарисовала его в считанные минуты, идеально соблюдая перспективу. Она, без сомнения, обладала талантом художника.

Но не крылось ли за этим нечто большее?

Последним в списке Ларсона значился противоречивый и редчайший дар, которым обладали некоторые саванты, — ясновидение.

Пейнтер не мог сбрасывать со счетов тот факт, что именно рисунки девочки привели цыган в их конспиративную квартиру. Он припомнил предшествовавшую этому беседу с Элизабет относительно работы ее отца в области исследования интуиции и инстинктов, о его причастности к глубоко засекреченному проекту, связанному с дальновидением.

Лиза тем временем продолжала:

— Мы полагаем, что устройство предназначено для стимуляции того участка мозга, который отвечает за определенную способность саванта. Известно, что этот участок расположен в правом полушарии мозга, именно там, где закреплено устройство у черепа обезьяны и у девочки. С помощью современных технологий определить этот участок несложно, а после этого посредством электростимуляции его работу можно усиливать и контролировать.

Пейнтер встал. Его душил ужас. Если то, что говорят Лиза и Малкольм, правда, это означает, что кто-то управлял способностями девочки. Он подошел к стеклу.

Кто мог сделать такое с ребенком?

Кэт, указав на девочку, сказала:

— Она проснулась.

Девочка снова рисовала.

На тумбочке рядом с кроватью она нашла черный фломастер и блокнот и теперь склонилась над ним. Она рисовала не так одержимо, как прежде, но во всем ее облике читалась предельная сосредоточенность.

Кэт направилась к двери, Пейнтер последовал за ней. Девочка даже не посмотрела в их сторону, но, когда они вошли, бросила блокнот и фломастер на кровать и снова принялась раскачиваться.

Кэт посмотрела на рисунок и, вскрикнув, отступила назад. Пейнтер сразу понял, чем вызвана такая реакция. Лицо, нарисованное черным фломастером, было невозможно не узнать.

Это был ее муж Монк.

11 часов 04 минуты
Южноуральские горы

Монк помог Петру пройти по поваленному бревну через ручей, пробивший себе дорогу среди нагромождения камней. Бревно поросло мхом, из которого торчали несколько толстых грибов белого цвета. В воздухе пахло сыростью.

Киска уже находилась по другую сторону ручья. Она стояла рядом с Мартой и держала старую шимпанзе за руку. Монку хотелось как можно скорее перебраться через следующий склон и оказаться в соседней долине. Спрыгнув с бревна, он посмотрел назад. Они шли по густому березовому лесу. Белые стволы деревьев напоминали высушенные кости, листва уже занялась осенней желтизной.

Монк сорвал один лист и растер его между пальцами. Он был мягким, еще не высохшим. Ранняя осень. Но здесь, в горах, листья, меняющие цвет, обещали холодную ночь. Хорошо хоть снега не будет. Монк бросил обрывки листа на траву.

Откуда он знал все это?

Монк потрянул головой. Эти вопросы подождут. И все же его беспокоило то, как быстро он привык к противоречию меж-

ду отсутствием собственной памяти и своим знанием окружающего мира. Кроме того, за ними охотились. Они должны были передвигаться тихо, ибо любой звук в горах разносился на большое расстояние. Поэтому общаться приходилось с помощью шепота и языка жестов.

Монк осмотрел противоположный берег ручья. Они находились в бегах последние три часа. Он взял быстрый темп, желая максимально увеличить расстояние между ними и тем местом, где они выбрались из подземного мира. Кто знает, сколько времени понадобится охотникам, чтобы понять, что они вышли наружу, и взять их след уже здесь?

Монк ждал на берегу ручья.

«Где же Константин?»

Словно откликнувшись на его мысль, долговязый парнишка появился на дальнем склоне — гибкий и прочно держащийся на ногах, как молодой олененок. Однако когда он, балансируя руками, переходил по скользкому бревну через ручей, лицо его являло собой маску страха.

— Я сделал это! — проговорил он, тяжело дыша, и спрыгнул на берег рядом с Монком. — Я утопил твою больничную рубашку в ручье в другой долине.

— Ты бросил ее в воду?

— Позади бобровой запруды, как ты велел.

Монк кивнул. Его рубашка была пропитана кровью и потом. Кто-то из детей прихватил ее из палаты после того, как он сменил одежду. Это была мудрая мысль. Если бы рубашка осталась в палате, его тюремщики поняли бы, что он переоделся. А вот теперь рубашка пригодилась для того, чтобы оставить ложный след. Чтобы запах был сильнее, он утер ею вспотевшее лицо и подмышки. То же самое он проделал с детьми и даже с шимпанзе, надеясь, что запах уведет преследователей в противоположном направлении.

— Помоги мне, — попросил он Константина и нагнулся к бревну, по которому они только что перебрались через широкий ручей.

Совместными усилиями они сумели раскачать его, но столкнуть в воду не смогли. Затем Монк услышал пыхтение возле своего уха. Повернув голову, он увидел Марту, упершуюся плечом в бревно. Они налегли на него втроем. Бревно плюхнулось в воду, несколько раз перевернулось и поплыло вниз по течению. Монк смотрел, как оно удаляется. Удовлетворенный сделанным, он пошел прочь от ручья.

Константин шел бодро, а вот Киске и Петру приходилось туго. Склон был крутым, и Монк с Мартой были вынуждены помогать младшим детям. Наконец они добрались до вершины холма. Впереди во всех направлениях виднелись другие вершины, в основном поросшие лесом с редкими прогалинами. Слева от них блестело серебристое пятно большого озера.

Туда и двинулся Монк. Рядом с таким озером непременно должны жить люди, у которых можно попросить помощи. Однако Константин схватил его за локоть.

— Мы не можем идти туда, — торопливо проговорил он. — Только *смерть* живет там.

Другой рукой он сжал прикрепленный к поясу значок, индикатор радиоактивности.

Оказавшись в столь идиллической местности, где все зеленело и благоухало, Монк совсем позабыл об опасности. Он посмотрел на свой значок. Сейчас его поверхность была белой, но, по мере того как уровень радиации будет повышаться, он начнет менять цвет, становясь поочередно розовым, красным, багровым и, наконец, черным. Что-то наподобие теста на беременность, который продается в аптеках.

В его мозгу снова мелькнула вспышка-воспоминание.

Смеющиеся голубые глаза, крошечные пальчики...

А затем — снова пустота.

В его голове пульсировала боль. Через вязаную шапочку он нащупал полоску швов за ухом. Константин смотрел на него сузившимися от беспокойства глазами.

Киска, которая, как выяснил Монк, была сестрой Константина, положила руки на живот.

— Я хочу есть, — жалобно прошептала она, словно боясь быть услышанной и одновременно показаться слабой.

Константин, нахмурившись, посмотрел на сестру. Однако Монк понимал: они действительно должны есть, чтобы поддерживать силы. После панического бегства им было необходимо передохнуть и разработать хотя бы какой-то план дальнейших действий. Монк смотрел в сторону озера, ощупывая пальцами свой значок.

«Только смерть живет там».

Он должен был как следует разобраться в ситуации, в которой они оказались.

— Нужно найти место, где мы сможем укрыться и поесть, — проговорил он. — И побыстрее.

Они стали спускаться в следующую долину. Склон шел уступами, на каждом из которых поблескивал пруд. Здесь было множество мелких водопадов, воздух пах глиной и сыростью. На середине склона возвышался утес с природным карманом, напоминавшим неглубокую пещеру. Монк и его свита вошли внутрь.

Они расселись и открыли рюкзаки. По кругу пошли бутылки с минеральной водой и шоколадные батончики.

Монк осмотрел содержимое своего рюкзака. Оружия там не было, зато он нашел топографическую карту и расстелил ее на земле. Надписи были сделаны кириллицей. К нему подошел Константин, жуя батончик со вкусом орехового масла. Монк указал на обозначение гор, помеченных многочисленными крестиками.

— Шахты, — пояснил мальчик. — Урановые рудники. — Он провел пальцем по строке заголовка. — Южноуральские горы. Челябинская область. Старый центр оружейной промышленности. Очень опасно.

Мальчик постучал пальцем по тем местам на карте, которые были обозначены значками радиационной опасности.

— Много открытых шахт, старых радиохимических заводов и предприятий по производству плутония.

Он махнул рукой, показывая, что все это находится далеко.

— А я-то всего лишь хотел выяснить, где мы сейчас, — пробормотал Монк, качая головой.

— Очень опасно, да, — снова сказал Константин. Он вытянул руку в сторону большого озера, которое отсюда не просматривалось. — Озеро Карачай. Хранилище жидких радиоактивных отходов старого химического комбината «Маяк». Проведешь на берегу озера один час и через неделю умрешь. Его нужно обойти стороной.

Константин склонился над картой и указал на центр района, в котором находилось наибольшее скопление рудников и радиационных установок.

— Мы вышли отсюда. Из Муравейника. Раньше там находился подземный город Челябинск восемьдесят восемь, где содержались тысячи заключенных, работавших на рудниках. Таких мест много.

Монк вспомнил постройки промышленного типа, которые он видел в пещере. Очевидно, кто-то нашел для заброшенного подземного города новое применение.

Константин продолжал:

— Мы должны обойти озеро Карачай, не приближаясь к нему. — Он посмотрел на Монка, словно желая удостовериться в том, что тот его понял. — А это значит, что нам придется пересечь топь Асанова, чтобы добраться сюда.

Палец мальчика переместился на карте и теперь указывал на дальний берег озера, где крестиком была отмечена очередная шахта.

Монк ничего не понимал. Разве они не пытаются найти кого-нибудь, кто сможет помочь им?

— А что там? — спросил он, кивком указав на крестик.

— Мы должны остановить их. — Константин взглянул на Петра, который устроился на мягкой подстилке мха в обнимку с Мартой.

— Остановить кого? — Монк вспомнил слова мальчика, обращенные к нему.

«Спаси нас».

Константин повернулся к Монку.

— Именно для этого мы привели тебя сюда.

11 часов 30 минут

Генерал-майор Савина Мартова хмуро глядела на детей, собравшихся в школьном актовом зале. С большого жидкокристаллического экрана за ее спиной на аудиторию смотрела фотография американца.

— Видел ли кто-нибудь из вас сегодня утром этого человека? — спросила она. — Возможно, на нем была больничная одежда.

Дети, сидевшие на деревянных скамейках, смотрели на нее пустыми глазами. Их всех подняли с постелей и выгнали из спален рано утром.

Более шестидесяти детей сидели рядами, в соответствии с цветом своих рубашек. Те, у которых рубашки были белыми, расположились сзади. Они имели генетические маркёры, но демонстрировали весьма скромные способности.

В отличие от тех десяти, на переднем ряду.

На них была униформа с черными рубашками. Класс «Омега». Эти избранные обладали исключительными способностями. Они были отобраны для того, чтобы служить ее сыну Николаю в тяжелые времена, которые скоро наступят, быть его Верховным Советом во главе с самой Савиной.

Николай был ее больной мозолью, ее разочарованием. Он родился «белой рубашкой». Генетический сбой. Савина забеременела, искусственно оплодотворив себя семенем одного из представителей первого поколения. Она поторопилась и теперь расплачивалась за это. Во время родов возникли осложнения, и больше у нее не могло быть детей. Но она придумала для Николая другую цель, достижение которой повлечет за собой глубокие и долгоиграющие изменения. После рождения Николая это стало смыслом ее жизни.

И цель уже была так близка!

Она смотрела на ряд черных рубашек.

И на два пустых места в ряду класса «Омега».

Прошлой ночью пропал один ребенок.

Петр.

В то же самое время во время прогулки по зоопарку в Америке пропала его сестра. Савина до сих пор не получила от Юрия никаких новых сообщений о ее судьбе. Он как-то странно замолчал и даже не отвечал на посылаемые ему вызовы по экстренному коду.

Савина нуждалась в ответах. Ее голос зазвучал резче.

— И никто не видел, как Константин, Киска или Петр выходили из своих спален? Никто?

И снова — пустые взгляды.

Ее внимание привлекло движение в задней части аудитории. В дверь вошел человечек с лицом, изрытым оспинами и покрытым шрамами, походивший из-за этого на жабу, и кивнул ей. Ее заместитель, лейтенант Борсаков. Он, как обычно, был одет в серую форму, на голове фуражка с твердым околышем. Судя по всему, он принес какие-то новости.

Наконец-то!

Савина повернулась к троем учителям, стоявшим сбоку от нее.

— Разведите их по спальням. И глаз с них не спускать, пока проблема не разрешится!

Савина поднялась по ступенькам и, жестом приказав Борсакову следовать за ней, вышла из аудитории. Лейтенант едва доходил ей до плеча, что вполне устраивало Савину. Ей нравилось, когда мужчины были ниже ее. Однако он был крепко скроен, и иногда Савина замечала в устремленном на нее взгляде нечто похожее на голод.

Они прошли через здание школы к выходу. Снаружи их поджидали двое подчиненных Борсакова. Рядом с одним из них сидело на цепи животное — помесь русского волкодава и сибирского волка. Зверь зарычал и ощерил громадные клыки. Солдат дернул цепь и грубо обругал его.

Мускулистое животное было почти по грудь Борсакову и происходило из их подразделения, где производились эксперименты на животных. Оно получило название Зверинец. Здесь испытывали новые устройства стимуляции, а для опытов использовали высших млекопитающих: собак, кошачьих, свиней, овец, шимпанзе. Зверинец также являлся эдаким мрачным зоопарком для обитателей Муравейника. За годы наблюдений было выявлено благотворное воздействие животных на детей. Их взаимоотношения помогали стабилизировать психическое состояние маленьких обитателей Муравейника.

Впрочем, возможно, это была не просто связь человека с животным, а взаимодействие одного аппарата с другим.

Даже на волке было устройство из хирургической стали.

— Что вам удалось выяснить, лейтенант?

— Детей в пещере нет, — ответил Борсаков.

Она остановилась и повернулась к нему.

— Мы обыскали весь поселок, даже заброшенный жилой комплекс, но после того, как зона поиска была расширена, собаки взяли след, ведущий к задней стене пещеры, к одному из люков, выходящих на поверхность.

— Они вышли наружу?

— Да, и, как мы полагаем, вместе с американцем, находившимся в больнице. След детей шел из больницы.

Что ж, по крайней мере, на один вопрос ответ получен. Американец не сбежал, похитив детей. Похоже, дело обстояло иначе. Это дети помогли ему бежать.

Но зачем?

Почему этот человек столь важен?

Этот вопрос не давал ей покоя с того самого момента, когда появился американец.

Два месяца назад российские спецслужбы были подняты по тревоге сообщением о том, что в индонезийских водах подвергся нападению пиратов зачумленный корабль. Его искали разведки всего мира. Савина получила приказ найти корабль с помощью своих подопечных. Это был экзамен, и они сдали его на «отлично».

Получив исходную информацию, двенадцать омега-субъектов с точностью указали остров, у берегов которого держат корабль. К острову была направлена российская подводная лодка. Она вошла в лагуну как раз в тот момент, когда корабль тонул.

Это уже была победа, но затем Саша принялась рисовать с таким ожесточением, что ее имплантат едва не вышел из строя. На дюжине картинок с дюжины разных точек был изображен тонущий мужчина, которого тянула на дно сеть. Посчитав, что это важно, и желая удовлетворить собственное любопытство, Савина проинформировала об этом российских подводников. Пловцы уже находились в воде. Они моментально нашли утопающего, надели на его лицо дыхательную маску и подняли на борт субмарины.

Полагая, что спасенный представляет собой какую-то особую ценность, Савина приказала доставить мужчину к ней, но, когда тот оказался в Челябинске-88, выяснилось, что это всего лишь один из корабельных электриков. В ходе допросов он не произвел на нее впечатления умного человека.

Этот человек был лыс, виртуозно ругался и не имел кисти левой руки. Никакого интереса не проявила к нему ни Саша, ни другие омега-субъекты.

От американца не приходилось ожидать ничего, кроме неприятностей. Как-то раз его застали выбивающим морзянкой какое-то сообщение по микрочипу, вживленному в его запястье и, очевидно, поддерживавшему связь с отсутствующим протезом руки. Они не знали, какой сигнал он использовал и что передавал, но на всякий случай микрочип из его руки вырезали.

Впоследствии Савина решила, что активность Саши была вызвана обычным детским страхом за человека, который может погибнуть. Закрыв для себя эту тему, она передала американца на попечение ученым Зверинца. Они изучали феномен памяти, и живой человек, на котором можно было проводить опыты, являлся ценным лабораторным материалом, пренебрегать им не стоило.

Савина присутствовала при операции, и воспоминания о ней до сих пор вызывали у нее дрожь.

Что они с ним сотворили!

Но теперь он пропал. Исчез вместе с братом Саши. В какую игру решили поиграть эти детишки?

Этого она не знала и, уже отставая от собственного графика, не имела времени выяснять.

— Каковы будут ваши приказы, товарищ генерал-майор?

— Обыщите поверхность.

— Я возьму всех собак! — прорычал лейтенант, собираясь уходить.

Она остановила его.

— И не только собак.

Борсаков смотрел на нее, недоуменно вздернув брови. Однако он понимал суть ее приказа.

— А как же дети, генерал?

Она пошла прочь. Сейчас не время миндальничать. У нее оставалось еще десять детей. Этого хватит.

— Спустите кошек, — подтвердила она свой приказ.

11 часов 45 минут

Петр сидел между ног Марты, а она обнимала его своими сильными и теплыми руками. От ее влажной шерсти исходил резкий сладковатый запах. Мальчик слышал ее глубокое дыхание, спиной чувствовал, как бьется ее большое сердце.

Он знал Марту на протяжении всей своей жизни. Он знал эти добрые мохнатые руки. Ее привели в комнату Петра после первой операции, сделанной ему в пять лет.

Сначала ее большая рука напугала его. Но она оставалась с ним весь день, сидела рядом и, положив голову на краешек кровати, смотрела на него. Наконец мальчик потянулся к ее руке. Его пальцы с любопытством прикоснулись к ее морщинистой ладони. А она все так же глядела на него влажными, карими, всепонимающими глазами. Ее длинные пальцы нежно сомкнулись на его руке.

Он знал, что это было.

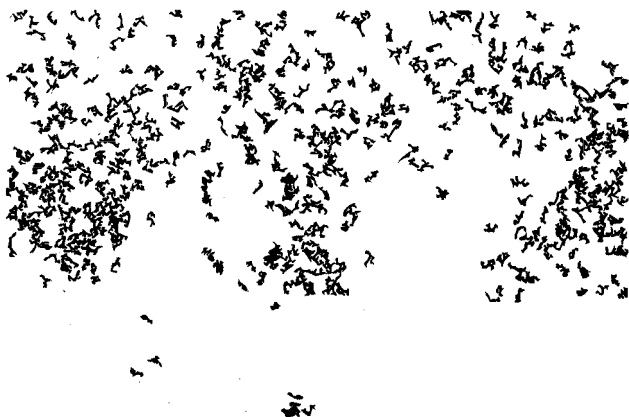
Обещание.

Другие играли с ней, плакали в ее объятиях, проводили с ней долгие ночи... Но в то утро Петр узнал истину. У нее были секреты, известные только ему, а свои секреты он делил с ней.

Прижимаясь к Марте, он смотрел на странные леса. Иногда учителя выводили детей наружу, чтобы те посмотрели на лес, посидели в тишине. Но эта обстановка все еще пугала Петра. В кронах деревьев шептал ветер, раскачивая ветви и осыпая пожелтевшие листья. Он смотрел на них и понимал: что-то должно случиться.

Петр был не таким, как его сестра, но и он кое-что знал. Он еще крепче прижался к Марте, словно ища у нее защиты от падающих листьев. Его сердцебиение участилось, и мир растворился. Исчезло все, кроме листьев. Падающих... Кружащих... Танцующих... Пугающих...

Марта беззвучно просигналила ему об опасности.
Что случилось?

Мальчик трясся всем телом, сердце застряло у него в горле, каждым своим ударом предупреждая об опасности. А листья все падали. Он смотрел в просветы между ними. Константин как-то раз рассказал, как ему удается так быстро перемножать в уме числа.

«У каждого числа есть форма... Определенную форму имеют даже самые большие и длинные числа. Поэтому, когда я

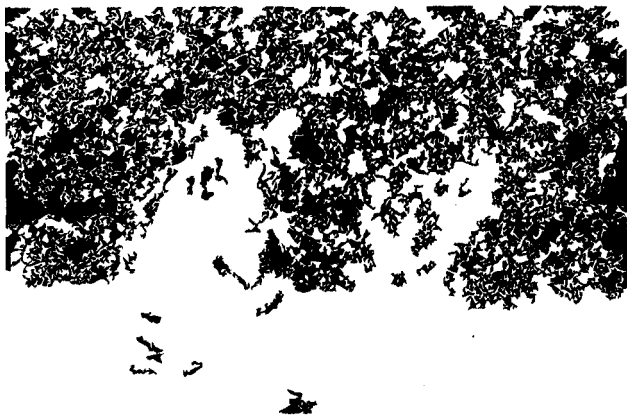
считаю, я смотрю на пустое место между двумя числами. У этого пробела тоже есть своя форма, образованная границами двух чисел. И этот пробел также является числом. Вот это число и есть ответ».

Петр не до конца понял объяснение. Он не умел считать, как Константин, или разгадывать загадки, как Киска, или видеть за тридевять земель, как его сестра. Зато Петр умел делать то, что было недоступно всем им. Он умел читать сердца. Любые сердца.

Добрые и злые.

И вот теперь что-то приближалось. Что-то с темным и голдным сердцем.

Петр вглядывался в падающие листья, а его собственное сердечко билось, словно загнанное. Он заполнял пустоту постепенно, шаг за шагом.

На лбу мальчика выступил пот. Весь мир превратился в опадающие листья и темные пятна между ними — крутящиеся, пенящиеся, тянущиеся к нему. Он услышал, как где-то далеко Константин выкрикивает его имя.

Марта еще крепче обвила его руками. Нет, она не пыталась защитить его от остальных, просто хотела, чтобы он был в безопасности. Она тоже чувствовала его сердце.

Он должен был увидеть.

Выяснить.

Что-то приближалось.

Он заполнил пустое пространство чернилами и тенями, зубами и рычанием, тихой поступью огромных лап по твердой земле. И увидел то, что приближалось.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*6 сентября, 12 часов 05 минут
14 000 метров над Каспийским морем*

До посадки осталось два часа.

Грей смотрел в иллюминатор реактивного «Бомбардье глобал экспресс XRS». День быстро подходил к концу. Пока они летели, солнце успело взойти и уже катилось к горизонту позади них. Самолет бизнес-класса был подарен «Сигме» помещанном на воздухоплавании миллиардером Райдером Блантом в благодарность за оказанную ему когда-то помощь. Два пилота американских ВВС, управлявших самолетом, должны были доставить их в Индию к полудню по местному времени.

Грей вернулся к группе своих людей, сидевших за столом из тикового дерева. Он дал им возможность поспать в течение шести часов, но вид у них все равно был измученный. Ковальски все еще спал на откинутом назад кресле, храпя в унисон с двигателями. Грей не видел смысла будить его. У них еще оставалось время, чтобы отдохнуть.

Единственным человеком, в котором не чувствовалось ни капли усталости, была женщина, новичок в их группе. Она была погружена в чтение досье, лежавшего перед ней. Сотрудник «Сигмы», она, как Арчибальд Полк, была специалистом в области неврологии и нейрохимии, поэтому не приходилось удивляться тому, что Пейнтер включил ее в состав группы.

Доктор Шей Розауро была чуть выше среднего роста, с кожей цвета кофе с молоком; в глазах ее светились золотистые искорки и недюжинный ум. Ее черные волосы до плеч, чтобы

не лезли в глаза, были забраны под бандану. Раньше она служила в военно-воздушных силах и, если верить ее досье, могла бы сама пилотировать «Бомбардье». На ней даже сейчас была форменная рубашка, широкий пояс, брюки хаки и армейские ботинки.

Грею с ней раньше не приходилось работать, а вот с Ковальски они, похоже, были знакомы. Увидев великана, женщина приветливо улыбнулась, а он радостно оскалился, заключил ее в медвежьи объятия, а затем помог подняться по трапу. Уже оказавшись в самолете, она украдкой бросила на Грея взгляд, в котором читался немой вопрос: «Вы что это, всерьез?»

Когда все отдохнули, Грей созвал команду на совещание. Он хотел, чтобы к тому моменту, когда самолет выпустит шасси, они были полностью готовы к выполнению задания, тем более с учетом того, с кем им придется иметь дело.

— Элизабет, что вы можете нам рассказать о докторе Хейдене Мастерсоне? В качестве кого работал ваш отец с этим профессором из Мумбая?

Она кивнула, подавила зевок и поправила очки на переносице.

— Вообще-то он из Оксфорда. Получил подготовку психолога и физиолога, изучал технику медитации и функции мозга. Последние тридцать лет живет в Индии, изучая тамошних йогов и мистиков.

— Та же линия исследований, что и у вашего отца.

Она утвердительно кивнула.

— Я знакома с работами Мастерсона, — с некоторым удивлением в голосе заговорила Розауро. — Он блестящий ученый, но при этом весьма эксцентричен, а некоторые его теории попросту вздорны. Он одним из первых стал отстаивать теорию гибкости человеческого мозга — противоречивую в то время, но повсеместно признанную сегодня.

— Что вы имеете в виду, говоря о гибкости? — уточнил Грей.

— Ну, вплоть до последнего времени основным постулатом неврологии являлся тезис о том, что человеческий мозг — не-

подвижный, или, говоря техническим языком, жестко замонтированный, механизм, что каждый участок мозга выполняет лишь какую-то одну строго определенную функцию. Один участок — одна функция. Поэтому на протяжении последних двадцати лет основной целью неврологии было определить, какой участок за что отвечает. Какой из них позволяет говорить, какой — слышать, какие нейроны позволяют человеку отличать правую руку от левой или удерживать равновесие при ходьбе...

Грей кивнул.

— Но теперь мы знаем, что мозг не является жесткой структурой, что карты мозга способны меняться, модифицироваться. Иными словами, он обладает гибкостью. Именно это его свойство объясняет, почему так много парализованных, у которых разрушена часть мозга, вновь обретают способность пользоваться конечностями. Мозг перенастраивает себя, обходя поврежденные участки.

Элизабет в знак согласия наклонила голову.

— Доктор Мастерсон распространил исследования в этой области на йогов. Исследуя этих удивительных людей, которые умеют контролировать кровоток и обмен веществ в своем теле, он хотел доказать, что мозг не только способен меняться, но также обучаем и формируем.

Розауро откинулась на спинку кресла.

— Если существует возможность контролировать эту пластичность, перед неврологами открываются перспективы, от которых захватывает дух. Повышение уровня интеллекта, превращение слепых в зрячих, глухих — в слышащих...

Грей вспомнил странное приспособление на черепе. «Глухих — в слышащих...» Это устройство и впрямь чем-то напоминало слуховой аппарат.

Он повернулся к Элизабет.

— Доктор Мастерсон не говорил вам о том, когда он в последний раз виделся с вашим отцом?

— Профессор сказал мне, что готов ответить на все мои вопросы, но сначала он хотел бы поговорить с людьми, которые

наняли отца. Он был очень напуган, и мне не удалось вытянуть из него практически ничего.

— Наняли?

К разговору присоединился Лука Хирн, последний из их группы. От усталости цыганский акцент в его речи звучал сильнее, нежели обычно.

— Должно быть, он имел в виду нашу общину. Это мы наняли доктора Полка.

Грей повернулся к говорившему. Перед приземлением он намеревался обсудить роль, которую сыграли цыгане в истории доктора Полка. После их бегства из конспиративной квартиры у него накопилось много вопросов, на которые он хотел получить ответы. Например, почему Полк предпочел связаться с Лукой, а не с кем-то еще? Объяснялось ли это обычной паранойей, или профессор считал, что не может довериться никому другому? Впрочем, учитывая то, что после его убийства правительственные агенты устроили глобальную зачистку, возможно, доктор Полк был прав.

— Каким образом завязались отношения между вами и профессором? — спросил Грей.

— Он вышел на нас два года назад. Ему были нужны образцы ДНК тех из нас, кто практикует пен дуккерин.

— Пен... чего?

Грей ответил Ковальски. Он по-прежнему лежал в кресле с закрытыми глазами, но уже не храпел.

— «Дуккерин» означает предсказание судьбы. Ну там, когда гадают по руке, таращатся в хрустальный шар и всякое такое.

— Да, — поддакнул Лука, — это традиционное для нашего народа занятие. Цыгане гадают уже много веков. Но доктору Полку были не нужны те, кто занимается хоккани боро.

— Надувательством, — пояснил Ковальски. — Жулики.

— Доктор Полк знал, что среди нас есть такие, искусство которых мы сами уважаем. Избранные. Настоящие шовихани, обладающие даром. Ему были нужны именно они.

Элизабет выпрямилась в кресле.

— То же самое отец делал с йогами в Индии. Он брал у них образцы ДНК, пытался найти нечто общее между ними и другими людьми, обладающими схожими способностями.

Грей вспомнил досье доктора Полка, в котором говорилось о том, что он искал редкие задокументированные случаи того, как йоги и мистики демонстрировали необычайные способности в области интуиции и инстинктов. Сюда же можно было отнести умение цыган предсказывать судьбу и гадать на картах Таро. Однако генетический аспект подобных способностей... Это было что-то новенькое.

В связи с этим в мозгу Грея возник новый вопрос.

— Почему он так резко переключился с йогов на цыган? Какая между ними связь?

Лука посмотрел на него, как на умственно отсталого.

— А откуда, по-вашему, происходят цыгане?

Грей смутился. Он действительно мало что знал об этом кочевом народе и понятия не имел о его истоках.

Лука заметил его смущение.

— Не многие знают нашу историю, — сказал он. — Когда наши племена впервые перебрались в Европу, жители континента считали, что мы пришли из Египта. — Он провел тыльной стороной ладони по смуглой щеке. — Из-за нашей темной кожи и глаз. Нас называли айгиптой или джипси, что означает «египтяне». Вплоть до последнего времени даже мы сами не знали точно о том, откуда взялись. Лишь недавно лингвисты обнаружили, что язык рома имеет общие корни с санскритом.

— Древний язык Индии, — вставил Грей. Он был немного удивлен, но теперь в его мозгу все начинало становиться на свои места.

— Да, мы вышли из Индии. Это амаро баро тем, родина наших предков. Говоря точнее, Северная Индия, штат Пенджаб.

— Но почему вы ушли оттуда? — спросила Элизабет. — Насколько мне известно, в Европе вам пришлось несладко.

— Несладко? Нас преследовали, за нами охотились, нас убивали. — В голосе Луки зазвенели нотки гнева. — Мы погибали сотнями тысяч от рук нацистов, которые нашивали нам на спину черный треугольник. Бенгеско ниямсо!

Последнее, вероятно, являлось проклятием в адрес нацистов.

Неистовая ярость, с которой говорил Лука, заставила Элизабет отвести глаза в сторону.

Лука потряс головой, пытаясь успокоиться.

— О нашем раннем прошлом мало что известно. Даже историки не могут с точностью сказать, почему племена цыган покинули Индию. Мы знаем лишь, что исход произошел примерно в десятом веке. Они прошли через Персию в Византийскую империю, а затем распространились за ее пределы. В то время на северо-западе Индии бушевала война, кроме того, в этой стране возникла строгая кастовая система. Те, кто не входил ни в одну из каст, считались неприкасаемыми. В эту категорию входили воры, музыканты, обесчещенные воины, но также и колдуны, способности которых местные религии считали еретическими.

— Ваши шовихани, — выказал свою осведомленность Грей.

Лука кивнул.

— Жизнь стала невыносимой, опасной. И тогда неприкасаемые собрались вместе и, образовав племена, покинули Индию и направились на запад, в поисках более гостеприимной земли. — Он горько усмехнулся. — Мы до сих пор ее ищем.

— Давайте вернемся к доктору Полку, — предложил Грей, меняя русло разговора. — Вы откликнулись на просьбу профессора? Предоставили ему образцы, которые он хотел получить?

— Да. Заплатили кровью за помощь, которую он нам оказал.

Грей не отрываясь смотрел на цыгана.

— В чем заключалась эта помощь?

Голос Луки опять зазвенел.

— Он помог нам отыскать то, что у нас бесцеремонно украли. Самое сердце нашего народа. Мы...

Самолет сильно тряхнуло.

— Пристегните ремни, — раздался из динамика голос пилота. — Через час мы совершим посадку. И еще, командер Пирс, с земли вам звонит директор Кроу. Сейчас я переадресую звонок на ваш сотовый телефон.

Грей знаком велел всем занять свои места. Ковальски поднял сиденье и уже застегивал ремень безопасности.

Сам Грей отодвинулся вместе со стулом в сторонку, достал из подлокотника сиденья сотовый телефон и поднес его к уху.

— Командер Пирс слушает.

— Грей, я должен сообщить тебе о том, что выяснили Ли-за и Малкольм, исследовав устройство на черепе.

Директор говорил о микроэлектродов, аутистах-савантах, а Грей смотрел в иллюминатор. Он видел, как на западе садится солнце, а самолет тем временем неся на восток. Он представлял себе хрупкую девочку, ее невинное личико.

По крайней мере, сейчас ей ничто не угрожало.

Но один вопрос не давал Грею покоя.

«Существуют ли другие? Такие же, как она?»

12 часов 22 минуты

Южноуральские горы

Монк, держа Петра на руках, бежал вдоль ручья. Первой, отталкиваясь от земли всеми четырьмя конечностями, скакала Марта, за ней едва поспевала Киска. Константин держался рядом с Монком. Петр крепко прижимался к плечу взрослого мужчины. Его взгляд все еще был отсутствующим, а лицо — мокрым от пота и слез.

— Откуда нам знать, что увиденное Петром — правда? — спросил Монк у Константина. — Тигры! Может, ему просто привиделся кошмарный сон?

Мальчик на бегу стащил вязаную шапку и отвел назад волосы. За его ухом блеснула стальная полоска.

— Ты был не единственный, кто подвергся операции. — Он снова натянул шапку и кивнул на Петра. — То, что он увидел, не сон.

Монк силился хоть что-то понять. Константин уже объяснил ему, каким образом он попал в Муравейник, будучи спасенным с тонущего корабля благодаря рисункам сестры Петра. Все это казалось ему полной бессмыслицей.

Может быть, это ему снится все происходящее?

— В Зверинце живут два дальневосточных тигра, — продолжал Константин. — Аркадий и Захар. Солдаты иногда уходят с ними глубоко в леса, чтобы поохотиться на медведя или лося. Это очень умные звери. Их трудно обмануть.

— Как далеко от нас они находятся? — спросил Монк.

Константин заговорил с младшим мальчиком по-русски. Петр стал отвечать ему на том же языке. По мере того как он говорил, его голос звучал все тверже. Малыш выходил из ступора.

Наконец Константин кивнул и сообщил Монку:

— Этого он не знает. Знает только, что они приближаются, и даже ощущает их голод.

Они добежали до того места, где ручей впадал в широкую реку. Если бы только им удалось перебраться через нее!

Внезапно раздался громкий звук. Высоко над ними и позади них кто-то кричал, плакал, звал, как мифические сирены. У Монка от этого звука свело зубы и заныли все кости. Дети плашмя упали на землю, заткнули уши и стали кататься, извиваясь, словно в агонии. Марта заухала и, подскочив, растопырила над ними руки, пытаясь защититить от невидимой опасности.

Обернувшись в ту сторону, откуда раздавался звук, Монк посмотрел в просвет между ветвями и увидел, как в небе над дальним концом долины на маленьком красном парашюте спускается что-то наподобие осветительной ракеты. Но это было нечто совсем другое. К парашюту был прикреплен предмет размером с бейсбольный мяч. Пронзительные звуки исхо-

дили именно из него. Сверху скинули какую-то разновидность акустической гранаты. В отдалении Монк увидел еще несколько красных парашютов и тоже упал на землю.

Преследователи беспорядочно выстреливали звуковые гранаты во всех направлениях.

На противоположном берегу ручья послышался треск ветвей. Кто-то яростно ломился сквозь чащу.

Монк увидел, как за деревьями мелькнула рыжевато-коричневая шкура.

Тигр!

К счастью, он ошибся. Из чащи выскочили две косули и унеслись прочь.

Немного оправившись от испуга, Монк поднялся на ноги и подбежал к детям. Они лежали без движения. Преследователи знали о сверхчувствительности детей и пытались парализовать их.

Подхватив Петра своей увечной рукой, Монк перекинул его через плечо, а затем обхватил за талию Киску и поставил ее на ноги. После этого, таща на себе сразу двоих малышей, подошел к Константину, намереваясь и его заставить подняться.

Они не должны останавливаться.

Помощь пришла, откуда он ее не ждал. Марта подскочила к Константину, закинула его руку себе за спину и, заставив встать, буквально поволокла мальчика по направлению к реке. Его ноги безвольно тащились по земле.

Монк последовал за ними вместе с Петром и Киской. Хотя от диких звуков, издаваемых акустической гранатой, у него заложило уши, он все равно слышал мучительные стоны, которые издавал мальчик. Он прибавил шаг и вскоре оказался на берегу.

Вода бежала по руслу с высокими, крутыми берегами шириной не менее четырех метров. Она бурлила и клочкотала достаточно громко, чтобы заглушить завывания звуковой бомбы.

Монк махнул рукой Марте и указал рукой вниз по течению. Обезьяна развернулась и двинулась в том направлении.

Так они и шли, следуя изгибам реки. После того как они сделали несколько поворотов, жуткий вой стал почти совсем не слышен за гребнями холмов.

Первой пришла в себя Киска. Освободившись от руки Монка, она зашагала самостоятельно. Вскоре к ней присоединился и Константин, избавив Марту от необходимости тащить его.

Они все больше удалялись от парализующих звуков, но Монк то и дело оглядывался назад, ожидая в любой момент увидеть пару тигров, крадущихся за ними.

Засмотревшись назад, он налетел на остановившуюся Киску, не удержал равновесия и упал, уронив на землю мальчика. Константин тоже замер на месте рядом с сестрой и придержал Марту. Казалось, что-то напугало их даже больше, чем неумолимо приближавшаяся погоня. Впереди на речной берег выбрался огромный бурый медведь. Он весил не меньше шестисот фунтов и был явно не в духе, растревоженный пронзительными звуками акустических гранат. Поглядев своими черными глазками на людей, он поднялся на задние лапы, во все свои восемь футов роста, и заревел, обнажив огромные желтые зубы.

Русский гризли.

Символ России-Матушки.

С тем же ревом он опустился на четыре лапы и бросился прямо к ним.

6 часов 03 минуты

Вашингтон, округ Колумбия

Когда пожилой мужчина проснулся, было светло. Свет жалил его глаза, буравил мозг. Он застонал и отвернул голову. К горлу подступила тошнота, рот наполнился горькой слюной. Он с отвращением сглотнул ее.

Мигая от яркого света, мужчина огляделся и выяснил, что привязан к кровати. Хоть и укрытый простыней, он знал, что лежит обнаженный. Комната была белоснежной, стерильной

и походила на операционную. Окон не было, только дверь с маленьким зарешеченным окошком. Она была закрыта.

В кресле у кровати, закинув ногу за ногу и положив руки на колени, сидел мужчина в рубашке с закатанными по локоть рукавами. Его пиджак висел на спинке кресла.

— Доброе утро, Юрий, — проговорил он, подавшись вперед.

Трент Макбрайд улыбался, но в этой улыбке не было ни грамма прежней теплоты.

Юрий посмотрел на свою грудь, а затем огляделся. Он все еще был оглушен и помнил лишь, как в него выстрелили дроптиком с транквилизатором.

— Вам ввели противостимулянт, — сообщил Макбрайд. — Нам нужно о многом поговорить, поэтому пришлось привести вас в чувство.

— Как... я... — выдавил Юрий, но договорить не смог: язык распух и едва ворочался во рту.

Макбрайд вздохнул, взял с тумбочки стеклянный стакан с трубочкой и поднес ее к губам Юрия. Тот не стал отказываться.

Теплая вода вдохнула в него жизнь лучше всякой водки. Она отодвинула в сторону нависавшие над ним тени и смыла клейстер с его языка.

— Трент, что все это значит? — Юрий подергал привязанными к кровати руками. — Что вы делаете?

— Заполняю белые пятна. — Макбрайд нажал на кнопку интеркома в изголовье кровати. — Как я уже упоминал, вы были не до конца откровенны и утаили от нас многие аспекты ваших исследований в Челябинске восемьдесят восемь. Мы должны исправить это упущение.

— Что вы имеете в виду?

Юрий прилагал все усилия, чтобы его слова звучали убедительно, но его выдал предательски задрожавший голос. В этот момент он пожалел о своем слабоволии.

— Хм, — промычал Трент, протянул руку и сорвал простыню, которой был укрыт Юрий. — Я думаю, мы можем по-

кончить с неприятной частью и поговорить как коллега с коллегой.

Юрий опустил взгляд на свое обнаженное тело. Его бледная кожа была испещрена маленькими присосками. К каждой из них было прикреплено какое-то крохотное электронное устройство, а из него, в свою очередь, торчала антенна толщиной с нить. Эти штуки покрывали его ноги от стоп до паха, руки — от кончиков пальцев до плеч, а грудь, утыканная присосками, напоминала шахматную доску.

Прежде чем он успел спросить, что это такое, открылась дверь и в комнату вошел худой мужчина. Юрий не без труда вспомнил его имя, хотя, казалось, он только что встречался с доктором Джеймсом Ченом. Именно в его кабинете в Институте Уолтера Рида Юрию была назначена встреча.

Дверь бесшумно закрылась.

Чен подошел к ним. В руках он держал ноутбук.

— Мы все настроили, — проговорил он и сел, поставив ноутбук на тумбочку.

Когда Чен раскрыл компьютер, Юрий успел бросить взгляд на экран. Там была изображена стилизованная человеческая фигура с раздвинутыми в стороны конечностями и усеянная светящимися точками.

— Электроакупунктура, — сказал Макбрайд и широким жестом обвел присоски на теле Юрия. — Микроэлектроды введены в основные акупунктурные точки по средним меридианам. Я не претендую на исчерпывающее понимание всего этого. Специалист тут доктор Чен. Благодаря этой технологии он добился впечатляющих успехов в облегчении боли и даже проведении хирургических операций в полевых условиях и без применения общего наркоза. Блестящая работа, потому он и был приглашен в «Ясоны». Затем благодаря разработанной им новаторской технологии использования микроэлектродов я предложил ему принять участие в нашем совместном исследовании. Таких же микроэлектродов, которые вы применяете на своих подопытных субъектах.

Макбрайд щелкнул ногтем по одной из антенн, и Юрий почувствовал укол боли.

— Мы выяснили, что таким способом мы можем не только облегчать боль, но и усиливать ее.

— Трент! Не надо! — взмолился Юрий.

Не обращая на него внимания, Макбрайд повернулся к Чену и указал ему на присоску возле колена Юрия и еще на одну, около паха.

Ученый поднял стилус и нарисовал им прямую линию на экране компьютера, как бы соединив между собой две указанные точки.

Ноги Юрия пронзила невыносимая боль. Из его горла вырвался хриплый крик. Ему показалось, будто кто-то острым скальпелем сделал глубокий, до кости, надрез от колена до паха. Боль исчезла так же внезапно, как и пришла.

Задышавшись, Юрий опустил глаза на свое обнаженное тело, ожидая увидеть хлещущую кровь, но кожа была совершенно целой.

Макбрайд снова широким жестом указал на маленькие присоски.

— И мы можем делать то же самое между любыми из этих точек, в любом направлении. Мы можем освежевать вас заживо, не прикоснувшись при этом ни к одному волоску на вашем теле. Виртуальная — и очень болезненная — операция.

— З-за что?..

Лицо Макбрайда было бесстрастным, но глаза горели злостью.

— Я получу ответы на свои вопросы? Да или нет? Давайте начнем с того, что вы утаили от нас относительно детей.

— Я не...

Макбрайд повернулся к Чену.

— Нет! — закричал Юрий.

Макбрайд снова склонился над ним.

— В таком случае не надо играть со мной в прятки. Нам без труда удалось воспроизвести ваши усилители. Технические

схемы, предоставленные вашей командой, были весьма точны и подробны, хотя и не отличались новаторством. Это были всего лишь продвинутые устройства ТЭС. Мы попытались добиться результатов, аналогичных вашим, используя пару аутистов-савантов в Канаде. Увы, результаты экспериментов оказались... скажем так, неутешительными.

Юрий внутренне сжался. Значит, американцы продвинулись так далеко, как не предполагала даже Савина. Они уже приблизились к пониманию того, насколько уникальна ситуация в Челябинске-88.

— Итак, — продолжал Макбрайд, — что вы держали от нас в секрете?

Юрий слишком долго медлил с ответом, и по его груди полоснула нестерпимая боль. Мучительная судорога выгнула его тело дугой, и он закричал так громко, что наружу не вырвалось ни одного звука.

Когда боль отступила, Юрий, дрожа всем телом, ощутил на языке вкус крови. Он больше не собирался играть в партизана. Ну и что, если американцы все узнают? Рано или поздно это все равно произойдет.

— ДНК, — прохрипел он. — Дело в их ДНК.

Макбрайд пододвинулся ближе.

— Что конкретно вы имеете в виду?

Юрий сглотнул, хватая ртом воздух.

— Весь секрет — в генетике субъекта. Мы сами поняли это только двенадцать лет назад.

Юрий стал рассказывать, то и дело прерываемый вопросами Макбрайда. Он припомнил, как в 1959 году были открыты необычные способности савантов у группы цыганских детей. Они были обусловлены генетической линией, тянувшейся из поколения в поколение, и переходили по наследству. Люди, обладающие ими, назывались шовихани. Втайне от всего мира цыганские племена фактически разводили их, занимаясь инбридингом*, в результате чего происходили различные ге-

* Инбридинг — близкородственное скрещивание.

нетические отклонения. Юрий поведал о том, как русские похитили это генетическое наследие, чтобы использовать его в рамках своих парапсихологических изысканий.

— Но во всем этом не было никакой мистики, — пояснил он. — Дети были всего лишь савантами, хотя и редкостными, обладающими уникальными талантами. Мы пытались расширить и усилить эти способности — сначала путем скрещивания, затем с помощью биоинженерии. Но с годами, по мере того как усовершенствовалась технология проведения генетических исследований, нам удалось выяснить, что именно делает детей столь уникальными.

Макбрайд весь обратился в слух.

— Причинами аутизма становится комплекс внешних факторов вкупе с набором из примерно десяти генов. Мы обнаружили, что самые сильные саванты, омега-субъекты, обладают тремя специфическими генами. Три маркерными генами. Когда они выстроены в нужной последовательности и сопровождаются слабым или умеренным аутизмом, возникают потрясающие способности саванта.

— Которые вы затем стимулируете, — добавил Макбрайд, — создавая «идеальный шторм» из генетики и биоинженерии.

Юрий кивнул.

— Блестяще! Воистину блестяще! Значит, мы поступили очень правильно, используя Арчибальда Полка для того, чтобы вытащить одного из ваших омега-субъектов. Тем более актуальной становится задача заполучить эту девочку.

Юрий опешил. Страх почти парализовал его.

— Так Саша не у вас?

Макбрайд нахмурил брови и откинулся в кресле.

— Нет, но за последний час нам удалось определить, где ее могут держать. И, судя по всему, та же группа отправила поисковую команду по следам Арчибальда. К счастью, мы успели полностью стереть эти следы.

— Кто... Кто забрал Сашу?

— Вы хотите знать?

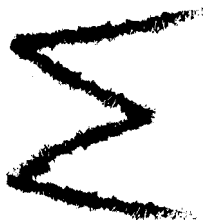
Макбрайд смотрел на Юрия сверху вниз. Было ясно, что девочка является наиболее уязвимым местом русского.

— Я покажу вам.

Он подал знак Чену.

«Нет!»

Грудь Юрия охватил огонь, располозовав ее зигзагом, от точки к точке, и образовав букву. Пылающую греческую букву.

— Недолго им осталось вставлять нам палки в колеса, — проворчал Макбрайд, глядя, как корчится привязанный к кровати Раев.

14 часов 04 минуты

Агра, Индия

Несмотря на восхищение, которое испытывал перед этой страной отец, Элизабет никогда прежде не бывала в Индии. Она смотрела в окно фургона такси, который вез их из аэропорта. Хотя стекла были опущены, дышать от этого легче не становилось. Жара стояла под сорок градусов.

Машина двигалась с черепашьей скоростью, зажатая рикшами — колясками, которые тянули велосипеды и даже один верблюд. Рядом с ними тащилось другое такси, окна которого были также открыты, и Элизабет ощущала запах тонкой сигары, кончик которой пожевывал шофер. Этот запах, словно нож, разрезал царивший на улицах густой дух карри, грязи и подгоревшего жира. Шофер нервничал и нетерпеливо сигнализировал.

Однако его гудки были едва различимы в какофонии уличного шума, становившегося еще нестерпимее из-за происхо-

дившего где-то впереди праздника, сопровождаемого звуками цимбал. Пешеходам не хватало места на тротуарах, и они, выходя на проезжую часть, сновали между едва ползущими автомобилями, велосипедами и мотоциклами.

Элизабет заметила, что ей стало трудно дышать. Грудь сжалась, словно обручем, но не от жары и духоты, а из-за обилия людей. Она никогда не страдала клаустрофобией, но нескончаемый шум и сутолока давили на нее кузнечным прессом. Ее руки, лежавшие на коленях, сжались в кулаки.

Наконец, непрерывно сигналив, их водитель все же смог пробить себе путь и добраться до очередного перекрестка, где свернул и выехал на более широкую дорогу, ведущую к центру города.

Элизабет с облегчением вздохнула.

— Наконец-то! — пробасил Ковальски, сидевший рядом с ней и, по-видимому, испытывавший те же эмоции. — Нужно было взять машину напрокат. Я довез бы нас быстрее.

Великан, похоже, почувствовал, что женщине не по себе, и подвинулся вбок, освобождая для нее побольше места. При этом он спрессовал пассажиров слева от себя. Шей Розауро, сидевшая рядом с Ковальски, ткнула его локтем в бок. Ее лицо блестело от пота. Пока они торчали в пробке, она сняла с головы бандану, развернула ее и надела в виде косынки, завязав концы на затылке.

Грей, расположившийся впереди, наклонился к водителю и указал на что-то впереди. Индус кивнул, после чего Грей снова откинулся на сиденье.

Последний член их группы, Лука Хирн, сидел позади всех. Его лицо было непроницаемым, но темные глаза подмечали все происходившее вокруг. Перед тем как самолет совершил посадку, Лука, возвращаясь на родину предков, сунул в закрепленные на запястьях ножны два кинжала.

Грей повернулся на сиденье.

— Через десять минут мы будем в отеле, — сообщил он своим спутникам.

Такси быстро ехало по дороге, которая упиралась в реку Джамна. В ярких лучах солнца вода блестела, как обоюдоострый клинок из голубой стали. Вдоль берегов росли пальмы. Слева возвышалась крепость из красного песчаника, с высокими брустверами и толстыми стенами. Достигнув Джамны, они свернули в сторону форта и поехали вдоль реки, следуя ее изгибам. Из-за плотного движения их скорость снова упала, но лишь на несколько минут. Вскоре взорам путешественников открылся огромный парк из лугов, садов, прудов, в которых отражалось небо, и небольших заплаток леса. Этот зеленый пояс тянулся вдоль самого берега реки, но подлинное чудо, казалось, парило над ним — облако белого мрамора на фоне ослепительно голубого неба.

Тадж-Махал.

Мавзолей представлял собой чудо архитектурного искусства, но сейчас он казался замком из сна, сияющим и плывущим в небесах. Построенный более трех веков назад по приказу султана Шах-Джахана, правителя империи Великих Моголов, он должен был стать местом последнего упокоения его любимой супруги Мумтаз-Махал и символом вечной любви.

Но не это было конечным пунктом их путешествия.

Такси свернуло к обочине и остановилось у белого пятиэтажного здания с большими арочными окнами. Отель «Дидар-и-Тадж». Именно здесь они должны были встретиться с доктором Хейденом Мастерсоном.

— Ресторан находится на верхнем этаже, — сказала Элизабет, когда они выгружались из такси, и посмотрела на часы.

Они опаздывали уже на полчаса. Грей расплатился с шофером, и все приехавшие прошли мимо танцующего фонтана в вестибюль отеля, где — о, счастье! — работал кондиционер.

— Ковальски, — заговорил Грей, — вы с Лукой стерегите наши комнаты, а мы, — он кивнул на Элизабет и Розауро, — поднимемся наверх.

Здоровяк тяжело вздохнул и пробубнил что-то про холодный душ.

Улучив момент, когда Грей повернулся в сторону лифтов, он подобрался поближе к Элизабет.

— Вы в порядке? — спросил он ее.

— Я?

— Ну да. Там, в такси, мне показалось, что вы... того... —

Он пожал плечами.

— Это просто жара, — смутилась женщина. — И наверное, нервы...

— А у меня кое-что есть. — Ковальски с видом заговорщика наклонился к ней и оттопырил полу пиджака — так, чтобы стали видны две сигары, торчащие из внутреннего кармана. — Кубинские. Из магазина беспопылинной торговли в аэропорту.

Элизабет улыбнулась. Она была почти готова расцеловать его, но тут позади нее открылись двери лифта, и Грей велел поторапливаться.

Ковальски выпрямился и запахнул пиджак, а затем подмигнул ей и отвернулся. Вот так, взял и подмигнул! Когда Элизабет подошла к лифту, где ее уже ждали Грей и Розауро, она все еще улыбалась.

Грей втащил ее в кабину лифта и нажал на кнопку верхнего этажа.

— Можете ли вы сообщить нам о докторе Мастерсоне что-нибудь еще, что нам следовало бы знать? — спросил он ее.

— Я не упомянула разве что про «Манчестер юнайтед», — пробормотала она.

— Про футбольную команду?

— Доверьтесь мне, или вы не услышите от него ни слова ни о моем отце, ни о его исследованиях. И не давите на него. Пусть он сам заговорит на эту тему.

Двери лифта открылись, и их взглядам предстал расположенный на верхнем этаже ресторан, почти пустой в этот час. В воздухе витал густой аромат карри и чеснока. Однако необычным было то, что весь ресторан медленно вращался. Отсюда, не вставая из-за столика, можно было обозревать весь город, включая Тадж-Махал.

За столиком у окна сидел высокий мужчина. Увидев их, он поднял руку, а затем опустил ее и постучал пальцем по часам на запястье.

Элизабет улыбнулась и, взойдя на вращающуюся платформу, направилась к нему. Остальные, лавируя между пустующими столиками, двинулись следом за ней. Несколько официантов в расшитых золотом жилетах приветливо кивали новым гостям.

Прошло уже несколько лет с того момента, когда Элизабет в последний раз виделась с доктором Мастерсоном. На нем, как всегда, был строгий белый костюм колониального фасона, неизменная панама с широкими полями лежала на соседнем столе. К нему же была прислонена трость с изогнутой ручкой из слоновой кости в виде белого журавля. Такими же белыми были его длинные, до плеч, волосы, которыми, как подозревала Элизабет, он весьма гордился. Лицо профессора было угловатым, туго обтянутым кожей и загоревшим до бронзового цвета. Загар, по всей видимости, никогда не сходил с него.

Элизабет представила своих спутников. Шей Розауро завила доктора в том, что знакомство с ним — большая честь для нее. После этого раздраженное выражение на его лице уступило место гримасе, которую при большом желании можно было счесть доброжелательной. Женщины были слабостью Хейдена, особенно такие длинноногие и гибкие, как доктор Розауро. Отец Элизабет как-то намекнул на то, почему профессор остался в университете Мумбая, вместо того чтобы работать в Оксфорде или Кембридже. Похоже, он попал в какую-то скверную историю, связанную с соблазнением несовершеннолетней студентки.

Хейден предложил им садиться, позаботившись о том, чтобы доктор Розауро оказалась рядом с ним. К тому моменту, когда все расселись, ресторан повернулся таким образом, что им открылся вид на Тадж-Махал, от которого захватывало дух.

От Хейдена не укрылись их восхищенные взгляды.

— Мавзолей Мумтаз-Махал, супруги Шах-Джахана! — громогласно объявил он. — Эта любимая жена перед смертью взяла с муженька четыре обещания. — Профессор принялся загибать пальцы. — Первое, разумеется, построить для нее надгробный памятник, каких еще не было. Второе — чтобы он никогда больше не женился. Вот это женушка! Третье — чтобы он всегда был добр к их детям. И наконец, Шах-Джахан должен был навещать могилу жены каждый год в день ее смерти. Что он и делал вплоть до того дня, когда сам был похоронен в Тадж-Махале рядом со своей драгоценной супругой.

— Вот что значит настоящая любовь! — проговорила Розауро, любуясь изумительной красотой мавзолея.

— Но разве бывает любовь без кровопролития? — Хейден похлопал ладонью по руке Розауро и оставил ее на ней. — Говорят, что, после того как Тадж-Махал был построен, султан приказал отрубить руки всем мастерам, чтобы они никогда больше не смогли возвести подобное чудо.

Грей, сидевший по другую сторону от ученого, принялся ерзать на стуле. Ему не терпелось перейти к тому, ради чего они пересекли половину земного шара. Заметив это, Элизабет пнула его ногой под столом, предостерегая от поспешных действий.

Их глаза встретились.

«Не давите на него!» — предупредил его взгляд женщины.

Она повернулась к Хейдену в тот самый момент, когда его правое ухо отлетело в сторону, словно отрезанное ножом, выбросив наружу фонтан крови, а в следующий момент послышалось отчетливое «дзинь», будто где-то рядом разбился бокал.

Грей и Розауро пришли в движение одновременно, а Элизабет продолжала сидеть как под гипнозом. Розауро повалила Хейдена на пол, Грей вцепился в Элизабет. Она успела заметить идеально ровное отверстие в окне, напротив которого только что сидел профессор. От него паутинками разбежались тонкие трещины.

Пока она падала, в окне появилось еще несколько таких же отверстий, сопровождаемых все тем же звуком, а потом Элизабет оказалась на полу, а на ней лежал Грей.

— Не шевелитесь!

Она замерла. На ресторан обрушился шквал автоматного огня. По всей видимости, стрелок засел на одной из соседних крыш. Окно разлетелось вдребезги, один из официантов завертелся волчком и упал. Пол, выложенный плиткой, обогрился кровью.

Грей приказал всем ползти, но Элизабет была слишком напугана, чтобы пошевелиться. Снайпер не сможет застрелить ее, если она останется там, где находится.

В чувство ее привел Грей.

— Он пытается пришить нас! — крикнул он, обращаясь одновременно к Элизабет и Хейдену, которого тоже парализовал страх. — Он хочет удержать нас здесь!

Элизабет поняла, что он имел в виду, и, оттолкнувшись от пола, встала на четвереньки. Им было необходимо двигаться. Немедленно.

Но их поджидали другие стрелки.

6 сентября, 13 часов 01 минута
Южноуральские горы

Как только медведь ринулся на них, Монк столкнул Петра с крутого берега реки. Растопырив руки, мальчик больно шлепнулся о склон и покатился вниз. Его хлестали и царапали ветки. Скользя по настилу из опавших хвойных иголок, он пытался ухватиться за кусты и ветви низкорослых сосенок. Он не умел плавать. Вода наводила на него ужас.

Из медвежьей глотки вновь вырвался рев.

Его друзья!

Константин и Киска!

Петр ударился коленями о камень, и боль пронизала его тело вплоть до позвоночника. Затем он упал плашмя спиной на самый край берега. В нос ему залилась вода.

Он отвернулся от своего отражения в темной воде. Оно плыло и колебалось. Солнце заставляло воду блестеть и переливаться сотнями оттенков, ветер ерошил ветви деревьев, нависшие над рекой.

Вот так Петр и лежал — над темной, пугающей, сверкающей водой.

Он не получил предупреждения об огромном буре медведя, пока тот не поднялся перед ними на задние лапы, выпрямившись во весь свой чудовищный рост. Должно быть, животным двигал голод, а взбудораженный тоскливыми завываниями акустических гранат, медведь занервничал еще больше.

И все же Петра обуял страх, который усиливался с каждой секундой.

И вода тут была ни при чем.

Медведь — тоже ни при чем.

Под ним кружил водоворот света и тьмы. Как нефть на воде.

Не медведь.

Не медведь!

Он задыхался от страха.

Опасность исходила не от медведя.

Кое от кого другого...

13 часов 02 минуты

Медведь надвигался на Монка, и тот поднял рюкзак, свое единственное оружие. Он успел толкнуть Петра к воде, а двух других детей — к кустам по другую сторону от себя. Марта вспрыгнула на нижнюю ветку дерева и раскачивалась, тревожно поглядывая в сторону Петра.

Медведь был уже совсем близко. Монк изо всех сил швырнул рюкзак в зверя и отпрыгнул в сторону. Но — опоздал. Когда он уже был в воздухе, медведь врезался ему в ноги, как товарный поезд, отбросив его на несколько метров в сторону. Рюкзак ударился о спину гризли, чего тот, наверное, даже не заметил.

Монк врезался в ствол лиственницы и упал к ее основанию. Хватая ртом воздух, он кое-как встал на ноги и тут же поднял руки, защищая голову и лицо.

Однако медведь, не обратив на него внимания, пронесся мимо по оленьему следу.

Монк, ковыляя, вернулся на тропинку. В сорока ярдах от него медведь схлестнулся с двумя призрачными силуэтами, бежавшими ему навстречу, — высокими, длинноногими волками. Медведь взмахнул огромной лапой, и один волк полетел в сторону, вертясь в воздухе. Второй прыгнул на медведя, целя в глотку, но нарвался на жуткую пасть с желтыми клыками и безграничную ярость. Волк взвыл, но продолжал сражаться.

На голове волка Монк заметил что-то напоминающее стальную шапочку. Это были гончие, охотники из подземного города. Но помимо этих двух, могли быть и другие.

Монк торопливо вытащил из кустов Константина и Киску. Подбежала Марта, на плечах которой сидел Петр. Монк взял у нее мальчика и прошептал:

— Бежим!

Они сорвались с места. Если по их следу шли другие охотники, нужно было воспользоваться тем, что позади них медведь разбирался с этими двумя, став, сам того не зная, их арьергардом.

Монк обернулся и посмотрел назад, где продолжалась битва под аккомпанемент из страшного рычания и воя. Медведь сражался с ловкостью, которой было трудно ожидать от неуклюжего зверя, нанося точные, смертоносные удары, превратившись в некое божество ненависти. Может, для медведя эта встреча с волками-охотниками была не первой? Может, на

него с помощью этих тварей охотились солдаты? Или его злоба имела более глубокие корни и олицетворяла конфликт между естественным и искусственно созданным? Так львица нежно убивает львенка, родившегося уродливым.

Как бы то ни было, схватка зверей давала Монку и его маленьким спутникам преимущество во времени.

Вот только надолго ли?

14 часов 28 минут

Агра, Индия

Грей, словно пастух, согнал своих спутников в кучу и, двигаясь первым, повел их по направлению к выходу. Снайпер не унимался, продолжая лупить по окнам ресторана, поэтому они передвигались, согнувшись в три погибели.

Грей нацелился на выход к пожарной лестнице. Ее дверь располагалась прямо рядом с дверьми лифта. Воспользоваться им они не могли. Организовавшие эту засаду, кем бы они ни были, наверняка оставили своих людей в вестибюле, чтобы держать под прицелом главный вход и двери лифта. Вызвать его означало привлечь внимание этих наблюдателей. Оставалась единственная возможность: спуститься на другой этаж, найти пустой номер и отсидеться.

Их путь по направлению к двери лестницы был затруднен вращением платформы. Однако оно же спасло жизнь доктору Мастерсону. Поворотный механизм увез его из прицела снайпера, благодаря чему он отделался отстреленным ухом. Иначе первая пуля угодила бы ему точнехонько в череп.

Грей не мог не отдать должное старику: оправившись от первоначального шока, тот вел себя деловито и не проявлял никаких признаков паники. Он прижимал к ране уже успевшую пропитаться кровью полотняную салфетку. Более того, он каким-то образом успел сцапать с соседнего стола свою белую панаму и напялил ее на голову. Розауро одной рукой поддерживала профессора, а второй — сжимала его трость с рукояткой из слоновой кости.

Наконец Грей и Элизабет сошли с вращающейся платформы, оказавшись на неподвижном полу. Розауро и Мастерсон следовали в шаг за ними.

— Лестница! — бросил Грей.

— Есть! — ответила Розауро и плавным движением вытащила из кобуры на щиколотке полуавтоматический «ЗИГ-Зауэр».

В два прыжка, как бейсболист, стремящийся к базе, она подскочила к двери, встала на колени и приоткрыла ее — ровно настолько, чтобы просунуть в образовавшееся отверстие руки, сжимающие пистолет, и держать под наблюдением ступени.

Грей сразу же услышал этот звук. Топот тяжелых ботинок по лестнице. Многих ботинок.

— От семи до десяти! — крикнула Розауро.

Они опоздали.

— Задержи их! — выкрикнул Грей и перекатился к дверям лифта.

Увидев его движение, Элизабет подняла руку к светящейся кнопке вызова лифта, но Грей вовремя успел ее перехватить. Судя по панели с цифрами над дверями лифта, кабина находилась на первом этаже и за ней наверняка наблюдали.

Грей перекатился к столику на колесах и взял с него раздельный нож и стопку сложенных скатертей, а затем вернулся к дверям лифта, просунул между ними лезвие ножа и раздвинул их так, чтобы вставить пальцы и носок ботинка. Потом он приналег и раздвинул двери полностью. За ними открылась угольно-черная шахта, по центру которой тянулись два толстых стальных троса. На правой стенке шахты располагалась техническая лестница, но спускаться по ней у них не было времени.

Со стороны лестницы послышался выстрел и сразу за ним — крик боли и удивления. Сразу же за этим последовал короткий обмен выстрелами. Розауро занимала более выгодную позицию, но долго ли продлится это преимущество?

Нужно было торопиться.

Грей дал Элизабет и Мастерсону по скатерти и показал, каким образом ими нужно обмотать руки.

— Спуск будет недолгим, — заверил он своих спутников, указав на тросы. — Только держитесь крепче — руками и ногами. И главное, когда опуститесь на крышу кабины, попытайтесь произвести как можно меньше шума.

Элизабет со страхом смотрела в черное жерло шахты, Мастерсон с видом мученика закатил глаза, но стрельба, доносившаяся от двери лестницы, ясно говорила: другого выхода нет.

Первой отважилась Элизабет. Оттолкнувшись ногами от пола, она прыгнула в шахту, ухватилась руками, обмотанными скатертью, за тросы и с испуганным писком заскользила вниз.

За ней последовал Мастерсон, засунув свою трость за пояс наподобие меча. Высокому и длиннорукому, ему не было нужды прыгать. Он всего лишь протянул руки и ухватился за тросы, а затем скользнул вниз.

— Спускайтесь! — не оборачиваясь, крикнула Розауро и дважды выстрелила. — Я — сразу за вами!

— Закрой двери лифта...

— Спускайтесь, Пирс!

Грей предпочитал не спорить с женщинами, особенно когда они сжимали в руках дымящийся пистолет. Он свел руки вместе, прыгнул в шахту и устремился вниз. Уже через секунду трос, по которому он спускался, дрогнул. Значит, Розауро последовала за ним. Сначала она прыгнула на техническую лестницу, дотянулась до рукоятки ручного закрывания дверей и передвинула ее вниз. Двери закрылись. В шахте наступил полный мрак.

Глаза Грея быстро адаптировались в темноте. Скользя вниз по тросам и считая этажи по светлым полоскам между дверей, он увидел внизу, на крыше кабины лифта, две призрачные фигуры. В руке одной из них вспыхнул огонек.

Зажигалка Элизабет.

Ноги Грея опустились на крышу кабины лифта. Секундой позже рядом с ним оказалась Розауро.

Грей вытащил из-под штанины, где на щиколотке у него находилась кобура, пистолет, нащупал край люка на крыше кабины и приоткрыл его. Кабина была пуста, двери — закрыты. Жестом он велел своим спутникам оставаться наверху и не шевелиться. А затем, держась одной рукой за край люка, скользнул вниз и приземлился на корточки, с оружием на изготовку. Из-за закрытых дверей слышались вопли и топот ног. Люди метались и кричали — на хинди и английском. Стрельба наверху превратила сонный отель в растревоженный улей. Отлично! Паника сыграет им на руку.

Грей нажал на кнопку открывания дверей, и они раздвинулись. В тот же миг он метнулся наружу и перекатился влево, укрывшись за кадкой с пальмой.

В вестибюле Грей моментально заметил двоих подозрительных мужчин. Держа руки в карманах, они выглядели слишком спокойно и, несмотря на жару, были в пиджаках.

Они тоже увидели Грея, но его внезапное появление застало их врасплох. Вокруг было много людей, но Грею не оставалось другого выхода, кроме как действовать не раздумывая. Затянувшаяся перестрелка поставит под угрозу еще больше жизней.

Просунув руку с пистолетом сквозь ветви пальмы, он нажал на курок и уложил первого из противников, которому пуля угодила прямо в лоб. Привстав на цыпочки, Грей дважды выстрелил во второго. Одна пуля прошла тому плечо, отшвырнув его назад, вторая не достигла цели, угодив в стену. Его противник выстрелил, не вынимая руки из кармана, прямо через пиджак, но Грей успел упасть, распластавшись на полу, и поэтому пуля вонзилась в штукатурку прямо позади того места, где он только что стоял.

Перекатившись на бок и вытянув руки, он сделал еще один выстрел, держа пистолет всего в нескольких дюймах от пола. Колено его противника разлетелось кровавыми ошметками. Тот упал, со всего маху ударившись подбородком о мраморный пол. Послышался хруст ломающейся кости. Больше мужчина не шевелился.

Грей повернулся к лифту как раз в тот момент, когда двери кабины закрывались. Находившиеся в вестибюле люди, до полусмерти напуганные стрельбой и убийствами, разбегались с криками ужаса. Грей метнулся к лифту и нажал на кнопку вызова, но безрезультатно. Лифт успел вызвать кто-то другой...

Он поднял глаза к светящейся панели с номерами этажей. Кабина ползла вверх.

Прямоиком к стрелкам, находившимся на последнем этаже.

Находясь на крыше кабины, Элизабет услышала, как заработали лебедки лифта.

— Mierda! — выругалась стоявшая рядом Розауро. — Дерьмо!

Элизабет подняла голову и посмотрела в непроглядную черноту шахты.

— Что же нам делать? — спросила она, все еще держа в руке зажигалку, горевшую крохотным пламенем.

Она чувствовала полную беспомощность и злилась на себя за то, что у нее так постыдно дрожат руки.

— Вы останетесь здесь, — сказала Розауро, наклонилась и задула пламя зажигалки. — В темноте. Не произносите ни слова. Не издавайте ни звука.

Женщина села на край люка и бесшумно спрыгнула в кабину.

— Закройте крышку люка, — велела она напоследок, — но не запирайте. На всякий случай.

«На какой такой случай?»

Тем не менее Элизабет подчинилась. Она закрыла крышку люка почти полностью, оставив лишь тонкую щелку и придерживая ее мизинцем. Последним, что она видела, было то, как Розауро готовила оружие к бою.

Проводив уезжающую кабину лифта виртуозным ругательством, Грей кинулся к лестнице, сбив по пути двух человек, которые упали на пол и сжались, прикрывая головы руками.

Он побежал вверх по лестнице, перепрыгивая сразу через три ступеньки, резко заворачивая с пролета на пролет и задерживаясь лишь для того, чтобы убедиться в том, что лифт не остановился. Если он сумеет обогнать его и нажать на кнопку вызова, возможно, лифт удастся перехватить раньше, чем он доберется до верхнего этажа.

Сверху слышались грубые гортанные голоса. Похоже, нападающие спускались вниз. Грей влетел в дверь третьего этажа и ударился головой в стену. По крайней мере, так ему показалось. Потому что по виду эта стена выглядела человеком.

Ковальски стоял перед дверьми лифта, прижимая палец к кнопке вызова.

— Грей! — воскликнул он, потирая живот. — Что стряслось, дружище?

Двери лифта раздвинулись. Из них выпрыгнула Розауро и сунула пистолет под нос Ковальски.

— Эй, полегче на поворотах! — предупредил он, отступив на шаг.

— Это ты вызвал лифт? — спросил Грей.

— А кто же еще! Я решил подняться в ресторан и выяснить, что там за переполох.

Грей никак не мог решить, какое из качеств Ковальски являлось главным его достоинством: твердолобость или лень?

— Все — из лифта! — скомандовал он.

Розауро уже действовала, помогая Элизабет и Мастерсону спуститься через люк и выбраться из кабины. Грей повел их вниз по лестнице. Ковальски прикрывал отход.

Рядом с Греем шла Розауро.

— Я слушала, как они говорили на английском. У них был не британский акцент. Скорее американский.

Грей кивнул.

Судя по тому, как выглядели те двое, которых он уложил в вестибюле, эти люди были наемниками.

И все же он не мог отделаться от воспоминаний о мужчине, которого видел у входа в Музей американской истории. На его

служебной карточке значилось название — Агентство военной разведки США — и имя — Мэпплторп. Кто-то определенно знал об их приезде сюда.

Они вышли в опустевший к этой минуте вестибюль. Грей торопливо вел своих спутников к дверям центрального выхода, но раньше, чем они успели добраться до них, перед ними возникла фигура мужчины. В руках он держал коротконосый автомат М-4, а на его плече висела длинноствольная винтовка М-24 с оптическим прицелом.

Тот самый снайпер с соседней крыши.

Дуло автомата было направлено в лицо Мастерсону. На сей раз стрелок не мог промахнуться.

Однако внезапно голова снайпера откинулась назад, и он упал на колени, как марионетка, у которой обрезали ниточки, а затем повалился лицом вперед. Оружие брякнуло о мраморный пол. Из нижней части его затылка торчала блестящая стальная рукоятка метательного кинжала, а позади стоял Лука со вторым кинжалом наготове.

Грей оттолкнул ногой упавшее оружие, которое тут же подобрал Ковальски. Лука подбежал к ним и убрал кинжал в ножны под рукавом.

— Спасибо, — произнес Грей.

— Я стоял на другой стороне улицы и курил, как вдруг услышал выстрелы, — пояснил цыган. — Хотел подняться наверх и выяснить, в чем дело, но тут из подъезда выходит вот этот. — Он мотнул головой на труп. — Сам спустился и двинулся сюда. Вот я и пошел за ним.

Грей благодарно похлопал мужчину по плечу. Тот спас им жизни. А затем командер указал на дверь.

— Выходим наружу! — скомандовал он. — Нам нужно убираться из этого города, и побыстрее.

Они выбежали на улицу.

— Побыстрее вряд ли получится, — задумчиво проговорил Ковальски. Он стоял, упершись рукой в бок, и придерживал ею спрятанный под пиджаком автомат.

Грей повертел головой.

Улица в обоих направлениях, а также переулок сбоку от отеля были намертво забиты самым разнообразным транспортом: такси, рикшами, телегами, грузовиками и частными легковыми машинами. Пробка была настолько плотной, что почти не двигалась.

Хор гудков смешался с музыкой и пением. Дальше по улице праздник был в самом разгаре. Это столпотворение отвлекло внимание прохожих и водителей от кровавых событий, произошедших в отеле, не полностью. Вдалеке слышались завывания сирены. Городская полиция! А из вестибюля отеля вновь раздались крики. Команда наемников наконец спустилась на первый этаж.

— Что нам теперь... — начала Розауро, но закончить вопрос ей не позволил рев мотоциклетных двигателей.

Грей повернулся. Выше по улице, кварталах в трех от того места, где они стояли, лавируя зигзагами между зажатými в пробке транспортными средствами, неслись три черных мотоцикла. Сшибая и раскидывая в стороны прохожих, они направлялись прямо к входу в отель. На каждом мотоцикле сидело по два человека с автоматами в руках. К наемникам прибыло подкрепление. Грей затолкал своих спутников в переулок, скрывшись таким образом из поля зрения убийц, а затем повернулся к доктору Мастерсону и снял с его головы панаму.

— Пиджак тоже снимайте, — велел он, нахлобучивая панаму себе на голову.

— Что вы намерены делать? — спросил Мастерсон, стаскивая белый пиджак.

— Первым, в кого прицелился снайпер, были вы, доктор. Вы — их главная мишень.

— Пирс... — предостерегающе произнесла Розауро.

Грей надел пиджак, оказавшийся для него слишком просторным.

— Я собираюсь увести этих мотоциклистов подальше, — сказал он, указав на запруженную улицу, — а вы пойдете другой дорогой. Уводите остальных по этому переулку. Встретимся в форте, который видели при въезде в город.

Розауро помолчала, обдумывая его план, а затем быстро кивнула.

— Я пойду с вами, — заявил Ковальски, выходя из-за спины Элизабет и показывая оружие. — Вам понадобится поддержка.

Розауро согласно кивнула.

— Пусть лучше идет с вами. Мне придется защищать двоих гражданских, так что у меня и без него будет полно забот.

У Грея не было времени спорить. Дополнительный ствол и крепкие мышцы в подобной ситуации не помешают.

— Хорошо, — согласился он.

— Мистер Пирс!

Он обернулся. Мастерсон кинул ему свою трость, и Грей поймал ее в воздухе. Теперь перевоплощение было почти полным.

— Только не потеряйте ее. Эта рукоятка из слоновой кости изготовлена в восемнадцатом веке.

Грей поспешил обратно на улицу, сопровождаемый Ковальски. Затем он побежал рысцой и, размахивая в воздухе тростью, принялся кричать с британским акцентом:

— Кто-нибудь! Помогите! Меня хотят убить!

Минуя стоящие машины и телеги, Грей бежал вниз по улице — туда, где всю шумел праздник. Позади него мотоциклетные двигатели сначала умолкли — наемники добрались до отеля, — а затем снова взревели. Его увидели и пустились в погоню.

— Эти болваны проглотили наживку, — пропыхтел позади Грея Ковальски.

6 часов 33 минуты

Вашингтон, округ Колумбия

Резкий стук в дверь заставил Пейнтера вздрогнуть. Он уже начинал дремать, положив локти на стол и клюя носом над пачкой документов и отчетов о лабораторных исследованиях Лизы и Малкольма. Чуть раньше он приказал Кэт поспать пару часов, но, учитывая тот факт, что директор сам уже сутки был на ногах, ему бы это тоже не помешало.

Пейнтер нажал на кнопку, расположенную под крышкой стола, и дверь распахнулась. Он полагал, что это либо Лиза, либо Малкольм, но, увидев, кто стоит на пороге, от удивления подался вперед в кресле, а потом поднялся из-за стола.

В кабинет вошел высокий, широкоплечий мужчина в синем костюме. Его некогда рыжие, а теперь почти совсем поседевшие волосы были аккуратно зачесаны назад.

— Шон?

Шон Макнайт являлся директором УППОНИР и непосредственным начальником Пейнтера. Именно он более десяти лет назад завербовал Пейнтера и привел его на работу в «Сигму». Тогда он занимал то самое кресло, в котором Пейнтер сидел сегодня. Макнайт стал первым директором «Сигмы». Он серьезно отнесся к проекту, предложенному Арчибальдом Полком, и воплотил его в жизнь. Но главное, Шон был очень хорошим другом.

Макнайт махнул рукой, делая Пейнтеру знак садиться.

— Из-за меня не надо вскакивать с кресла, сынок, — проговорил он. — Я не собираюсь вновь занять его.

Пейнтер улыбнулся.

В первый же день после его вступления в должность директора «Сигмы» Шон прислал ему целую коробку таблеток от изжоги. Он полагал, что это отличный шуточный подарок, но уже через полгода от коробки осталось меньше половины.

— Что-то подсказывает мне, Шон, что у тебя работа не легче.

— Сегодня — точно не легче. — Макнайт опустился в кресло, стоявшее по другую сторону стола. — Я собрал сведения о том человеке, которого командер Пирс увидел у входа в музей. Мэпплторп. Джон Мэпплторп.

— Значит, его служебное удостоверение не было фальшивкой?

— Наоборот! Джон Мэпплторп является начальником управления Агентства военной разведки США, курирует Российскую Федерацию и соседние с ней государства.

Пейнтер вспомнил первоначальное предположение Малкольма относительно того, где Полк мог подвергнуться радиаци-

онному заражению. Чернобыль. Какова была тут роль Мэпплторпа?

— Этот человек имеет могущественных союзников во многих разведывательных агентствах, — продолжал Шон, — он известен своей беспринципностью и умением плести интриги. Очень ценные качества для чиновника, работающего в Вашингтоне.

— Каким образом он оказался вовлечен во все это? — спросил Пейнтер.

— Я прочел твой отчет. Тебе известно все о рассекреченном проекте «Звездные врата» и о том, как он был закрыт в середине девяностых.

— На самом деле он не был закрыт, — возразил Пейнтер. — В последние годы он постепенно растворился в недрах Агентства военной разведки.

— Верно, и занялся им именно Мэпплторп. В тысяча девятьсот девяносто шестом году к нему обратились двое русских ученых, которые работали над советским проектом, аналогичным нашим «Звездным вратам». Они лишились финансирования со стороны собственного правительства и просили помощи у нас. Мы согласились помочь — во имя обоюдной пользы, в этом новом мире, где враг уже не имел географических границ. Поэтому небольшая группа «Ясонов» получила приказ работать совместно с русскими. После этого проект засекретили еще больше. Он практически исчез. Лишь горстка людей знала о том, что работа над ним продолжается.

— И так длилось до тех пор, пока к нашему порогу не пришел Арчибалд, — сказал Пейнтер.

— Мы полагали, что он собирается разоблачить их и располагает какими-то важными свидетельствами.

— Свидетельствами зверств, которые творились якобы во имя науки.

— Во имя национальной безопасности, — поправил Макнайт. — Не забывай об этом. Именно это словосочетание является смазкой, позволяющей крутиться всем шестеренкам в Вашингтоне. Не стоит недооценивать Мэпплторпа. Он умеет иг-

рать в эти игры и мнит себя подлинным патриотом. Кроме того, он проделал долгий путь, чтобы заработать столь солидный авторитет в мире разведки. И у нас, и за рубежом.

Пейнтер покачал головой. Не обратив внимания на этот полный скепсиса жест, Шон продолжал:

— Мэпллторп поставил на уши все разведывательные ведомства страны, и они теперь ищут тот череп, который оказался у вас. Какую аббревиатуру ни возьми, она будет там: ЦРУ, ФБР, АНБ, НУВКР, РУ ВМС...* Не могу исключать, что он привлек к этому даже бывших агентов УППОНИР.

Шон попытался улыбнуться собственной шутке, но улыбка вышла усталой и невеселой.

— Я не могу больше держать это в тайне. Арчибальд был застрелен прямо у порога вашего ведомства. Его связь с «Ясонами» и с «Сигмой» неизбежно выплывет наружу, а после того, как в прошлом году правительство взяло наши операции под жесткий контроль, будет несложно выявить многие тайные следы, ведущие в наши кабинеты.

— А к чему ведешь ты? — осведомился Пейнтер.

— Я думаю, нашему черепу пора снова всплыть на поверхность. Волки сжимают круг. Я могу передать череп другому разведывательному ведомству — так, чтобы он не смог вывести на «Сигму». — Мужчины встретились взглядами. — Но что касается девочки, тебе это даст преимущество лишь в полдня. Если за это время Грей и его команда не найдут ответов, нам, возможно, придется сдать и ее.

— Я не сделаю этого, Шон.

— У тебя может не оказаться выбора.

Пейнтер встал.

— Тогда сначала повстречайся с ней. Посмотришь на нее, увидишь, что с ней сделали. А потом скажешь мне, могу ли я отдать эту девочку Мэпллторпу.

* Сокращенные название разведывательных ведомств США: Центральное разведывательное управление, Федеральное бюро расследований, Агентство национальной безопасности, Национальное управление военно-космической разведки, Разведывательное управление Военно-морских сил.

Пейнтер заметил, как помрачнел его наставник. Ничего удивительного, всегда проще решать судьбу человека, в глаза которому не смотрел. Тем не менее Шон кивнул и тоже поднялся. Он никогда не отступал перед трудностями. Именно за это Пейнтер испытывал к нему безмерное уважение.

— Что ж, давай поздороваемся с малышкой.

Они вместе вышли из кабинета и спустились на два уровня ниже — туда, где содержали девочку.

В коридоре нижнего этажа, прямо перед дверью в ее комнату, Пейнтер заметил Кэт и Лизу. У Кэт был вид одержимой. Пейнтер знал, что она страшно расстроилась, когда девочка нарисовала портрет ее мужа, Монка, но затем постепенно успокоилась. Кэт вспомнила, как открывала бумажник, чтобы показать девочке фото своей маленькой дочурки Пенелопы и таким образом наладить с ней психологическую связь. Среди фотографий мог оказаться и снимок Монка.

— Но я уверена, что она его не видела, — сказала потом Кэт. — По крайней мере, почти уверена.

Единственным другим объяснением могло быть лишь то, что девочке каким-то образом удалось выудить образ Монка из головы Кэт, но это звучало совершенным абсурдом.

Как бы то ни было, Кэт обрела душевное равновесие и даже согласилась с тем, что ей необходимо хотя бы немного поспать. Переутомление привело ее на грань нервного срыва.

Заметив мужчин, Кэт нетерпеливо пошла им навстречу по коридору.

— Директор, — лихорадочной скороговоркой заговорила она, — мы уже собирались вам звонить. У девочки снова подскочила температура. Нужно что-нибудь делать. Лиза думает, что она... умирает.

14 часов 35 минут

Агра, Индия

Грей торопился вниз по улице. Чем ближе он подходил к главному перекрестку, тем невыносимее становилась сутолока: не переставая сигналили машины, дребезжали велосипед-

ные звонки, кричали и переругивались пешеходы, которые двигались плотной толпой, толкаясь и отдавливая друг другу ноги. Из-за праздника главная дорожная магистраль была перекрыта, и движение перенаправляли на второстепенные улицы.

Рев мотоциклетных двигателей позади них постепенно ослабевал, пока наконец не превратился в отдаленное ворчание. Даже убийцы на мотоциклах завязли в нескончаемой пробке. И все же Грей старался не высовываться.

Ковальски нагнал его и, проскочив под носом у лошади, впряженной в телегу, сообщил:

— Теперь некоторые из них гонятся за нами пешком.

Грей оглянулся. Три черных мотоцикла еле-еле тащились, однако их пассажиры спрыгнули с сидений и теперь проталкивались через толпу. Двое бежали по тротуару, а третий — по проезжей части.

Три источника опасности превратились в шесть...

— Не нравится мне такой расклад, — пробормотал Грей.

Он быстро разработал план и сказал Ковальски, что тот должен делать и где они встретятся.

— Я пойду по верхней дороге, а ты — по нижней.

Великан стоял, пригнувшись и прячась перед капотом грузовика. С брезгливой миной он поглядел на кучи конского, ослиного и верблюжьего навоза, тут и там валявшиеся на асфальте, и спросил:

— А почему именно мне идти по нижней дороге?

— Потому что я одет в белое.

С сомнением покачав головой, Ковальски пригнулся еще ниже и, все так же согнувшись, побежал обратно к отелю.

Грей, придерживая панаму, запрыгнул на багажник стоявшего перед ним такси, оттуда перебрался на крышу и в два прыжка оказался на капоте. Оттуда он перескочил на багажник следующей машины, затем — на ее крышу, на капот и так далее. Он бежал вперед, перепрыгивая с крыши на крышу частных авто, такси, фургонов. Вслед ему летели проклятия, водители грозили кулаками, но в пробке, где машины

стояли, упершись друг в друга бамперами, путешествие по их крышам являлось самым быстрым способом передвижения.

Грей оглянулся и посмотрел через плечо. Как он и надеялся, охотники заметили его, и, чтобы не потерять из виду, те из них, кто вел пешее преследование, тоже побежали по «верхней дороге». Они настигали его с трех разных направлений, но постоянные прыжки с одной машины на другую не позволяли им вести прицельную стрельбу.

Помогая себе тростью Мастерсона сохранять равновесие, Грей скакал по крышам автомобилей туда, где бурлил шумный праздник. Он должен был отвести троих преследователей подальше от мотоциклов.

Разделяй и властвуй.

Балансируя на крыше одного из фургонов, Грей посмотрел на людское море, колыхавшееся под ним. Вот только сейчас в водах этого моря плавало несколько акул. Ковальски видно не было, зато Грей увидел дело его рук. Передний мотоцикл медленно двигался параллельно грузовику. Когда он поравнялся с капотом тяжелой машины, тело мотоциклиста вдруг дернулось вверх и, извиваясь, зависло в воздухе. Грей услышал далекое «бах-бах-бах», словно эхо праздничного фейерверка.

Мотоциклист и его железный конь утонули в бурлящем море людей и автомобилей.

Ковальски оставался невидим. Поскольку глаза охотников были прикованы к Грею, перелетающему с машины на машину, гиганту не составляло труда затаиться, а затем одной рукой поднять в воздух проезжавшего мимо наемника, а второй — прижать к его ребрам трофейный М-4 и трижды выстрелить — бесшумно и хладнокровно.

Но это была не единственная акула, бороздившая воды людского моря.

Грей предоставил гиганту выполнять его кровавую работу, а сам продолжал свой путь по крышам машин по направлению к праздничной неразберихе и сумятице. Праздник пел, танцевал, вопил, смеялся, ликовал. Выли трубы, звенели цимбалы. Это был Джанмаштами — День явления Кришны.

Грей уже видел цепочки людей, исполняющих раса-лила, традиционный танец манипури, повествующий о безоблачных детских годах Кришны и его играх с девочками-пастушками гопи. Там и сям молодые люди выстраивали живые пирамиды, пытаясь дотянуться до глиняных горшков, подвешенных высоко над землей. Эти горшки, называемые дахи-ханди, были наполнены творогом и маслом, а сам обычай воспроизводил детские шалости маленького Кришны. Именно таким способом он и его друзья-проказники воровали съестное у соседей.

Грей услышал традиционные выкрики, которыми зрители поддерживали соревнующихся:

— Говинда! Говинда!

Так звучало еще одно из имен Кришны.

Поскольку впереди движение было перекрыто и водителей заставляли сворачивать на боковые улочки, там, где начиналось празднование, заканчивалась «верхняя дорога» Грея. Он спрыгнул с капота последнего такси и нырнул в толпу. Приземлившись в гуще ликующих горожан, Грей снял панаму, белый пиджак и, избавившись таким образом от маскировки под Мастерсона, растворился в скопище людей. Сжимая в одной руке трость, а другой придерживая в боковом кармане пистолет, он стал пробираться через человеческую массу — туда, где заканчивалось столпотворение и по периметру площади тянулись магазины и ларьки с едой, возле каждого из которых выстроилась приличная очередь проголодавшихся горожан.

Грей и Ковальски договорились встретиться на северо-западном углу площади. Отправляться в форт, не убедившись в том, что они окончательно избавились от преследователей, было опасно.

Грей добежал до здания с опущенной до земли пожарной лестницей. Балконы дома были заполнены зеваками, наблюдающими за праздником. Грей стал взбираться по лестнице на второй этаж. С такой высоты было проще оглядеть площадь и определить местонахождение напарника. Оказавшись на балконе, он заметил одного из охотников, который, подобно

ему, прыгнул с капота машины и исчез в гуще людей. Двое его подельников проделали то же самое чуть раньше. Всех троих можно было без труда определить в толпе благодаря их черным мотоциклетным шлемам.

Один из наемников нагнулся и поднял с земли грязную, затоптанную ногами белую панаму, а затем со злостью отшвырнул ее в сторону.

Грей надеялся, что, убедившись в бесплодности своих поисков, они ретируются, но не тут-то было.

Из толпы вынырнул Ковальски. Его пиджак превратился в измятую тряпку, руки были пусты, а щека кровоточила. Но самое худшее заключалось в его росте. Великан был на полторы головы выше любого из собравшихся на площади. Приставив ладонь козырьком к глазам, он огляделся и стал прокладывать себе путь сквозь беснующееся людское море. Только на этот раз Ковальски был в нем не единственной акулой.

Один из людей в шлемах заметил гиганта и указал на него, после чего охотники двинулись в его направлении с трех разных сторон.

Дело оборачивалось скверно.

Грей повернулся, но, к своему разочарованию, увидел, что на балкон набилось еще больше любопытных. Зеваки гроздьями висели даже на лестнице. Ему нипочем не добраться до центра площади вовремя.

Приняв молниеносное решение, он перебросил свое тело через перила балкона и повис на его краю. От балкона через всю площадь тянулась толстая белая веревка, к которой и были подвешены те самые горшки дахи-ханди. Грей зацепился за веревку рукояткой трости, повис на ней и, с силой оттолкнувшись ногами от балкона, заскользил над толпой.

Когда под подошвами его ботинок оказался один из охотников, Грей развел ноги в сторону и выстрелил вниз, между своих коленей. Удар пули швырнул мужчину наземь, его шлем разлетелся, как скорлупа ореха.

Затем Грей достиг живой пирамиды, карабкавшейся за горшком с творогом. Он сшиб верхнего человека и занял его

место. Балансируя, чтобы сохранить равновесие, он не удержал трость и пистолет, которые полетели на землю.

Многие из стоявших внизу подняли головы и уставились на него.

Включая двух оставшихся убийц.

Безоружный, с трудом удерживая равновесие на плечах того, кто находился под ним, Грей поднял руки и отцепил от веревки большой глиняный горшок, а затем, мысленно молясь Кришне, швырнул его в голову ближайшего к нему наемника.

Его молитвы оказались услышаны.

Тяжелый горшок ударил охотника прямо в задранное вверх лицо и разлетелся, обдав стоявших вокруг осколками глины и ошметками творога и масла.

Мужчина повалился на землю.

Третий охотник поднял руку, в которой был зажат пистолет, и дважды выстрелил в Грея. Но его там уже не было. Живая пирамида рассыпалась под ним, и, падая, он слышал, как пули просвистели над его головой. Он грохнулся в образовавшуюся кучу-малу из переплетенных конечностей.

Пытаясь найти опору для ног, чтобы подняться, Грей увидел, что по направлению к нему бежит последний из оставшихся стрелков, направив на него пистолет. Но раньше чем он успел выстрелить, промелькнула какая-то белая молния, и рукоятка из слоновой кости на трости Мастерсона врезалась в лицо убийцы, впечатавшись в него, словно в вязкую глину.

Хлынула кровь, и наемник упал ничком на спину.

Ковальски подобрал его пистолет, а затем протянул трость Грею. Тот ухватился за нее, и великан легко выдернул его из клубка человеческих тел.

— Смерть от масла, — проговорил великан. — Неплохо, Пирс. Кроме того, вы, можно считать, изобрели новый способ контролировать уровень холестерина в организме.

Вокруг них царил форменный хаос: люди разбежались в разных направлениях, мешая полицейским в форме пробиться к эпицентру событий. Грей и Ковальски, пригнувшись, по-

зволили живому отливу утащить себя с площади на прилегающую улицу.

Через несколько минут торопливой ходьбы перед ними возникли красные стены форта, возвышавшегося на берегу реки Джамна. Они направились напрямик к старинному сооружению. Резиденция императора Акбара, форт Агры, или, как его еще называли, «Красный форт», являлся одной из главных туристических достопримечательностей города, уступая по популярности разве что Тадж-Махалу. Улица перед ним была заставлена автомобилями такси, туристическими автобусами и лимузинами.

— Пирс! — прокричал женский голос.

От одного из лимузинов, похожего на большого белого кита, им махала рукой Шей Розауро. Грей направился к ней. Лука стоял возле открытой двери, Мастерсон и Элизабет уже находились внутри.

— Хороша конспирация! — пробурчал Грей, окинув скептическим взглядом длиннющий автомобиль. — Ничего поскромнее не нашлось?

— Зато все поместимся, — объяснила Розауро и смущенно улыбнулась. — Кроме того, разве мы не можем позволить себе хоть небольшое удовольствие?

— Леди говорит дело, — поддержал ее подошедший Ковальски. — Может, разрешите мне порулить этим аппаратом?

— Нет! — хором воскликнули Грей и Розауро.

С обиженной миной Ковальски отошел к открытой двери и забрался в лимузин. Розауро последовала за ним.

Перед тем как забраться в машину, Грей оглядел близлежащие тротуары и улицы. Казалось, на них никто не обращал внимания. Оставалось только надеяться на то, что им удалось окончательно отделаться от хвоста. Повернув голову, он посмотрел на изгиб реки. Вдалеке в лучах солнца сиял белый мрамор мавзолея. Его мирная и вечная красота отражалась в прозрачной воде.

Грей повернулся к мавзолею спиной.

Только мертвые спят так покойно.

Затем он забрался в лимузин.

Мастерсон издал горестный вопль:

— Что вы сделали с моей тростью?

Грей упал на сиденье. Рукоятка из слоновой кости восемнадцатого века была в крови, ее нижняя часть стерлась от скольжения по туго натянутой веревке.

— За трость вам следует переживать в последнюю очередь, профессор, — проговорил он.

Мастерсон буравил его горящим взглядом. Указав на перевязанное ухо ученого, Грей пояснил:

— Кто-то пытается вас убить, доктор Мастерсон, и это теперь очевидно. Вопрос только в том, кто именно.

*6 сентября, 7 часов 45 минут
Вашингтон, округ Колумбия*

— Сплошные тупики, — проговорил Трент, — и уж слишком их много.

Юрий заметил устремленный на него взгляд мужчины, но даже не моргнул. Пусть убивают, ему уже было все равно.

Юрий сидел на стуле в кабинете. Сняв с его тела электроды, мучители позволили ему вновь одеться. пытка продолжалась минут двадцать. Юрий не стал запираяться. Он рассказал о многом, в том числе и о генетике необычных детей, — то, что они с Савиной держали в наиболее строгом секрете от американцев.

Он поведал даже о том, почему русские не стали возражать против привлечения к проекту доктора Арчибальда Полка. Полк, признался Юрий, подобрался слишком близко к самой сути генетического секрета. Когда он оказался в Муравейнике, Савина даже собиралась инсценировать несчастный случай со смертельным исходом, чтобы доктор ненароком не заговорил.

Но в этой игре балансирования на грани научной войны ни он, ни Савина даже представить себе не могли, что друг и коллега Полка организует ему побег, и лишь для того, чтобы вытащить из Муравейника одного из их детей.

И Савина клюнула на эту наживку. Ее мало волновало то, что Полк сбежал, прихватив с собой череп, который дал ему Макбрайд. Отправляя Юрия и Сашу на охоту за ним, Савина больше всего боялась, что будет раскрыт их генетический секрет. И попала в расставленную американцами ловушку.

— Сплошные тупики? — переспросил Мэпплторп и скептически покачал головой. — Я вижу только три: девочка, череп и след, оставленный Полком в Индии. Последним уже занимаются, а в нашем разведывательном мире стали поговаривать о том, что вскоре таинственным образом появится и череп.

— Как вам удалось этого добиться? — поинтересовался Макбрайд.

— Доведите воду до кипения, и вы удивитесь тому, что может всплыть на поверхность.

— А девочка?

Юрий стал внимательнее прислушиваться к разговору. Мэпплторп перевел на него взгляд. Юрий понимал: он все еще жив только благодаря Саше. Он был нужен Мэпплторпу потому, что знал как никто другой о состоянии ее здоровья, которое, как и у всех остальных подобных детей, вызывало серьезные опасения. Манипулирование ее сознанием неизбежно порождало стресс, чреватый самыми серьезными негативными последствиями для субъекта. Саванты, особенно наиболее одаренные, редко жили дольше двадцати с небольшим лет. В том-то и заключалась проблема: отобрать наиболее жизнеспособные яйцеклетки и сперматозоиды, чтобы в результате искусственного оплодотворения на свет появлялись устойчивые к внешним факторам особи.

Мэпплторп вздохнул.

— Мы должны заполучить девочку до заката солнца. А желательно — раньше.

«И все равно опоздаете», — подумал Юрий.

Какие же простакі эти американцы, если считают, что под пытками он рассказал им все! Нет, Юрий не лгал им. Он *недоговаривал*. А Макбрайд, во-первых, просто не знал, какие вопросы задавать, а во-вторых, был слишком убежден в своем превосходстве и питал незыблемую веру садиста во всемогущую силу боли.

Лицо Юрия оставалось непроницаемым. Они надеялись сломить его с помощью пыток, но он был старым человеком и давным-давно научился хранить секреты. Им удалось добиться лишь одного: уменьшить его шансы на успех в том, что долж-

но было произойти. В последние несколько месяцев Юрий уже занялся всеми приготовлениями, необходимыми для превращения в жизнь планов Савины.

События развивались естественным и единственно возможным образом.

Миллионы умрут страшной смертью.

А из этой смерти явится новый мир.

Новое Возрождение.

Юрий смотрел на самодовольную ухмылку Мэпплторпа и уверенность, светившуюся в глазах Макбрайда.

В его душе умерли последние сомнения.

Савина права.

Этому миру пришло время сгореть.

14 часов 55 минут

Южноуральские горы

Генерал-майор Савина Мартова понимала: что-то не заладилось, причем очень серьезно. Это была какая-то необъяснимая тревога, которую она ощущала всем своим нутром. Остаться и дальше в кабинете она уже не могла. Нужно было успокоиться любым способом.

С портативной рацией и в сопровождении двух солдат она шла по темным и пустым улицам заброшенной, оставшейся еще с советских времен жилой зоны, расположенной в задней части пещеры Челябинска-88. В безликих бетонных коробках, возвышавшихся по обе стороны, когда-то жили заключенные, работавшие на рудниках и в цехах по переработке урановой руды. Эти люди предпочитали прожить пять лет здесь вместо того, чтобы до конца дней гнить в лагерях ГУЛАГа. Впрочем, далеко не всем удавалось протянуть так долго. Большинство из них радиация убивала уже к концу первого года.

Глупая игра, но надежда выжить способна делать безрассудными даже самых рациональных людей. Это было наследием, которое ей досталось. Это служило напоминанием.

Многие считали ее жестокой, но зачастую эта жестокость являлась лицом необходимости. Детей хорошо кормили, удов-

летворяли все их нужды. Боль была сокращена до неизбежного, но минимального уровня.

И это — жестокость?

Она смотрела в окна квартир — темные, слепые, безжизненные, словно пустые глазницы.

Единственное, что она видела, была необходимость.

В ее ухе запищал микропередатчик. На связь вновь вышел лейтенант Борсаков. До сего момента она выслушивала от него лишь неудовлетворительные новости. В поисках пропавших детей лейтенант все еще обшаривал предгорья и соседние высоты. Несколько раз Борсаков брал ложный след и даже нашел порванную рубашку от больничной пижамы.

— У реки мы нашли двух мертвых собак, — сообщил Борсаков. — Они были буквально разодраны на куски. Это работа медведя. Но зато мы взяли хороший, прочный след.

— А что кошки? — спросила она в микрофон.

Несколько секунд наушник молчал.

— Лейтенант! — грозно проговорила женщина.

— Мы остерегались выпускать их, пока не возьмем четкий след. Не хотели, чтобы волки и тигры рыскали по холмам одновременно.

Борсаков старался, чтобы его слова звучали рассудительно, но она почувствовала напряженность в его голосе. Лейтенанта беспокоила судьба не собак, а детей.

Почему ей всегда приходится самой принимать жестокие решения?

— Теперь у вас появился такой след, лейтенант? — сухо осведомилась Савина.

— Да, товарищ генерал-майор.

— В таком случае не разочаруйте меня снова.

— Никак нет, товарищ генерал-майор.

Савина разъединила связь. Возможно, она говорила со своим заместителем чересчур резко, но уж слишком много неприятных новостей ей пришлось выслушать за последний час.

На берегу озера Карачай ремонтники из соседнего Озерска обнаружили сломанный грузовик Муравейника, на котором когда-то вывозили отходы горно-обогачительной фабрики, а в

нем — фальшивое удостоверение с фотографией доктора Арчибальда Полка. Это стало ответом на вопрос о том, как ученому удалось бежать. Ему помогли.

И не требовалось большого ума, чтобы догадаться, кто именно мог стоять за его побегом. Этим человеком, должно быть, являлся доктор Трент Макбрайд. Какую игру ведут американцы? Учитывая то, что от Юрия до сих пор не было никаких известий, она могла предположить лишь одно: его и девочку похитили. Возможно, лишь ради этого и был организован побег Полка.

В таком случае Макбрайд за свою сообразительность заслуживал уважения. Подобно ей, он сознавал, что означает «необходимость».

Оглядываясь назад, она понимала, что ей с самого начала не следовало идти на сотрудничество с Соединенными Штатами, но в то время у нее не было иного пути. В хаосе, наступившем после развала Советского Союза, ее проект потерял финансирование, и она могла продолжать свою работу только таким способом.

Соединенные Штаты предоставили необходимые средства. Они искали новые пути, чтобы расширить свои возможности сбора разведывательной информации, а проект Савины открывал широчайшие перспективы в этой области. Но он являлся для американцев настоящим подарком еще и потому, что позволял «отмазаться» от любых обвинений, если что-то пойдет не так. Так же, как это было с тайными тюрьмами на территории Европы, в которых применялись пытки и которые финансировало ЦРУ. В этом новом мире границы приемлемого поведения, будь то в военной или научной сфере, оказались размыты.

«Это происходит не на нашей территории!» — таков стал лозунг американцев.

И в те времена она охотно пользовалась этим.

И все же потеря Юрия и девочки не станет для нее непереносимой. Придется лишь ускорить работу. Ее операция, получившая название «Сатурн», должна начаться через неделю после того, как первый ход сделает в Чернобыле Николай. Те-

перь же планы придется пересмотреть. В связи с новыми обстоятельствами обе операции начнутся в один и тот же день.

Завтра.

Две операции — «Уран» и «Сатурн» — были названы в честь двух контрнаступлений, предпринятых советскими войсками в ходе Сталинградской битвы — самого кровопролитного сражения Второй мировой войны, да и вообще в истории человечества. В ней погибло около двух миллионов человек — не только солдат, но и гражданского населения. Поражение немецких войск под Сталинградом стало поворотным пунктом в ходе войны.

Это была славная победа во имя Родины.

Теперь, как и в прошлом, операции «Уран» и «Сатурн» подарят россиянам свободу и изменят ход истории.

Но и на сей раз не обойдется без жертв.

Необходимость — жестокая вещь.

Савина дошла до дальней стены пещеры. Тоннель, ведущий наружу, закрывали взрывостойкие свинцовые ворота — такие же, как те, что были на главном въезде в Челябинск-88, только значительно меньше размером.

У ворот стоял электропоезд, который обычно курсировал между Муравейником и центром операции «Сатурн», пещерой, расположенной на дальнем конце озера Карачай. Старый тоннель проходил под дном радиоактивного озера, в котором бурлил коктейль из стронция-90 и цезия-137, и позволял перемещаться между двумя пунктами назначения, не подвергаясь риску радиационного заражения. Ее так и называли: пещера «Сатурн».

Сейчас этот поезд ожидал Мартову.

Савина забралась в один из закрытых и обшитых свинцом вагончиков. Таких было только два — в начале и в конце поезда. Остальные четыре вагонетки были открытыми и служили для перевозки шахтерского оборудования, различного специального снаряжения и руды.

Когда поезд, постукивая колесами, въехал в тоннель, толстые ворота накрепко закрылись за ним. В тоннеле царила темнота. Путешествие должно было занять пять минут. По-

ка поезд набирал скорость, Савина пыталась представить себе неимоверный вес воды и скал толщиной в четверть мили, нависших над ее головой.

В советские времена этот регион являлся сердцевиной производства урана и плутония. Раньше здесь находились семь активных реакторов для производства плутония и три фабрики по его сепарации. Сейчас большинство этих мощностей не работали, а те, которые еще функционировали, управлялись из рук вон плохо.

С 1948 года радиоактивные утечки с них в пять раз превысили радиоактивный выброс во время катастрофы в Чернобыле и в ходе всех ядерных испытаний в мире, вместе взятых.

И половина всей этой радиации до сих пор плескалась в озере Карачай.

Уровень радиации на берегах озера составлял 600 рентген в час — вполне достаточно, чтобы получить смертельную дозу облучения, пробыв там в течение шестидесяти минут.

Савина помнила, где именно ремонтники из Озерска нашли грузовик с фальшивым удостоверением доктора Арчибальда Полка.

На берегу Карачая.

Она тряхнула головой. На доктора Полка не было нужды охотиться. Он уже был мертв.

Впереди забрезжил свет. Как надежда на лучшее будущее. Пещера «Сатурн».

Сердце операции.

15 часов 15 минут

— Что они собираются сделать? — громче, чем нужно было, спросил Монк.

В течение последнего часа они шли вдоль чудесной реки, но не той, на берегу которой им повстречался медведь. Тот бурный поток они перешли вброд благодаря тому, что Монк накидал от берега до берега здоровенных булыжников, и потом двигались вдоль него до тех пор, пока не достигли этой более широкой и спокойной реки, что несла свои воды в гуще хвойного леса.

Монк несколько раз изучал топографическую карту и пришел к выводу, что эта река берет начало на восточных склонах Уральских гор. С западной стороны Уральского хребта дождевые и талые воды стекали в Каспийское море, с этой вода текла в регион, изобиловавший реками и озерами, и в итоге оказывалась в Северном Ледовитом океане.

— То, что замыслили русские, это...

Напуганный резкостью его тона, Константин моргнул.

— Извини, — уже более спокойно произнес Монк.

Он знал, что звук в горах разносится далеко, и сам просил детей говорить только шепотом. Теперь ему пришлось подчиниться установленному им же правилу, хотя в голосе его все равно звучало напряжение.

— Даже я, у которого дыра вместо памяти, понимаю, что задуманное ими — чистое безумие!

— У них все получится, — безапелляционно заявил Константин. — Это несложно. Вопрос простой тактики. Мы, — он указал на Петра и Киску, а затем махнул назад, подразумевая оставшихся там других детей, подобных им, — просчитали все варианты, модели и возможные результаты, используя данные мировой статистики, изучили потенциальное воздействие на окружающую среду и экстраполировали результаты полученных расчетов. Эти планы далеки от безумия.

Монку казалось, что он слышит рассуждения компьютера, а не подростка. Он вспомнил холодную стальную полосу размером с большой палец, закрепленную за ухом Константина. Такие были у всех детей и даже у Марты. В течение последнего часа Константин продемонстрировал ему свои способности производить в уме математические вычисления. Это занятие, похоже, помогало ему обрести душевное равновесие. А Киска показала, как безошибочно умеет определять птиц по голосам и с абсолютной точностью воспроизводить их.

Только Петр, казалось, стеснялся говорить о своих талантах.

— Он — эмпат, — пояснил Константин. — Умеет читать чувства и ощущения других, даже если они прячут их или ведут

себя иначе. Наш учитель как-то раз назвал его ходячим детектором лжи. Из-за этого дара Петр предпочитает компанию животных и проводит большую часть времени в Зверинце. Именно он настоял на том, чтобы мы взяли с собой Марту.

Монк посмотрел на младшего из ребят, который шел рядом с шимпанзе. Казалось, что они находятся в постоянном общении, выражавшемся в молчаливом обмене взглядами, легких прикосновениях, поднятии брови или движении губ.

Внезапно Петр остановился и напрягся. Марта тоже замерла. Мальчик резко обернулся к Константину и быстро забормотал — сначала по-русски, затем по-английски. Взгляд его глаз обратился к Монку, словно моля о каком-то чудесном спасении.

— Они здесь! — прошептал Петр.

Монку не было нужды уточнять, кого он имел в виду. Это было очевидно по ужасу, затопившему его глаза.

Аркадий и Захар.

Два дальневосточных тигра.

— Бежим! — бормотал Монк, и они кинулись к берегу реки.

Первым бежал Константин, следом за ним — быстроногая, как газель, Киска. Монк позволил Константину самому выбирать оптимальный путь между кустами голубики, чахлыми деревцами и валунами вдоль берега. Монк не сводил взгляда со спин детей. Здесь нужно было проявлять особую осторожность. Землю толстым слоем устилала опавшая хвоя — скользкая, как лед.

Словно в подтверждение этого Петр поскользнулся и шлепнулся на пятую точку. Марта моментально подхватила его мохнатой рукой и поставила на ноги. Расстояние между ними и Константином с Киской заметно увеличилось.

Они бежали пять минут, после чего усталость заставила их сбавить скорость. Даже адреналин и страх уже не добавляли сил. Еще десять минут, и они уже едва плелись, пошатываясь и спотыкаясь, зато снова сбились в единую группу.

Никаких звуков погони пока не было слышно: ни шагов, ни хруста ветвей. Никаких признаков тигров.

Раскрасневшийся от бега Константин, хватая ртом воздух, поглядел на Петра и резко заговорил на русском, видимо обвиня мальчика в том, что тот поднял ложную тревогу.

Монк положил руку ему на плечо.

— Это не его вина, — выдохнул он.

На лице Петра было виноватое, но по-прежнему испуганное выражение.

Марта негромко ухала, хлопая Константина по ноге. Киска тоже упрекнула младшего брата.

Монк уже знал о том, что Петр был способен чувствовать намерения живого существа, но плохо умел определять состояние. Оставалось надеяться на то, что, когда тигры окажутся действительно близко...

Петр окаменел. Его глаза стали огромными, как блюдца. Дрожа от ужаса, он открыл рот, но не сумел произнести ни звука.

Впрочем, слова были не нужны.

— Бегите! — завопил Монк.

Повернувшись, как один, к реке, они понеслись со всех ног к неспешно текущей воде. Монк подхватил Петра, крепко прижал его к себе и прыгнул с берега. Уже в воздухе он услышал двойной всплеск — это Константин и Киска шлепнулись в воду в нескольких ярдах ниже по течению.

Вскоре Монк вынырнул на поверхность ледяной воды. Мальчик обвился вокруг него, как лоза, крепко обхватил руками и ногами. Повернув голову, он увидел, как Марта правильно взбирается по ветвям дерева.

А поглядев в сторону леса, Монк заметил какое-то неуправляемое движение. Мелькнула огненно-рыжая шкура.

Монк выгреб на середину реки, где было глубже всего, и течение, подхватив его, понесло их с Петром вниз. Он успел заметить, как Марта, перепрыгивая с дерева на дерево, движется в том же направлении. Шимпанзе не умеют плавать, поэтому старой обезьяне пришлось выбрать собственный путь.

Лесные тени шевельнулись, и из них сформировался огромный зверь — приземистый, с перекачивающимися под поло-

сатой шкурой мускулами, широко расставленными лапами и шлепущим хвостом.

В мгновение ока тигр оказался на берегу реки и прыгнул на Монка.

Тот перевернулся на спину и стал бешено грести, но ему мешали рюкзак и вцепившийся в него ребенок.

Раздвинув лапы и оскалив огромные клыки, состоящий сплошь из мускулов и ярости, тигр летел прямо на него, а Монк не мог плыть достаточно быстро. Ему помогла река.

Тигр обрушился в воду недалеко от них, промахнувшись всего на несколько ярдов.

Монк заплыл в узкую протоку между двумя торчавшими из воды здоровенными валунами. В этой расщелине поток бешено бурлил. Сначала его с головой утащило под воду, потом вытолкнуло обратно.

Петр от неожиданности хлебнул воды и закашлялся.

Монк развернулся и увидел зверя, бултыхавшегося выше по течению. Вопреки мифу о страхе, который кошки якобы испытывают по отношению к воде, тигры ее не боялись. И все же зверь плыл к берегу. Кошки так не охотятся.

Они нападают из засады.

Мальчик оказался прав: движимые вековыми инстинктами лесных охотников и чутьем, тигры выследили их и бесшумно шли по их следу, пока Монк с детьми, подгоняемые предсказанием Петра, уходили через лес. Они дождались того момента, когда люди выдохнутся, и только тогда напали. Тигры — спринтеры, они не умеют бегать на длинные дистанции.

Появился второй тигр и, рыкая, метался по берегу. Первый выбрался из реки и отряхнулся, разбрызгав во все стороны целый фонтан прозрачных капель. Теперь Монк получил возможность как следует рассмотреть обоих. Хотя и мускулистые, звери выглядели изможденными и недокормленными, а их шерсть свалилась. На головах животных Монк заметил стальные шапочки — такие же, какие были на волках. Ухо одного из тигров было покалечено, видимо, в результате неудачной охоты. Судя по описанию Константина, этого звали Захар. Его можно было отличить только по этому призна-

ку, поскольку оба тигра были единоутробными братьями и в остальном похожи как две капли воды.

Словно повинувшись чьей-то слышимой только им команде, тигры развернулись и исчезли в темноте леса.

Но Монк знал: это еще не конец. Охота только началась.

Повернув голову, он увидел, как Константин и Киска скрылись за поворотом реки. Монк поплыл за ними. Петр, все так же обвивая его руками и ногами, дрожал. Монк чувствовал, что мальчика трясет не от холода и даже не от страха перед тиграми. Взгляд его округлившихся глаз был устремлен не на берег, а на поток воды, который нес их вперед.

Что его пугало?

15 часов 35 минут

Петр цеплялся за взрослого мужчину. Руками он обвил его за шею, ногами — за талию. Повсюду была вода, она заполнила весь его мир. Он ощущал ее вкус на губах, чувствовал ее в ушах, ощущал сладковатый запах водорослей. Ее холод пронизывал мальчика до костей.

Он не умел плавать.

Как Марта.

Петр посмотрел на далекий берег, мимо которого они проплывали: он искал глазами свою подругу.

Он знал, что во многом его страх перед водой исходит из ее сердца. Глубокая вода означала для нее верную смерть. Мальчик ощутил, как быстро и пугливо забилось ее сердце, когда сегодня они переходили по булыжникам через широкий поток, заметил, как сжались ее челюсти, увидел блеск ее внезапно остекленевших глаз.

Ее страх был его страхом.

Петр еще крепче вцепился в Монка.

Но подлинная причина страха Марты лежала глубже любого океанского дна. Петр понял это в тот самый момент, когда шимпанзе впервые подошла к его постели и положила на простыни свою морщинистую руку, предлагая ему дружбу. Окружающие думали, будто она пришла утешить мальчика, когда он выздоравливал после первой операции.

Но в ту показавшуюся ему вечностью минуту, когда он смотрел в ее карамельно-коричневые глаза, Петр узнал ее тайну. Она пришла к нему, чтобы утешить себя, чтобы он подбодрил ее.

С тех пор их накрепко связали страх и любовь.

А еще — страшная тайна.

16 часов 28 минут

Нью-Дели, Индия

— Известно ли вам, что человек способен видеть будущее? — спросил доктор Хейден Мастерсон, печатая на компьютере.

Грей отвлекся от изучения глубин своей кофейной чашки. Их группа расположилась в одной из отдельных кабин делийского «Интернет-кафе и видео». Ковальски привалился спиной к двери с матовым стеклом, превратив таким образом небольшую комнатку в неприступную крепость. Его подбородок был залеплен пластырем. Врачевание его царапин взяла на себя Элизабет, а теперь она укладывала в стопку страницы, которые выползали из лазерного принтера, стоявшего рядом с компьютерным терминалом. Пока их набралось всего четыре. Розауро и Лука отправились в контору по аренде автомобилей, чтобы обзавестись машиной для предстоящего путешествия.

Впрочем, Грей до сих пор не был уверен в том, что они куда-то поедут.

Все зависело от Мастерсона, а он был не в настроении что-либо объяснять. После того как они спаслись от наемников, напавших на них в отеле, профессор не произнес и десятка слов, а попытки разговаривать с ним и расспросы о том, почему именно он является главной мишенью убийц, делали его еще более замкнутым. Он лишь рассматривал испорченную ручку трости. Его глаза остекленели, но не от страха, а от глубокой концентрации.

Элизабет посмотрела на Грея и едва заметно мотнула головой.

«Не давите на него».

Из Агры они поехали на север, направившись в столицу Индии Нью-Дели. За девяносто миль пути Грей дважды менял машины.

Когда они добрались до кишмякиша людьми пригородов Дели, Мастерсон произнес единственную фразу:

— Мне нужен компьютер с доступом в Интернет.

Вот почему они оказались здесь, в тесной комнатухе интернет-кафе. Профессор, не теряя времени даром, вошел на частную страницу веб-сайта университета Мумбая, для доступа на которую требовалось ввести трехуровневый код.

— Исследование Арчибальда, — лаконично пояснил он и включил распечатку.

С этого момента и до того, как он произнес загадочную фразу о способности человека видеть будущее, профессор хранил молчание.

— Что вы имеете в виду? — уточнил Грей.

Мастерсон отодвинулся от компьютера.

— Многие этого не знают, но за последние два года научно доказан тот факт, что человек способен заглянуть, хотя и не далеко, в будущее. Секунды на три или около того.

— На три секунды? — переспросил Ковальски. — Большое дело! Какой от этого прок?

— Очень большой, — желчно ответил Мастерсон.

Грей скорчил Ковальски угрожающую рожу и снова повернулся к профессору.

— Что вы подразумеваете под словами «научно доказан»?

— Вы знакомы с проектом ЦРУ «Звездные врата»?

Грей и Элизабет переглянулись.

— Да, над ним некоторое время работал доктор Полк.

— Еще один исследователь, работавший в рамках этого проекта, доктор Дин Рэдин, провел серию экспериментов над добровольцами. Он связал их между собой с помощью детекторов лжи, измеряющих проводимость кожи, и начал показывать им изображения на экране. Это была случайная подборка страшных и успокаивающих фотографий. Жестокие и

реалистичные фото вызывали мощный ответ организма, отражавшийся на детекторе лжи в виде так называемого электронного вздрагивания. Через несколько минут подопытные начали «вздрагивать» примерно за три секунды до того, как на экране возникало пугающее изображение. Это повторялось снова и снова. Тот же опыт повторяли другие ученые, включая нобелевских лауреатов Эдинбургского и Корнеллского университетов. Результаты оказались аналогичными.

Элизабет недоверчиво покачала головой.

— Как такое возможно?

— Понятия не имею, — передернул плечами Мастерсон. —

Но точно такой же эксперимент поставили над игроками, реакцию которых отслеживали во время карточной игры. Они продемонстрировали те же самые «вздрагивания» за секунды до того, как открывалась очередная карта: положительные в том случае, если карта была удачной для них, и отрицательные, если наоборот. Все это до такой степени заинтересовало одного из лауреатов Нобелевской премии, физика из Кембриджского университета, что он провел более углубленное исследование этого феномена, задействовав в эксперименте сканеры магнитно-резонансной визуализации с целью изучить происходящие в мозгу процессы. Он выяснил, что источник подобного предвидения действительно находится в мозгу. И этот ученый — прошу заметить, нобелевский лауреат, а не какой-нибудь невежественный шаман — пришел к выводу, что люди способны видеть будущее.

— Поразительно! — воскликнула Элизабет.

Мастерсон уставился на нее неподвижным взглядом.

— Именно это двигало вашим отцом, — мягко проговорил ученый. — Он стремился выяснить, как и почему это возможно. Если обычные люди способны заглядывать в будущее, то почему только на три секунды? Почему не на часы, дни, недели, годы? Физикам подобное предположение вовсе не представляется абсурдным. Даже Альберт Эйнштейн как-то сказал: «Для нас, убежденных физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим — не более чем иллюзия, хотя и весьма навязчивая». Время представляет собой всего лишь

еще одно измерение, как, например, расстояние. Когда мы идем по тропинке, для нас не составляет труда посмотреть назад и вперед. Так почему то же самое нельзя сделать применительно к времени?

Грей вспомнил странную девочку и сделанный ею углем рисунок Тадж-Махала. Если человек способен заглядывать в будущее, как утверждает доктор Мастерсон, почему он не может видеть на большом расстоянии? Ему также вспомнились слова директора Кроу о том, что ЦРУ добилося значительных успехов в проекте, связанном с дальновидением.

— Для этого требуется немного: найти тех редких индивидуумов, которые способны заглядывать в будущее дальше других, и изучать их.

«Или использовать», — подумал Грей, из головы которого не выходила девочка.

Элизабет положила в стопку последний распечатанный лист и передала ее Мастерсону.

— Мой отец... Он искал этих... редких индивидуумов.

— Нет, моя дорогая, он их не искал.

На лице Элизабет появилось недоуменное выражение. Мастерсон похлопал ее по руке.

— Ваш отец нашел их.

— Что? — вскинулся Грей.

Прежде чем профессор успел что-либо объяснить, их разговор был прерван стуком в дверь. Ковальски развернулся, открыл дверь, чтобы выяснить, кто стучит, а затем широко распахнул ее. В комнату вошла Розауро и кинула Грею связку ключей от взятой напрокат машины.

— Вы тут закончили? — спросила она.

— Нет, — ответил Грей.

— Да, — сказал Мастерсон, проходя мимо него с пачкой листов под мышкой.

Грей удивленно округлил глаза, но тем не менее махнул рукой остальным:

— Пошли.

И двинулся следом за Мастерсоном, втайне мечтая придумать несносного старикашку.

Ковальски топал рядом с Греем.

— Злится старикан, — констатировал он. — За то, как вы уделали его палку.

Они вышли из интернет-кафе и обнаружили Луку Хирна. Цыган стоял, облокотившись на капот серебристого внедорожника «Мерседес-бенц-G55». Автомобиль напоминал танк.

Подошла Розауро и, предвосхищая протесты Грея, примирительно подняла руку.

— Да, согласна, это не конспиративно. Но я не знала, куда нам предстоит ехать и как быстро туда нужно добраться.

На физиономии Ковальски расцвела широкая ухмылка.

— И сколько «хонд» нам придется раздавить, — промурлыкал он.

— У этой машины полный привод, движок почти в пятьсот лошадиных сил и... — Женщина пожала плечами. — Она мне просто понравилась.

Ковальски обошел автомобиль, внимательно осматривая его.

— О да, с этого момента главным по машинам у нас будет Розауро!

Грей вздохнул и повернулся к доктору Мастерсону.

— Куда теперь?

Профессор изучал распечатанные листы и, не отрываясь от этого занятия, раздраженно махнул тростью в сторону севера. Грей немного постоял в ожидании более точных координат, но так ничего и не дождался.

В его ушах вновь прозвучало предупреждение Элизабет. «Не давите на него».

Мысленно махнув рукой на причуды старого склочника, Грей указал спутникам на внедорожник. Времени на споры не было, они и так уже слишком долго пробыли на одном месте. Грей хотел продолжать двигаться, даже не зная точно, куда именно. Если кто-то следил за посещениями сайта университета Мумбая, их местонахождение, возможно, уже вычислили.

— Грузитесь, — приказал он.

Ковальски протянул руку ладонью вверх за ключами от машины.

Грей кинул их Розауро.

Великан испепелил его взглядом и прогудел:

— Да вы просто злодей!

17 часов 06 минут

Элизабет сгорала от нетерпения и, вопреки тому, к чему она сама призывала Грея, стала наседать на Мастерсона:

— Хейден, будет вам играть в молчанку. Что вы подразумевали, сказав, что мой отец нашел таких людей?

— Только то, что я сказал, моя дорогая.

Профессор восседал посередине среднего ряда сидений. По обе стороны от него поместились Элизабет и Грей. Последние десять минут он с карандашом в руке перечитывал компьютерную распечатку. Розауро, управлявшая джипом, взглянула на них в зеркало заднего вида. Ковальски, упрямо скрестив руки на груди, дулся на переднем пассажирском сиденье.

Лука сидел позади всех. Он подался вперед, чтобы лучше слышать.

Хейден «сломался» и стал объяснять:

— В течение последних десяти лет ваш отец собирал и сравнивал образцы ДНК наиболее многообещающих йогов и мистиков Индии. Он путешествовал по стране — с востока на запад и с севера на юг. Он собрал огромный объем данных. Он сравнивал различные генетические коды. Он составлял статистические модели, анализируя зависимость психических способностей от генетических отклонений.

— Он изучал и народ Луки, — добавила Элизабет.

Цыган в подтверждение ее слов издал согласное мычание.

— Потому что их родиной является Пенджаб, — пояснил Хейден.

— Разве это так важно? — спросил Грей.

— Сейчас я вам кое-что покажу. — Профессор с полминуты копался в листах распечатки, а затем вытащил один из них. — Ваш отец, Элизабет, был настоящий гений, во многом

недооцененный своими коллегами и работодателями. Ему удалось выявить три гена, которые, обладая обычными, казалось бы, свойствами, демонстрировали их на более сильном уровне. Подобно многим другим открытиям, это являлось в равной степени результатом сочетания блистательного научного таланта и удачи. Арчибальд наткнулся на эти гены, когда обнаружил, что многие наиболее одаренные индивидуумы в той или иной мере демонстрировали признаки аутизма.

— Аутизма? — переспросила Элизабет. — Почему именно аутизма?

— Потому что дегенерирующая психика, хоть и понижает социальную функцию индивидуума, зачастую вызывает к жизни поразительные способности савантов. — Хейден покровительственно похлопал женщину по коленке. — Известно ли вам, что многие выдающиеся исторические личности демонстрировали признаки аутизма?

Элизабет отрицательно помотала головой.

Мастерсон стал перечислять имена, загибая пальцы:

— В искусстве это были Микеланджело, Джейн Остин, Эмили Дикинсон, Бетховен и Моцарт. В науке — Томас Эдисон, Альберт Эйнштейн и Исаак Ньютон. В политике — Томас Джефферсон. Считается, что до некоторой степени аутизмом страдал даже Нострадамус.

— Нострадамус? — спросил Грей. — Французский астролог?

— Он самый, — кивнул Хейден. — Эти люди изменили историю, сделали человечество лучше, способствовали его прогрессу. Арчибальд любил цитировать одну строчку из бестселлера Темпл Грэндин, уникальной американки, сумевшей преодолеть аутизм и написавшей об этом книгу: «Если бы каким-то чудом на земле никогда не существовало аутизма, люди до сих пор общались бы друг с другом, сидя у костра возле входа в пещеру». И, я думаю, она права.

— А мой отец?

— Он думал точно так же. Ваш отец пришел к выводу, что между аутизмом и его собственными исследованиями в области интуиции и инстинктов существует прямая связь.

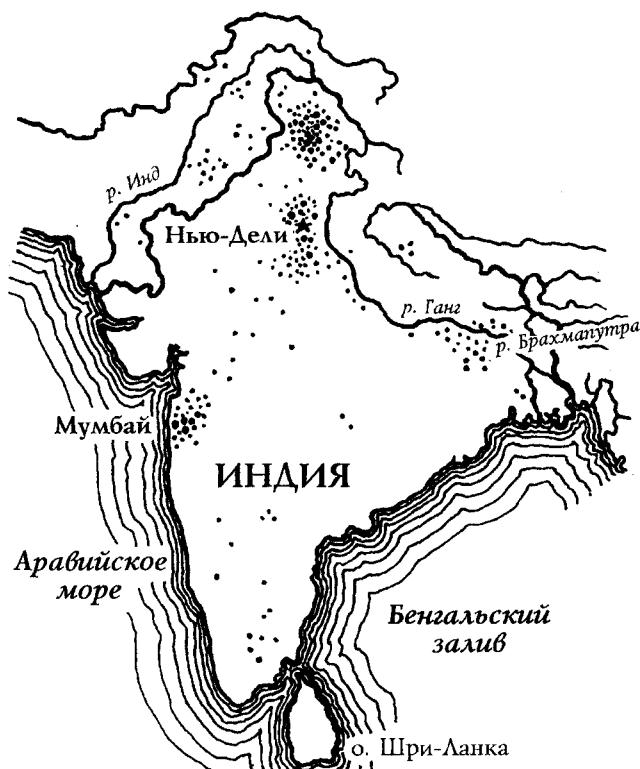

— И он нашел эту связь? — спросил Грей.

Профессор вздохнул.

— Причины аутизма до сих пор неизвестны, но большинство ученых сходятся во мнении, что в истоках этого психического нарушения могут лежать десять различных генов. Арчибальд прогнал эти гены через свою статистическую модель и выявил три, которые имелись у всех обладающих особыми талантами. Это был тот самый прорыв, к которому он так стремился. Используя эти три генетических маркера, Арчибальд стал составлять географическую карту, вычисляя те области, где они встречались чаще обычного. Вот что у него получилось.

Мастерсон передал Элизабет лист бумаги, лежавший до этого у него на коленях. Это была карта Индии, испещренная сотнями точек.

Элизабет с минуту рассматривала ее, а затем передала Грею.

— Каждая точка обозначает местонахождение того или иного носителя этого маркёра, — пояснил Мастерсон. — Но если вы взгляните внимательнее, то увидите, что наиболее кучно точки расположены вокруг главных городов вроде Дели и Мумбая. И это вполне объяснимо, поскольку там живет больше всего людей.

— А что здесь? — спросил Грей и ткнул пальцем в область в северной части Индии.

Элизабет поняла, чем был вызван его вопрос. Здесь, на севере, концентрация точек была гораздо выше, чем вокруг любого из мегаполисов.

— В последние три года своей жизни он сконцентрировал внимание именно на этом регионе. Именно это он и пытался выяснить: почему здесь носители генетических маркёров встречаются в наибольшем количестве.

— Что это за регион? — спросила Элизабет.

— Пенджаб, — раздался голос за ее спиной. Это был Лука Хирн. — Историческая родина цыган.

— Совершенно верно, — подтвердил Мастерсон. — Именно поэтому Арчибальд связался с цыганскими племенами в Европе и Соединенных Штатах. Ему показался весьма значимым тот факт, что истоки многовековой истории пророчеств и предсказаний судьбы лежат в одном месте, откуда они уже потом распространились по Европе и за ее пределы. Вот он и подумал: а не обнаружится ли тот самый генетический маркёр у цыган.

— Обнаружился?

Вопрос Элизабет был адресован одновременно Хейдену и Луке, но ответил на него профессор.

— Да, но не в том объеме, на который он рассчитывал. Это расстроило вашего отца.

Лука издал неопределенный звук. Элизабет повернулась к нему.

— Что?

— Тому была причина, — сказал Лука.

Теперь к цыгану повернулся и Грей.

— Ты это о чем?

— Именно поэтому мы наняли доктора Полка.

Лука так и не успел рассказать ей, в чем суть дела. Он заговорил об этом в самолете, но им помешали.

— Я уже говорил вам раньше, что доктор Полк хотел получить образцы крови наших самых выдающихся шовихани. Не мошенников, а настоящих колдунов. Но среди нас осталось мало таких.

— Почему?

— Потому что у нашего народа украли его сердце.

Лука продолжал говорить — медленно и мрачным голосом, рассказывая историю сокровенной тайны цыганских племен, тайны, уходящей корнями в глубь веков. Она касалась одного из племен, которое цыгане больше всего лелеяли и оберегали. С гаджами, то есть иноплемениками, цыганам о нем было запрещено даже говорить. Это племя жило отдельно, в тайном месте, и находилось под защитой всех остальных цыган. Именно оно являлось хранителем цыганского наследия — способности предсказывать судьбу. Очень редко один из шовихани уходил в другое племя, обзаводился мужем или женой и оставался в нем, обучая его жителей своему искусству. Но преимущественно эти люди существовали изолированно и скрытно. Однако пятьдесят лет назад местонахождение племени было обнаружено, а все его члены — и мужчины, и женщины — расстреляны, зарезаны и закопаны в промерзшей земле.

В голосе Луки зазвучала особая горечь:

— Только вот в этой братской могиле не было найдено костей ни одного ребенка.

Элизабет сразу поняла, что это означает.

— Их кто-то забрал!

— Мы так и не узнали, кто именно это сделал, но... ни на один день не прекращали поиски. Мы надеялись, что доктор Полк со своей новой технологией отслеживания ДНК сумеет обнаружить давно остывший след.

— Удалось ли ему это? — спросила Элизабет.

Лука покачал головой.

— Мы от него так ничего и не успели узнать. Правда, несколько месяцев назад он прислал странный запрос. Ему было нужно узнать больше о нашем статусе неприкасаемых — тех, кто не входит ни в одну касту Индии.

Элизабет не знала, что это означает. Она перевела взгляд на Хейдена, но профессор только передернул плечами. И все же в выражении его лица, в прищуре глаз она заметила нечто странное. Он явно что-то знал.

Однако вместо объяснений Мастерсон достал авторучку и нарисовал на карте маленький крестик.

— Что это? — спросила Элизабет, обратив внимание на то, что крестик оказался посередине самого густого скопления точек в регионе Пенджаб.

— Это то место, куда мы должны отправляться, если хотим получить ответы.

— И что же это за место? — задал вопрос Грей.

— То самое, где пропал Арчибальд.

*6 сентября, 17 часов 38 минут
Припять, Украина*

Николай шел по парку развлечений города-призрака.

Желтые машинки детского аттракциона стояли в лужах зеленой воды, в зарослях сорняков высотой по пояс. Крыша павильона давно провалилась, и от него остался лишь рыжий от ржавчины металлический каркас. Дальше, на фоне вечернего неба и заходящего солнца, возвышалось огромное колесо обозрения под названием «Большая Медведица». На его ржавом скелете безжизненно висели кабинки под металлическими зонтиками. Все это напоминало огромный памятник ужасу, рожденному к жизни чернобыльской катастрофой.

Николай шел вперед.

Парк был построен к годовщине Первой в 1986 году. Однако, вместо того чтобы веселиться, за неделю до праздника город Припять с населением в сорок восемь тысяч рабочих и членов их семей был уничтожен, накрытый радиоактивным облаком. Город, возведенный в семидесятых годах, представлял собой блестящий пример советской городской архитектуры: здесь имелся Дом культуры «Энергетик», роскошная гостиница «Полисса», больница — подлинное произведение искусства — и множество школ.

Теперь театр лежал в руинах, из крыши гостиницы росли деревья, школы превратились в почти целиком разрушенные каменные коробки с осыпавшимися стенами, заваленные покоробившимися и пожелтевшими учебниками, старыми куклами и деревянными игрушечными кубиками. В одной из ком-

нат Николай обнаружил кипы брошенных противогазов, лежавших на полу, как содранные лица мертвецов. От некогда кипевшего жизнью города остались лишь зияющие провалы выбитых окон, обвалившиеся стены с осыпающейся штукатуркой да скелеты пружинных коек.

Все вокруг заросло сорной травой и деревьями, довершавшими разрушение того, что было создано человеческими руками. Теперь здесь бывали только туристы, платившие по чetyреста долларов с головы, чтобы осмотреть это кошмарное, гиблое место.

А причина всего этого...

Николай прикрыл глаза от солнца и огляделся. В отдалении, на расстоянии в две мили, виднелась огромная туманная махина.

Чернобыльская АЭС.

Радиоактивное облако, вырвавшееся в атмосферу в результате взрыва четвертого энергоблока, заволокло все вокруг на много сотен километров, и тем не менее приказ об эвакуации из этого района был отдан только через тридцать часов. Лес вокруг города стал красным от радиоактивной пыли, жители мыли свои пороги и балконы, а в это время в двух милях отсюда полыхал плутоний.

Николай сокрушенно покачал головой — в основном потому, что знал: следом за ним движется группа телевизионщиков, снимающая сюжет для вечернего выпуска новостей. Он пошел дальше по парку развлечений. Его предупредили, чтобы он не сходил с полосы свежееуложенного асфальта, петлявшей между руин заброшенного города. На поросших травой и мхом обочинах дороги уровень радиации был гораздо выше, а участки, подвергшиеся наиболее сильному заражению, были обозначены треугольными желтыми знаками радиоактивной опасности. Новый асфальт был уложен специально для почетных гостей, официальных лиц и журналистов, которые в изобилии должны были пожаловать в Чернобыль на торжественную церемонию установки нового, стального саркофага поверх прежнего, бетонного, успевшего прийти в негодность.

Этим вечером отель «Полиссия» должен был вновь обрести частицу своего бывшего великолепия. Был поспешно отремонтирован и вычищен его бальный зал, предназначенный для официального приема. Ради столь торжественного случая даже выдрали чахлые деревца, растущие из крыши гостиницы.

Для гостей со всего мира — только лучшее. Ожидались представители большинства стран и даже несколько звезд Голливуда. Сегодня Припять вспыхнет огнями и на одну ночь превратится в арену яркого праздника посреди радиоактивных руин.

Присутствовать на нем должны были президент и премьер-министр России, а также многие члены верхней и нижней палат российского парламента. Некоторые уже прибыли, не очень искренне уверяя хозяев в том, что восхищены происходящими здесь переменами, и пытаюсь заработать политические очки даже на этом событии. Но никто не разливался по этому поводу столь сладкоречиво и обильно, сколь сенатор Николай Солоков, а после сегодняшнего утреннего покушения на него он и без того находился в центре всеобщего внимания.

Под объективами телекамер он сошел с асфальта и приблизился к стене, на которой черной краской были нарисованы двое детей с игрушечным грузовиком. Рассказывают, что в Припяти несколько лет жил какой-то сумасшедший француз, и теперь произведениями его мрачного искусства, представляющими призраки погибших детей, были изукрашены стены многих домов города.

Персональная тень Николая, Елена, оставалась на асфальтовой дорожке. Она заранее выбрала этот рисунок, решив, что он придаст эмоциям наибольшую остроту. Она предусмотрительно прошла по этим дорожкам с дозиметром и убедилась в том, что уровень радиации здесь вполне безопасный.

Все это было задумано и сделано только ради сегодняшнего вечернего шоу.

Николай приложил руку к стене и провел пальцами по контурам нарисованного на стене ребенка, а затем прижался лицом к запястью. Елена предусмотрительно пропитала рукав

его пиджака нашатырным спиртом, и острое зловоние вызвало на глазах желаемые слезы.

Не отнимая ладони от щеки ребенка-тени, Николай повернулся к камерам.

— Вот почему мы должны изменить себя, — проговорил он, обведя рукой перспективу города. — Разве можно смотреть на этот ужасный ландшафт и не понимать, что наша великая страна должна войти в новую эру? Однако и забывать об этом мы не имеем права.

Николай вытер щеки и добавил твердости в голос. Несколько слезинок были в самый раз, но он не должен казаться слабым.

— Взгляните на этот город! То, что не разрушил человек, пожирает природа. Некоторые прозвали это место Эдемским садом Чернобыля. Разве не прекрасен этот лес, взявший верх над городом? Поют птицы, привольно пасутся олени. Но знаете: волки тоже вернулись.

Он устремил взгляд на темнеющий горизонт.

— Пусть вас не обманывает вся эта красота. Этот сад по-прежнему остается радиоактивным. Чтобы попасть в тридцатикилометровую Чернобыльскую зону отчуждения, нам с вами пришлось миновать три армейских блокпоста. Мы проехали мимо двух тысяч брошенных автомобилей, которые были задействованы в тушении радиоактивного пожара и дезактивации Чернобыля. Пожарные машины, кареты «скорой помощи», даже самолеты до сих пор настолько радиоактивны, что к ним опасно приближаться. На нас дозиметрические значки. Так что не обманывайтесь. Природа вернулась, но она будет страдать еще на протяжении жизни многих поколений. То, что кажется полезным и здоровым, таковым не является. Это не возрождение, а всего лишь ложная надежда. Для того чтобы добиться подлинного возрождения, мы должны смотреть в новых направлениях, ставить перед собой новые цели, двигаться к новому Ренессансу.

Он повернулся к нарисованным на стене детям и горько покачал головой.

— Как мы могли не замечать этого раньше!

Кто-то в толпе захлопал.

Отвернувшись от телевизионщиков, Николай улыбнулся. Камеры фиксировали его задумчивую позу, его собственная тень заслонила похожие на тени рисунки на стене. Постояв немного, он вернулся на асфальтовую дорожку.

Он пошел назад, по направлению к гостинице, Елена — следом за ним. Завернув за угол, Николай увидел оживление, царившее перед отелем «Полиссия». Перед входом стоял длинный черный лимузин в окружении стайки приземистых бронированных седанов. Из них высыпали мужчины в черных костюмах и моментально образовали защитный кордон. Приехавшая персона выбралась из лимузина и приветственно помахала рукой встречающим.

Вспышки фотокамер и софиты телеоператоров высветили очертания прибывшего. Ошибки быть не могло.

Президент Соединенных Штатов Америки.

Он приехал, чтобы своим присутствием выразить поддержку важнейшему договору в области ядерной энергетики, который должны были заключить Россия и США.

Для того и была вычищена и деактивирована Припять — чтобы принять столь важных персон.

Не желая быть отодвинутым на задний план, Николай дождался, покуда президент и его свита исчезнут в вестибюле отеля, и только после этого вновь двинулся вперед.

Все было готово.

Он взглянул на Чернобыльскую АЭС. Солнце село, и наступили сумерки.

Завтра к этому часу родится новый мир.

17 часов 49 минут

Южноуральские горы

Монк стоял на тропе и смотрел на низкие горы. Солнце опускалось за горизонт, и долину внизу заволакивали тени.

— Мы должны пройти через вот это? — спросил он. — И никакого другого пути нет?

Константин сложил карту.

— Нет, если мы не хотим идти в обход, что заняло бы у нас много дней и потребовало бы преодолеть сотни миль. А нужный нам рудник расположен на противоположной стороне озера Карачай, в двенадцати милях отсюда. Если, конечно, мы пойдем здесь.

Монк взирал на болотистую долину. Река, по которой они приплыли сюда, делала тут последний поворот, после чего стекала в еще одну, более широкую долину вместе с множеством других мелких потоков. В свете кренящегося к горизонту солнца водопады и озера блестели, как ртуть, но долина, затянута тенью от края до края, заросла пропитавшимся водой лесом и была иссечена длинными и широкими черными канавами, с берегами, поросшими камышом и травой. Здесь будет сложно пройти, зато легко заблудиться, когда стемнеет.

Монк тяжело вздохнул. Им не оставалось ничего другого, кроме как идти через это болото. Киска и Петр сидели на бревне и напоминали двух котят, только что вытащенных из воды. Они плыли с четверть мили, пока холод не выгнал их из воды. Монк заставил ребят выбраться на берег, противоположный тому, где охотились голодные тигры. Вода собьет хищников со следа, а река становилась тем шире, чем ближе оказывались горы. Чтобы вновь обнаружить их след, тиграм придется совершить непростую переправу.

За последние два часа Петр не произнес ни слова. Очевидно, он очень переживал за судьбу Марты. Утешало лишь то, что мальчик не проявлял признаков страха, а значит, не чувствовал поблизости тигров.

Когда они выбрались на берег, Монк велел всем снять одежду, досуха выжать ее и разложить на солнце. Поскольку это происходило в самое теплое время дня, вещи быстро высохли. Но теперь они снова вымокнут до нитки, а поскольку солнце садилось, можно было не сомневаться: их ожидает долгая и холодная ночь.

Но Константин был прав, они должны двигаться. Оставаться здесь, на открытом пространстве, когда где-то неподалеку

бродят тигры, было далеко небезопасно. Болото, по крайней мере, может стать для них хоть каким-то укрытием.

Монк первым двинулся по крутой тропинке. Он помогал спускаться Петру, а Константин держал за руку сестру. После того как они покинули солнечный склон и вступили в тенистую зону, очертания младших детей стали размытыми.

Здесь деревья — преимущественно сосны и березы — росли гуще, но, по мере того как они углублялись в лабиринт больших и малых ручьев, заливавших болотистую долину, им все чаще встречались опустившие ветви к воде плакучие ивы, похожие на скорбящих вдов, горестно склонивших головы.

Монк не без труда прокладывал себе дорогу. Подлесок представлял собой переплетение кустов можжевельника и дикой малины, однако чем более болотистой делалась почва, тем меньше их становилось. Вскоре путники уже перепрыгивали с одной поросшей мхом кочки на другую, что, впрочем, было нетрудно, учитывая то, каким густым здесь был мох. Пушистым зеленым ковром он покрывал нагромождения валунов, взбегал по белым стволам берез, словно пытаясь утащить их под землю.

Они замедляли шаг, а нередко и вовсе останавливались, когда перед ними возникала очередная яма, наполненная стоячей водой.

Пронзительный крик, раздавшийся сверху, заставил Монка посмотреть в небо. Над их головами пролетел орел. Размах его крыльев был не меньше, чем размах рук взрослого мужчины.

Воздушный хищник охотился.

Это напомнило Монку об опасности за их спиной.

Он пошел быстрее. Пока детям было проще передвигаться по этой пресеченной местности. Их легкие тела будто парили над мокрой землей, в то время как Монк должен был следить за каждым своим шагом, чтобы не оставить в грязи ботинки.

Последний час они едва плелись и прошли, как прикинул Монк, меньше мили. Несколько раз он видел, как с их пути скользили в сторону змеи, а один раз заметил на себе взгляд блестящих глаз лисицы, которая тут же пустилась в бегство,

перескакивая с бугорка на бугорок, и вскоре исчезла. Монк настораживался при каждом новом звуке. Он слышал, как по болоту кто-то тяжело пробирается. На земле лежали массивные рога, сброшенные лосем.

Теперь они уже шли по колено в воде, двигаясь зигзагами от одного островка к другому. Сырой, холодный воздух пах ряской и плесенью. Солнце продолжало опускаться за горы, и вокруг становилось все темнее.

Монк едва тащился. Его догнал Константин, который по-прежнему вел, держа за руку, Киску. Девочка, казалось, спала на ходу.

Петр прижимался к бедру Монка. Когда они проходили по более глубокой воде, мальчика приходилось сажать на плечи.

Внезапно Петр судорожно вцепился в руку Монка.

Какое-то существо продиралось сквозь ветви деревьев, направляясь прямо к ним.

«О нет!»

Поняв, что это, Монк крикнул:

— Спасайся! Беги!

Он схватил мальчика и стал отрывать его от себя. Тот плакал и сопротивлялся. Константин, шлепая ногами по воде и высоко поднимая колени, бросился в сторону, таща за собой сестру. Левая нога Монка провалилась в болото. Он пытался вытащить ее, но она словно попала в цемент.

Треск ветвей раздавался все ближе.

Монк толкнул Петра вперед и повернулся, чтобы встретить опасность лицом. Он услышал, как под ногами мальчика хлопает вода. Но, вместо того чтобы бежать прочь, парнишка кинулся обратно к нему.

— Нет, Петр! Убегай!

Мальчик пробежал мимо Монка, и тут же чья-то большая тень обрушилась из кроны дерева и шлепнулась в воду прямо рядом с ним. В следующую секунду эта тень и мальчик заключили друг друга в жаркие объятия.

Марта.

Монк пытался утихомирить гулко колотившееся сердце.

— Петр, в следующий раз ты... хотя бы предупреждай!

Очень медленно он вытащил из трясины увязшую ногу.

Шимпанзе обняла мальчика и легко подняла его из стоячей воды. Константин и Киска уже шлепали обратно. Марта опустила Петра и крепко обняла каждого из детей. Затем она подошла к Монку, подняв руки и широко разведя их в стороны. Он нагнулся и тоже принял от нее приветственное объятие. Обезьяна была горячее и ласково пыхтела ему в ухо, а Монк ощущал, как дрожит от усталости ее старое тело. Он тоже прижал Марту к себе, подумав о том, сколько трудностей ей пришлось преодолеть, чтобы воссоединиться с ними.

Выпрямившись, он задумался над тем, как Марта сумела найти их. Было понятно, что, пока они шлепали по воде, она, перепрыгивая с ветки на ветку, сокращала разделявшее их расстояние. Но каким образом она узнала, в каком направлении они движутся?

Монк окинул взглядом темное, покрытое водой пространство.

Если их сумела выследить она, то...

— Давайте двигаться! — сказал он и махнул рукой в сторону самого сердца болота.

Снова оказавшись вместе, они пошли дальше. Возвращение Марты воодушевило детей, но болото вскоре снова взяло свое: они опять стали спотыкаться. Константин с Киской ушли вперед, оторвавшись от остальных, Петр повис на Монке, а Марта предпочитала двигаться, хватаясь за ветки, перебирая руками. Пальцы ее ног задевали воду.

Солнце медленно спряталось за горами, предоставив им брести в мрачных сумерках. Монк едва различал идущего впереди Константина. Слева низко и зловеще заушала сова, и Монку показалось, что этим звуком их пытается напугать сама ночь.

Из зарослей плакучих ив послышался встревоженный голос Константина.

— Изба! — крикнул он по-русски.

Монк не понял, что-означает это слово, но тон, каким оно было произнесено, ему не понравился. Он пошел туда, откуда раздался голос. Вода здесь была не такой глубокой.

Продравшись сквозь чащу ивовых ветвей, он обнаружил впереди один из тех крохотных островков, которые уже встречались им во множестве. Но в отличие от других этот не был пустым. На небольшом взгорке расположился маленький домик на коротких сваях. Он был построен из грубо оструганных бревен и увенчан крышей, поросшей мхом. В единственном окне не было света, а из трубы не шел дым. Никаких признаков жизни.

Константин ждал у берега островка, укрывшись в высоких зарослях камыша.

Монк подошел к нему.

Указав на хижину, подросток сообщил:

— Охотничья заимка. Таких избушек в этих горах полным-полно.

— Я пойду проверю, — сказал Монк, — а ты оставайся здесь.

Он взобрался на берег и обошел избушку. Она была маленькой, с трубой из дикого камня. Трава тут доходила ему до пояса. Казалось, что в избушке никто не бывал уже лет сто. Монк заметил короткие мостки, возле которых не было ни одной лодки, однако в камышах неподалеку стояла плоскодонка — по сути, плот с зауженным концом. Он наполовину зарос мхом, но еще мог держаться на воде.

Монк вернулся к фасаду избушки и подергал дверь. Она была не заперта, но доски разбухли от сырости, и ему понадобилось приложить немало усилий, чтобы распахнуть ее. Заржавевшие петли немилосердно заскрипели.

Внутри было темно и пахло плесенью, но, по крайней мере, здесь было сухо. В срубе имелась только одна комната. Большая часть пола из сосновых досок была покрыта сеном, из мебели здесь имелся лишь маленький стол с четырьмя стульями вокруг него. Вдоль одной стены стояли грубые шкафы, но кухня отсутствовала. Похоже, пищу тут готовили прямо на печи, где обнаружили металлические кастрюли и горшки. Возле печи Монк увидел охапку сухих дров.

И на том спасибо.

Монк подошел к двери и помахал рукой, зовя детей.

Ему была ненавистна сама мысль о промедлении, но все они нуждались в отдыхе. Поскольку окно было закрыто, Монк решил развести в печи огонь, чтобы просушить одежду и обувь и провести в тепле самую холодную часть ночи. А перед самым рассветом они могут отправиться дальше и, возможно, даже на плоту.

Константин помог ему растопить печь, а младшие дети тем временем сидели на полу, прислонившись к Марте. Старший мальчик нашел спички в вощенном коробке, и сухие дрова занялись сразу же, как только их лизнул первый огонек. Огонь быстро разгорелся, треща и щелкая. Дым послушно уходил в дымоход.

Монк подкинул в печку еще одно полено, а Константин обыскал шкафы. В них он нашел рыболовные снасти, ржавую лампу, в которой еще плескалось немного керосина, длинный охотничий нож и наполовину пустую коробку патронов для дробовика. Самого ружья не оказалось. Кроме того, в одном из шкафов мальчик нашел пожелтевшие журналы с фотографиями голых девиц, которые Монк немедленно конфисковал и использовал в качестве растопки. А на верхней полке обнаружили четыре аккуратно сложенных стеганых одеяла.

Передавая Монку одеяла, Константин показал в сторону его раскрытого рюкзака. Монк обернулся. Мальчик указывал на лежавший в нем дозиметрический значок. Тот уже не был белым, как раньше, а приобрел розовую окраску.

— Радиация, — пробормотал Монк.

Константин кивнул.

— Обогащительная фабрика, которая отравила озеро Карачай. — Он махнул рукой в северо-восточном направлении. — Радиоактивные отходы медленно просачиваются и в землю.

«Отравляя грунтовые воды», — подумалось Монку. А куда в конечном итоге стекает вся вода с гор? Монк посмотрел на закрытое ставнями окно, представил себе раскинувшееся за ним болото и потряхнул головой.

А он-то думал, что единственную опасность для них представляют тигры-людоеды!

19 часов 04 минуты

Петр сидел перед огнем — раздетый, завернувшись в толстое одеяло. Их ботинки сушились, выстроившись в шеренгу на печке, а одежда висела на леске, натянутой Монком. Леска была такой тонкой, что казалось, будто рубашки и штаны парят в воздухе.

Ему доставляло удовольствие смотреть на языки огня, которые плясали и потрескивали, но не нравился дым. Он уходил в трубу, причудливо закручиваясь, словно был живым существом, рожденным от огня.

Петр поежился и пододвинулся ближе к огню.

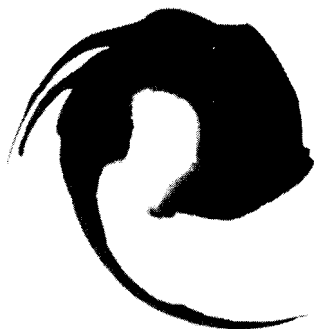
Смотрительница в школе рассказывала им сказки про Бабу-ягу, которая жила в дремучем лесу в избушке на курьих ножках и ела маленьких детей. Петр вспомнил сваи, на которых стоял их домик. А вдруг это та самая избушка, а курьи ножки с длинными когтями просто спрятались в землю?

Он с подозрением стал смотреть на дым.

И разве не было у Бабы-яги невидимых слуг, которые помогали ей?

Мальчик огляделся, словно пытаясь найти их. Разумеется, он ничего не увидел. По полу и стенам плясали отблески огня.

Петр подвинулся еще ближе к огню. Дым по-прежнему свивался в диковинные фигуры.

Мальчик поерзал, пытаясь почувствовать себя увереннее. Подошла Марта и по-матерински обняла мальчика за плечи, а он прильнул к ней. Она крепче прижала его к себе.

«Не бойся».

Но ему было страшно. Страх тысячью паучков копошился в его голове. Он смотрел на извивающийся дым, улетающий в дымоход, и понимал, что именно в нем заключается настоящая опасность. Этот дым, возможно, хотел сообщить Бабе-яге о том, что в ее избушке находятся дети.

Сердце Петра колотилось все сильнее.

Ведьма приближалась.

Он знал это наверняка.

Его глаза, устремленные на клубы дыма, расширились. Они искали опасность.

Марта ласково угукала ему в ухо, пытаясь приободрить, но это не помогало. Ведьма была все ближе. Она собиралась их съесть. Им грозила смертельная опасность. Дети — в опасности. Огонь громко щелкнул, заставив мальчика вздрогнуть всем телом. И тут он понял.

Не дети.

Ребенок.

И — не он.

Другой.

Петр вглядывался в дым, пытаясь пробиться сквозь тьму к истине. И когда дым образовал очередную необычную фигуру, он увидел того, кому грозила опасность.

Его сестре.

Саше.

11 часов 07 минут

Вашингтон, округ Колумбия

— ДВС-синдром, — сообщила диагноз Лиза, встав у кровати с перилами, на которой лежала девочка.

Кэт силилась понять, что это может значить. Она стояла рядом с Лизой, сложив руки на животе и глядя на маленькую фигурку — худую, как лучинка, и словно потерявшуюся в больничной пижаме не по размеру, простынях и подушках. Из-под простыни тянулись провода к выстроившимся вдоль стены приборам, контролирующим кровяное давление, частоту сердечных сокращений и другие жизненно важные показатели. Через капельницу в организм ребенка поступал раствор хлорида натрия в смеси с другими лекарствами, но, несмотря на это, за последний час и без того бледная кожа девочки приобрела пепельный оттенок, а губы посинели.

— Синдром диссеминированного внутрисосудистого свертывания крови, — расшифровала Лиза, но с таким же успехом она могла говорить на латыни.

Если бы здесь был Монк, он, с его медицинским образованием, понял бы, о чем толкует Лиза. Кэт тряхнула головой. Женщина до сих пор не могла оправиться от шока, который испытала, увидев рисунок Саши. Девочка наверняка нарисовала его специально для нее. Между ними возникла какая-то внутренняя связь. Кэт увидела это в глазах девочки, когда читала ей. В основном ее манера поведения была отрешенной и болезненной, но время от времени ее взгляд останавливался на Кэт, и тогда в нем светилось доверие и что-то вроде узнавания. От этого сердце Кэт таяло. Ее материнские инстинкты обострились, а обнаженные из-за утраты мужа нервы воспринимали все происходящее еще болезненнее.

— Что это означает? — спросил Лизу Пейнтер.

Они стояли рядом, по другую сторону кровати. Он только что вернулся, поговорив по телефону с Греем, находившимся в Индии. Его команда подверглась нападению и сейчас направлялась в северные районы страны. Пейнтер уже отдал приказ о начале расследования, чтобы выяснить, кто устроил засаду

на их людей. Попытка убить профессора не могла быть простым совпадением. Кто-то знал о том, что Грей вылетел в Индию. Однако, вместо того чтобы вплотную заниматься расследованием, директор нашел время и спустился сюда, желая выслушать отчет Лизы.

Прежде чем та успела ответить на его вопрос, в комнату вошел доктор Шон Макнайт. Сняв пиджак и галстук, он остался в рубашке с засученными рукавами. После разговора директора с Греем он отлучился, чтобы сделать несколько звонков. Пейнтер повернулся к нему и вопросительно вздернул бровь, но Шон лишь махнул Лизе рукой, веля продолжать, и рухнул в кресло возле кровати, в котором он бодрствовал на протяжении последнего часа. Даже сейчас он положил руку на кровать. Кэт и Шон долго проговорили здесь. У него было двое внуков.

Лиза откашлялась и принялась объяснять:

— ДВС — это патологический процесс, в ходе которого в крови образуются крохотные сгустки. На профессиональном языке это называется множественным тромбообразованием, что приводит к истощению факторов свертывания, а затем сменяется тяжелым геморрагическим синдромом, или, иначе говоря, внутренним кровотечением. Причины возникновения ДВС могут быть разными, но чаще всего этот синдром сопутствует тяжелым инфекционно-септическим и онкологическим заболеваниям, всем видам шока, острым отравлениям, в том числе змеиным ядом, серьезным ожогам и так далее. Но одним из самых распространенных заболеваний, которые сопровождаются ДВС-синдромом, является менингит — обычно септическое воспаление оболочек спинного и головного мозга. Что, учитывая крайне высокую температуру и...

Лиза указала на устройство, прикрепленное к черепу девочки. Ее губы тревожно сжались.

— Все анализы подтверждают этот диагноз. Снижение уровня тромбоцитов, повышенная утомляемость, увеличение времени кровотечения. Я делаю ей переливание тромбоцитарной массы, ввожу антитромбин и дротрекoгин-альфа. Это поможет стабилизировать ее состояние на какое-то время, но для окончательного выздоровления девочки нужно побороть

ту болезнь, которая спровоцировала ДВС, а что это за болезнь, мы пока не знаем. Она не заразна, в ее крови и спинномозговой жидкости нет никаких признаков инфекции. Возможно, это какое-то вирусное заболевание, но, как мне кажется, тут что-то другое, о чем мы не знаем. Что-то связанное с имплантатом.

Кэт тяжело вздохнула, содрогнувшись всем телом.

— А не узнав это...

Лиза сложила руки на животе — в точности как Кэт.

— Девочка угадает. Я замедлила этот процесс, но, чтобы остановить его, нам нужно знать больше. Аббревиатура ДВС имеет и другое толкование: «До Вашей Скорой Смерти».

Кэт повернулась к Пейнтеру.

— Мы обязаны что-нибудь предпринять!

Тот кивнул и посмотрел на Шона.

— У нас нет выбора. Нам необходимы ответы. Возможно, со временем мы сумеем распознать эту болезнь, но уже сейчас есть люди, которые знают больше, которые занимаются этой биотехнологией и которым в точности известно, что сделали с этой девочкой.

— Действовать нужно очень осторожно, — со вздохом ответил Шон.

Кэт поняла, что двое мужчин уже обсуждали эту тему.

— Что вы намерены делать? — спросила она.

— Если мы хотим спасти этого ребенка, — Пейнтер посмотрел на хрупкое тело девочки, — нам придется лечь в постель с врагом.

23 часа 38 минут

Трент Макбрайд шагал по длинному безлюдному коридору. Эта часть здания Института Уолтера Рида была предназначена для капитального ремонта. Больничные палаты по обе стороны коридора были как после бомбежки, стены покрыты плесенью, штукатурка отваливалась. Но его целью являлось психиатрическое отделение, располагавшееся в дальней части этого крыла. Здесь стены были цементными, окна зарешечены, а в каждой двери имелось небольшое смотровое окошко, также забранное решеткой.

Трент дошел до последней палаты. У двери стоял часовой. Они не желали рисковать. Часовой отступил в сторону и протянул Тренту связку ключей. Тот взял их и заглянул в смотровое окошко. Юрий, полностью одетый, лежал на кровати.

Трент отпер дверь и распахнул ее. Юрий сел на кровати. Для старика он был весьма жилистым и подвижным. Опытному глазу было ясно, что этот человек принимает целый коктейль из андрогенов и других гормональных препаратов, препятствующих старению. До чего же эти русские любят всякие стимуляторы!

— Пора приниматься за работу, Юрий.

Русский встал. Его глаза блестели.

— С Сашей?

— Там видно будет.

Юрий направился к двери. Тренту не понравилось решительное выражение на его лице. Хотя он и был побежден, в нем ощущался какой-то стальной стержень. Возможно, источником его силы являлись не только уколы, которые он всаживал себе в задницу.

Но так или иначе, Юрий был во власти Трента.

Американец махнул часовому, веля ему сопровождать их. Первоначально он не собирался этого делать, поскольку, будучи на голову выше и намного тяжелее русского, считал, что не нуждается в охране. Но тот блеск, который он заметил сейчас в глазах Юрия, насторожил его.

Они пошли по коридору.

— Куда мы идем? — спросил Юрий.

«Забить последний гвоздь в гроб Арчибалда Полка», — подумал Трент. Он организовал убийство своего старого друга, а теперь собирался покончить с его детищем, тайной организацией, о создании которой Полк мечтал, работая на «Ясонов».

Командой ученых-убийц.

Фактически тех же «Ясонов», только с пистолетами.

Для того чтобы Трент мог продолжать собственную работу, «Сигма» должна прекратить существование.

6 сентября, 19 часов 36 минут
Пенджаб, Индия

По мере того как солнце опускалось за горизонт, Грей все больше убеждался в том, что выбор автомобиля, сделанный Розауро, был весьма мудрым. На дороге, изрытой глубокими колеями, внедорожник подбрасывало и швыряло из стороны в сторону, поэтому Грей, сидя рядом с водителем, был вынужден упираться рукой в крышу, чтобы не слететь с сиденья. Примерно час назад они миновали последний мало-мальски крупный населенный пункт и теперь ехали через холмы.

Молочные фермы, поля, засеянные сахарным тростником, рощи манговых деревьев делали окружающую местность похожей на лоскутное одеяло. Мастерсон объяснил, что Пенджаб является изобильной житницей Индии, ее закромами. Здесь выращивали большую часть пшеницы, проса и риса, производимых в стране.

— И кто-то должен обрабатывать эти поля, — добавил он.

Профессор, который взял на себя роль штурмана, сидел на заднем сиденье вместе с Элизабет и Ковальски, а Лука расположился позади всех и был занят тем, что полировал свои кинжалы.

— Здесь — налево, — скомандовал Мастерсон.

Розауро вывернула руль, джип свернул и, разбрызгивая потоки воды, выбрался из колеи, превратившейся в два полноводных ручья. В течение всего пути дождь то начинался, то

заканчивался. В переводе с персидского название Пенджаб означало «пятиречье».

Грей посмотрел в темнеющее небо. Надвигалась ночь. Облака ползли низко. Наверняка до того, как стемнеет, им предстоит еще раз попасть под дождь.

— Вон там, впереди, — проговорил Мастерсон. — За следующим холмом.

«Мерседес», меся всеми четырьмя колесами грязь, стал карабкаться по крутому склону. Когда они поднялись на вершину, их взглядам открылась маленькая, похожая на чашу долина, окруженная холмами. На дне долины лежал поселок — сгрудившиеся вперемежку каменные дома и глинобитные хижины. На его границе горели два костра, вокруг которых стояли мужчины с длинными шестами в руках. По-видимому, они жгли мусор. Рядом с одним костром, на склоне холма, чуть ниже того места, где находилась их машина, виднелась телега, запряженная волом и нагруженная мусором.

— Другая сторона Индии, — проговорил Мастерсон. — Более двух третей ее населения до сих пор живет в сельской местности. Но сейчас мы видим перед собой тех, кто существует на самом дне кастовой системы. «Хариджаны» — так назвал их Махатма Ганди. В переводе это означает «Божьи дети», но их до сегодняшнего дня чаще называют «далиты» или «ачхуты», что можно перевести примерно как «неприкасаемые».

Грей заметил, что Лука убрал свои кинжалы и стал более внимательно прислушиваться к разговору. неприкасаемые. У этих людей, возможно, те же корни, что и у его племени.

Освещенные огнями костров, вооруженные косами и шестами, мужчины встали плотнее, подозрительно глядя на чужаков.

— Кто эти люди? — спросил Грей. Ему хотелось побольше узнать о тех, с кем предстоит иметь дело.

— Чтобы понять это, вы должны иметь хотя бы некоторое представление о существующей в Индии кастовой системе. Согласно легендам, все главные варны, социальные общности, на

которые делилось население Индии, произошли из тела богоподобного существа. Брахманы, в число которых входят жрецы и учителя, — из его уст, кшатрии — администрация и военные — из его рук, вайшьи — торговцы и землевладельцы — из бедер, шудры — наемные работники и слуги — из ног. Каждая варна имеет круг дозволенных занятий. Все это досконально расписано в Законах Ману — сборнике предписаний, определяющих поведение индийца в частной и общественной жизни, составленном две тысячи лет назад.

— А эти, неприкасаемые? — спросил Грей, не сводя глаз со столпившихся невдалеке мужчин и подростков.

— Они не относятся ни к одной из четырех варн, поэтому их не считали за людей, полагали «нечистыми», общение с неприкасаемыми считалось оскверняющим для лиц, принадлежащих к более высоким кастам. На долю этих бедняг доставались только самые презренные работы. Они обрабатывали кожи, убирали нечистоты, подбирали мертвых. Им возбранялось заходить в храмы и дома «чистых», есть из одной с ними посуды. Не допускалось даже, чтобы тень неприкасаемого упала на человека более высокой касты. Если мужчина или женщина из числа неприкасаемых нарушали хотя бы одно из этих правил, их могли побить, изнасиловать и даже лишить жизни.

Элизабет подалась вперед.

— И никто не пытается положить этому конец?

Мастерсон фыркнул.

— Формально индийская конституция запрещает подобную дискриминацию, но она тем не менее существует, особенно в сельских районах. К категории неприкасаемых до сих пор относятся пятнадцать процентов населения, и вырваться из-под этого проклятия нельзя. Ребенок, рожденный от ачхута, навсегда останется ачхутом. Они жертвы религиозных законов тысячелетней давности, законов, которые априори занесли их в разряд недочеловеков. Кроме того, будем честны: как я уже сказал раньше, кто-то ведь должен обрабатывать поля.

Грей вспомнил бескрайние поля и рощи фруктовых деревьев. Мастерсон тем временем продолжал:

— Неприкасаемые представляют собой класс рабов, являющийся неотъемлемой частью этого общества. Если в городах их положение все же немного улучшилось, то в деревне все остается как раньше, поскольку там по-прежнему не хватает трудяг для тяжелой, грязной работы. Кастовая система помогает решить эту проблему. Поселки вроде этого нередко сжигали и разрушали только потому, что их жители осмеливались попросить более высокую оплату или улучшить условия труда. Отсюда их постоянная подозрительность.

Профессор кивнул на группу крестьян, встречавших их с сельскохозяйственными орудиями наперевес.

— Господи! — ахнула Элизабет.

— Господь не имеет к этому ни малейшего отношения, — с горечью отозвался Мастерсон. — В основе всего — экономика. Ваш отец, — обратился он к Элизабет, — был ярым защитником этих людей, вот почему в последнее время брахманы и мистики из числа йогов все более неохотно шли ему навстречу в плане предоставления информации.

— Из-за того, что он не брезговал общением с неприкасаемыми? — спросила женщина.

— Да, из-за этого... А еще потому, что он пытался найти среди них носителей генетических маркёров. Когда об этом стало известно, перед ним захлопнулись многие двери. Признаться, когда он исчез, я был уверен, что его убили по этой самой причине.

Грей махнул Розауро рукой, приказывая остановиться рядом с кругом света от мусорных костров.

— А что это за поселок? — осведомился он. — Это то самое место, где доктора Полка видели в последний раз?

Мастерсон кивнул.

— В последний раз Арчибальд звонил мне именно отсюда. Он пребывал в страшном возбуждении, поскольку сделал какое-то важное открытие и ему не терпелось поделиться им. Больше я не слышал его голоса. Но иногда с ним такое бывало: он мог пропасть на несколько месяцев, путешествуя из дерев-

ни в деревню. Поселки, подобные этому, даже не имеют названий, и представители высших каст не подходят к ним на пушечный выстрел. Но через некоторое время я начал опасаться худшего.

— Стоит ли нам бояться этих людей? — спросил Грей.

— Наоборот.

Мастерсон открыл дверь машины и, опираясь на трость, выбрался из нее. Грей последовал за ним, после чего из джипа вышли все остальные.

— Оставайтесь возле машины, — предупредил их командер.

Мастерсон заковылял к костру, Грей — за ним. Профессор прокричал что-то на хинди. Поскольку Грей изучал индуизм и индийскую философию, он знал несколько фраз на этом языке, но их было явно недостаточно, чтобы понять, о чем идет речь. Однако по тому, как профессор переводил взгляд с одного лица на другое, можно было заключить, что он пытался отыскать какого-то определенного человека.

Индусы продолжали стоять молчаливой стеной, оцетинившейся примитивным оружием.

Вол, запряженный в телегу, тоскливо замычал, словно давящая атмосфера подействовала и на него.

Наконец Мастерсон встал между двумя чадящими кострами. Воздух был наполнен смрадом жареной печени и горящих автомобильных шин. Грею стоило больших усилий не закрыть ладонью нос и рот. Мастерсон указал рукой на грузовик и продолжал говорить. Грей различил в его тираде имя Арчибальда Полка и знакомое слово «бети».

Дочь.

Все мужчины уставились на Элизабет. Вилы и косы опустились. Неприкасаемые стали шептаться, тыкая пальцами в сторону американки. Человеческая стена распалась. Два мальчика с радостными воплями бросились в глубь поселка по узкому проходу между двумя каменными домами.

Мастерсон повернулся к Грею и сообщил:

— Ачхуты здесь очень уважают Арчибальда. Я не сомневаюсь: присутствие дочери столь уважаемого человека сделает их гораздо более дружелюбными. Нам не стоит ожидать от этих людей ничего плохого.

— Кроме дизентерии, — пробурчал Ковальски, подходя к Мастерсону и Грею вместе с остальными членами их группы. Элизабет заехала ему локтем в ребра.

Грей повел свою команду в поселок, чувствуя, что опасаться им все же есть чего, причем не только расстройства желудка.

20 часов 02 минуты

Элизабет прошла между двумя кострами. Поселок гудел, как растревоженный улей. Кто-то принялся громко колотить в самодельный барабан. Появилась женщина, лицо которой до половины было закрыто сари, и жестом пригласила их следовать за собой. Когда она повернулась, Элизабет заметила под вуалью искалеченную, покрытую рубцами кожу.

— Что случилось с этой женщиной? — спросила она, наклонившись к Мастерсону.

— Ваш отец упоминал о ней, — негромко ответил профессор, кивком указав на индианку. — Ее сына поймали, когда он удил рыбу в пруду, расположенном в поселении более высокой касты. Она отправилась туда, чтобы выручить мальчика, но тоже была схвачена. Жители поселка избили ее сына, а ей плеснули в лицо кислотой. В результате несчастная потеряла глаз и оказалась навсегда обезображена.

Элизабет похолодела.

— Какой кошмар!

Элизабет шла за женщиной, ужасаясь жестокости местных обычаев и одновременно восхищаясь волей к жизни и стойкостью этой индианки.

Женщина провела их через лабиринт узких кривых улочек, и они оказались в самом центре поселка. Здесь горел еще один костер. У деревянных столов, расставленных вокруг колодца, собрались люди, женщины сметали со столов опавшие

листья и приносили блюда с едой. Повсюду бегали босоногие, полуодетые ребятишки.

Когда Элизабет проходила мимо жителей поселка, многие мужчины почтительно склоняли головы, а некоторые даже кланялись ей в пояс — по всей видимости, в знак уважения к ее отцу. А ведь она даже не знала, что он здесь был и тем более чем занимался.

Мастерсон указал тростью на местных мужчин и пояснил:

— Ваш батюшка сделал много добра жителям здешних мест. Он разоблачил и заставил распустить вооруженные группы, терроризировавшие их, даже добился повышения оплаты крестьянского труда, улучшения медицинского обеспечения и образования. Но, что еще более важно, он относился к ним с уважением.

— Я не знала всего этого, — пробормотала Элизабет.

— Арчибальд завоевал их доверие, и именно на этой местности он сосредоточил свои генетические исследования.

— Почему именно на этой? — спросил Грей, шедший по другую сторону от профессора.

— Потому что сразу же после того, как Арчибальд составил карту, которую я показывал вам, он принялся более пристально изучать район Пенджаб. Генетический след привел его к этим холмам. Но, мне кажется, тут было что-то еще.

Элизабет наморщила лоб.

— Что именно?

— Я точно не знаю. Он стал проявлять повышенный интерес к этому району около двух лет назад: прекратил бессистемные исследования на всей территории Индии и занялся только здешними местами. — Оглянувшись на Луку, профессор добавил: — И цыганами.

Элизабет стала вспоминать, что было два года назад. Она заканчивала писать кандидатскую диссертацию по философии в Джорджтауне и почти не общалась с отцом. На это у нее не хватало ни времени, ни терпения. Их редкие разговоры по телефону были обычно короткими и напряженными. Знай

Элизабет, чем занимается отец помимо своих исследований, возможно, она вела бы себя иначе.

Когда они оказались в центре поселка, жители приветствовали их улыбками и пригласили пройти к столу, уставленному едой: лепешками, тарелками с рисом, вареными овощами, маленькими сливами и крупными финиками, мисками с пахтой. Простая, но устроенная от души трапеза. Одна из женщин, опустившись на колени, помешивала чечевичную похлебку в котле, стоявшем на очаге в форме подковы. Ее дочь подбрасывала в огонь кизяк из ведра, которое держала в руке.

Ковальски подошел к Элизабет.

— Да-а, это не «Бургер Кинг».

— Потому что здесь обожествляют коров.

— Я их тоже обожествляю, особенно в жареном виде и с печеной картошечкой.

Элизабет улыбнулась. И как только этому невероятному человеку каждый раз удастся развеселить ее? Она вдруг осознала, что стоит чересчур близко от великана, и шагнула в сторону.

Сбоку от них один из крестьян стал перебирать струны ситары, второй аккомпанировал ему на гармонике, а третий — на барабане табла.

Из толпы вышел высокий мужчина. Тридцати с небольшим лет, с коротко обрезанными волосами и оливковой кожей, он был в традиционной дхоти — безукоризненно чистая прямоугольная полоса ткани спускалась от талии до колен. Кроме того, на нем была рубашка с длинными рукавами, а поверх нее туника. Голову прикрывала вышитая шапочка куфи. Он низко поклонился и заговорил с резким британским акцентом:

— Мое имя — Абхи Бханджи, но я почту за честь, если вы будете называть меня Эйб. У нас, индусов, есть пословица: «Ат итхи дево бхава». Это означает: гости — сродни богам. И уж тем более это касается дочери моего близкого друга профессора Арчибальда Полка. — Он сделал приглашающий жест в сторону стола. — Присоединяйтесь к нам, прошу вас.

Гости так и сделали, но вскоре, когда мужчина узнал о судьбе, постигшей отца Элизабет, улыбка на его лице угасла, и оно превратилось в скорбную маску.

— Я не знал об этом, — тихо проговорил он. — Это ужасная, невосполнимая утрата. Примите мои соболезнования, мисс Полк.

Элизабет склонила голову в знак признательности.

— В последний раз его видели в этом поселке, — вступил в разговор Грей и, кивнув в сторону Мастерсона, добавил: — Он позвонил профессору и сообщил, что едет сюда.

Мастерсон прочистил горло и сказал:

— Мы надеялись, что вы, возможно, сумеете пролить свет на то, куда отправился Арчибальд.

— Я был уверен, что он не должен ехать один, — проговорил мужчина, горестно покачав головой, — но он не хотел ждать.

— Ехать — куда? — спросил Грей.

— Нельзя было везти его туда, чтобы он начинал свои исследования именно там. Это гиблое место.

Элизабет протянула руку и дотронулась кончиками пальцев до тыльной стороны его ладони.

— Если вы что-то знаете... Хотя что-нибудь...

Индиец с усилием сглотнул, сунул руку в карман туники и вытащил из него маленький матерчатый мешочек, в котором что-то звякнуло.

— Все началось, когда я показал вашему отцу вот это. — Он развязал завязки и высыпал содержимое мешочка на стол. — Мы находим их время от времени, когда обрабатываем эти поля.

Старые, потускневшие монеты, почти черные от возраста, плясали и крутились на досках стола. Одна из них подкатилась к Элизабет. Женщина остановила ее, прижав ладонью к столу, а затем взяла в руку. Она потерла ее поверхность, считала налет ногтем и только потом поняла, что держит в руках.

На одной стороне монеты было потертое, но все еще различимое изображение женского лица со змеями вместо волос. Медуза Горгона.

— Это древнегреческая монета, — удивленно сказала она. — И вы нашли ее в вашем поле?

Эйб утвердительно кивнул.

— Удивительно! — Элизабет повернула монету к свету костра. — Греки действительно некоторое время правили Пенджабом. А кроме них — персы, арабы, Великие Моголы, афганцы. Александр Македонский одержал победу в великой битве, состоявшейся в этом регионе.

Грей взял другую монету. Его лицо потемнело. Он протянул ее женщине.

— Вы лучше взгляните на эту, Элизабет.

Она взяла монету и внимательно рассмотрела ее. Пальцы Элизабет задрожали. На поверхности монеты было выбито изображение греческого храма с тремя колоннами и темным входом. На фоне храма красовалась большая буква «Е».

— Это же Дельфийский храм! — выдохнула она.

— Точно такую же монету ваш отец украл из музея.

Элизабет силилась понять смысл того, что лежит за всем этим, но утратила способность думать. В ее мозгу словно произошло короткое замыкание.

— Когда... вы впервые показали отцу... эти монеты? — запинаясь, спросила она.

Эйб задумчиво наморщил лоб.

— Точно не помню, но, по-моему, года два назад. Он просил меня спрятать их и хранить в надежном месте. Но, поскольку его больше нет в живых, а вы — его дочь...

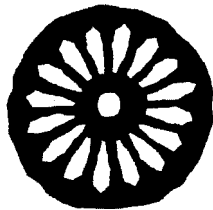
Элизабет едва слышала его. Два года назад. Именно тогда отец устроил ее на работу в Дельфийский музей. Элизабет чувствовала, что держит в руке монету, на которую для нее была куплена эта самая работа. Слишком занятой, отец наверняка хотел, чтобы эту загадку распутала она. Элизабет испытала прилив злости, однако, посмотрев на стоявших вокруг нее крестьян, вспомнила о том, как к ним относились соплеменники и как помогал им отец. А может, он просто не мог покинуть их?

И все же он мог хоть что-то рассказать ей, а не держать во мраке неведения!

Если только... он не пытался таким образом защитить ее.

Она тряхнула головой, в которой роились вопросы. Что же происходит? Она попыталась найти ответ на другой стороне монеты. На черной поверхности был расположен символ, который вовсе не выглядел греческим.

Эйб заметил удивленное выражение ее лица и, указав на монету, пояснил:

— Это колесо чакры, древний индуистский символ.

«Но что он делает на древнегреческой монете?» — подумала Элизабет.

— Можно, я взгляну? — спросил Лука.

Он подошел к столу и, перегнувшись через плечо Элизабет, посмотрел на монету. В тот же миг его тело напряглось, а пальцы вцепились в край стола.

— Этот символ... Он изображен на флаге рома.

— Что-о? — изумилась Элизабет.

Лука выпрямился. Он сам был удивлен не меньше.

— Этот образ был выбран потому, что в переводе с санскрита слово «чакра» означает «колесо». Говорят, что он символизирует колесо цыганской кибитки, кочевую жизнь нашего народа и его индийские корни. Однако издавна ходят слухи о том, что этот символ имеет более глубокие и древние корни, связанные с цыганскими племенами.

Пока другие спорили о том, какое все это может иметь значение, Элизабет молча рассматривала монету, чувствуя, что держит ниточку, которая приведет ее к правде. Видимо, заметив в ее лице что-то необычное, Грей подался вперед и спросил:

— В чем дело?

Посмотрев в его глаза цвета стали, она подняла монету и указала на изображение храма.

— После того как отец нашел это, он подергал кое за какие ниточки, чтобы устроить меня в Дельфийский музей. — Она перевернула монету и продемонстрировала символ чакры. — Одновременно с этим он принялся за изучение цыган и того, каким образом они связаны с Индией. Две стороны одной монеты, две линии одного расследования. — Элизабет поставила монету на ребро. — Но что лежит между двумя этими сторонами? Что связывает их?

Элизабет повернулась к Абхи Бханджи. Он рассказал им не все.

— Куда отправился мой отец? — жестким тоном спросила она.

Ответом ей был крик одного из жителей села. Музыка смолкла, но в воздухе продолжал слышаться звук, похожий на далекий стук барабанов, отдававшийся в грудной клетке.

Грей вскочил на ноги.

Ничего не понимая, Элизабет тоже встала и посмотрела в сторону холмов, пытаясь определить направление, откуда исходил звук. Но он, казалось, шел отовсюду. Затем с неба ударил свет.

Вертолеты.

— Все — обратно, к машине! — прокричал Грей.

Эйб что-то завопил на хинди, выкрикивая короткие приказы; мужчины и женщины стали разбегаться в разные стороны. Элизабет закрутило в водовороте тел. Потеряв ориентацию, она оглядывалась по сторонам, пытаясь определить, куда побежали ее товарищи.

Словно пикирующие ястребы, три вертолета метнулись к деревне, а затем разделились и вышли на цель с трех разных сторон. Элизабет бежала, задрав голову к небу. Она споткнулась и стала падать, но в этот момент огромная рука подхватила ее и поставила на ноги.

— Осторожнее, крошка, — пробасил Ковальски и потащил ее за собой.

Он неся вперёд, рассекая бушующее вокруг них человеческое безумие, подобно катящемуся с горы валуну.

Расположившись по периметру поселка, вертолеты зависли. Из дверей были выброшены веревки, и, раньше чем их концы долетели до земли, по ним заскользили черные, обвешанные оружием фигуры в шлемах.

Им ни за что не добежать до машины!

20 часов 38 минут

Припять, Украина

Николай закрыл сотовый телефон. И так, одной проблемой меньше. Он пошел по коридору к залу приемов. Оттуда гремела музыка. Звучали фрагменты оперы русского композитора Римского-Корсакова «Снегурочка».

Он провел ладонями по бокам своего смокинга. Николай один был облачен в столь экстравагантный наряд, остальные пришли в обычных деловых костюмах. Этот кашемировый смокинг от Бриони, с шелковыми лацканами и на одной пуговице, он приобрел в Милане, а выбор его был продиктован тем, что в тридцатые и сороковые годы точно такой же носил герцог Виндзорский. Этот аристократический наряд не очень вязался с стилистикой речей Николая, но он подправил свой облик, отказавшись от галстука-бабочки, который также плохо сочетался с его коротко подстриженной бородкой, и повязал вместо него шелковый плиссированный галстук с заколкой из бриллианта в оправе русского серебра.

Сознавая, что прекрасно выглядит, Николай вошел в балльную залу.

Новые мраморные полы сияли в свете дюжины хрустальных люстр «Баккара», бесплатно предоставленных этой фирмой в связи со столь знаменательным событием. Столы расставили кругом, а пустое место внутри было предназначено для танцев. Сейчас там никого не было, но настоящие «танцы»

уже начались. Толпа, подобно закипающей похлебке, клубилась медленными водоворотами, в центре каждого из которых находилась та или иная важная политическая персона. На нее были обращены взгляды окружающих, жаждущих благосклонного кивка, ожидающих подходящего момента для того, чтобы обменяться хотя бы парой слов, шепнуть что-то на ухо.

Больше всего людей собралось вокруг премьер-министра России и президента США. Каждый из них нуждался в максимальном количестве союзников в преддверии переговоров о мерах по сдерживанию нарастающей ядерной опасности. Саммит, посвященный этой проблеме, должен был пройти в Санкт-Петербурге сразу же после сегодняшнего мероприятия. Церемония установки нового саркофага в Чернобыле рассматривалась в качестве символического начала этих переговоров.

Николай смотрел на двух мировых лидеров, окруженных морем людей. Он намеревался нырнуть в эти воды и, ввиду своей популярности и авторитета в области ядерных реформ, не сомневался, что они расступятся перед ним.

Должен же он хотя бы пожать руки тем двоим, которых собирался убить!

Но прежде чем подойти к ним, он направился к Елене. Она стояла возле одного из арочных окон. Тяжелые шелковые шторы красиво обрамляли и окно, и женщину. Ее гибкая фигура была, словно нефтяной пленкой, облита тонким черным платьем. Как будто идол Голливуда вернулся к жизни. В руке у нее был тонкий и длинный бокал с шампанским, о котором она, казалось, забыла. Женщина смотрела в темноту за окном.

Николай подошел к ней.

За городскими руинами вспыхивали и гасли огни электросварки. Бригады рабочих будут трудиться всю ночь, монтируя трибуны, на которых разместятся гости, чтобы наблюдать за установкой нового саркофага. За этим событием будет следить весь мир, так что все должно пройти без сучка без задоринки.

Николай прикоснулся к ее руке. Она не вздрогнула от неожиданности, поскольку видела его отражение в окне.

Его сладостный, желанный «Распутин».

— Скоро все будет кончено, — прошептал он ей на ухо.

Как сообщили его люди, фугасы дистанционного действия уже установлены там, где планировалось. Их ничто не остановит.

20 часов 40 минут

Пенджаб, Индия

Выстрелы загревели еще до того, как Грей добежал до границы поселка. Ответом на них стали новые крики и плач. В небе воздух колотили лопастями вертолеты. Он прижался спиной к каменной стене. За огнями двух костров он видел «мерседес», стоящий на крае светлого круга.

По открытому пространству, низко пригибаясь, бежал солдат в черной форме спецназа и с автоматом на плече. Другие, должно быть, уже заняли позиции по периметру поселка, блокировав его. Затем круг вооруженных людей начнет сжиматься, неся смерть каждому, кто окажется в лабиринте кривых улочек.

Грей понимал: единственным спасением для жителей поселка мог быть побег его группы, которая отвлечет на себя охотников. Сделать это нужно до того момента, когда кольцо сомкнется. Он протянул руку назад, где стояла Розауро.

— Ключи!

Ключи упали ему в ладонь. Однако у Розауро была для него еще одна плохая новость:

— Ковальски и Элизабет... Их нет.

Грей оглянулся. В безумной гонке по узким переулкам он не заметил, что двое из них отсутствуют.

— Найди их! — приказал он Розауро. — Сейчас же!

Женщина кивнула и метнулась вбок.

Грей перевел взгляд на Луку.

— Охраняй профессора. И держись незаметно.

Цыган кивнул. В его руках блеснули кинжалы.

Грей больше не мог ждать.

Низко пригнувшись, он выбежал на открытое пространство.

Элизабет бежала следом за Ковальски по кривой улице. По одной ее стороне тянулась зловонная сточная канава.

— Бежим вдоль нее, — сказала Элизабет. — Она выведет нас из поселка.

Ковальски кивнул на бегу и свернул, следуя изгибам улицы. В его мясистой лапе был зажат пистолет.

— У вас есть еще один пистолет?

— А ты умеешь стрелять?

— Стреляла по тарелочкам. В колледже.

— Это примерно то же самое. Только мишени — больше.

Ковальски сунул руку под пиджак, достал небольшую «беретту» с синеватым отливом и не глядя сунул ее Элизабет. Та крепко вцепилась в рукоятку, словно надеясь почерпнуть в оружии силы.

Низко над их головами пролетел один из вертолетов. Поток воздуха от его винтов взметнул с земли опавшие листья и мелкий мусор. Чтобы не быть замеченными, они юркнули в оказавшуюся рядом глинобитную хижину. Элизабет увидела испуганные глаза нескольких ребятишек, прятавшихся за низкой лежанкой.

После того как вертолет улетел, Ковальски потащил ее к выходу, но внезапно толкнул обратно. Мимо дверного проема по улице прошел солдат в черном. Военные, видимо, двигались в глубь деревни. Ковальски осторожно выглянул наружу и махнул ей рукой.

— Двинем к холмам.

Сделав еще два поворота, они оказались на прямом отрезке дороги, который выходил к холмам за пределами поселка. Впереди лежали мертвые тела, кровь из них стекала в придорожную канаву. Один из убитых был в черной форме и шлеме.

Ковальски остановился возле него, наклонился и взялся за шлем солдата.

«Хочет замаскироваться, — подумала Элизабет. — Вот это правильно!»

Однако, когда великан потянул за шлем, вместе с ним от мертвеца отделилась вся голова, оказавшись в руках американца. Ковальски отшвырнул ее в сторону, в ужасе отшатнулся назад и наткнулся на Элизабет. Они вместе упали на землю.

Позади них возникла черная тень.

Еще один солдат.

Она подняла пистолет и стала беспорядочно стрелять. Не попадая в цель, пули крошили камень и рикошетили от стены, но этого оказалось достаточно, чтобы солдат шарахнулся назад и вновь скрылся за углом. За спиной Элизабет громоподобно, словно пушка, заговорил пистолет Ковальски. Она со страхом оглянулась и увидела в противоположном конце улицы еще двоих солдат.

Их взяли в клещи.

Грей выскочил из улицы на открытое пространство и нырнул под груженную мусором телегу, которая все еще стояла у одного из костров. Под укрытием телеги он подполз к костру. Если выстрелы и грохот вертолетных двигателей не спугнули вола, это сделает он, Грей, подпалив скотине задницу.

В буквальном смысле.

Вытащив из костра горящий кусок автомобильной крыши, Грей кинул его в кучу мусора, наваленного на телегу. Затем, зажав в руке горящую ветку, забрался под телегу и ткнул ею вола в прямо в филейную часть, после чего бросил ветку и ухватился обеими руками за ось телеги. Животное, взревев от боли, лягнуло телегу задними ногами и рванулось вперед. Оно несло по направлению к холмам, таща за собой телегу, с которой сыпались куски горячей ветоши и прочей дряни.

Грея мотало в разные стороны, и он крепко держался за ось телеги, стараясь не попасть под огромные деревянные колеса.

Наконец вол с телегой достигли холмов и на полной скорости форсировали сточную канаву.

В тот же миг Грей отпустил ось телеги и плюхнулся в канаву, наполненную дождевой водой и нечистотами. Телега продолжала нестись вперед, напоминая горящий метеор, летящий в неведомую даль. Грей надеялся, что это зрелище отвлечет от него внимание возможных наблюдателей.

В темноте он пополз по зловонной канаве, опоясывавшей поселок, по направлению к «мерседесу». Дождавшись того момента, когда ближайший к нему вертолет ушел в сторону, он выбрался из зловонной канавы и, пригибаясь, побежал к джипу.

В машину нужно будет забраться очень быстро, поскольку, когда он откроет дверь, в салоне загорится лампочка и его могут обнаружить.

Ждать больше было нельзя.

Оказавшись в западне между двух огней, Элизабет стала искать выход и нашла его — открытое окно, всего в нескольких шагах от них.

Толкнув Ковальски, она указала на него.

— Вперед! — прорычал тот.

Она нырнула в окно и, крепко сжимая пистолет, неловко упала на грязный пол. Комната была совершенно пустой. Едва Элизабет успела откатиться в сторону, как на то место, где она только что находилась, с грохотом брякнулась туша Ковальски. В пол у ее ног ударили пули. Послышался топот ботинок.

— Дверь! — крикнула она.

В стене напротив окна располагался низкий дверной проем, выходящий на другую улицу. Она и Ковальски одновременно выскочили наружу...

...И столкнулись лицом к лицу с еще четырьмя солдатами.

Окруженные со всех сторон, Элизабет и Ковальски приготовились принять бой, но не успели они сделать и выстрела, как на их противников обрушился стальной шквал. Они инстинктивно подались назад. Один из солдат направил пистолет на

атакующих, но в тот же миг стальной клинок обрушился на его запястье и отсек кисть руки с такой легкостью, как будто она была из пластилина. Другой упал на колени, схватившись обеими руками за горло, из которого фонтаном хлестала кровь. Через несколько секунд все четверо, иссеченные клинками, лежали на земле.

Спасителями оказались трое мужчин — Эйб и двое жителей поселка.

В руках у них было уникальное оружие, встретить которое можно только в Индии. Уруми, знаменитый индийский меч-плеть. Обоюдоострое лезвие шириной около дюйма и длиной в полтора метра было столь гибким, что его можно было свернуть, как пружину. Легкое движение запястьем — и лезвие распрямлялось. Воины носили такие мечи свитыми вокруг пояса. Отец как-то показывал Элизабет технику владения этим оружием, являющуюся составной частью боевого искусства каларипайятту.

— Идемте, — сказал Эйб. — Ваши друзья — там.

Он повел их обратно в поселок. Они шли причудливым путем, то обходя дома и хижины, то проходя сквозь них. Иногда, доходя до конца очередной постройки, Эйб хлестал мечом, чтобы либо ослепить, либо искалечить противника, прятавшегося за углом. Затем он и его соплеменники выпрыгивали, чтобы довершить дело.

Ковальски наблюдал за этой бойней горящими глазами.

— Если они обладают таким оружием, неудивительно, что их называют неприкасаемыми, — заметил он. — Попробуй прикоснись к такому! Надо и мне обзавестись такой же штукой.

После того как Эйб в очередной раз наугад хлестнул своим мечом за угол, оттуда послышался удивленный женский вскрик.

— Ой, прошу прощения! — проговорил индус.

Из-за угла, прижав ладонь к щеке, появилась Розауро. Из-под ее пальцев текла кровь. Увидев Элизабет и Ковальски, она округлила глаза от удивления.

— Слава богу, я вас нашла! — воскликнула она. — Поспешим!

Вся группа двинулась следом за ней.

После нескольких минут блужданий по закоулкам деревни в конце очередной улицы их взорам предстали два знакомых костра и Лука, помахававший им рукой. Элизабет увидела и профессора, прятавшегося в густой тени позади цыгана.

Но где же Грей?

Ответом ей было низкое рычание автомобильного двигателя, заработавшего на окраине поселка.

— Приготовьтесь! — велела Розауро, по лицу которой текла кровь.

«Приготовиться к чему?» — мелькнуло в мозгу Элизабет.

Грей включил первую передачу и вдавил в пол педаль газа. Полноприводный автомобиль рванулся вперед и пушечным ядром пронесся между двумя кострами.

Впереди появился вертолет. Грей сразу сообразил, что он не имеет бортовых пулеметов, но в «вертушке» наверняка был кто-то с автоматом в руках. Он резко нажал на тормоз и тут же убедился в своей правоте: автоматная очередь взбила грязь прямо перед передним бампером машины.

Он включил заднюю передачу, снова надавил на газ, и «пятьсот лошадей» потащили машину в противоположном направлении. Затем Грей, не снижая скорости, резко крутанул руль, и машина, накренившись и встав на два левых колеса, развернулась на сто восемьдесят градусов. После того как джип обрел равновесие, Грей снова погнал машину задним ходом и дернул рукоятку, открывающую дверь багажного отделения. На панели приборов вспыхнула красная сигнальная лампочка, и гидравлический механизм распахнул дверь. «Мерседес» вновь проскочил между кострами, расшвыряв в стороны горящий мусор.

Резко затормозив, Грей едва не сбил Розауро, которая кинулась к машине вместе со своими спутниками. Один за дру-

гим они стали запрыгивать в багажное отделение. Первые тут же переваливались через заднее сиденье, пробираясь вперед, чтобы освободить место оставшимся. Грей увидел бритую бульдожью голову. Они нашли Ковальски.

И Элизабет — тоже.

В данный момент она лежала на заднем сиденье, придавленная гигантом.

— Поехали! — крикнула сзади Розауро.

Грей надавил на газ и, дернув рычаг, закрыл заднюю дверь.

Впереди возникли два вертолета и устремились к машине с разных сторон. Две линии трассирующих пуль располосовали густую грязь.

«Мерседес» зигзагами несясь вперед. Вертолеты неотступно следовали за ним.

Позади них, в поселке, послышалась новая волна выстрелов. Стреляли по вертолетам. Должно быть, кто-то из индусов забрал у убитых оружие и теперь прикрывал их отход. Один из снайперов, сидевших в вертолете, вывалился из люка и грохнулся на землю. Вдребезги разлетелся прожектор вертолета. Вторая «птичка» сделала вираж и ушла в сторону.

«Мерседес» наконец добрался до холма. Грей, не включая фар, продолжал вдавливать педаль газа в пол. Он пытался ехать тем же путем, которым промчался вол с горящей телегой, надеясь на то, что полноприводный джип не завязнет на грязном склоне.

Грей гнал внедорожник подальше от света костров, в накалывающуюся темноту ночи. Вверху все так же деловито лопотали винты двух вертолетов. Установленные на них прожекторы шарили по земле лучами ослепительного света, пытаясь нащупать машину беглецов. Третий завис над окраиной поселка и, снова сбросив тросы лебедек, поднимал на борт уцелевших бойцов.

— Это русские, — сообщила Розауро, подавшись вперед.

— Русские?

— Мне так показалось. Эти солдаты были вооружены автоматами АН девяносто четвертыми.

Оружие элитных подразделений российского спецназа.

В зеркале заднего вида Грей заметил встревоженное выражение, появившееся на лице Мастерсона. Сначала — команда американских наемников, теперь — русский спецназ... сколько же людей желают отправить этого «ботаника» на тот свет? Впрочем, с ответом на этот вопрос пока можно было подождать.

Вертолеты продолжали сокращать дистанцию. Первая часть плана — вывезти группу из поселка и оторваться от вражеских спецназовцев — успешно выполнена, но что теперь?

— У подножия следующего холма поверните направо, — послышался сзади голос, говоривший с сильным британским акцентом.

Грей посмотрел в зеркало и увидел, что у них пополнение. Абхи Бханджи.

— Он знает, куда нужно ехать, чтобы избавиться от хвоста, — пояснила Розауро.

Выбив колесами воду из огромной лужи у подножия нового холма, Грей резко свернул направо и погнал джип по мокрой долине.

— Теперь налево и вдоль забора! — крикнул Эйб.

Какого еще забора?

Езда в сумерках и с выключенными фарами давала мало возможностей что-либо рассмотреть. Если бы было светлее...

Над ними пролетел вертолет, ощупывая землю лучом прожектора. Это было совсем не то, чего хотелось бы Грею, однако прожектор «вертушки» в данном случае оказался полезен, поскольку осветил тянущуюся впереди ограду из дикого камня. К сожалению, он осветил и их машину.

Загребели автоматы. Пули ударили в воду и в багажник машины.

Не тормозя, Грей достиг ограды и резко свернул налево. Даже несмотря на четыре ведущих колеса, зад внедорожника занесло на скользком покрытии из грязи и воды. Однако прожекторы тут же снова вцепились в землю, и они, выбравшись из воды, понеслись вверх по склону нового холма.

Вертолет сделал широкий разворот, однако луч прожектора не выпускал «мерседес» из пятна яркого света, следя за всеми его перемещениями. Оказавшись на вершине холма, автомобиль на несколько секунд взлетел в воздух, а потом приземлился с такой силой, что у Грея щелкнули зубы.

У подножия холма раскинулось темное море, разделившее серый ландшафт. Но это была не вода, а масса деревьев.

— Манговая роща, — сообщил Эйб. — Очень старая ферма. Очень старые деревья. Ее возделывали многие поколения моей семьи.

Грей направил внедорожник в сторону темной рощи.

Луч света последовал за ним. Автоматный огонь возобновился, но Грей вел машину зигзагами, делая прицельную стрельбу невозможной. В них больше не попало ни одной пули.

И вот, взревев напоследок мотором, их машина влетела в манговую рощу. Деревья здесь росли идеально ровными рядами, их ветви образовывали непроницаемый свод. Они стали невидимы для убийц из вертолета. Поняв это, те выключили прожектор, и воцарилась кромешная темнота. Грей сбросил скорость, но не остановил машину, сделав еще несколько поворотов и проехав некоторое расстояние перпендикулярно их прежнему курсу. Стук вертолетных лопастей затих, но Грей продолжал ехать, как беглый преступник, мчащийся в глубь кукурузного поля.

— Насколько велика эта роща? — спросил он, пытаясь рассчитать, как долго им удастся прятаться здесь.

— Более десяти тысяч акров.

Да, это «кукурузное поле» было очень большим.

Теперь, когда опасность миновала, все перевели дух и стали устраиваться на сиденьях поудобнее. Розауро наклонилась вперед.

— Есть еще одна причина, по которой Эйб настоял на том, чтобы поехать с нами.

— Какая же?

Она подняла руку с монетой, зажатой между большим и указательным пальцами. Это была греческая монета с симво-

лом чакры на обратной стороне. Розауро указала на изображение храма.

— Он знает, где находится это место.

Грей посмотрел в зеркало. Абхи Бханджи сидел рядом с Лукой, и даже в темноте было видно выражение страха на его лице. Грей вспомнил, что ответил индус на вопрос о том, куда отправился отец Элизабет, покинув поселок.

В гиблое место.

6 сентября, 22 часа 26 минут

Южноуральские горы

Монк нес дежурство.

Натянув просохшую одежду и согрев кости возле печки, он обошел избушку, ступая как можно осторожнее. Ботинки он надел, но шнурки завязывать не стал. Перед тем как дети завернулись в одеяла, он также заставил их натянуть высохшую верхнюю одежду и обувь. Если им вдруг придется срочно уходить, не надо будет возиться с одеванием.

Константин и Киска лежали, прижавшись друг к другу. Спящие, они выглядели совсем детьми, особенно Константин, который обычно благодаря взрослой манере поведения и речи казался старше своих лет. Но теперь, когда он расслабился во сне, Монк, взглянув на него, понял, что мальчику не больше двенадцати.

Проходя мимо них, Монк двигался с особой осторожностью. Он уже знал наперечет все скрипучие половицы и старался не наступать на них.

Петр лежал рядом со старой шимпанзе, заботливо обнявшей его. Она спала сидя, свесив голову на грудь и глубоко дыша во сне. Чуть раньше Петр пережил приступ паники, испугавшись за свою сестру-близняшку. Монк доверял инстинктам мальчика, но помочь ему в данной ситуации было невозможно. Петру понадобилось больше часа, чтобы окончательно успокоиться, но после этого он обессилел окончательно. Наконец он уступил усталости и заснул под заботливым присмотром Марты.

Однако, как бы осторожно ни ступал Монк, когда проходил мимо них, Марта подняла голову и посмотрела на него сонными, затуманенными глазами. Затем ее веки опустились, а голова вновь упала на грудь.

«Продолжай присматривать за ним, Марта».

Хоть одно существо любило этих детей!

Монк вернулся к своему посту. Он предусмотрительно подпер дверь перевернутым набок столом, а рядом с ним поставил стул, на который сейчас и опустился с усталым вздохом.

Он прислушивался к ночным звукам: бульканью воды, лягушачьему кваканью, стрекотанию сверчков и редкому уханью совы, вылетевшей на охоту. Его немного напугали звуки, с которыми мимо избушки пробиралось какое-то большое существо, но, приоткрыв ставни и выглянув наружу, он обнаружил, что это всего лишь покрытый грязью кабан, рыскающий по островку в поисках съестного. Монк не стал прогонять клыкастого зверя, решив, что тот может послужить им в качестве охранника, но дикий хряк вскоре удалился.

Звуки болота убаюкивали, и вскоре голова Монка свесилась на грудь. Он закрыл глаза всего на несколько минут.

...Ты снова опаздываешь, Монк! Потопорнись!

Он резко поднял голову, ударившись затылком о внутреннюю часть столешницы. Череп пронзила боль. Но не от удара. Ее источник находился глубже. На мгновение он ощутил вкус... корицы — согревающий и пряный. А еще щекочущее ощущение чьего-то шепота на своих губах. И — запах.

В следующий миг видение растаяло.

Всего лишь сон?

Нет, Монк знал, что это не так. Как только ледяные иглы боли вышли из его мозга, он распрямил спину и пощупал швы у себя за ухом.

«Кто я?»

Константин описал тонущий корабль, сеть с грузилами и его спасение из морской пучины. Он был моряком? Или пассажиром? Внутри его сознания не было ответа. Только темнота.

Монк посмотрел через комнату и увидел пару глаз, глядящих на него. Петр не шевелился. Он просто смотрел на Монка. Видимо, мальчика разбудил стук, раздавшийся, когда Монк ударился головой о стол.

А может, что-то другое.

Их взгляды встретились, и в глазах мальчика он различил грусть — слишком глубокую для такого малыша. Это была не просто печаль или страх. На маленьком личике читались беспомощность и отчаяние, которым не должно быть места в сознании ребенка.

Мальчик дрожал, и Марта почувствовала это. Она негромко заухала, обернулась и посмотрела на Монка. Тот встал и подошел к ним.

В отсветах огня, горевшего в печке, лицо Петра казалось белым как полотно. Монк прижал ладонь к его лбу.

У мальчика был жар. Он буквально пылал.

Не хватало ему только больного ребенка!

Будет ли этому конец?

Ответом на его безмолвный вопрос стал дикий рев. Начавшись как глухое горловое рычание, он за доли секунды набрал полную силу. Он напомнил Монку звук работающей на предельных оборотах бензопилы.

С противоположной стороны послышался рев второго зверя.

Эти жуткие звуки заставили Константина и Киску вскочить на ноги.

Все произошло совершенно неожиданно. Монк не слышал никаких звуков, которые выдали бы приближение тигров. Их появление стало неожиданностью даже для Петра. То ли из-за высокой температуры, то ли из-за усталости его удивительный дар, вопреки надеждам Монка, не сработал.

Избушка не могла служить надежной защитой. Тигр — три с половиной центнера сплошных мускулов — мог легко выбить хлипкую дверь или, запрыгнув на крышу, в считанные секунды проделать в ней дыру. Но пока они с рычанием кружили вокруг избушки, примеривались.

Константин напомнил им еще об одной опасности. Даже если тигры не попытаются ворваться в избушку, вслед за ними обязательно придут другие охотники — двуногие. Поэтому они не могли оставаться здесь, как мыши в мышеловке под присмотром тигров.

Поскольку выбора не оставалось, они начали действовать.

Монк вытащил из-за пояса длинный нож с острым концом, который они нашли в шкафу, и зажал его деревянную рукоятку зубами. Затем он подошел к печке и сунул в очаг конец длинной палки, которую еще раньше выстругал из ствола молодой сосенки и заострил. Смолистое дерево вспыхнуло почти сразу, и через минуту Монк держал в руке полуметровый факел-копье.

Затем он поспешил в противоположный конец комнаты и использовал факел, чтобы поджечь внутреннюю часть соломенной крыши. Монк также вылил на тряпки остатки керосина из лампы, рассовал их под стрехи и тоже поджег.

Огонь занялся быстро.

Огромные кошки были на высоких октавах, и их крики резали ночь словно зазубренными ножами.

Позади Монка Константин отодрал две сосновые поперечные доски. Монк все тем же ножом заранее наполовину вытащил старые гвозди и ослабил доски. Поскольку изба стояла на коротких сваях, между ее днищем и землей оставалось пустое пространство — слишком узкое для Монка, но достаточное для того, чтобы под избушкой смогли проползти дети и Марта.

Тем временем Киска, находившаяся возле единственного окна избушки, расположенного напротив двери, отворила деревянные ставни и настежь распахнула окно.

Монк отшвырнул стол от двери.

Все готово. Медлить больше нельзя. Он подал своим маленьким спутникам знак спускаться. Дым уже заполнил верхнюю часть домика, сверху накатывались волны жара.

Марта помогла Петру спуститься в отверстие в полу. Следующей была Киска. Константин, прежде чем нырнуть в ды-

ру, посмотрел на Монка. Проснувшись, старший из детей уже не выглядел ребенком, а вновь превратился в сурового и решительного молодого человека.

— Будь осторожен, — попросил он Монка, прыгнул в дыру и исчез.

Задача Монка заключалась в том, чтобы отвлечь тигров от детей. Горящая крыша и дым собьют их с толку, а Монк должен усилить этот эффект. Сжимая факел в руке, он досчитал до десяти, а затем изо всех сил ударил ногой в покособившуюся дверь. С хрустом ломающихся досок она открылась нараспашку и громко ударилась о внешнюю стену избушки. Всего в метре от него присел на все четыре лапы тигр. Огромная лапа с когтями-кинжалами царапнула воздух, словно пытаясь схватить человека.

Тигриный эквивалент человеческого ругательства.

Полсекунды понадобилось Монку, чтобы рассмотреть зверя. Это была махина двух с половиной метров в длину: красно-оранжевая шкура с черными полосами, янтарные глаза, в которых плясало отражение огня, полыхавшего на крыше, открытая пасть и розовый язык в клетке из огромных клыков.

Монк взмахнул палкой, описав в воздухе огненную дугу. Его сердце колотилось охотничьим барабаном, и этот ритм тянулся в доисторические времена, когда люди выходили на охоту из пещер.

Как и рассчитывал Монк, громкий удар двери привлек к входу в избушку второго тигра. Тот выпрыгнул из-за левого угла домика и прильнул к земле смутным пятном полосатой шкуры и массивных лап.

Тигр пополз к нему, и Монк ткнул горящим копьём ему в морду. Запахло паленой шерстью, огромная кошка взвыла и метнулась в сторону.

Монк заметил рваное левое ухо тигра и понял: это Захар.

Аркадий взревел и, намереваясь защитить брата, присел, готовясь к прыжку.

Монк понимал: зверь кинется на него, невзирая на факел. Отведя руку назад, он, как копьё, метнул горящую палку в тиг-

ра и угодил точнехонько в раззявленную пасть. Зверь подскочил вертикально вверх, плюясь и извиваясь от боли.

Монк выхватил изо рта нож, развернулся на пальцах ног и метнулся обратно в избушку. На мгновение оглянувшись, он увидел, что следом за ним летит гигантская туша Захара.

Задохнувшись от ужаса, Монк нырнул в дым, уже целиком заполнивший избушку. Дым и обжигающе горячие частицы сажи ослепили его, но Монк доверился инстинктам. Он помнил: окно расположено прямо напротив двери. И впрямь, отчаянно моргая и вытирая текущие из глаз слезы, он увидел темный квадрат на фоне пылающей стены.

Он нырнул в него, как в бассейн, вытянув руки перед собой.

Монк прицелился верно, но не смог учесть одного — того, что тигр успеет достать его. Сомкнув зубастую пасть, зверь, словно дворовая собака, вцепился в его штанину. Ткань с треском порвалась, но тело Монка дернулось и изменило траекторию полета. Он врезался плечом в оконную раму, и рука тут же утратила способность чувствовать. Однако сила инерции все же выбросила его из окна, и он упал на землю — задыхаясь и не в силах пошевелиться. Нож вылетел из его онемевшей руки и, описав дугу, упал в заросли травы.

Позади него Захар, не вписавшись в оконный проем, врезался в стену с такой силой, что вся избушка содрогнулась. Языки пламени взлетели еще выше. Дикий рев, полный ярости, заставил Монка вскочить на ноги. Он сделал шаг, споткнулся, а затем, обретя равновесие, побежал прочь от избушки по направлению к воде.

Именно то, что Монк споткнулся, стало для него приговором.

14 часов 20 минут

Вашингтон, округ Колумбия

— Ее теперешнее состояние представляет собой одну из форм менингита, — признал доктор Юрий Раев.

Пейнтер сидел по другую сторону ресторанного столика, прямо напротив пожилого русского ученого. По обе стороны

от доктора Раева расположились Джон Мэпплторп, которого Пейнтер узнал благодаря тому, что предварительно просмотрел досье, подготовленное Шоном Макнайтом, и вовсе уж удивительный гость — доктор Трент Макбрайд, считавшийся пропавшим коллегой Арчибальда Полка.

Значит, он все же отыскался.

Пейнтер хотел бы задать ему тысячу вопросов, но эта встреча в «Капитолийском гриле» была организована разведывательным сообществом и проходила в рамках жестко оговоренного регламента. Никакие разговоры относительно Арчибальда Полка были недопустимы. По крайней мере, сейчас. Единственное, о чем они могли разговаривать, — это состояние здоровья девочки.

Поэтому Пейнтер привел на переговоры собственных экспертов. Справа и слева от него сидели Лиза и Малкольм. Эти двое имели достаточно солидную медицинскую подготовку, чтобы разобраться в достоверности информации, которую им подсовывают.

Русский, сидевший напротив, выглядел больным и вовсе не походил на чудовище, которым представлял его Пейнтер, готовясь к этой встрече. Этот мужчина в темном помятом костюме был похож на доброго дедушку, но в его глазах читалось загнанное выражение. Пейнтер также ощутил тревогу в его душе, стоило им заговорить о девочке. Когда Раев просматривал медицинский отчет о состоянии ребенка, составленный Лизой, морщины на его лице будто стали глубже. Пейнтер чувствовал, что к сотрудничеству русского подтолкнуло искреннее беспокойство за жизнь девочки.

— Ухудшение состояния связано с повышением ее активности, — продолжал Юрий. — Мы, правда, до сих пор не понимаем, почему именно. Микроэлектроды устройства представляют собой углеродно-платиновые нанотрубки. По нашему мнению, чем интенсивнее субъект использует свой талант, тем быстрее они изнашиваются. Много ли рисовала Саша за то время, что находилась у вас?

Пейнтер вспомнил лихорадочно сделанные рисунки девочки: конспиративная квартира, Тадж-Махал, портрет Монка...

— Как она себя ведет, когда рисует?

Мэпплторп протестующе поднял руку.

Его голос был маслянистым и словно специально предназначенным для того, чтобы обходить острые углы и избегать правды.

— Вы сами знаете, что этот вопрос выходит за дозволенные рамки нашего разговора. Вы ходите по тонкому льду, директор Кроу.

Это возражение показалось Пейнтеру весьма интересным, но Юрий, не обращая внимания на обоих, решил ответить на вопрос.

— Она является савантом потрясающей силы, — заговорил он. — Ее талант сочетает в себе способности дальновидения и живописи, а будучи стимулированы, они достигают...

— Довольно! — отрезал Мэпплторп. — Или мы немедленно уйдем. А вы пришлете нам тело девочки после того, как она очочурится.

Лицо Юрия потемнело, но он промолчал.

Лиза попробовала вернуть его в русло разговора.

— Почему использование способностей Саши ведет к ее утасанию? — спросила она.

— Будучи стимулированным, — виновато заговорил Юрий, — интерфейс между органикой и неорганикой начинает давать утечку.

Малкольм дернулся.

— Что значит «утечку»?

— Наши специалисты полагают, что наночастицы срываются с концов микроэлектродов и отравляют спинномозговую жидкость.

Теперь на стуле заерзала Лиза.

— Неудивительно, что все сделанные нами анализы дали отрицательный результат. Ее менингит не является ни бактериальным, ни инфекционным. Он вызван бомбардировкой инородными телами.

Юрий кивнул.

— И для того, чтобы излечить ее, мы должны купировать это отравление? — высказала догадку Лиза.

— Да. Нам понадобилось много лет, чтобы разработать систему превентивного лечения. В настоящее время мы применяем усовершенствованный препарат, который используется для химиотерапии при раке мочевого пузыря. Цисплатин. Моноатомная платина связывает отбившиеся наночастицы и нейтрализует их. Чтобы определить необходимую комбинацию и дозировку лекарств, мне необходимо осмотреть девочку и немедленно сделать свежие анализы крови.

Пейнтер заметил, как напряженно сжались губы Макбрайда. Похоже, тому не нравилось, что он находится в зависимости от доктора Раева. Но если русский говорит правду, он необходим для того, чтобы девочка выжила.

Под столом на колене Пейнтера, скрытая скатертью, лежала ладонь Лизы. Они находились на нейтральной территории, в Полотняном зале ресторана «Капитолийский гриль» — заведения, известного тем, что за его столиками было заключено немало важных сделок. Весь зал был отдан в их распоряжение, а остальная часть ресторана практически пустовала. Скорее всего, это было организовано Мэпплторпом с тем, чтобы им никто не мешал.

Пальцы Лизы стиснули колено Пейнтера. Таким способом она давала ему понять, что верит Раеву. Пейнтер также заметил, что русский и двое его спутников, судя по всему, находятся по разные стороны баррикад. Можно ли обернуть это обстоятельство в свою пользу?

Заговорил Макбрайд.

— Все необходимые лекарства, о которых говорит доктор Раев, у нас имеются. Если вы привезете девочку в больницу, мы можем начать лечение немедленно. Вам необходимо доставить ее в Военно-медицинский исследовательский институт Уолтера Рида.

«Близко, но мимо, приятель», — подумал Пейнтер и отрицательно покачал головой.

Его поддержала Лиза.

— Она сейчас слишком слаба, чтобы ее перевозить. Нам с трудом удалось зафиксировать развитие ДВС-синдрома на текущем уровне. Любой стресс дестабилизирует ее состояние, и тогда выздоровление будет невозможным.

— В таком случае пустите к ней меня, — попросил Юрий.

Пейнтер понимал: переговоры подошли к решающей точке. Будущее ребенка представляло собой щекотливую тему, девочка стала предметом политического и экономического торга. Он оставил девочку под присмотром Кэт и Шона, который, будучи руководителем УППОНИР, задействовал все скрытые от посторонних глаз рычаги. Нынешняя встреча являлась лишь вершиной политического айсберга.

У Пейнтера не оставалось иного выхода, кроме как привести Юрия к девочке, рассекретив при этом «Сигму». К сожалению, это было известно и Мэпплторпу. Однако по тому, как они вели себя сейчас, по их реакции на те или иные реплики было ясно: Мэпплторп ни за что не позволит, чтобы Юрий отправился к девочке один.

— Доктора Раева может сопровождать только один человек, — сказал Пейнтер.

Мэпплторп неверно истолковал это ограничение.

— Если вы боитесь рассекретить свое местоположение, то можете не волноваться. Нам и так известно, где расположена штаб-квартира «Сигмы» — под зданием Смитсоновского замка.

Пейнтер понимал, что должен держать себя в руках, но тем не менее внутри его поднялась злая волна. Мэпплторп охватил своими щупальцами весь разведывательный мир Вашингтона. Шон предупреждал Пейнтера: этому субъекту не понадобится много времени, чтобы узнать, кто вовлечен в дело и где они располагаются. И все же, несмотря на все свои связи, в святая святых «Сигмы» Мэпплторп доступа не имел. Без сомнения, этот тип пытался втихаря подобрать ключи к двери «Сигмы», а задача Пейнтера заключалась в том, чтобы не впустить его внутрь.

— Будет так, как я сказал, — бесстрастно произнес Пейнтер. — Я разрешаю, чтобы доктора Раева сопровождал только один человек.

Он перевел взгляд с одного мужчины на другого и обратно. Макбрайд поднял руку.

— Пойду я. Я смогу помочь доктору Раеву.

По тому, как русский закатил глаза, было ясно, что его подобная перспектива вовсе не прельщала.

Мэпплторп посмотрел на Пейнтера тяжелым взглядом, а затем сказал:

— Но за согласие сотрудничать с вами мы потребуем кое-что взамен.

— Что именно?

— Вы можете оставить девочку у себя, но в обмен на наше сотрудничество мы намерены предъявить вам некоторые условия. После того как она поправится, вы должны обеспечить нам свободный доступ к ней. Она является важным источником информации, который мы не собираемся выпустить из рук. Это вопрос национальной безопасности.

— Не надо размахивать знаменами перед моим носом, — проговорил Пейнтер. — Ваше «сотрудничество» заключалось в том, что вы сделали с ребенком черт знает что. Нечто, выходящее за грань любых человеческих понятий о гуманности.

— Мы всего лишь финансировали и обеспечивали научную поддержку этих исследований. Проект находился в конечной стадии развития. Если бы не наше «сотрудничество», как вы иронично высказываетесь, наша страна оказалась бы в серьезной опасности.

— Будет врать-то! Пересекая эту линию, вы наносите ущерб всем нам. Какую страну вы намереваетесь защищать за счет того, что мучаете ребенка?

— Вы что, действительно так наивны, Кроу? Выгляните в окно. Там — новый мир!

— Ни черта подобного! Когда я в последний раз выглядывал в окно, то увидел все ту же планету, вращающуюся вокруг того же солнца. Дело в другом: в том, как мы себя ведем, ка-

кие рубежи готовы пересечь. Сейчас у нас есть возможность остановить все это.

Мэпплторп кинул на него злой взгляд. Пейнтер понял: этот человек уверен в своей правоте и не пойдет ни на какие уступки. Интересно, в чем причина подобной упертости — в ложно понимаемом патриотизме или в том, что он кутается в подобные разглагольствования, чтобы укрыться от жестокостей жизни, от собственных преступлений — слишком жестоких, чтобы их можно было оправдать?

Как бы там ни было, они оказались в тупике.

— Ну что, договорились? — спросил Мэпплторп. — Иначе мы уходим. В конце концов, есть и другие дети.

Пейнтер смотрел на своего оппонента. Чтобы вылечить девочку, нужно было — в политическом смысле — лечь в одну постель с этим гадом. Девочка не должна умереть! А что касается политических последствий, то... Разберемся после.

— Когда вы будете готовы? — медленно спросил он.

Макбрайд воспрянул.

— Мне понадобится час, чтобы забрать медикаменты доктора Раева.

— Мы будем ждать вас.

Пейнтер встал, давая понять, что разговор окончен. Мэпплторп тоже поднялся и протянул ему руку, как если бы они только что заключили выгодную сделку с недвижимостью. Впрочем, примерно так оно и было. Пейнтеру казалось, что он продал какую-то частицу себя.

Однако выбора у него не было. Он пожал протянутую руку.

Ладонь Мэпплторпа была холодной и сухой, а рукопожатие — крепким и уверенным.

Пейнтер отчасти завидовал чувству собственной правоты и непогрешимости, которое буквально пронизывало этого человека. Но хорошо ли ему спалось по ночам?

Они вышли из ресторана, затем из-под сине-зеленого парусинового навеса над входом и пошли по улице. Пейнтеру не давала покоя одна фраза, произнесенная Мэпплторпом.

«В конце концов, есть и другие дети...»

Что он имел в виду?

22 часа 42 минуты

Южноуральские горы

Нужно было сматываться!

Монк бежал к открытой воде. Позади него из горящей избушки рвался тигриный рев.

Захар.

Огромная кошка пыталась выбраться через окно избушки.

Монк побежал быстрее.

Впереди, на чистой от камышей воде, виднелся плот. Монк заранее позаботился об этом потенциальном средстве передвижения. С помощью ножа он очистил плот ото мха, вытащил его из зарослей камыша на открытую воду и убедился в том, что сооружение вполне пригодно для плавания. К сожалению, весел не нашлось, поэтому Монк срубил молодое деревце и, обстругав, сделал из него шест.

Там, на открытой воде, Константин, стоя на плоту, отталкивался шестом от дна. Плот уплывал все дальше.

Пусть хотя бы они спасутся!

Они заранее договорились. Выбравшись из-под избушки, пока Монк отвлекал тигров, дети должны были забраться на плот, который ждал их у берега. Монк планировал присоединиться к ним, но его «выход» из избушки прошел не совсем гладко.

Монк замешкался, и эти считанные секунды позволили второму тигру, Аркадию, выскочить из-за угла горящей хижины и кинуться на него. Тяжелые лапы ударили ему в спину. Безоружный, он мог рассчитывать только на одно...

Бежать!

Обретя равновесие, он по-спринтерски рванулся вперед.

Все перед его глазами превратилось в разноцветную карусель.

Низкий рык неумолимо настигал его, позади раздавался топот массивных лап по влажной земле.

Монк задыхался, в ушах у него стучало.

За его спиной, ближе, чем обычно, послышалось шипение огромной кошки. Зверь был готов прыгнуть.

Впереди блеснула вода.

Слишком далеко.

Потеряв надежду на спасение, Монк повернулся, поджал ноги и упал на спину, скользнув по траве.

Тигр остановился и ссутулился, изготовившись к решающему прыжку, но тут...

...Из высокой травы метнулась темная тень и ударилась тигру в бок. Монк заметил серебристый отблеск. Затем тень перепрыгнула через тигра, понеслась к густым зарослям травы и исчезла.

Марта.

Шимпанзе не уплыла с детьми.

Аркадий, которого это внезапное нападение застало врасплох в разгар финальной атаки, не удержался на лапах и повалился на бок. Монк на четвереньках отползал назад. Зверь издал хриплый, придушенный вой.

Что-то темное текло по горлу огромной кошки, соединяя черные полосы на его шкуре в одно большое пятно.

Кровь.

Из-под нижней челюсти животного торчала рукоятка ножа. Охотничьего ножа из избушки.

Монк обронил его, когда упал, а шимпанзе подобрала и пустила в ход, чем спасла ему жизнь.

Каким-то непонятным для себя образом Монк вспомнил, что шимпанзе обладают врожденной способностью к использованию орудий. С помощью предварительно облизанной палки, которую эти человекообразные опускают в термитник, они извлекают оттуда термитов, заостренными ветками умеют выковыривать из дупла насекомых и личинок.

А Марта была необычным шимпанзе.

Аркадий трясся всем телом, его вой захлебывался в крови.

Ему ответил другой звук.

Захар взревел с таким бешенством, что у Монка свело зубы. Он вскочил на ноги и метнулся к воде, а добежав до илистого берега, прыгнул вперед и плюхнулся животом в мутную жи-

жу. Сразу же после этого Монк заработал руками и ногами, плывя на глубину.

В вое Захара слышалось отчаяние.

Отплыв достаточно далеко, Монк нырнул и полностью оказался под водой. Но даже после этого он слышал горестные и устрашающие крики тигра. Сдерживая дыхание, он по-лягушачьи уплывал все дальше.

Только после того, как легкие занялись огнем, Монк вынырнул на поверхность и оглядел воду. Затем посмотрел назад. Захар кружил вокруг своего брата. Второй тигр не шевелился.

Монк услышал, как Марта пробирается по деревьям. Он повернул голову и увидел, как шимпанзе легко перелетает с ветки на ветку. Наконец она добралась до цели и тяжело спрыгнула на плот. Тот дрейфовал в десяти футах впереди. Доплыв до плота, Монк забрался на него и повалился на спину, задыхаясь и хватая ртом воздух.

Слева от него, свернувшись комочком, лежала на боку Марта. Из ее горла вырывались жалобные стоны. Петр распростерся над обезьяной и утешал ее, обняв одной рукой.

Монк, приподнявшись на локте, посмотрел на избушку и снова перевел взгляд на Марту. Протянув руку, он положил ладонь на плечо шимпанзе. Ее поза изображала душевную боль, а тело сотрясала мелкая дрожь.

На берегу Захар продолжал оплакивать своего брата.

«Это нужно было сделать», — мысленно сказал Марте Монк.

Аркадия мучили, подвергли издевательствам, довели до полусумасшествия. Большая кошка стала скорее чудовищем, нежели божьим созданием.

Смерть была для него избавлением.

И все же Марта стонала.

Убийство никогда не дается легко.

Константин навалился на длинный шест, и плот поплыл по направлению к сердцевине болота.

Монк сел. Что-то привлекло его внимание. Перед тем как они стали устраиваться на ночь, он сложил на плот все их рюк-

заки, и сейчас его взгляд упал на дозиметрический значок, свисавший с застежки-молнии.

Розовый цвет стал гораздо темнее, словно угасал.

А вместе с ним угасали и их надежды.

16 часов 31 минута

Вашингтон, округ Колумбия

Юрий поправил трубку от капельницы. Его руки дрожали. Он слишком хорошо знал все, что было связано со здоровьем Саши, лежащей на непомерно большой для нее кровати. Ее состояние было даже хуже, чем опасался Юрий.

Он безмолвно проклинал Макбрайда и Мэпплторпа. Из-за них ему пришлось потерять целый час, который он мог бы использовать для того, чтобы начать лечение Саши. Вместо этого он просидел взаперти в одном из помещений здания ФБР, в то время как эти двое удалились на секретное совещание. В конце концов появился Макбрайд вместе со всеми медикаментами, находившимися в гостиничном номере Юрия.

Затем они вдвоем пересекли Эспланаду, где у Смитсоновского замка их встретили какие-то люди и на частном лифте спустили в надежно защищенное убежище. Они были обысканы, просвечены, им завязали глаза. Юрия вели за руку, и он очень скоро потерял ориентацию в бесконечном лабиринте подземных коридоров. И вот наконец они вошли в какую-то комнату. За их спинами хлопнула дверь и щелкнул замок.

Только после этого с их глаз сняли повязки.

Оглядевшись, Юрий увидел, что находится в маленькой больничной палате. Одна стена была стеклянной. Наверняка — одностороннее зеркало, из-за которого за ними наблюдали. По обе стороны кровати, словно на посту, стояли двое: высокая женщина с темно-рыжими волосами, назвавшаяся Кэт Брайент, и доктор Лиза Каммингс, которая была в ресторане. В руках Лиза держала пачку медицинских отчетов.

— Мы к вашим услугам, — произнесла она. — Скажите нам, что нужно делать.

Юрий приступил к работе. Первым делом он прочитал отчеты, изучил результаты последних анализов крови. Еще десять минут у него ушло на то, чтобы рассчитать нужную дозировку лекарств. Макбрайд, делая вид, что всячески пытается помочь, заглядывал ему через плечо.

— Не лезьте ко мне! — прорычал Юрий.

Американцы ни черта не понимали в волшебном искусстве сохранения детей. Юрий собирался сделать все для того, чтобы так оставалось и впредь, а метод этот был слишком сложным, чтобы вытянуть его с помощью пыток. Но он не мог позволить Саше умереть, не попытавшись спасти ее, поэтому пришлось позволить Макбрайду наблюдать за его действиями. Но как только девочка окажется в безопасности...

Кэт, стоявшая позади, прервала его мысли вопросом:

— Она выздоровеет?

Юрий постучал пальцем по трубке капельницы. Лекарство поступало нормально. Повернувшись, он встретился взглядом с женщиной. Ее волосы были отброшены с лица, на котором — и в резких чертах, и в глазах, и в складках рта — читалась искренняя тревога.

Юрий вздохнул и сказал чистую правду:

— Я сделал все, что мог. Ежечасно нам придется делать анализы, чтобы контролировать деятельность почек и удельный вес мочи. Это даст нам представление о том, как идет процесс, но окончательно понять, выживет ли она, мы сможем лишь через пять-шесть часов.

На последних словах его голос сорвался, и Юрий отвернулся, не желая, чтобы эти незнакомые люди видели его слабость. Макбрайд смотрел на него бездушными глазами. Он успел устроиться в кресле у двери и сидел, вольготно раскинувшись и закинув ногу на ногу.

— Теперь единственное, что нам осталось, — это ждать, — пробормотал Юрий и сел у кровати ребенка.

На ней лежала открытой детская книжка.

Кэт протянула руку и взяла ее.

— Я читала ее малышке.

Юрий кивнул. Во время авиаперелета сюда Саша положила голову на его руку, а он тихим голосом читал ей русские сказки. При воспоминании об этом он слабо улыбнулся. Детей воспитывали таким образом, чтобы у них не вырабатывалась сильная привязанность к кому бы то ни было, но Саша была особенной.

Из-под простыни высунулся один из ее пальчиков, к которому был присоединен датчик измерителя кровяного давления. Юрий легонько погладил этот пальчик, хрупкий и бледный, как у фарфоровой куклы.

Наконец он откинулся в кресле. Ждать придется долго. Макбрайд постукивал подошвой по полу. Приборы гудели и перемигивались. Через несколько минут доктор Каммингс выскользнула из палаты, чтобы обсудить какие-то вопросы с патологоанатомом. Кэт устроилась в кресле по другую сторону кровати.

Пока тянулся первый час ожидания, Юрий заметил на прикроватной тумбочке стопку листов. Уголок одного из них привлек его внимание тем, что на нем были следы от черного маркера. Сразу же поняв, что это Сашины рисунки, Юрий взял их и перебрал. Большинство из них ничего ему не говорили, но на последнем Юрий увидел знакомое лицо. От удивления он застыл в кресле.

Это был их узник, которого держали в Челябинске-88.

Юрий держал картинку горизонтально. Макбрайд ничего не знал о пленении американца. Ему об этом не рассказывали. И все же Юрий, по-видимому, слишком долго смотрел на портрет.

— Это мой муж, — пояснила Кэт со своего места. — Его нарисовала Саша. Полагаю, она видела его фотографию в моем бумажнике.

Юрий медленно кивнул и положил рисунок обратно в стопку.

«Ее муж?..»

— Интересно, зачем ей это могло понадобиться? — спросила Кэт, глядя на Юрия более пристально, нежели раньше. — Я имею в виду — рисовать этот портрет?

Юрий снова перевел взгляд на девочку. Его сердце учащенно билось, в глазах все плыло. Именно рисунок Саши спас жизнь этому человеку, а вот теперь здесь находилась его жена. Ни при каких обстоятельствах это не могло быть простым совпадением. Что же стояло за всем этим?

— Ответьте же, доктор Раев, — не отступала женщина.

От необходимости отвечать его спасло трепетание маленьких ресниц. Глаза Саши — голубые, влажные, бездонные — открылись. Юрий подался ближе. Женщина встала.

Саша все так же находилась в сумеречном состоянии, ее взгляд смотрел в никуда. Но ее лицо в форме сердечка повернулось к Юрию.

— Дядя Пепе?..

Вновь это имя.

Вся кровь в теле Юрия словно заледенела, и он мысленно вновь перенесся в темный проход промерзшей церкви, к ребенку перед каменным алтарем, сжимающему тряпичную куклу и глядящему на него такими же голубыми глазами.

Теперь он снова услышал те же слова, то же обвинение.

«Дядя Пепе...»

Ласковое имя доктора Менгеле, Мясника из Освенцима.

Он взял руку Саши и легонько постучал по датчику кровяного давления.

«Нет, — пообещал он. — Никогда больше».

Его глаза затуманили слезы.

Ее маленькие пальчики ответили ему слабым пожатием, а веки дрогнули.

— Папа... Папа Юрий?..

— Да, — прошептал он. — Я здесь, малышка. Я не оставляю тебя.

Когда девочка снова засыпала, ее губы шевелились, рука расслабилась и выскользнула из его ладони.

— Марта... Марте страшно...

22 часа 50 минут

Южноуральские горы

Тело было все еще теплым, но кровь уже остыла.

Убийство свершилось около часа назад.

Лейтенант Борсаков поднял руку с бока мертвого тигра, протянул ее к голове животного и ощупал его уши — сначала одно, затем второе. Оба целые, а значит, это был Аркадий.

Он встал.

В другой руке Борсаков сжимал пистолет Ярыгина. Он держал его на изготовку и мечтал о том, чтобы оружие было заряжено чем-нибудь помощнее девятимиллиметровых патронов. Он искал Захара, но никаких признаков большой кошки не было.

Позади него, догорая, дымилась изба.

Впечатленный ловкостью, с которой был осуществлен побег, Борсаков вернулся к аэролодке. Водитель и двое других солдат, вооруженные автоматами, оставались на борту и страховали его. Луч света от носового прожектора суденышка, предназначенного плавать по болотам, простирался далеко вперед. Водитель завел двигатель, и огромный вентилятор на корме лодки стал медленно набирать обороты.

Борсаков забрался в лодку и махнул рукой в сторону темного болота. Двигатель взвыл, вентилятор закрутился как безум-

ный, и лодка понесла их прочь от тлеющего пепелища охотничьей избы. Охота была бы проще, если бы в их распоряжении имелись инфракрасные бинокли или очки ночного видения. Однако Борсаков обнаружил, что накануне кто-то пробрался в хранилище и испортил все эти устройства, которых у них было и без того немного.

Этим злоумышленником мог быть либо американец, либо дети.

Они знали, что за ними будут охотиться.

— Не должны ли мы доложить об этом генерал-майору Мартовой? — спросил его заместитель и потянулся к рации.

Борсаков отрицательно качнул головой.

Генерал-майор не любила неудач.

Аэролодка летела по болоту.

Он доложит ей, когда американец умрет.

Они удалялись от берега, а Борсаков все смотрел на остров, тлеющие руины и мертвого тигра. Он думал об американце и о том, что тот натворил.

Кем был этот человек? И где он обзавелся такими навыками?

18 часов 02 минуты

Вашингтон, округ Колумбия

Трент Макбрайд поднес к уху трубку. Хозяева этого бункера разрешили ему воспользоваться настенным телефоном и наверняка проследили его звонок в офис Мэпплторпа. Трент не питал иллюзий относительно того, что разговор может быть приватным. Кто-то наверняка будет его прослушивать. Однако это не могло воспрепятствовать ему позвонить и отчитаться хотя бы в самых расплывчатых чертах.

Обменявшись с Мэпплторпом несколькими малозначащими фразами, Трент сказал:

— Похоже, девочка может выжить.

Если бы она умерла, они зашли бы в тупик.

— Очень хорошо, — ответил Мэпплторп. Последовала короткая, но многозначительная пауза, после которой он продолжал: — Как скоро это станет известно точно?

Трент взглянул на часы, подсчитал, сколько времени ему понадобится, и ответил:

— Наверняка мы будем знать через шесть часов.

Это будет полночь.

Потребуется скоординировать усилия, но в итоге у них будет все.

Мэпплторп зарычал от удовольствия.

— В таком случае это действительно отличная новость.

6 сентября, 23 часа 04 минуты

Пенджаб, Индия

— Дальше ходу нет, — заявил Абхи Бханджи.

Грей не стал спорить. Их внедорожник находился в грязи по самые оси. Уставший до предела, с нервами, натянутыми как струны, он вывел машину на более каменистое место.

На протяжении последних двух часов низкие тучи беспрестанно поливали землю дождем. Казалось невозможным, что в облаках может содержаться такое количество воды. Выбравшись из манговых рощ, они проехали уже тридцать миль. Теперь машина двигалась по столь же заросшей лесами местности, но она стала уж совсем непроходимой. Покатые холмы уступили место крутым и каменистым, с вкраплениями скал. Из-за дождя реки набухли, вздыбились и бешено неслись по окружающему пространству. Казалось, весь мир пропитался водой.

«Здесь никто не селится, — сказал человек. — Плохое место для земледелия».

Это было явным преуменьшением.

— Мы уже недалеко, — заверил Абхи после того, как Грей затормозил. — Осталось меньше километра. Но отсюда придется идти пешком.

Грей спрятал машину под широченной кроной баньяна. Выключив двигатель, он смотрел на скалы и вспоминал храм с древнегреческой монеты. Эйб уверял, что похожее сооружение расположено в этих краях. Именно к нему направлялся доктор Полк в день своего исчезновения. Лишь немногие из местных жителей знали об этом месте. Люди Эйба одновре-

менно боялись и поклонялись ему. Оно было священным для ачхутов.

Почему и зачем доктор Полк направился сюда? Что привело профессора в такое возбуждение?

Вода хлестала по лобовому стеклу, мешая видеть.

— Может быть, стоит подождать, пока погода изменится? — заговорил Мастерсон. — Поищем этот храм после того, как прекратится ливень.

Грей взглянул на часы. Приближалась полночь. Он совершенно не хотел находиться здесь поутру. Как только рассветет, вертолеты вновь поднимутся в воздух и примутся искать их, а внедорожник-«мерседес» размером едва ли не с танк будет ясно виден с неба на открытом пространстве. Грей уже предпринял кое-какие меры предосторожности. Например, отключил установленное в машине устройство глобального позиционирования, полагая, что именно благодаря ему русским удалось проследить их от Дели.

В голове у него вертелось много вопросов, не имеющих ответа, но одно он знал наверняка: если они намерены пройти по последним следам, оставленным доктором Полком, сделать это лучше теперь же.

Он повернулся лицом к сидевшим сзади.

— Мы пойдем с Эйбом. Остальные — по желанию — могут оставаться в машине.

Элизабет протестующе подняла руку.

— Я иду с вами. Если там действительно существует какой-то затерянный храм, вам может понадобиться моя помощь.

— Куда она, туда и я, — пробасил Ковальски.

Элизабет метнула в его сторону раздраженный взгляд, который, впрочем, тут же смягчился.

— Нам нужно держаться вместе, — сказала Розауро, взяв из багажного отделения рюкзак с их оборудованием.

Лука согласно кивнул.

Мастерсон закатил глаза.

— Похоже, нам сегодня придется здорово помокнуть.

Покончив с решением этой проблемы, они выбрались из внедорожника под дождь. Сделав всего пару шагов, Грей уже

промок до нитки. Казалось, его одежда потяжелела фунтов на двадцать.

Ковальски выругался и бросил тоскливый взгляд в сторону автомобиля, но как только Элизабет пошла вперед, он двинулся следом за ней.

— Сюда, — сказал Эйб, указывая на полуразрушенный утес, заканчивавшийся неровным, поросшим деревьями плато.

Из стен песчаника, переплетаясь самым причудливым образом, торчали корни деревьев, напоминавшие сморщенные лица стариков. Их обнажили ливни и ветры. Небо расколола молния, а следом за ней — удар грома.

Гроза усиливалась.

У Грея, уставшего до предела, собственный план уже начал вызывать нешуточные сомнения. С тех пор как они покинули Дели, у него не было возможности связаться с «Сигмой». Спутниковый телефон они потеряли во время нападения на них в отеле, а сотовый, который Грей купил в индийской столице, в этих отдаленных районах не работал.

Они оказались предоставлены самим себе. И хотя обычно Грей предпочитал работать, рассчитывая только на себя, теперь на нем лежала ответственность за гражданских лиц.

Эйб подвел их к расщелине в скале. Из ее центра вытекала небольшая речка, бурлившая свинцовой водой. Вдоль нее тянулась узкая тропинка, а по обе стороны возвышались каменные стены.

Грей вошел вслед за Эйбом в расщелину. В каньоне дождь ощущался гораздо слабее, а ветра и вовсе не было. И все же по стенам нескончаемым потоком стекала вода. Здесь, в ограниченном пространстве, звук бурлящей воды стал значительно громче.

Путники шли вереницей.

Каньон, уходя в глубь холмов, делал зигзаги, напоминавшие молнию, становясь постепенно все уже и глубже.

Эйб на ходу рассказывал:

— Иногда, во времена преследований, наш народ находил здесь спасение. Мой прадед рассказывал о карательных опе-

рациях, в ходе которых подчистую уничтожались целые поселения. Те, кому удавалось уцелеть, находили укрытие именно здесь.

«Неудивительно, что ачхуты держат расположение этого места в секрете», — подумал Грей.

— Но эти стены не гарантируют защиты, — скептически добавил Эйб. — По крайней мере, не всегда.

Грей взглянул на него, но Эйб шел дальше и остановился лишь в том месте, где каньон разделялся на два рукава. Он провел рукой по стене, словно желая в чем-то убедиться, а потом двинулся влево.

Грей ощупал то место, к которому прикоснулся их проводник, и обнаружил выбитую в камне надпись. Из-за дождя она была почти неразличима и напоминала расплывчатые тени.

Элизабет также изучила надпись.

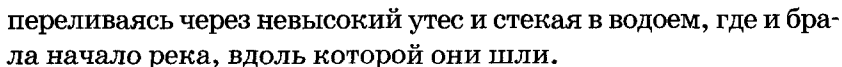
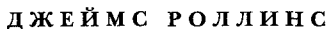
— Хараппа, — с удивлением сказала она, оглядев своих спутников. — Мы, должно быть, находимся на внешней границе Индо-Гангской равнины.

Мастерсон согласно кивнул.

— Люди жили вдоль Инда пять тысяч лет назад и оставили после себя руины удивительных городов и храмов. Их можно найти по всему этому региону. Вероятно, наш молодой индийский друг ошибочно принял одни из хараппских развалин за храм, изображенный на странной монете.

— Существует только один способ выяснить это, — проговорил Грей и двинулся вперед.

После того как каньон сделал еще два поворота, он внезапно расширился. Путники оказались в подобии круглой пещеры, только без потолка. В дальнем конце в нее струилась вода,

Эйб остановился и обвел пространство вокруг себя рукой.

— Ну вот мы и пришли.

Грей недоуменно наморщил лоб. Каньон был пуст. Но затем небо прорезала новая молния, и ее сияющий свет озарил водоем. Серебряный луч упал на уступы стен и отразился в воде.

Все стены вокруг бассейна были изрыты и представляли собой ярусы, поднимавшиеся от земли до верхних краев каньона. А на каждом из этих ярусов располагались дома. Некоторые из них за прошедшие века разрушились, и теперь от них остались лишь каменные обломки. Это зрелище напомнило Грею горные жилища индейцев анасази. Однако по архитектуре и ряду других признаков было件нятно, что эти сооружения построены не американскими индейцами и не здешними индийцами.

Грей сделал несколько шагов вперед и медленно повернулся вокруг своей оси. Фасады домов, сделанные из белого мрамора, ярко выделялись на фоне темного камня. Стены из мягкого песчаника были сильно потрепаны дождями и ветрами, бушевавшими здесь на протяжении веков. При взгляде на дома создавалось впечатление, что они растут прямо из стен. Благодаря белому мрамору они казались окаменевшими скелетами, вмурованными в поверхность стен.

Несмотря на ущерб, причиненный строениям многими веками непогоды, архитектурные элементы мраморных построек были до сих пор вполне различимы. Низкие треугольные крыши поддерживались гофрированными колоннами, фронтоны и карнизы были украшены скульптурами и резьбой по камню.

Происхождение этого архитектурного стиля не вызывало сомнений.

— Греческая архитектура,— с замиранием сердца проговорила Элизабет. Она с восхищением смотрела вокруг, не обращая внимания на воду, текущую по ее лицу.— Греческий храмовый комплекс. Спрятанный здесь.

Мастерсон стоял рядом с ней. Свою промокшую шляпу он держал в одной руке, а второй приглаживал мокрые седые волосы.

— Просто поразительно! Ах, Арчибальд, старый дурень, почему только ты не рассказал мне об этом?

Грей тоже глазел по сторонам. Удивление заслонило даже его усталость.

— Смотрите, — указала Элизабет, — это храм «меж антами»*, одно из простейших древнегреческих сооружений. Вон там — простиль, постройка более позднего периода. А вот это — толос, круглый храм с колоннадой, расположенный внутри утеса.

Она говорила, а Грей не отрывал взгляда от сооружения в дальней части каверны. Его сердце забилося быстрее. Храм был расположен примерно посередине стены. У его подножия лежали каменные глыбы, отвалившиеся от верхней кромки каньона и обрушившиеся вниз. Сверху лились потоки воды. Она падала на уступ, где стоял храм, и текла мимо него, придавая сооружению иллюзорный, призрачный вид.

Но ошибиться было невозможно.

Шесть колонн поддерживали треугольную крышу и обрамляли темный входной портал.

— Точь-в-точь как на монете, — сказала Розауро, увидев, как пристально ее командир рассматривает храм.

— Это еще не все, — сообщил Эйб и направился к высокому зданию.

Обуреваемый любопытством, Грей поспешил за ним, а промокшая экспедиция потянулась следом.

Когда они дошли до груды камней, Эйб забрался на нее и махнул остальным, приглашая следовать за собой. Потом полез еще выше. Похоже, ему было известно, как перебраться через этот завал.

* В Древней Греции ант (выступ боковой стены в виде опоры) имел капитель и основание иной формы, чем колонны. В храме «меж антами» существовало открытое помещение перед входом, образованное выступающими боковыми стенами и двумя колоннами по фасаду.

Другие, карабкаясь один за другим, полезли за индусом. Диалог между Элизабет и Мастерсоном продолжался.

— Как по-вашему, почему они построили этот храмовый комплекс здесь? Да еще в такой причудливой манере?

— Совершенно очевидно, что они прятались, — ответил Мастерсон. — Это место чертовски сложно отыскать, особенно между таких стен. Но я видел аналогичные горные поселения хараппской цивилизации в других районах Индо-Гангской равнины. Возможно, создатели этого поселения построили его по образцу старых хараппских городов и усовершенствовали в соответствии со своими потребностями.

— Такое возможно. Это довольно распространенное явление, когда одна цивилизация создавалась, что называется, поверх другой.

Не слушая их ученый разговор, Грей рассматривал храм. Теперь, оказавшись ближе, он увидел: то, что он поначалу принял за тени на колоннах, на самом деле было старыми выжженными пятнами. Стали видны и более мелкие детали. Фасад был испещрен трещинами и выбоинами, большой кусок верхней части фронтона обрушился.

Грей подозревал, что причиной всех этих разрушений стали вовсе не только минувшие века. Они со всей очевидностью намекали на то, что в древние времена здесь состоялась крупная битва.

Впереди Эйб спрыгнул с глыбы булыжников и вскарабкался на пространство между двумя колоннами. Грей последовал за ним и оказался на мраморном полу храма, наконец-то избавившись от дождя. Шесть колонн стояли на расстоянии метра от здания, образуя что-то вроде крыльца.

Грей поднялся, чтобы освободить место для остальных. Ковальски и Лука подсадили Элизабет и Мастерсона, Розауро, отягощенная поклажей, забралась последней. Когда все оказались в сборе, Грей направился к входу, но Эйб преклонил колена и несколько секунд шептал молитву. Грей ждал, чувствуя, что, поступи он иначе, это стало бы проявлением неуважения.

Наконец Эйб встал и кивнул.

Грей достал маленький фонарик и включил его. Он вошел первым. Луч фонаря плясал по темному интерьеру храма.

Помещение было большим, идеально квадратной формы. Каждая из его сторон насчитывала двадцать футов в длину. На такой же высоте от пола располагался потолок. Вдоль стен выстроились колонны, причем несколько из них были разбиты и обратились в груды камней. Посередине зала находилось углубление очага, почерневшее от горевшего здесь когда-то огня. По обеим сторонам от него виднелись арочные проходы, ведущие в прилегающие помещения, как часовни в церкви.

В боковых помещениях Грей заметил нагромождение чего-то и, пока другие его спутники входили в храм, подошел ближе, чтобы разглядеть, что это такое. Эйб, нервно скрестив руки, стоял в стороне и не последовал за Греем.

Направив луч фонаря на странную кучу, Грей понял нежелание индуса приближаться. Его взгляду предстало нагромождение костей, сложенных штабелем, наподобие дров, и увенчанных сотнями черепов. Человеческих черепов. Кости были изъедены временем и потемнели, а это говорило об их древности.

Грей вспомнил обожженные участки внешних колонн.

Эйб нарушил молчание.

— В нашем народе рассказывали предания, передававшиеся от отца к сыну и от матери к дочери. Предания о великой битве, случившейся тысячу лет назад. В них говорилось о том, как наши предки создали это место, полное костей. В честь павших мы собрали останки и перенесли их в эти храмы. — Он махнул рукой в сторону пещеры снаружи. — Там еще очень много костей.

Грей отвернулся. Кто-то нашел жителей этого поселения и истребил их. Он вспомнил загадочные слова, произнесенные Эйбом раньше: «Эти стены не гарантируют безопасность. По крайней мере, не навсегда».

Участь, постигшая первоначальных обитателей этого места, стала предупреждением для народа Эйба. Это было хоро-

шим укрытием, но даже тут было невозможно спрятаться от мира навсегда.

Грей направился к последнему из находившихся в зале предметов. Как и фасад храма, он также был изображен на монете.

Он подошел к дальней стене и направил на нее луч фонаря. В стену из кремового мрамора был вделан черный камень в форме знакомого символа. Он был не менее двадцати футов высотой.

— Колесо чакры, — озадаченно сказала Элизабет, после чего достала миниатюрный цифровой фотоаппарат и стала фотографировать. — Как на обратной стороне монеты.

Лука провел ладонью по стене. Грей будто читал его мысли: «Не от этого ли древнего знака произошел современный символ цыганского народа?»

Не задавался ли тем же вопросом Арчибальд Полк?

Ковальски древний храм явно не вдохновил, и он вздохнул:

— Полный облом.

— Как тебе не стыдно! — упрекнула его Элизабет. — Это археологическое и антропологическое открытие века!

— Ну и что с того? — пожал плечами великан. — Где золото? Где драгоценные камни?

Грею было противно признаться в этом самому себе, но в душе он был согласен с Ковальски. Он отошел в сторону и обвел лучом фонаря все стены зала по периметру. Чего-то действительно не хватало, но это не было золото или самоцветы.

К нему присоединилась Розауро.

— Что-то не так, командир? — спросила она.

— Здесь чего-то недостает.

— Чего именно?

В замкнутом помещении голоса звучали громко, поэтому, услышав этот диалог, все остальные повернули головы в их сторону.

Грей снова обвел стены лучом фонаря.

— На той монете... Там была буква. Греческая «эпсилон».

— Он прав, — сказала Элизабет.

Грей стряхнул с лица дождевые капли.

— Мы нашли здесь все, что изображено на монете: фасад храма, колесо чакры... Где же греческая буква?

— Еще одна незначительная деталь, — вмешался Мастерсон. — Что она означает?

— Она вовсе не незначительная, — возразила Элизабет. — Кто-то очень здорово потрудился, чтобы воспроизвести уменьшенную копию храмового комплекса в Дельфах. Что мы видели снаружи? Храм «меж антами» имеет форму зданий сокровищницы Дельфийского храма, толос выглядит в точности так, как тот, что был возведен в Дельфах в честь Афины. Или взять хотя бы это место. И снаружи, и изнутри он выглядит в точности так же, как храм Дельфийского оракула. А греческая «эпсилон» являлась одним из важнейших элементов, которыми он был декорирован.

Грею вспомнился их разговор с Пейнтером, когда тот рассказывал ему о том, что в Дельфах эта буква превратилась в символ культа пророчества, некий код, существовавший с тех пор на протяжении многих веков в искусстве и архитектуре.

Вперед выступил Лука.

— Я кое-что слышал об этой букве, — произнес он.

Грей повернулся к главе цыганского племени.

— Я рассказывал вам о детях, которых у нас отобрали, — заговорил тот. — Те из моего народа, кто первыми обнаружили место побоища, говорили о стоявшей там каменной церкви. Ее двери были выбиты и открыты нараспашку, но на них сохранилась большая бронзовая «эпсилон». Никто не знал, что она значит, а те, кто знал, лежали в общей могиле. Тайна умерла вместе с ними. Может, это была та же буква?

«Обозначающая шовихани, цыганских предсказателей судьбы, — подумал Грей. — Еще один культ пророчества».

— Как бы то ни было, — упрямо проговорил Мастерсон, который явно устал, — что из того, что здесь нет этой буквы «эпсилон»? Что из этого следует?

— Может, и ничего, — согласился Грей, но без особой убежденности. Он повернулся к Эйбу. — Когда вы впервые показали доктору Полку это место?

Тот пожал плечами.

— Первый раз я привел сюда доктора Полка год назад. Он тут все осмотрел, сделал какие-то записи и уехал.

Элизабет выглядела уязвленной.

— Отец ничего не рассказывал мне об этом открытии.

— Потому что он с уважением относился к нашим тайнам, — жестко проговорил Эйб. — Он был хорошим человеком.

Грей посмотрел на Мастерсона. Пожилой ученый стоял с кислым выражением лица. Поначалу увиденное потрясло его, но когда первая волна шока схлынула и Мастерсон увидел, что открытие ничего не может дать его собственным исследованиям, он потерял к нему интерес. Не испытал ли что-то подобное и доктор Полк? С точки зрения археологии это открытие имело огромное значение, но, убедившись в том, что оно не поможет ему продвинуться в его исследованиях, он, возможно, решил сохранить секрет ачхутов и никому о нем не рассказал.

Но если так, зачем ему вдруг срочно понадобилось приехать сюда вновь перед самым своим исчезновением? Наверняка он открыл что-то новое, какую-то связь между своей работой и древним горным поселением.

Грей обратился к Эйбу:

— Было ли что-нибудь, что неожиданно заставило доктора Полка вернуться сюда? Что-то необычное?

Индус покачал головой.

— Он просто приехал осмотреть поселение, как делал много раз прежде. Мы говорили о предстоящих выборах, на которых один из ачхутов выдвинул свою кандидатуру на пост мэра.

Я нашел новую монету и показал ему, но он сказал, что снова хочет взглянуть на ту, где был изображен храм. Он, правда, смотрел на нее без особого интереса и даже безучастно катал ее по столу, пока мы разговаривали. Но затем вдруг глаза его сделались огромными, и он вскочил из-за стола. Он захотел немедленно отправиться сюда, но у меня были дела, связанные с выборами, и я попросил его подождать до тех пор, пока я вернусь...

Он умолк, и инициативу перехватила Элизабет.

— Отец никогда не отличался терпеливостью.

Мастерсон кивнул.

— Именно в тот день он позвонил мне и говорил как одержимый. Он заявил, что совершил грандиозное открытие, которое перевернет все существовавшие до этого представления о человеческом сознании.

В мозгу Грея пронеслась внезапная догадка, и он повернулся к Розауро.

— А ну-ка дай мне еще раз взглянуть на ту монету.

Женщина передала ему монету, и Грей стал внимательно рассматривать ее. Храм — на одной стороне, колесо чакры — на другой.

— Элизабет, по твоим словам, именно отец добыл для тебя место в Дельфийском музее, так что ты можешь проследить за тем, как соотносятся его исследования с твоими. Что ты рассказывала ему об истории Дельфа?

— Лишь самые общие вещи, — ответила Элизабет. — Его интересовала не столько история, сколько открытие испарений газа этилена рядом с храмом. Отец подробно расспрашивал о ритуалах, связанных с пророчествами Дельфийского оракула, пытался найти физиологическое обоснование интуитивных способностей.

— Но если его не интересовала история, как он узнал о значении греческой буквы «эпсилон»?

— Я послала ему отчет об этом.

— Когда?

— Примерно за месяц до того, как он... — Ее глаза внезапно расширились.

Грей кивнул. Он опустился на колени, положил фонарик на мраморный пол, а затем поставил монету на ребро и сильно щелкнул ногтем по ее боковой стороне. Монета завертелась юлой и стала двигаться прочь от него.

Грей наклонился и стал смотреть на нее.

Вертящаяся монета превратилась в размытую сферу серебристого цвета. Буква «Е», расположенная в центре одной из ее сторон, теперь находилась прямо посередине этой вертящейся сферы. Грей ощутил символическое значение этого. Пейнтер говорил, что, возможно, значение буквы «эпсилон» уходит корнями в древнейший культ матери-земли Геи. Теперь она находилась в центре серебряного шара, словно материальное олицетворение самой Геи. Однако эта буква символизировала также интуитивный потенциал человека, кроющийся в самой его сущности, в его мозгу.

Пытаясь осознать значение всего этого, Грей отпустил собственные мысли в свободное плавание.

Что вдруг открылось Арчибальду Полку?

Монета вертелась — серебристая загадка, прячущая древнюю тайну.

Но что...

И тут Грей понял.

Вытянув вперед руку, он прихлопнул монету, прижав ее ладонем к полу.

Ну конечно же!

23 часов 35 минут

Припятъ, Украина

— Саша у американцев! — прорычал Николай, войдя в спальню.

На обнаженное тело мужчины был накинут лишь распахнутый халат, но его согревала злость.

Нагая Елена раскинулась на кровати в ожидании его. Правую руку она откинула в одну сторону, левую ногу — в другую. Они уже вернулись после приема в свой отель, расположенный за пределами Чернобыльской зоны отчуждения. По-

мимо них здесь разместилось множество других VIP-персон, прибывших для участия в назначенном на завтра торжественном мероприятии.

Последние полчаса Николай провел, разговаривая по спутниковому телефону зашифрованной связи. Он желал убедиться, что не упущена ни одна деталь из плана акции, которая также была намечена на завтра. Позвонив своей матери в Муравейник, он выслушал изрядную порцию скверных новостей. От своих старых друзей, работавших раньше в КГБ, она узнала о слухах, которые циркулируют в разведывательном сообществе Вашингтона. В течение последних двенадцати часов оно буквально бурлило, пытаясь отыскать девочку. Ею могла быть только Саша. А потом вдруг все утихло. Даже от Юрия не было никаких известий. И Николай, и его мать знали, что это может означать.

Кто-то все же нашел ее.

И Николай подозревал, кто именно.

Его пальцы сжались в кулак.

Похоже, это была та же организация, которая докучала ему в Индии, пытаясь добраться до результатов исследований доктора Полка и возродив к жизни то, что, как считал Николай, умерло вместе с самим ученым. Одна попытка обрубить этот «хвост» провалилась, но, быть может, еще не все потеряно.

После этой неудачи у Николай состоялся один короткий телефонный разговор.

Судя по всему, группа американцев в Индии подбиралась к тому, что доктор Полк хранил в тайне от всех. К чему-то, что имело очень большое значение для исследований профессора. К чему-то важному и связанному с детьми. Но к чему именно?

Елена перевернулась на кровати и приподнялась, опершись на локоть. Когда она заговорила, в ее голосе звенела тревога.

— Что ты намерен предпринять в отношении маленькой Саши?

Николай знал: все подобные дети очень близки друг к другу. Воспитываясь вместе в Муравейнике, старшие нередко бра-

ли на себя родительские функции по отношению к младшим. Елене были особенно дороги Саша и ее брат.

Но Николаю эта парочка также была чертовски нужна.

Он улегся на кровать, а Елена, свернувшись калачиком, прижалась к нему — испуганная и злая. Ее рука нырнула под халат Николая и легла на его бедро. Кожа женщины была лихорадочно горячей. Он заставил ее ждать слишком долго.

Затем длинные ногти внезапно впились в его кожу. Елена подняла на него глаза, в которых, требуя выхода, пылал огонь. По бедру Николая потекли струйки крови. Это было восхитительное ощущение — словно кто-то лизал его кожу кончиком горячего и ненасытного языка.

Елена заговорила, и в ее голосе прозвучала стальная решимость — не допускавшая возражений, повелительная, требовательная:

— С маленькой Сашей ничего не должно случиться!

Ее пальцы снова сжались, отчего все тело мужчины пронзила сладостная боль. Он судорожно выдохнул и ответил:

— Необходимые меры уже принимаются. Все, что нам нужно, это...

Ногти женщины еще глубже впились в его плоть.

— ...это что-нибудь для обмена.

23 часов 45 минут

Пенджаб, Индия

Полоснула молния, осветив внутренний зал храма, затем грянул гром. Элизабет пошла следом за Греем к гигантскому колесу чакры на дальней стене. Он положил ладонь на символ. Когда Грей крутил монету, он осознал нечто важное.

— Поскольку я изучал индийскую философию, мне известно, что в центре колеса чакры расположены буквы из санскрита, обозначающие точки на теле человека, центры накопления и преобразования энергии. Муладхара, основная из чакр, в основании позвоночника. Манипура — в области солнечного сплетения. Анахата — на сердце. — Грей уставился вверх. — Это колесо — пустое. Здесь нет вообще ничего.

— На монете оно выглядит так же, — осторожно заметила Элизабет, не понимая, куда он клонит.

— Вот именно. — Грей передал ей монету. — Но представь, что ты смотришь сквозь монету. Что ты видишь в центре противоположной стороны?

Элизабет повертела монету в руке, переворачивая ее то так, то сяк. В центре храма находилась буква «эпсилон», на другой стороне — в той же точке — располагался центр колеса чакры.

— Буква «эпсилон», — пробормотала она.

— Та же самая буква находится и на противоположной стороне этого колеса чакры. — Он повернулся к Мастерсону. — Не могли бы вы одолжить мне вашу трость?

Профессор с видимой неохотой передал ему трость.

Грей отступил на шаг, уперся тростью в край центральной части огромного символа и налег на нее всем телом. Его мышцы напряглись. Маленький круг сдвинулся с места, повернувшись вокруг своей оси, словно вентиль в трубе.

— Потайная дверь! — воскликнул Мастерсон.

— А ну-ка помоги забраться, — приказал Грей Ковальски.

Гигант опустил на одно колено и сплел пальцы рук. Грей встал ногой на это «стремя» и поднялся достаточно высоко, чтобы дотянуться до мраморной плиты и толкнуть ее внутрь. Нижний край потайной двери располагался в десяти футах от пола, но Ковальски поднял командира повыше, и тот пролез в открывшееся отверстие.

— Здесь ступени! — крикнул Грей, как только его ноги исчезли из поля зрения остальных. — Они вырезаны в песчанике и ведут вниз!

Элизабет не терпелось увидеть, что находится по ту сторону, и она подошла к Ковальски следующей.

— А теперь помоги мне.

Она встала на колено великана, но тот взял ее за талию и легко, словно перышко, поднял вверх. Он был силен. Женщины ухватила за край отверстия и стала шарить ногой в поис-

ках опоры, чтобы забраться внутрь. Наконец ее подошва во что-то уперлась.

— Ой, это мой нос! — прогнусавил снизу Ковальски.

— Извини.

Он взял женщину за колено и поставил ее ногу на свое плечо. После этого для нее уже не составляло труда, оттолкнувшись от твердой, как скала, опоры, пролезть в отверстие. Грея она обнаружила стоящим на лестнице и шарящим лучом фонарика по стенам. Те были испещрены причудливой смесью символов и букв.

— Опять Хараппа, — напряженно проговорила она и поднялась на ноги.

— Взгляни-ка на это, — сказал Грей, повернул фонарик и направил его луч на обратную сторону черной мраморной двери.

На ней была глубоко высечена большая заглавная буква «эпсилон». Он оказался прав.

Элизабет вынула фотокамеру и сделала несколько снимков. Пока она этим занималась, к ним присоединились Розауро и Лука.

Грей выглянул наружу.

— А вы, доктор Мастерсон?

Сквозь отверстие Элизабет видела стоявшего внизу профессора.

— Такие упражнения — для людей помоложе меня, — ответил он, устало опираясь на трость. — Потом расскажете, что вы там нашли.

— Я тоже останусь здесь, — проговорил Эйб, но в его голосе звучал скорее страх, нежели усталость.

Элизабет заметила: чем дальше они продвигались, тем сильнее он нервничал.

— Ковальски, — позвал Грей. — Останешься тут. На тот случай, если возникнут непредвиденные осложнения.

— Я не против, — ответил бывший морской пехотинец. — Тем более что мне вряд ли удалось бы пролезть в эту мышиную нору.

Он взглянул на Элизабет, молчаливо призывая ее быть осторожной.

В небе снова гроыхнуло, и этот звук отдался в камнях.

— Пошли, — сказал Грей.

Освещая себе путь фонарем, он стал спускаться первым. Следующей шла Элизабет, за ней — Розауро и Лука. Ладонь Элизабет скользила по стене. Настенные надписи спускались вместе с ними. Этот древний язык хараппцев так и не был расшифрован — в основном из-за того, что сохранилось крайне мало его образцов. Археологи до сегодняшнего дня искали Розеттский камень для этого языка, который позволил бы прочесть древние иероглифы.

«Возможно, это он и есть», — подумала Элизабет, оглядевшись вокруг.

Ее сердце бешено колотилось от испуга и одновременно от восторга, и ее даже удивляло, что никто рядом не слышит этого звука. Она представила себе, как по этим же ступеням спускался ее отец. Наверняка его сердце колотилось столь же неистово. В этот момент она испытала удивительное чувство близости с этими людьми, которых знала совсем недавно и с которыми вскоре, наверное, расстанется навсегда. Ее горло сжалось.

Лестница оказалась не длинной и привела их в маленькую комнату, высеченную в толще песчаника. В дальнем ее конце слышалось журчание воды. Из отверстия в стене на уровне колен бил природный источник. Вода по проделанному ею же желобку текла через всю комнату и исчезала в другой стене.

— Колодезная пещера, — проговорила Элизабет. — Народ, живший на берегах великой реки Инд, был опытен в искусстве ирригации.

Грей осветил фонариком все пространство пещеры. Она была почти круглой формы. В каменном полу было вырезано еще одно колесо чакры. Но это не было пустым. В его центре покоился большой камень в форме яйца.

— Это копия омфала, — сообщила Элизабет.

Пришедшие обступили камень, возвышавшийся примерно до уровня человеческой груди. Он был раза в два больше того, что привезли в Вашингтон из Дельфийского музея. На верхней части купола был высечен орнамент в виде деревьев и листьев.

Элизабет с усилием сглотнула и огляделась.

— Кто-то переделал адитон, внутреннее святилище оракула, где он изрекал свои пророчества.

Она шагнула к поваленному на пол стулу, имевшему всего три ноги.

— А вот и треножник. Классический треножник, на котором восседал оракул.

— Или оракулы.

Грей отошел на несколько шагов в сторону и направил луч фонарика на другие лежащие на полу треножники.

В общей сложности их было пять.

Элизабет сделала несколько снимков. Что же это за место? Что здесь происходило?

— Эй! — позвала Розауро. Она стояла у стены, подняв в воздух рюкзак, чтобы привлечь внимание своих спутников. — Вам наверняка захочется взглянуть на это.

Лука находился чуть дальше. Он поднес раскрытую ладонь к поверхности стены, но не прикасался к ней. Даже в царившем здесь сумраке Элизабет увидела, как дрожит его рука.

Она пересекла пещеру и подошла к Розауро.

Стену покрывала мозаика, почти почерневшая от времени. Некоторые из ее элементов, отвалившись, лежали на полу. Кто-то очистил отдельные ее участки, стерев с них плесень и грязь столетий. Казалось, это было сделано второпях. Элизабет представила своего отца, тряпкой оттирающего поверхность мозаики и горящего нетерпением увидеть, что на ней изображено.

Она посмотрела на очищенные куски.

На мозаике, занимавшей все пространство стены от пола до потолка, была изображена осада монастыря, угнездившегося в горах.

— Парнас... — пробормотала Элизабет. — Под осадой римлян. Здесь изображено падение Дельфийского храма.

Следующая часть мозаики изображала пещеру — почти такую же, в которой сейчас находились они, даже с омфалом посередине. Но камень был показан в разрезе. Спрятавшись под куполом камня, в нем скорчилась маленькая девочка на руках крепко прижавшей ее к груди молодой женщины. Рядом с омфалом стоял пытающийся найти их римский легионер.

Элизабет оглянулась и посмотрела на камень за своей спиной.

«Не может быть...»

Она прошла вдоль стены. На следующей картине был изображен караван из лошадей, ослов и повозок. Во главе его шла все та же молодая стройная женщина, ведя за руку ребенка. Длинный караван взбирался на гору. Последнюю повозку тянули два горячих жеребца. Они имели явное сходство с конями, запряженными в солнечную повозку Аполлона, несущуюся по небу. Но солнца тут не было. В повозке лежал тот же камень, который защитил женщину и ребенка. Дельфийский омфал.

Элизабет повернулась и снова посмотрела на камень, возвышавшийся позади нее. Ее сотрясала дрожь.

— Это не копия, — сказала она срывающимся голосом. — Это настоящий омфал. Тот самый, о котором говорили Плутарх и Сократ.

— Посмотрите на это, — сказала Розауро и подвела Элизабет к следующему участку мозаики.

Женщина сразу узнала тот самый каньон, в котором они сейчас находились. Здесь превалировало жизнеутверждающее настроение: греки строили пещерные храмы. Был тут изображен и адитон, вот только вместо одного оракула на треножниках восседали целых пять. Они расположились вокруг омфала, из отверстия в верхней части которого, как из жерла вулкана, поднимался дым. Он формировался в фигуру маль-

чика с распростертыми руками. В его глазах был огонь, а из открытых ладоней вырывалось пламя.

Был ли это некий общий символ пророчества, или фигура означала нечто более конкретное?

Как бы то ни было, Элизабет показалось, что эти огненные глаза смотрят прямо на нее. Грей, шедший рядом, самым внимательным образом рассматривал этапы истории, которую шаг за шагом рассказывала мозаика. Наконец он решил подвести итог.

— Последний оракул, ребенок, видимо, был тайно похищен после падения храма. Греческие храмовые хранители и их сторонники скрытно вывезли его, избавив от преследований Рима, и прибыли сюда. Восстановив хараппские руины, они укрылись здесь и вели незримое остальному миру существование.

Элизабет вспомнила то, что рассказывал о пещерном городе Эйб, и добавила:

— В течение семи веков их никто не трогал. Они жили, по-немногу смешиваясь с местным населением. По мере того как сменялось много поколений, греки растворились в индийской культуре.

— Затем они пали жертвой религиозных гонений и формировавшейся в Индии кастовой системы, — снова заговорил Грей. — Все эти кости... Здесь случилась кровавая бойня.

— И они снова бежали, — проговорил Лука, стоявший дальше.

Другие подошли к нему. Он находился в нескольких шагах от журчавшего родника. То, что они увидели, было не мозаикой, а торопливо сделанным рисунком черной краской, изображавшим нападение на храмы. Люди разбегались в разные стороны, но одна группа, выделенная зигзагообразными линиями, спасалась, погрузившись на повозки с большими колесами. Караван становился все меньше и меньше, направляясь вдаль.

Лука мягко положил ладонь на изображение повозок. Голос цыгана ломался от нахлынувших на него чувств.

— Это мой народ, — проговорил он. — Ромалы. Вот откуда мы пошли. Вот наши корни.

Грей отступил назад и изумленно окинул взглядом всю стену.

Греческие хранители бежали вместе с последним ребенком и омфалом, спрятались в этой долине и за семьсот лет растворились в индийском этносе. Затем этот же самый этнос обрушился на них и обрек их снова скитаться, но только под другим именем.

Цыгане.

Он обвел мозаику рукой.

— Этот рассказ в виде рисунков позволяет проследить определенную генетическую линию на протяжении всей истории человечества. Побег из Греции сюда, а затем бегство отсюда. Генетическая линия способностей савантов.

— Вот почему мы скитаемся, — сказал Лука, по-прежнему не сводя взгляда с каравана. — Как сказал индус, ни в одном убежище нельзя скрываться вечно. Поэтому цыгане и странствовали. Они пытались не выдать тайну, хранящуюся в сердцах их племен.

— До тех пор, пока эту тайну у вас не украли, — вставил Грей.

— Тайну, берущую начало в Дельфах, — добавила Элизабет.

Она вспомнила маленькую девочку в Вашингтоне. Могла ли она на самом деле быть потомком последнего Дельфийского оракула?

Розауро подошла к рисунку и указала на фигуры людей, разбегающиеся из осажденного каньона в разных направлениях.

— Взгляните на этих беглецов, — сказала она Элизабет. — Они и есть причина того, что все генетические следы, как выяснил ваш отец, ведут именно в этот регион, почему маркёры сконцентрированы в этой местности, особенно среди представителей низших каст. Именно здесь беглецы растворились сре-

ди местного населения, поделившись с ним своими способностями на генетическом уровне.

Пока женщины разговаривали, Грей еще раз прошелся вдоль всей стены, более внимательно изучая каждую часть мозаики. Наконец он дошел до последнего фрагмента, на котором был изображен огненный мальчик.

— Здесь, внизу, какие-то надписи, — сообщил он.

Элизабет подошла ближе. Она увидела три строчки. Верхняя состояла из красивых хараппских иероглифов, вторая была на санскрите, третья — на греческом. Внизу помещалось еще одно колесо чакры.

— Хараппские иероглифы я прочесть не могу, — сказала она. — Никто не может. А под ними можно разобрать лишь несколько слов на санскрите и несколько — на греческом. Остальной текст стерся. То, что возможно прочесть, звучит так: «Мир загорится...» — Она сделала несколько снимков, сосредоточив внимание на огненной фигуре. — Остальное утрачено.

Грей наклонился ниже и прикоснулся к колесу чакры, находившемуся под тремя строчками.

— Этот знак, должно быть, очень важен. Он повторяется снова и снова.

Выпрямившись, он повернулся к большому колесу чакры, вырезанному на полу. В центре его помещался омфал. Элизабет прочитала его мысли: если чакра так важна, значит, то, что находится в ее центре, важно вдвойне. Глаза мужчины сузились, и он направился к камню. До этого они лишь мельком осмотрели его.

— Твой отец спрятал череп внутри камня, находившегося в музее. Возможно, это не простая случайность.

Грей забрался на верхушку омфала.

— Осторожно! — пискнула Элизабет, инстинктивно испугавшись за сохранность столь ценного исторического артефакта.

Обойдя камень, она заметила, что нижнюю часть каменного купола опоясывала еще одна надпись, также сделанная на трех языках: хараппском, санскрите и греческом.

Балансируя на верхушке омфала, Грей посветил фонариком через верхнее отверстие в его полое внутреннее пространство.

— Что вы видите? — спросила она.

— Золото... в виде двух орлов.

Дыхание Элизабет участилось.

— Они смотрят в разные стороны?

Грей перевел взгляд на нее.

— Да.

— Это еще одна из утраченных реликвий Дельф. Орлы Зевса. Согласно преданию, они полетели с его плеч в противоположные стороны, чтобы определить центр вселенной. И встретились в Дельфах, которые с тех пор считались «пупом мира».

— Ваш отец наверняка нашел и их. — Грей сунул руку в отверстие. — Возможно, существует какая-то причина того, почему они спрятаны здесь. Та же, по которой ваш батюшка спрятал череп в музейном омфале.

Пока Грей пытался дотянуться до золотых орлов, Элизабет медленно обходила камень, стараясь перевести надпись.

— Мне кажется, я сумею их вытащить... — сказал Грей.

Элизабет провела пальцем по выбитой строчке и пробормотала слова, которые ей удалось разобрать: «Алчность и богохульство принесут гибель всем».

Она остановилась.

«О нет!»

— Достал, — с торжеством в голосе сообщил Грей, которому наконец удалось дотянуться до золотой реликвии.

— Нет! — резко крикнула Элизабет. — Не надо!

От удивления и неожиданности Грей соскользнул с омфала.

Внутри камня что-то громко бухнуло, а затем под их ногами послышался громоподобный треск. Вслед за этим раздался низкий гул. Он исходил из задней части пещеры, становясь все громче, словно на людей с огромной скоростью несли товарный поезд.

Все застыли, затаив дыхание. Грей выбросил руку в направлении лестницы.

— Наверх! — крикнул он.

Но было поздно.

Из отверстия родника, словно из жерла пожарного брандспойта, ударил столб воды толщиной в два фута. По стене побежали трещины, из которых тоже стала хлестать вода.

Рукотворный потоп.

Ледяная вода била в противоположную стену и заполняла пещеру, сбивая людей с ног. Элизабет повалилась на других. Грей схватил ее за локоть и потащил к лестнице.

— Ловушка!.. — в ужасе прокричала она. — Переключатель давления! Мой отец... пытался предупредить нас...

— Наружу! Наружу! — кричал Грей.

Первые несколько ступеней она преодолела на четвереньках. Позади нее Грей выловил из воды Луку и толкнул его по направлению к ступеням. Вода уже доходила Элизабет до бедер и поднималась с каждой секундой. Грей оставался внизу, у входа в пещеру, и обшаривал ее глазами.

Элизабет поняла, какой вопрос терзает его.

Где Розауро?

Грей потерял ее. Она стояла ближе всего к роднику, когда тот превратился в водяную пушку. Беснующаяся вода превратила пещеру в Мальстрем, в котором отражался луч фонаря. Под поверхностью невозможно было разглядеть ровным счетом ничего. Он стоял в воде уже по пояс. Тем не менее этого было недостаточно, чтобы на такой глубине утонул взрослый человек. И даже если бы Розауро сбило с ног и она потеряла сознание, ее тело должно было плавать на поверхности.

Вот если только...

Грей повернулся к Луке и протянул руку.

— Дай кинжал!

Блеснув серебром, в руке цыгана появился клинок, и Лука положил его на ладонь Грею. Тот сунул ему фонарик.

— Опусти его под воду и держи! — приказал он и нырнул в непрерывно увеличивающееся озеро.

Течение подхватило его и понесло вдоль стены пещеры. Он не сопротивлялся и позволил воде отнести себя к дальней

стене. Оказавшись там и ощутив неистовый напор из отверстия родника, он все понял и, оттолкнувшись ногами, устремился к противоположной стене.

В сознании она или нет, только одно могло удерживать Розауро под водой.

Давление.

Грей нырнул к тому месту, куда уходила вода из родника. В мутном свете фонарика, который Лука по его приказу держал под водой, он различил извивающееся тело, попавшее в ловушку водостока. Розауро накрепко прижало к дренажному отверстию, и одну ее руку уже засосало в него. Грею пришлось слышать о том, как люди тонут точно таким же образом в бассейнах, здесь же сила давления была во сто крат больше.

Грей схватил свободную руку женщины и притянул к ней свое тело, а затем уперся ногами в пол пещеры, расставив их по обе стороны водостока. Женщина повернула к нему лицо, и, даже несмотря на скудное освещение, он увидел ужас в ее широко открытых глазах.

Затем Грей принялся действовать кинжалом. Он уже потерял одного товарища, который утонул, и не допустит, чтобы это повторилось. Рюкзак Розауро наполовину затянуло в дренажное отверстие, и именно он не позволял ей вырваться из плена. Лезвие легко перерезало лямки рюкзака. После этого Грей бросил кинжал, обхватил женщину вокруг груди и стал поднимать.

Первые несколько секунд у ничего не получалось, но затем рюкзак засосало глубже в отверстие, давление, державшее Розауро, ослабло, и Грею удалось выдернуть ее. Крепко держа женщину, он сильно оттолкнулся ногами, и водоворот вынес их на поверхность, прямо к лестнице.

Вода поднялась почти до потолка, до которого оставалось около фута.

Послышалось тяжелое каменное «бум», и напор воды многократно усилился. Вероятнее всего, лопнула задняя стена пещеры, впуслав внутрь всю массу находившейся за ней воды.

Метнувшись вперед, Грей выбрался на первые ступени лестницы и оказался в крепких руках Луки. Цыган помог ему и

Розауро выбраться на лестницу. Женщина капляла и задыхалась. Из ее рта вытекала вода, но, по крайней мере, она дышала. Один выдох она использовала для того, чтобы выдать такое изощренное ругательство на испанском, от которого вспыхнули бы уши даже у Ковальски.

Пещера позади них уже была затоплена до потолка, и вода начала наступление на лестницу, словно преследуя людей.

— Пора уходить, — проговорил Грей.

Он помог Розауро подняться на ноги и махнул рукой Элизабет и Луке, веля им подниматься наверх. Ноги у Розауро подгибались, но через несколько секунд она немного пришла в себя и уже могла двигаться самостоятельно. При этом, правда, правой рукой она бережно поддерживала другую, видимо травмированную, когда ее затащило в водосток.

Быстро, как только могли, они стали подниматься по лестнице, преследуемые пенными бурунами наступающей воды.

Добравшись до начала лестницы, Элизабет скользнула в отверстие потайной двери, повисла на руках, а затем спрыгнула на пол адитона.

— Вылезай! — приказал Грей замешкавшемуся Луке.

Тот повиновался и исчез в дыре.

Следом за этим Грей помог Розауро пролезть через черную мраморную дверь. Она повисла на здоровой руке, потом разжала пальцы и спрыгнула вниз. Грей последовал за ней в тот же миг, когда вода перехлестнулась через верхнюю ступеньку лестницы и омыла его холодной волной.

Он разжал пальцы за секунду до того, как поток воды ударил в дверь и та захлопнулась. Оказавшись на полу, он поднял голову. Дверь была высечена под углом и поэтому могла вращаться только в одном направлении. Теперь давление воды запечатало ее навсегда.

Повернувшись, он услышал ревущий звук, доносившийся из каньона. Блеснула молния. Каньон был заполнен белой от пены, бурлящей водой. Но это был природный потоп, а не последствия неуклюжих и необдуманных действий Грея.

Глядя на это наводнение, Грей понял, почему храмы и жилища тут строили на уступах стен.

Заметил он и кое-что еще. Как, впрочем, и Лука.

— Где все остальные? — прошептал цыган.

Словно услышав его вопрос, у входа появился Мастерсон, опираясь на свою трость. До этого он находился за порогом храма, видимо наблюдая за бушующими водами.

— Благодарение Господу! — проговорил профессор. — Вас так долго не было. Что вам удалось найти?

Элизабет возбужденно шагнула вперед.

— Ответы на все вопросы! Это было потрясающе!

— Вот и прекрасно.

За спиной Мастерсона возникли фигуры в черном, с автоматами на изготовку. Из двух боковых комнат появились другие такие же.

Русский спецназ.

— Вам придется рассказать мне об этом, — проговорил Мастерсон, — поскольку ваш батюшка отказался.

Из внешней двери вытолкали Ковальски, с руками за головой. Его правая бровь была разбита, и из нее по лицу текла кровь. Солдаты заставили его опуститься на колени.

— Они убили Эйба! — прорычал великан. — Пристрелили его, как собаку.

Мастерсон пожал плечами.

— А что тут такого? Он был ачхут, а к ним в Индии относятся хуже, чем к собакам.

Солдаты окружили их кольцом.

Элизабет ошеломленно смотрела на профессора, от изумления почти утратив дар речи. Однако он вернулся, когда она осознала всю глубину предательства, жертвами которого стала вместе с товарищами. Когда она заговорила, в ее голосе звенела ярость.

— Так это вы! Вы предали моего отца!

— У меня не было выбора, Элизабет. Он слишком близко подобрался к правде.

Грей заледенел. До него тоже дошла суть организованной здесь игры. Мастерсону платили за то, чтобы он шпионил за доктором Полком и передавал результаты его исследований своим хозяевам. Но когда отец Элизабет приблизился к разгадке, его решили вывести из игры.

Кто стоял за всем этим?

Мастерсон, должно быть, заметил холодную ненависть в глазах Грея и отступил назад, хотя в данной ситуации тот не мог причинить ему никакого вреда. Пожилой ученый погрозил ему тростью.

— Коммандер Пирс, вы и остальные пока нужны мне живыми. Все, кроме этого большого парня. — Он указал тростью на Ковальски и приказал: — Убейте его.

Глаза Ковальски стали огромными.

Грей кинулся вперед, но ему в грудь уперлись стволы сразу нескольких автоматов.

— Пожалуйста, Хейден, не надо! — вскрикнула Элизабет. — Умоляю вас!

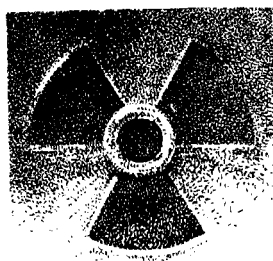
По ее голосу Грей понял, что у женщины перехватило горло. Мастерсон, видимо, тоже. Он посмотрел на Элизабет, затем на Ковальски и закатил глаза.

— Ладно. Только потому, что я в долгу перед вашим отцом. Но если кто-то из вас хотя бы попытается выкинуть какой-нибудь фокус, мы начнем стрелять.

Затем Мастерсон перевел взгляд на Грея.

— Вы желали узнать, куда отправился Арчибальд. — Он развернулся и пошел прочь, бросив через плечо напоследок: — Нужно быть осторожнее со своими желаниями.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

7 сентября, 5 часов 05 минут

Южноуральские горы

Отталкиваясь шестом, Монк гнал плот по болотам, справляясь с этой задачей настолько хорошо, насколько это было возможно для однорукого. Они не могли останавливаться. В ночи на них шла охота. Угнездив шест на сгибе искалеченной руки, здоровой он вытягивал его и снова опускал, отталкиваясь от дна. Плот бесшумно скользил по затопленной долине.

За ночь его глаза успели привыкнуть к тусклому лунному свету, а сам он — приспособиться к управлению плотом. Уже несколько раз они были близки к тому, чтобы столкнуться с аэролодкой, искавшей их на болотах, но воющий звук ее пропеллера и яркий свет поискового прожектора загодя предупреждали Монка о приближении противника и позволяли вовремя найти убежище. Оставаться невидимыми им помогал и густой туман, стелившийся по поверхности воды.

И все же один раз их едва не поймали, когда Монк недооценил вялое течение и плот с громким треском врезался в дерево. Этот звук услышали те, кто находился в аэролодке, и она устремилась в их сторону. Он попытался укрыться под кроной плакучей ивы, но, если бы преследователи как следует пошарили вокруг лучом прожектора, их бы непременно обнаружили.

Спасение пришло оттуда, откуда его никто не ожидал.

Когда аэролодка приблизилась и сбавила обороты, Киска приложила ладони ко рту, набрала в легкие воздуха, а затем издала низкое, жалобное мычание лосихи. Такие звуки они не

раз слышали в ночи. Монк вспомнил, как девочка демонстрировала свои способности, со сверхъестественной точностью подражая голосам птиц. Охотники продолжали искать, но уже не так старательно, а через минуту двинулись дальше.

И все же они не могли вечно рассчитывать на удачу. Хуже всего, понимал Монк, было то, что их медленно, но верно гнали в сторону озера Карачай и его радиоактивных миазмов. Аэролодка прочесывала самые безопасные участки, что заставляло их углубляться в наиболее проблематичную область, оказываясь все ближе и ближе к озеру.

Каждый час Монк, несмотря на риск быть замеченным, зажигал спичку, чтобы проверить цвет их дозиметров. Они ощутимо потемнели, превратившись из розовых в красные. Константин без околичностей предупредил Монка, что один день, проведенный в таком радиационном фоне, означает верную смерть, и вот теперь, гоня плот между островками травы и водорослей, Коккалис чувствовал, как зудит и становится шероховатой его кожа. Он физически ощущал, как невидимая отравя медленно проникает в него.

Дети были еще более чувствительны.

Сейчас все трое, в обнимку с Мартой, спали беспокойным сном. Страх заставлял их просыпаться и вздрагивать при каждом звуке, издаваемом ночным болотом. В конце концов Марта покинула плот и предпочла передвигаться по деревьям. Время от времени она уже это делала, а однажды, ухая и треща ветками, даже отправила аэролодку в противоположном от них направлении. Ее находчивость подарила им целый час спокойного плавания.

Это была очень умная обезьяна.

Монк молился о том, чтобы она оказалась еще умнее перед лицом грозящей им опасности — даже более страшной, нежели угроза радиоактивного заражения.

С приближением рассвета небо на востоке начинало светлеть. После того как рассветет, они станут легкой добычей. Чтобы уцелеть, нужно избавиться от преследователей.

А это означало — создать ложный след.

Константин и Киска собрали обертки от шоколадных батончиков и пустые бутылки из-под минеральной воды. Монк гнал плот напрямиком через заросли болотной травы, оставляя ясно видимый след, а дети разбрасывали вокруг этот мусор.

— Не слишком много, — шепотом предупредил их Монк. — И бросайте подальше от плота.

В течение последнего часа Монк искал самое подходящее место на темном болоте и наконец нашел его: длинная изогнутая заводь, обрамленная густыми зарослями ив и ельника. Он должен был безукоризненно рассчитать время, поскольку второй попытки у них не будет. Однако, учитывая то, что от дальнего берега их отделяло еще не менее двух миль, а солнце должно было взойти вот-вот, рискнуть было необходимо, в противном случае они обречены.

Самый младший из детей, Петр, сидел посередине плота, обхватив колени руками, и смотрел на корму, где двое других бросали в воду мусор, но Монк знал, что взгляд мальчика простирается гораздо дальше.

Достигнув конца заводи, Монк перенес шест вперед, воткнул его в дно и навалился на него всем телом, остановив плот.

Здесь будет их стоянка.

Борсаков сидел рядом с водителем аэролодки. Сиденья располагались высоко над плоскодонным алюминиевым корпусом. Впереди скрючились двое его солдат. Один управлялся с прожектором, второй держал наготове автомат.

После пяти часов бесплодных поисков у Борсакова от шума болели уши. Позади него ревел двигатель и крутился огромный пропеллер. Задевая за сломанный прут защитной сетки, он издавал непрерывный звенящий звук. Поток воздуха, двигавший лодку вперед, клонил к воде остававшиеся позади камыши и трепал ветки плакучих ив.

Наушники были только у водителя. Одна его рука покоилась на рулевом рычаге, вторая — на рукоятке дросселя. За-

пах выхлопных газов и дизельного топлива заглушал сырую болотную вонь. Они шли на малых оборотах по мелководью, луч прожектора обшаривал заросли камышей.

За ночь им повстречались кабан и медведь, шум лодки заставлял испуганно сниматься с гнезд орлов; они проплывали мимо бобровых плотин, и повсюду клубилась мошकारа. Свет прожектора отражался в тысячах маленьких глаз обитателей болот.

Однако до сих пор они не обнаружили никаких признаков беглецов.

А солярки осталась всего одна канистра.

Вой мотора перекрыл обезьяний крик, донесшийся справа. Солдаты на носу лодки тоже слышали его, поэтому прожектор и ствол винтовки тут же повернулись в том направлении. Борсаков прикоснулся к плечу водителя и указал в ту сторону.

В свете прожектора что-то большое пролетело через узкий просвет между деревьями и исчезло в лесу. Борсаков знал, что вместе с детьми исчезло и одно из лабораторных животных. Шимпанзе.

Водитель передвинул рукоятку дросселя вперед, мотор взвыл громче, лодка понеслась по направлению к просвету. Приблизившись к кромке, за которой открытая вода заканчивалась, они сбавили ход. Камыш здесь был примят, образуя четкий след какого-то судна, которое через него прокладывало себе путь в боковую заводь.

Наконец-то!

Борсаков указал вперед.

Миновав просвет, они оказались в узком змеящемся канале, обрамленном ивами. На поверхности воды плавали комья травы. Лодка увеличила скорость. Луч прожектора, разрезая тьму, шарил по сторонам. Автоматчик опустил руку и выловил из воды пустую пластиковую бутылку.

Здесь определенно кто-то был.

Борсаков жестом приказал водителю увеличить скорость, чувствуя, что их цель должна быть где-то рядом. Заводь тяну-

лась вперед плавными изгибами. Лодка повторяла их, забирая то вправо, то влево.

Прожектор высветил и другой мусор, плавающий на воде: какие-то обрывки и новые бутылки. До этого беглецы не допускали подобной глупости. Борсакова охватили подозрения. Он сжал плечо водителя и велел ему сбавить скорость.

Монк услышал, как вой двигателя перешел в негромкое бормотание.

Сидя на корточках рядом с детьми, он видел, как из-за последнего поворота заводи появилась лодка. Она явно сбавляла скорость и плыла слишком медленно. В этом не было ничего хорошего.

Луч света побежал по воде прямо в их направлении. Через секунду их обнаружат. Единственная надежда...

...Слева, из темноты леса, в сторону лодки метнулась длинная темная тень. Она пролетела высоко, избежав встречи с лопастями, но из ее сжатых в кулаки пальцев ног на пропеллер высыпалась пригоршня темных продолговатых предметов. Они падали на огромный пропеллер, словно бомбы из отсека самолета.

Ружейные патроны, найденные ими в избушке.

Они не взрывались, но лопасти разрубали пластиковые гильзы, и их части с силой разлетались в стороны, жая тех, кто находился в лодке. Послышались крики боли. Водитель, сидевший на высоком сиденье, скорчился, затем спрыгнул и до отказа толкнул вперед рукоятку дросселя. Лодка рванулась вперед, как заяц, которого вспугнула собака. Водитель с силой вывернул рулевой рычаг.

Луч прожектора скользнул по поверхности заводи, миновав беглецов, но все же высветив их благодаря отражению в воде. Монк увидел, как мужчина, сидевший рядом с водителем, закричал и стал тыкать пальцем в их сторону.

«Слишком поздно, парены!»

Солдат, сидевших на носу лодки, внезапно отбросило назад. Они упали на тех двоих, что находились сзади. Смешав-

шись в клубок, все четверо ударились о защитную решетку пропеллера. Лодка сложилась вдвое и перевернулась.

Монк услышал предсмертный человеческий крик; брызги крови и куски костей полетели назад, как инверсионный след самолета, а затем лодка, перевернувшись днищем кверху, ударилась о воду, выбросив из двигателя клубы сизого дыма. Проектор продолжал светить сквозь толщу мутной воды.

Монк отвернулся. Раньше с помощью детей из рыболовецкой лески, которую они также прихватили в избушке, он свил прозрачный трос толщиной в палец и натянул его на уровне плеч через заводь. Именно на него налетели сидевшие в лодке, после чего неустойчивое суденышко перевернулось.

С ветвей над плотом прыгнула Марта и тяжело шлепнулась на доски. Петр немедленно оказался в ее объятиях. Она села на плот, часто и тяжело дыша и продолжая обнимать мальчика. Но при этом ее глаза — большие и блестящие в свете луны — были устремлены на Монка.

Монк благодарно и немного нервно кивнул ей.

Ему было необходимо завлечь аэролодку в заводь по оставленному ими следу, а бомбардировка патронами, устроенная Мартой, была нужна для того, чтобы отвлечь внимание охотников от троса, натянутого через канал.

Она блестяще справилась со своей задачей.

Петр прижимался к старой шимпанзе. Чуть раньше, когда Монк рассказал ему свой план, он сел рядом с ней, протянул пригоршню патронов и стал медленно объяснять обезьяне, что от нее требуется. Мальчик говорил на русском, но Монк подозревал, что подлинное взаимопонимание между этими двумя лежит далеко за пределами слов. Под конец Марта взяла патроны нижними конечностями, прыгнула на дерево и исчезла из виду.

Монк перегнал плот в следующий канал. Здесь ленивое течение повлекло их вперед, по направлению к дальнему берегу. Испытывая облегчение оттого, что его ловушка сработала, Монк все же не сомневался в том, что они плывут навстречу еще более страшной опасности.

Однако для него не существовало выбора. На кон были поставлены миллионы жизней.

Монк смотрел на Марту и троих детей. Поскольку он лишился памяти о какой-либо другой жизни, они теперь составляли весь его мир. Ничто другое не имело значения. Он делает все, чтобы защитить их.

Усердно работая шестом, он вспомнил болезненную вспышку, на мгновение озарившую его сознание, когда они находились в избушке.

Вкус корицы, мягкие губы...

Какой была жизнь, которую у него украли?

И сумеет ли он вернуть ее обратно?

0 часов 04 минуты

Вашингтон, округ Колумбия

Едва пробило полночь, как Кэт повесила телефонную трубку, встала из-за стола и бросила взгляд в сторону соседней палаты. Она только что закончила телефонную конференцию с директором Кроу и Шоном Макнайтом. Они находились в кабинете Пейнтера и вели из этого бункера войну с другими разведывательными организациями Америки.

И все это — из-за судьбы девочки.

Кэт тоже не была новичком в данной области и оказала им посильную помощь, но на этом ее возможности оказались исчерпаны. Теперь только от этих двоих зависело, удастся ли расстроить планы Джона Мэпплторпа.

Кэт знала, где может принести наибольшую пользу.

Женщина направилась к двери, которая вела в палату девочки. Ее охранял вооруженный солдат. Задержавшись у окна с зеркальным стеклом, Кэт заглянула в палату.

Обложенная подушками, Саша сидела на кровати с альбомом для рисования на коленях и коробкой карандашей «Край-ола», лежавшей рядом. С сосредоточенным, но спокойным лицом она что-то рисовала. К сгибу ее руки тянулась трубочка капельницы.

Внезапно Саша подняла глаза и посмотрела прямо на Кэт. Стекло было односторонним, и девочка не могла знать, что за ним кто-то стоит, но Кэт не могла отделаться от ощущения, что Саша не просто смотрит на нее, но и видит ее.

Рядом с кроватью в кресле сидел Юрий. Он вырвал Сашу из лап смерти, проявив тем самым высокое мастерство медика. Теперь, видя, как девочка идет на поправку, он испытывал не меньшее облегчение, чем Кэт. Усталый, но довольный, он откинулся в кресле, погрузившись в полудрему.

Кэт повернула голову и кивнула охраннику. Он уже отпер дверь и теперь широко открыл ее. Она вошла в палату. Макбрайд сидел все в том же кресле. Он вставал с него лишь для того, чтобы сделать несколько новых телефонных звонков и сходить в туалет, неизменно — в сопровождении охранника.

По другую сторону кровати, напротив Юрия, стояли Лиза и Малкольм. В руках у каждого были какие-то схемы, и они обменивались фразами и цифрами не менее загадочными, чем любой шифр.

Увидев Кэт, Лиза улыбнулась.

— Ее состояние улучшается прямо на глазах. Мне, чтобы найти нужное лечение, понадобились бы годы.

— Но это только временные меры, — проговорила Кэт, кивнув на Юрия. — Это не лечение.

Лицо Лизы посерьезнело, и она перевела взгляд на девочку.

— Тут ты права.

Юрий поделился с ними долгосрочным прогнозом относительно здоровья Саши. Усиливаясь, ее дар сокращал отпущенный ей срок жизни. Как пламя сжигает свечу, он будет ослаблять, истончать девочку до тех пор, пока от нее ничего не останется.

Чем сильнее дар, тем жарче пламя.

Кэт спросила у Юрия, сколько, по его мнению, отпущено Саше. Ответ заставил ее похолодеть: «Учитывая силу ее дара, еще четыре, в лучшем случае пять лет».

Кэт не хотелось верить в то, что это правда.

Макбрайд, напротив, испытал облегчение, хотя и заявил, что искусство американских врачей поможет как минимум удвоить этот срок. Но даже при этом выходило, что Саша не доживет и до двадцати лет.

— Единственное, чем можно ей помочь, — продолжала Лиза, — это удалить ее имплантат. Саша утратит свои способности, зато выживет.

— Выживет, но в каком состоянии? — заговорил позади них Макбрайд. — По мере взросления ее дар усиливается, но при этом он подавляет симптомы аутизма. Отберите у девочки ее дар, и вы вновь получите ребенка, напроць оторванного от окружающего мира.

— Это лучше, чем лежать в могиле, — парировала Кэт.

— Неужели? — не отступал Макбрайд. — А кто вы такая, чтобы судить? Обладая своим даром, она проживет полноценную жизнь, пусть и короткую. Многие дети рождаются, будучи обречены с самого начала, со смертным приговором, вынесенным им природой. Лейкемия, СПИД, врожденные дефекты... Не должны ли мы предоставить им наилучшее качество жизни, вне зависимости от ее протяженности?

Кэт окинула говорившего мрачным взглядом.

— Вы просто хотите использовать ее.

— Так ли это важно, если пойдет во благо всем?

Кэт повернулась к мужчине спиной, разозленная его аргументами и рассуждениями. Все это звучало чудовищно. Как можно быть столь бессовестно рациональным, особенно когда речь идет о жизни ребенка?

Саша продолжала трудиться над рисунком в альбоме. Она работала быстро, толстым зеленым карандашом, рисуя то в одном месте, то в другом, то в третьем, как казалось, наугад.

— Ей это не повредит? — спросила Кэт.

Юрий, разбуженный завязавшимся разговором, выпрямился в кресле.

— После всего, что случилось, подобная разрядка даже полезна, — откашлявшись, пробормотал он. — Это все равно что приоткрыть вентиль и спустить давление. Пока ее дар не ак-

тивизирован на расстоянии и находится в спящем состоянии, такая работа лишь успокоит ее сознание.

— Что ж, она выглядит вполне довольной, — признала Кэт.

Лицо Саши расслабилось, и на нем даже появилось подобие улыбки. Выпрямившись, она протянула маленькую ручку к Кэт. Затем заговорила на русском и потянула женщину за рукав.

Кэт посмотрела на Юрия.

Тот устало улыбнулся.

— Она говорит, что вы тоже должны быть счастливы.

Саша подтолкнула альбом к Кэт, будто приглашала ее принять участие в раскрашивании рисунка. Кэт опустила в кресло и взяла альбом. На открытой странице была мастерски нарисована сценка: мужчина с помощью шеста толкал плот через темный лес, а за его спиной угадывались другие фигуры.

Руки Кэт задрожали. Она увидела, кто управляет плотом, и теперь силилась понять. Человек был похож на Монка, но ей не помнилось, чтобы Монк когда-либо плавал на плотях. Почему девочка нарисовала это?

Саша, должно быть, почувствовала растерянность взрослой женщины. Ее улыбка сменилась растерянным выражением, а губы задрожали, будто она испугалась, что сделала что-то недозволенное. Она перевела взгляд с Кэт на Юрия. В глазах девочки блеснули слезы, и она что-то забормотала по-русски виноватым и испуганным тоном.

Юрий подвинулся ближе и стал утешать девочку мягким голосом. Кэт заставила себя не показывать обуревающих ее чувств, чтобы не пугать малышку. И все же ее сердце билось в груди чаще обычного. Она помнила, как напрягся Раев, увидев предыдущий рисунок Саши. Тогда ей на долю секунды показалось, что он узнал изображенное на бумаге лицо, но ведь это было невозможно!

Макбрайд поднялся из кресла и, по-видимому заинтересовавшись происходящим, подошел к ним.

Кэт не обратила на Макбрайда внимания. Все это было не его дело. Поверх головы Саши она смотрела на Юрия. У него, как и у девочки, был виноватый вид. Но почему...

В здании раздался приглушенный звук взрыва, прокатившись сверху донизу. Зазвенели сигналы тревоги. Все задрали головы к потолку, а Кэт вскочила на ноги.

Она опоздала буквально на долю секунды.

Макбрайд метнулся вперед и схватил доктора Лизу Каммингс за хвостик ее светлых волос. Он подтащил ее к себе, а сам уперся спиной в стену. Кэт Брайент пыталась вцепиться в него, но промахнулась и упала на пол. Мужчина забился в угол, чтобы не находиться на линии прямой видимости от окна и двери.

Свободной рукой он вытащил из кармана сотовый телефон, нажал на кнопку сбоку, и верхняя панель съехала вверх. Под ним оказалось маленькое дуло. Макбрайд прижал его к горлу Лизы — снизу вверх, так, что в случае выстрела пуля вошла бы в ее черепную коробку.

— Не шевелитесь, — прошептал он ей на ухо.

Пистолеты в виде сотовых телефонов были разработаны специально для телохранителей, но то устройство, которое

Макбрайд получил от Мэпплторпа, являлось настоящим произведением искусства. По нему даже можно было звонить. Вот почему ни во время личного досмотра, ни в ходе сканирования это хитроумное оружие не вызвало у охраны ни малейших подозрений. Оно стреляло патронами 22-го калибра, который, к сожалению, являлся предельным для него.

— У меня пять патронов! — прокричал Макбрайд ошеломленным слушателям. — Сначала я убью доктора, затем ребенка, а потом всех остальных.

Охранник направил на него пистолет, но Макбрайд прикрывался телом Лизы, словно щитом.

— Брось пистолет! — заорал он на мужчину.

Охранник даже не пошевелился, продолжая держать его на прицеле.

— Здесь никто не должен умереть! — проговорил Макбрайд и, подняв голову к потолку, продолжал: — Нам нужен только ребенок. Поэтому положи пистолет!

Кэт поднялась с пола. Она едва не схватила этого типа, но теперь преимущество было на его стороне. Макбрайд пристально смотрел на нее, а она в свою очередь внимательно, как книгу, изучала его. И все же ей пришлось сделать знак охраннику, чтобы тот опустил оружие.

— Брось его и толкни ко мне! — приказал Макбрайд.

Кэт кивнула. Охранник наклонился и положил пистолет на пол.

Задача Макбрайда была простой: стеречь девочку до того момента, когда прибудет Мэпплторп со своими людьми.

— Все, что нам нужно делать, — это ждать, — сказал он. — Так что никаких резких движений и никакого героизма.

Когда взрыв потряс помещения подземного бункера, Пейнтер инстинктивно повернулся к установленному на стене монитору слева от него. На большой экран передавалось изображение из палаты, где лежала Саша.

Пейнтер вскочил на ноги. Его сердце колотилось, в глазах все плыло от злости. Не глядя на панель управления, он включил звук.

— Никаких резких движений и никакого героизма.

Шон, сидевший по другую сторону стола, тоже встал. До их слуха донеслись звуки выстрелов. На монитор позади своего письменного стола Пейнтер вывел изображение с камер, установленных на верхнем уровне «Сигмы». С трудом оторвав глаза от Лизы, он посмотрел назад. Коридор был заполнен дымом, под покровом которого, низко пригибаясь, бежали фигуры в касках, кевларовых бронежилетах и с автоматами наперевес.

— Не могу поверить, что негодяй решился на такое! — воскликнул Шон.

Не было нужды уточнять, кого он имеет в виду.

Мэпплторп.

— Они пришли за девочкой! — прорычал Шон.

— ВСЕМ ЛЕЧЬ НА ПОЛ! — проревел голос, усиленный мегафоном. — ЛЮБОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ БУДЕТ ПОДАВЛЕНО ОГНЕМ НА ПОРАЖЕНИЕ!

Шон подошел к Пейнтеру.

— Этот налет не может быть санкционирован, иначе нам сначала спустили бы письменный приказ. Этот подонок идет напролом, не спросив ни у кого разрешения. — Шон повернул голову к Пейнтеру. — Ты знаешь, что нужно делать.

Пейнтер снова перевел взгляд на Лизу. Он видел оружие, прижатое к ее шее — нежной шее, которую он целовал каждое утро. Но тем не менее он медленно кивнул. На тот случай, если «Сигма» когда-нибудь подвергнется нападению противника, существовал особый план действий, получивший название «План “Ч”».

Но сначала он должен вывести своих людей из-под огня. Это была война между ним и Мэпплторпом, при чем же тут они? Пейнтер поднял трубку телефона.

— Брент!

— Да, сэр?

В голосе его помощника звучала готовность действовать.

— Вводите в действие протокол «Альфа».

— Есть, сэр.

Взвыли новые сирены, призывая персонал эвакуироваться через ближайшие запасные выходы. Мэпплторпу нужно бы-

ло всего лишь расчистить путь к ребенку. Чтобы обезопасить своих подчиненных, Пейнтер намеревался предоставить ему такую возможность.

Шон направился к выходу.

— Я пойду наверх. Попытаюсь договориться. Но если у меня ничего не получится...

— Понятно. — Пейнтер развернулся, выдвинул ящик стола и достал пистолет «ЗИГ-Зауэр» Р220. — На, возьми.

Шон покачал головой.

— Оружие не поможет нам выбраться из этой заварухи.

Когда его друг ушел, Пейнтер, сжимая пистолет, стал смотреть на экран. У него был последний долг перед «Сигмой». Сев за компьютер, он ввел на клавиатуре код чрезвычайного плана действий и прижал большой палец к сканирующему устройству.

На синей схеме вентиляционной системы бункера появился красный квадратик. По умолчанию время обратного отсчета было установлено на пятнадцать минут. Пейнтер удвоил это время и синхронизировал со своими часами — так, чтобы активация произошла ровно в 01.00. Он стоял, переводя взгляд от экрана к двери и обратно. За столь короткое время предстояло сделать так много. И все же...

Быстро печатая, Пейнтер ввел заключительную часть кода активации «Плана “С”». Начался обратный отсчет.

С пистолетом в руке директор Кроу бросился к двери.

7 часов 05 минут

Южноуральские горы

Когда солнечные лучи тронули верхушки окружающих гор, Монк оттолкнулся шестом и загнал плот глубоко в заросли камыша. Передняя часть плота уткнулась в грязный берег.

— Оставайтесь здесь, — велел он детям.

С помощью шеста он нащупал на берегу более или менее твердое место, выбрался на него, а затем повернулся и помог Петру и Киске перебраться на поросший травой холмик неподалеку. Как всегда стремительный, Константин спрыгнул

на берег самостоятельно, но приземлился не слишком удачно и упал. Его усталость была видна по темным кругам вокруг глаз и тому, как он дрожал, поднявшись на ноги. У Марты высадка на берег прошла более успешно: она приземлилась на все четыре конечности.

Монк повел свою команду вперед. Земля оставалась сырой и грязной еще с четверть мили, но когда они поднялись выше уровня болота, под ногами оказалась твердая почва. Плакучие ивы уступили место высоким березам и елям. Потянулись луга, поросшие горечавкой и эдельвейсами.

После того как подъем закончился, их взорам открылась широкая панорама.

В миле от них, на нижней части склона соседней горы, раскинулся маленький городок, разделенный надвое серебристой лентой реки. Монк внимательно рассматривал его. Он выглядел пустынным и давным-давно заброшенным. По обе стороны извилистой гравийной дороги на склон взбирались бесхозные каменные и деревянные постройки. У скалистого берега узкой реки примостилась старая мельница. Ее колесо отвалилось и упало на реку, соединив ее берега и превратившись в подобие моста. Другие постройки развалились сами собой. Все это место, заросшее высокой травой, можжевельником и ельником, производило впечатление дикости и неухоженности.

— Это старый шахтерский городок, — пояснил Константин, развернув карту, чтобы уточнить их местонахождение. — Здесь никто не живет. Опасно.

— Долго нам еще добираться до шахты? — спросил Монк.

Мальчик ногтем измерил расстояние по карте, а затем указал на скопище развалюх.

— После того как пройдем город, еще полмили. Тут недалеко.

Константин перевел взгляд вправо, и на его лице появилось кислое выражение. Объяснять что-либо не было смысла. Там, наполовину скрытая выступом горы, до самого горизонта тянулась черно-зеленая поверхность воды.

Озеро Карачай.

Монк взглянул на свой значок. Тот по-прежнему светился красным цветом. Но, чтобы добраться до города, им придется идти прямо в сторону озера, углубляясь в этот радиоактивный ад.

— Насколько там горячо? — спросил он, имея в виду уровень радиации, и кивком указал в сторону города.

Константин свернул карту и встал.

— По крайней мере, устраивать пикник здесь не стоит.

Монк оценил попытку мальчика пошутить, хотя ни один из них не засмеялся. И все же Монк обнял Константина за плечи и ободряюще прижал к себе, в ответ на что получил слабую улыбку. Редкое зрелище.

Они пошли вперед. Петр и Киска последовали за ними. Марта замыкала процессию.

Они проделали очень большой путь. Обратной дороги не было.

Борсаков видел, как на расстоянии в полмили объект его преследования, его «дичь» исчезает за горной грядой. Беззвучно проклиная мужчину, который вел детей, он встал на колени возле плота беглецов и сдернул с плеча винтовку. Перед тем как использовать оружие, его было необходимо почистить. Ему пришлось долго плыть, а затем пробираться по болотам, в результате чего теперь винтовка забилась грязью и отсырела. Он разобрал ее и внимательно изучил каждую часть: ствол, затворный механизм, магазин. После этого он тщательно протер и высушил все части. Удовлетворенный проделанной работой, он вновь собрал оружие. Привычная, монотонная работа вернула ему спокойствие и решимость.

Закончив с этим, он встал и закинул винтовку на плечо.

Лишившись радики, Борсаков оказался предоставлен сам себе — единственный выживший в катастрофе аэролодки. У водителя пропеллером оторвало руку, одному из солдат корпус перевернувшейся лодки размозжил голову, второго он нашел плавающим в воде вниз лицом.

Уцелел один лишь Борсаков, хотя пострадал и он. На икре ноги у него зияла глубокая, почти до кости, и длинная рана. Он перевязал ее, разорвав на ленты рубашку одного из погибших солдат. Чтобы не потерять ногу в результате заражения крови — а в грязной воде в рану наверняка попала инфекция, — ему понадобится серьезная медицинская помощь, причем как можно быстрее.

Но сначала — дело.

Провал был неприемлем.

Припадая на раненую ногу, Борсаков отправился в погоню.

7 сентября, 8 часов 11 минут

Припять, Украина

— Просыпайтесь!

Грей услышал прозвучавшее слово, но его сознанию понадобилось еще несколько секунд, чтобы осознать его смысл. Хлесткая пощечина обожгла его кожу и помогла прийти в себя. Его голову заполнил свет, который тут же угас, уступив место каким-то расплывчатым образам.

Над Греем склонился Лука и тряс его за плечи.

Кашляя, Грей оттолкнул цыгана, приподнялся на локте и огляделся. Он находился в камере с голым цементным полом, стенами, с которых сыпалась краска, и красной от ржавчины дверью. Свет поступал через единственное зарешеченное оконце, расположенное почти под самым потолком. Под окном на тощей подстилке сидел Ковальски и, свесив голову между колен, стонал от накатывающей волнами тошноты.

Грей сделал глубокий вдох, расслабил тело и попытался вспомнить все, что с ними произошло. Он помнил, как они, преодолевая усталость, выбирались из каньона под дулами направленных на них автоматов, недолгий полет на вертолете, а потом — транспортный самолет на мокрой от дождя взлетно-посадочной полосе. Он пощупал синяк на шее. Как только они поднялись на борт самолета, их накачали наркотиками.

Грей не имел ни малейшего представления о том, куда их перевезли.

— Элизабет... Розауро... — хрипло позвал он.

Лука покачал головой. Он тяжело сполз по стене и уселся на пол.

— Я не знаю, где они. Может быть, в другой камере.

— А где мы находимся, ты тоже не представляешь?

Лука развел руками. Ковальски застонал.

Грей встал на ноги, подождал, пока мир перестанет вращаться перед его глазами, и шагнул к окну. Однако оно располагалось слишком высоко, чтобы он мог добраться до него самостоятельно.

Ковальски поднял голову, увидел, где стоит Грей, и простонал:

— Пирс, вы, должно быть, шутите!

— Вставай, — приказал Грей. — Помоги мне.

Держась за живот, Ковальски все же поднялся на ноги. Он вновь сплел пальцы в импровизированное стремя.

— За кого вы меня принимаете? За свою персональную стремянку?

— Стремянки гораздо меньше жалуются.

Грей встал на сложенные руки Ковальски, ухватился за нижний край окна и с помощью великана подтянулся. Перед ним предстал весьма странный пейзаж. Снаружи раскинулся город, наполовину заросший лесом. Он выглядел заброшенным и пустым. Крыши домов либо заросли мхом, либо провалились, окна скалились острыми кусками разбитых стекол, на пожарных лестницах висели сосульки ржавчины, а из трещин в асфальте росли трава и кусты. На противоположной стороне улицы стоял выпцветший рекламный щит, зазывавший неизвестно кого на какой-то то ли праздник, то ли ярмарку. На нем было изображено чертово колесо и другие аттракционы, к которым направлялась здоровая и счастливая семья.

Вдалеке Грей увидел то самое чертово колесо, что было нарисовано на щите. Оно сиротливо торчало на фоне блеклого неба. Одинокий осколок бывшего благополучия. При виде этой картины Грей почувствовал, как тело налилось свинцом. Он понял, где находится. Заброшенный парк развлечений давно стал символом этого города.

— Чернобыль, — пробормотал он и спрыгнул на пол.

Но зачем их сюда привезли?

Грей вспомнил отчет патологоанатома о вскрытии тела доктора Полка. Радиационные характеристики указывали на то, что ученый получил смертельную дозу именно здесь.

Что, черт возьми, происходит?

В течение следующих минут Грей осматривал камеру и опробовал дверь на прочность. Хотя и ржавая, она оставалась вполне надежной. Различались приглушенные звуки снаружи: шарканье ног, покашливание. Вероятнее всего, охранник. Должно быть, он услышал в камере голоса и сообщил об этом своему начальству, поскольку очень скоро за дверью послышался топот ботинок.

Пришедших было слишком много, чтобы попытаться напасть на них.

Грей отступил назад, поняв, что дверь открывают. В камеру ворвались солдаты в черно-серых униформах и с пистолетами на изготовку. Следом за ними в дверном проеме появился высокий мужчина. Он был чем-то похож на отца семейства с рекламного щита. Правда, его лицо состояло из одних только острых углов и выступов, а подстриженная борода не скрывала волевой подбородок. Он был прекрасно сложен, и это выгодно подчеркивала одежда: темно-синий костюм и красный шелковый галстук. Ниже...

— Классная обувь, — заметил Ковальски.

Мужчина опустил глаза на свои начищенные до блеска полуботинки и нахмурился, недовольный тем, что кто-то взял на себя смелость комментировать его наряд.

— Но ведь действительно классная, — почти оправдываясь, проговорил Ковальски.

Взгляд незнакомца переместился на Грея.

— Доброе утро, командер Пирс. Если вы соблаговолите пройти со мной, мы сможем обсудить кое-какие дела. У нас мало времени.

Грей вспомнил, где находится.

— Только после того, как вы скажете мне, где находятся две женщины, которые...

Его перебил небрежный взмах рукой.

— Элизабет Полк и доктор Шей Розауро? С ними все в порядке, уверяю вас. Более того, их разместили даже комфортабельнее, чем вас. Но у нас было крайне мало времени, чтобы подготовить вам достойную встречу. Сюда, пожалуйста.

Шестеро солдат с пистолетами смазали впечатление от этой изысканной вежливости. Когда Грея вывели, он огляделся. По обе стороны коридора тянулись камеры. По всей видимости, это была заброшенная тюрьма. В некоторых камерах, где двери были открыты, он заметил застоявшуюся воду на полу, ржавые перевернутые койки и кучи отбросов, наваленные по углам.

Коридор привел их в комнату охраны. Отсюда открывался вид на запущенный, заросший сорняками тюремный двор. Вдалеке Грей заметил вентиляционную башню, обозначавшую чернобыльский реактор.

Рядом с Греем резко скрипнул стул. Он обернулся. Посередине комнаты стоял письменный стол, за которым восседал Мастерсон, как и прежде одетый во все белое, но теперь выглядевший вполне отдохнувшим и самодовольным. Грей едва удержался от того, чтобы броситься на мерзавца и свернуть ему шею. Однако сейчас ему были нужны некоторые ответы, а лучшим способом их получить было продемонстрировать хотя бы малую толику сговорчивости.

Его заставили сесть по другую сторону стола. В затылок ему продолжал смотреть ствол пистолета.

В комнате находился еще один человек, женщина. Она стояла позади стола. Ее черные волосы обрамляли бледное лицо. Одета она была тоже в черный костюм, напоминавший по фасону тот, который был на незнакомце, приведшем Грея сюда. Незнакомец подошел к столу и сел, как будто не замечая Мастерсона, после чего сложил руки на столе.

— Я сенатор Николай Солоков. Возможно, вы слышали обо мне.

Грей ничего не ответил, и губы мужчины разочарованно скривились.

— Нет? Что ж, еще услышите.

Он махнул стройной женщине. Та грациозной походкой подошла к Грею, опустилась на одно колено возле его стула, склонила голову и потянулась к его руке. Прежде чем прикоснуться к нему, она вздернула бровь, словно испрашивая разрешения.

Грей пожал плечами. Тогда женщина мягко приподняла руку Грея и подсунула свою ладонь под его. Кончики ее пальцев щекотали его запястье. Она не сводила с него пристально-го взгляда.

— Мы уже побеседовали с Элизабет Полк, — заговорил Николай. — Дочь доктора Полка рассказала нам о вашей находке в Индии. Поистине поразительно! Хотя бы ради этой информации вас стоило привезти сюда. Восхитительно узнать о том, что наши корни простираются в глубь веков, уходят в Древнюю Грецию, к знаменитому Дельфийскому оракулу.

— Ваши корни?

— И Елены тоже, — указал он на женщину. — Мы происходим от одной генетической линии.

Грей вспомнил рассказ Луки.

— От пропавших цыган.

— Да. От доктора Мастерсона я знаю, что вам рассказали о трагичной, но необходимой... э-э... экспроприации цыганских детей. Более того, одним из тех цыганских детей был мой отец. И, я уверен, вы встречали еще одного представителя нашей огромной семьи. Маленькую Сашу. Девочку, наделенную особым даром.

Грей понимал, о ком идет речь, но продолжал сидеть с бесстрастным лицом, изображая полную неосведомленность.

Елена повернулась к Николаю и негромко заговорила по-русски. Сенатор кивнул.

— Значит, вы встречались с Сашей. Пожалуйста, не затрудняйтесь ложью. Елена, — он кивком указал на женщину, — весьма... восприимчива, назовем это так. Она обладает удивительной чувствительностью, измеряя с помощью прикосновения температуру вашей кожи, ваш пульс. От нее ничто не укроется. Она мой персональный детектор лжи.

Николай указал на свое ухо. Елена повернулась и свободной рукой приподняла волосы позади уха. Грей увидел знакомый изгиб стальной полоски. Точно такой же имплантат, как у девочки. Женщина представляла собой взрослый эквивалент Саши, но наделенный иным даром саванта.

— Она удивительное создание, — проговорил Николай.

В его словах прозвучала гордость, но одновременно за ними почувствовалось что-то темное.

Грей посмотрел на мужчину и заметил, что у того чего-то не хватает.

— А где же ваш имплантат? — спросил он.

Глаза Николая сузились. Грей с удовольствием наблюдал появившееся на его лице раздражение. Видимо, ему удалось наступить на больную мозоль. Пальцы сенатора стыдливым движением пригладили волосы над правым ухом.

— Боюсь, подобная жизнь не для меня.

Грей догадался, что лежит за этим признанием. Если ему не установили имплантат, значит, он не обладает даром саванта и родился обычным ребенком. И все же кто-то возвел его на вершины власти в России. Почему? Каким должен быть эндшпиль этой игры?

— Однако вернемся к Саше, — продолжал Николай. — Из-за невероятного переполоха, царящего в Вашингтоне, нам не удалось получить ясной и точной информации относительно ее местонахождения. Именно это стало главной причиной того, что вас доставили сюда из Индии.

«А не пристрелили там же, как Абхи Бханджи», — мысленно закончил фразу Грей.

— Мы очень тревожимся за Сашу и хотим, чтобы она вернулась. Поэтому первое, что мы желаем знать, — это где она и у кого?

Грей посмотрел в глаза русскому.

— Я не знаю.

Елена покачала головой.

— Не могли бы вы попробовать еще раз. Я пытаюсь сделать так, чтобы все было цивилизованно, но не забывайте: у нас четверо ваших друзей, и в случае крайней необходимости...

— Я действительно не знаю наверняка, — ответил Грей. — Когда я видел ее в последний раз, она находилась под опекой нашей организации.

Николай взглянул на Елену, и та кивнула. Пленник говорил правду.

— И вы, как я полагаю, не работаете на Джона Мэпплторпа? Ведь этот предатель пытался убить вас и доктора Мастерсона в отеле в Агре.

— Нет. Мы, наоборот, пытаемся защитить от него ребенка.

— Мудро. Этот человек не заслуживает доверия. В таком случае нам, возможно, удастся договориться. Тем более что теперь у нас есть что предложить в обмен.

— Перво-наперво скажите мне, для чего вам нужна девочка? — спросил Грей.

— Здесь ее дом, ее семья. Мы сможем позаботиться о ней гораздо лучше, чем кто-либо в вашей стране.

— Возможно, так оно и есть. Но почему она так нужна вам? Для чего?

Николай посмотрел на американца пронзительным, пытливым взглядом. Грей почувствовал таящееся за ним коварство, смешанное с глубокой тревогой человека, ищущего признание, стремящегося компенсировать отсутствие какого-то более важного дара.

Грей продолжил давить на это слабое место противника.

— Собираетесь ли вы просто использовать детей вроде Саша, или у вас имеется какой-то другой план в их отношении?

Глаза Николая вспыхнули.

— Не стоит недооценивать наших возможностей и приписывать нам злые намерения. Цели, которые мы ставим перед собой, гуманистичны и направлены на то, чтобы улучшить мир для всех населяющих его людей. Жертвы, требуемые от нескольких детей, ничто по сравнению со злодеяниями, которые ежедневно совершаются в мире и остаются незамеченными.

Николай начинал горячиться, и Грей почувствовал за этим потребность оправдать себя.

— Что это за цели? — спросил он.

— Ни много ни мало — изменить ход мировой истории.

Вот здесь тщеславие Солокова проявилось во всей красе. Он даже выпрямил спину и подался вперед.

— Каждые несколько веков появляется выдающаяся фигура, которая резко меняет историю, перенаправляет магистральные пути развития человечества. Я говорю в первую очередь о великих пророках. Будда, Мухаммед, Иисус Христос. Люди, которые думают настолько нестандартно, видят мир настолько непривычным взглядом, что это новое мировоззрение заставляет человечество пойти по новому пути. Откуда возникают эти фигуры? В чем истоки уникальности их сознания?

Мастерсон поерзал на стуле, разминая затекшую спину. Грей вспомнил рассуждения профессора относительно аутизма и его роли в истории человечества. «Если бы каким-то чудом на земле никогда не существовало аутизма, люди до сих пор общались бы друг с другом, сидя у костра возле входа в пещеру».

— Зачем ждать, пока на картах генетической колоды выпадет нужный расклад? — спросил Николай. — Только представьте себе: если бы эту уникальность можно было вычлениить, изучить и направить на всеобщее благо, наступила бы новая эпоха просвещения. Тем более если эту уникальность можно было бы усилить, поднять до невиданных высот.

Взгляд Николая остановился на Елене.

Грей начал осознавать масштаб планов того, кто сидел перед ним. Это была не просто шпионская деятельность. Николай намеревался взять в руки бразды правления человеческой историей, используя способности индивидуумов, обладающих особым даром. И еще Грей стал понимать, почему Николая наделили такой властью. Кто-то сделал его подставной фигурой, которую, оставаясь за кулисами, поддерживают и которой всячески помогают обладающие уникальными способностями дети. Сам он являлся этакой деревянной фигурой на носу корабля, находясь впереди, но в действительности не обладая ни властью, ни возможностью влиять на что-либо.

Грей попытался представить себе объединенную силу талантов чудо-детей, поставленную на службу одному человеку, и не сумел скрыть охватившие его ужас и отвращение.

— Каким образом вы намереваетесь...

— Довольно! — отрезал Николай. — Теперь, когда вам стали более ясны наши намерения, вам будет проще понять, почему мы хотим вернуть Сашу. Она очень важна для нашей программы и... особенно важна для меня.

Грей прочитал в глазах русского нечто необычное.

— Почему именно для вас?

— Почему? — Николай буравил Грея тяжелым взглядом. — Потому что она больше чем часть эксперимента. Она моя дочь.

Ногти Елены оцарапали запястье Грея. Женщина резко повернулась к Николаю. Очевидно, эта новость стала для нее неожиданностью. Неудивительно, что Грея и его спутников привезли в Чернобыль, находящийся за тысячи километров от Индии.

— Еще до того, как закончится этот день, вы узнаете, на что я способен. — Николай склонился над Греем. В его глазах горела решимость. — И я получу свою дочь обратно.

8 часов 20 минут

Южноуральские горы

Генерал-майор Савина Мартова находилась в самой сердцевине операции «Сатурн». Позади нее жужжал и пощелкивал электропоезд. Он доставил ее сюда и теперь ждал, чтобы отвезти обратно. Поезд стоял в сотне метров от того места, где рельсы, заканчиваясь, упирались в Горнорудный комплекс № 337, заброшенную ныне систему урановых рудников, подобно сотам пронизавшую шахтами южноуральский горный массив. Когда-то в ГРК-337 по восемнадцать часов в сутки гнули спины заключенные, работая в темноте и медленно умирая от радиации.

Сегодня это была свалка сломанного горнопроходческого оборудования, соседствующего с горами камней. В течение пяти лет небольшая команда шахтеров и взрывников успела

до краев заполнить несколько шахт породой, изъятый в ходе работ по подготовке операции «Сатурн».

Площадка, на которой должен был разыгаться главный акт операции «Сатурн», представляла собой небольшую, размером с вестибюль гостиницы, рукотворную пещеру, вдоль стен которой высились строительные леса. Возникшая в результате направленного взрыва, она была завалена различным шахтерским оборудованием: транспортерными лентами, гидравлическими лебедками, распылителями инертной пыли, водяными помпами, брандспойтами. Посреди всего этого возвышалась компактная бурильная установка, оснащенная твердосплавным буром с зубьями из карбида вольфрама. Частично все это будет вывезено следующим поездом, остальное бросят здесь.

Савина наблюдала за тем, как экскаватор грузит выработанную породу в одну из вагонеток поезда, на котором она приехала. Он сделает еще один рейс в ГРК-337.

Все шло согласно расписанию.

Она стояла, уперев кулаки в бедра, широко расставив ноги, и озирала место проведения операции. Ее никак не покидало возбуждение после телефонного разговора с Николаем. Она знала, что сын упрям и склонен к принятию поспешных решений, и поэтому жалела, что рассказала ему про Сапу. Савина не ожидала, что его реакция окажется столь глупой. Где его бесстрашие? У них по-прежнему оставалось десять омега-субъектов, более чем достаточно «посевного материала» для Москвы. Силы этих десяти вполне хватит, чтобы вручить ему весь мир и повести человечество в эру нового Возрождения, к восстановлению Российской империи. Советы будущему царю будет давать не один Распутин, а целых десять. Десять необыкновенных савантов, которые, будучи собраны вместе и стимулированы, сумеют покорить время и пространство, поставив их ему на службу.

Неужели он этого не видит?

Что значит судьба одного ребенка на фоне подобной перспективы!

Впрочем, не одного ребенка, а двух, если считать Петра, сына Николая. Однако дар этого мальчика, хоть и был силен, обладал малой ценностью. Много ли пользы от эмпатии, когда создаешь новый мир? Если мальчик не вернется, то единственной потерей станет его генетический потенциал. Безусловно, это тоже потеря, но вполне переносимая. Кроме того, еще существовала надежда на то, что мальчик вернется. Во время последнего сеанса радиосвязи с лейтенантом Борсаковым он сообщил, что направляется в Асановские болота. В темноте найти кого-либо было сложно, но сейчас солнце уже поднялось, и Савина ждала новостей с минуты на минуту. По крайней мере, она постаралась уверить в этом Николая.

В конце концов, все это сейчас уже не имело значения. Со временем Николай поймет это.

К ней подошел техник в белом комбинезоне, каске и с респиратором на лице. Это был инженер из Санкт-Петербургского горного института.

— Мы готовы к испытанию щита и диафрагмы, — сказал он.

Савина кивнула. После этого заключительного испытания все люди отсюда будут эвакуированы. В связи с изменением графика последние два дня ей приходилось то и дело подгонять своих людей, чтобы они уложились вовремя. Операция Николая была назначена на сегодня, а операция Савины должна была состояться через две недели. Но из-за недавнего предательства Мэпплторпа было принято решение провести обе операции в один день. Как только Савина получит сведения об успехе Николая, она сразу же разыграет свою партию.

— Доложите, как обстоят дела, — приказала она.

Из-за респиратора голос инженера звучал глухо.

— Мы провели полную диагностику, перепроверили уровень солярового масла в игданите*, провели зондирование покрывающей толщи георадаром и проверили все электрические

* Игданит — простейшее взрывчатое вещество, применяемое в горных работах.

системы. Мы готовы в любой момент эвакуировать людей и открыть диафрагму. Испытания проведем прямо сейчас.

— Очень хорошо.

Она проследовала за мужчиной через проход под строительными лесами. Буровую установку на самоходном шасси уже отогнали в сторону. Савина взглянула на стену пещеры. Начинаясь здесь, вверх под крутым углом поднималась шахта диаметром в два метра, вдоль которой тянулась лента транспортера. В конце шахты, на расстоянии примерно в полкилометра, горел свет и мелькали крохотные тени. Взрывники заканчивали последние приготовления.

Савина по достоинству оценила их скрупулезность и дошность.

В конце шахты было высверлено более пятидесяти шурфов толщиной в большой палец руки и глубиной в метр, в которые затем забили заряды игданита. Шурфы были просверлены в толще горного разлома прямо под озером Карачай. Соединенные таким образом, чтобы взорваться в последовательном порядке, заряды сделают дыру в дне ядовитого озера, и его вода, насыщенная стронцием и цезием, устремится в шахту.

— Прошу сюда, генерал-майор.

Инженер жестом пригласил Савину пройти в центр пещеры.

В пол был вмурован круглый люк диаметром три метра. Савина купила его у мурманского судоремонтного завода «Северморпуть». Люк предназначался для пусковых шахт межконтинентальных баллистических ракет и представлял собой шесть стальных листов толщиной в полметра, собранных в виде диафрагмы фотоаппарата и действующих по тому же принципу.

Савина подошла к столу, на котором стоял ноутбук. С него осуществлялось управление испытаниями. На экране светилась инженерная схема сооружений. Рядом, заинтересовавшись происходящим, остановились несколько мужчин.

Инженер проговорил что-то в рацию, выслушал ответ и кивнул.

— Я соединился с центром управления. До запуска — десять секунд.

Савина скрестила руки на груди. Центр управления находился в Челябинске-88, в одном из заброшенных жилых домов, оставшихся с советских времен. Техники оснастили маленькую комнату мониторами и компьютерами. После того как с площадки эвакуируют людей, происходящее будут снимать тридцать телекамер.

Инженер вел обратный отсчет:

— Три... два... один... Пуск!

От люка шахты раздалось электрическое гудение, и его стальные лепестки раздвинулись. Из шахты слышался гул текущей воды. Савина подошла к краю диафрагмы и заглянула внутрь. Вертикальная шахта, пробитая в толще горной породы, спускалась на двести метров вниз.

Подошел инженер и направил в глотку шахты луч мощного фонаря. Там, далеко внизу, бежал серебристый поток, отразивший свет. Под уральскими отрогами протекало несколько таких подземных рек, которые брали начало на горных вершинах. По другую сторону Уральского хребта они впадали в Каспийское море, но здесь водоносный слой соединялся с несколькими реками, в первую очередь Течей и Обью, впадающими в конце концов в Северный Ледовитый океан.

Савина подняла голову и посмотрела в шахту, которая велла к дну озера Карачай. В нем содержалось в сто раз больше стронция и цезия, чем было выброшено в атмосферу после аварии в Чернобыле. А чернобыльское радиоактивное облако обошло вокруг всего земного шара.

Карачай представлял собой непреходящую опасность. Геологи прекрасно знали о состоянии грунтовых пластов под дном озера. В любой момент даже самое незначительное землетрясение могло вызвать сдвиг горных пород, в результате чего вся радиоактивная «похлебка» из озера оказалась бы в водоносном слое Уральского хребта. Исследования, проведенные учеными из Норвегии, показали, что подобная катастрофа убила бы добрую половину флоры и фауны Северного Ледовитого океана, одной из главных кладовых планеты. Оттуда смерто-

носное облако станет распространяться дальше, покуда не окутает половину планеты, причем наибольший ущерб будет нанесен Северной Европе. По самым скромным оценкам, от первичного излучения и вызванных им онкологических заболеваний должно было погибнуть сто миллионов человек, а последующие затем экономический крах и непоправимый ущерб, нанесенный окружающей среде, могли удвоить, а то и утроить эту цифру.

Савина перевела взгляд с шахты наверху на реку внизу. Да, возможность подобной опасности всегда признавалась, но вряд ли принималась всерьез. Все, что оставалось сделать Савине, — это чуть-чуть подтолкнуть природу.

И тогда мир запылает.

При мысли о величии того, что должно произойти, ее дыхание участилось. Из этого радиоактивного огня поднимется новая Российская империя. Как феникс, она возродится из собственного радиоактивного прошлого.

Ее ничто не остановит.

Всю свою жизнь, всю душу Мартова отдала Муравейнику и сделала это во благо Родины. И после стольких жертв, после такого кровопролития — что осталось от России? На протяжении последних десятилетий Савина была свидетелем того, как ее страна превращается в жалкую, погрязшую в коррупции тень самой себя. Теперь, под конец жизни, Савина подарит ей новую надежду. Это будет ее дар, который примет из ее рук и понесет дальше ее сын.

Она выжжет коррупцию и создаст новый мир.

— Что-нибудь еще, генерал-майор?

Она качнула головой.

— Нет, я увидела достаточно.

Инженер кивнул и подошел к стальному рычагу, торчавшему из пола рядом со столом наподобие рукоятки ручного тормоза в автомобиле. Сняв блокировку, он перевел рычаг в противоположное положение. Диафрагма у ног Савины закрылась, запечатав шахту. Дело еще не было доведено до конца, поэтому работяги, задержавшиеся, чтобы посмотреть на то, как действует диафрагма, вернулись к работе. Они прошли

прямо по люку диафрагмы, как делали на протяжении последних двух лет — с тех пор, как эта шахта была закончена.

Операцию «Сатурн» можно начинать.

Савина развернулась и пошла к поджидавшему ее поезду. Ей тоже нужно было закончить кое-какие дела в Челябинске-88. Она взглянула на часы. Скоро Николай отправится на церемонию в Чернобыле. Несмотря на воцарившуюся в последние часы суматоху, он держал ситуацию под контролем. С ним или без него, но все системы установлены и сработают так, как им положено. Все идет своим чередом. Ничто не сможет встать на их пути.

Когда Савина вошла в вагонетку и двери закрылись, она обернулась и в последний раз окинула взглядом площадку, где разыграется главное действие операции «Сатурн». Она попыталась думать о миллионах людей, которым суждено умереть, но они были абстракцией. Это число было слишком велико, чтобы иметь человеческое лицо. Обычная статистика, и больше ничего.

Поезд тронулся и стал набирать скорость, направляясь обратно в Муравейник. Там сейчас тоже полным ходом шли последние приготовления. Учителя и ученые готовились к эвакуации: стирали жесткие диски компьютеров, сжигали распечатки с данными. Готовили и детей. Но не к эвакуации. Им предстояло совершить последнее путешествие на поезде. Всем, кроме тех десяти, которые останутся с ней.

Савина попыталась представить лица остальных детей. Их было шестьдесят четыре, включая младенцев. Большинство детей она знала по именам.

Савина прикоснулась рукой к стене тоннеля, по которому ехал поезд. Ее ноги дрожали, а в груди боролись противоречивые чувства. Она не пыталась сопротивляться этому. Комок поднялся из груди и застрял в гортани. Несколько горячих слезинок стекли по щекам. В этот интимный момент она позволила себе отдаться на волю эмоций. Она знала, что такое гуманность, и сейчас оплакивала ее.

Но это был лишь момент слабости.

Когда поезд начал замедлять ход, Савина вытерла лицо, похлопала себя по щекам и сделала несколько глубоких вдохов. Жребий брошен, и обратной дороги нет.

Необходимость — жестокий хозяин.

И она должна быть такой же жестокой.

9 часов 32 минуты

Припять, Украина

Николай и Елена сели в лимузин. От стоянки возле гостиницы «Полиссия» то и дела отъезжали автомобили с политиками и официальными лицами. Начиная с полуночи съемочные группы телевизионщиков, съехавшиеся со всего мира, составляли камеры и готовили свои фургоны со спутниковыми антеннами на крышах. С первыми лучами солнца стали прибывать звезды и знаменитости, готовые раздавать интервью и позировать перед объективами.

В следующие несколько часов взгляды всего мира будут устремлены на Чернобыль. Здесь разыграется последний акт прежней ядерной эры и стартуют переговоры на высшем уровне, призванные определить будущее атомной энергетики. Таков был официальный план.

Однако у Николая имелся собственный.

Когда захлопнулась дверь лимузина, Николай и Елена впервые за последние несколько часов оказались наедине друг с другом. Он повернулся к ней.

— Прости. Я должен был рассказать тебе про Сашу и Петра.

Елена яростно тряхнула головой. После допроса американца она не произнесла ни слова и даже сейчас отчужденно смотрела в окно автомобиля. Саша и Петр всегда занимали особое место в ее сердце, но это было нечто большее, нежели обычная привязанность. Этим детям дала жизнь старшая сестра Елены, Наташа. Она умерла во время родов.

— Ты знаешь, какие правила на этот счет существуют в Муравейнике, — заговорил Николай после того, как лимузин тронулся с места и покатил по улице. — Все записи о рождениях хранятся в секрете.

Такова была политика, принятая с первых дней существования Муравейника. Дети знали только своих братьев и сестер. Это было необходимо для того, чтобы исключить возможность кровосмешения. Скрещивание и воспроизводство определялось и контролировалось генетиками.

Николай, однако, не входил в число рядовых воспитанников Муравейника. Поскольку он являлся сыном его основательницы, для него изобрели легенду, описывающую его жизнь с момента появления на свет в обычном роддоме Екатеринбурга. Придумали ему и фамилию — Солоков. Мать предпочла бы дать сыну фамилию Романов, но это было бы слишком очевидным. С самого начала ему была уготована необыкновенная судьба, поэтому он пользовался некоторыми привилегиями.

— Как-то раз я просмотрел картотеку оплодотворений, — рассказывал Николай. — Мне было интересно, есть ли у меня дети. И именно тогда я обнаружил, что являюсь отцом Саши и Петра. Но мне запретили говорить об этом.

Он протянул ладонь к колену женщины, но его рука, дрожа, повисла в воздухе, как будто он боялся прикоснуться к ней.

— Откровенно говоря, моя мать благословила наш союз, именно руководствуясь соображениями производства одаренных детей. Ей хочется добиться повторения столь удачного пересечения генетических линий.

Елена даже не повернула головы. В глубине души Николая радовала эта холодность и самоконтроль женщины. Ему хотелось прикоснуться к ней, но она еще не дала согласия на это.

— Пожалуйста, милая, прости меня.

Елена проигнорировала его.

Он вздохнул и стал смотреть вперед.

Они приближались к Чернобылю. Высоко в небо поднималась вентиляционная башня в оплетке из металлических конструкций. Вокруг нее стояли бетонные постройки. Среди них втиснулось массивное сооружение черного цвета. Оно выглядело влажным, будто потело. Неудивительно, что его назвали

саркофагом. Оно действительно напоминало черную могилу, а внутри его находились руины четвертого энергоблока.

Николай видел фотографии, сделанные на месте аварии: выжженный центр в обрамлении перекрученных, искореженных стальных свай и опор. В одной из комнат сохранились часы — закопченные и наполовину расплавившиеся. На циферблате навсегда остановилось время, показывая час и минуту, когда случилась трагедия. В руинах под саркофагом остались похороненными двести тонн урана и плутония. Эта адская смесь находилась в состоянии спекшейся лавы, возникшей в результате термоядерного сплава топлива, бетона и двух тысяч тонн горючих веществ. Куски взорвавшегося реактора разлетелись с такой силой, что даже пробили внешние стены. На нижнем уровне дождевая вода и остатки топлива образовали радиоактивную жижу.

Стоит ли удивляться, что понадобилось новое решение?

Ответ находился слева от нынешнего могильника.

Его называли по-разному: Укрытие, Арка жизни, Новый саркофаг. Апрочное сооружение в виде ангара возвышалось на высоту тридцатисемизэтажного дома. Сооружение весом в двадцать тысяч тонн простиралось на четверть километра в ширину и полкилометра в длину. Его чудовищные размеры заставляли опасаться, что внутри его станут формироваться облака и проливаться дожди. С внутренней стороны Укрытия был установлен монорельсовый робокран. После того как оно встанет на место, он, управляемый техниками, находящимися снаружи, поэтапно разберет старый саркофаг.

Однако план Николая уже был запущен в действие.

Укрытие, установленное на стальную перфорированную платформу, медленно двигалось по рельсам, влекомое двумя могучими гидравлическими лебедками. Это было самое большое передвижное сооружение, когда-либо построенное человеком. И в одиннадцать часов утра оно будет установлено над старым саркофагом, полностью накроет место аварии и будет наглухо запечатано. Новый саркофаг навсегда похоронит ужасную страницу истории России и провозгласит начало новой.

Не случайно это событие было приурочено к началу саммита по вопросам ядерной энергетики. Саммита, которому, увы, не суждено состояться.

Лимузин направлялся к гостевым трибунам, возведенным вдоль южной стороны старого саркофага. Места постепенно заполнялись приглашенными VIP-персонами. С возвышения, установленного перед зрителями, уже звучали речи официальных лиц России и США. Все они, разумеется, были посвящены сегодняшнему событию и выверены таким образом, чтобы закончиться в момент установки гигантской стальной конструкции.

Это идеально отвечало плану Николая.

На мгновение на него накатила волна страха. Почти такого же, какой он испытал, стоя на возвышении перед журналистами и зная, что убийца смотрит на него в оптический прицел. Вот только сегодня риск был в тысячу раз больше.

Он почувствовал, как на его руке сомкнулись пальцы, повернулся и увидел, что Елена взяла его за руку. Все еще злясь, она по-прежнему смотрела в окно, давая ему понять, что «разговор еще не окончен». Ногти Елены впились в ладонь Николая — обещание того, что его ждет примерное наказание.

Он откинулся на сиденье лимузина. Боль помогала сконцентрироваться.

Впереди гигантский стальной ангар закрыл место чернобыльской трагедии.

Ему было известно, что должно произойти.

И он определенно заслуживал наказания...

10 часов 04 минуты

Грей, словно пойманный тигр, метался по камере, в которой они оказались. Внезапно что-то загремело. Ковальски вскочил, а задремавший было Лука очнулся и открыл глаза.

— Что еще за хрень? — осведомился Ковальски.

Это был звук открывающегося стального засова. В следующую секунду дверь камеры распахнулась.

Через ноги в солдатских ботинках распростертого на полу охранника перешагнул человек.

— Торопитесь, — сказал он и махнул в сторону двери своей тростью с рукояткой из слоновой кости.

Грей не верил своим глазам.

Это был доктор Хейден Мастерсон.

Ничего не понимающий, Грей словно окаменел и был не в состоянии пошевелиться. Он боролся между двумя желаниями: свернуть этому человеку голову или пожать ему руку.

Мастерсон прочитал его мысли.

— Коммандер, я работаю на «МИ-шесть».

— Британскую разведку?

Старик с усталым вздохом кивнул.

— Объяснения потом. Нам нужно сваливать. Быстро!

Не добавляя больше ни слова, Мастерсон пошел по коридору, ведущему от камеры. Трое бывших узников — за ним. Грей задержался, чтобы забрать у бесчувственного охранника оружие — пистолет российского производства под названием «Грач». Охранника вырубил, у него был сломан нос. Похоже, Мастерсон пользовался тростью не просто для внешнего эффекта.

Грей догнал Мастерсона. Когда он заговорил, в его голосе звучало недоверие.

— Вы что, оперативник британской разведки?

— Может, он — Джеймс Бонд? — пробурчал позади Грея Ковальски.

Мастерсон продолжал рысать вперед, но взглянул на Грея.

— Вообще-то я в отставке. — Он пожал плечами. — Если это можно назвать отставкой.

Грей оставался настороже, но можно ли было подозревать в коварстве человека, только что освободившего их из плена?

Мастерсон, задыхаясь от бега, продолжал говорить:

— Меня завербовали в разведку после того, как я окончил Оксфорд и обосновался в Индии во время советской оккупации Афганистана. Я ушел в отставку десять лет назад, а потом ввязался в эту авантюру, поскольку кое-кто предложил мне хорошие деньги за то, чтобы шпионить за Арчибалдом Полком. Я очень скоро понял, что за этим стоят русские. И после

этого я связался с «МИ-шесть» и рассказал им обо всем. Они проигнорировали мое сообщение. Никто не воспринимал работу Арчибальда Полка в качестве угрозы для мира. Откровенно говоря, и я тоже. До тех пор, пока он не был похищен и убит в Вашингтоне. Я пытался расшевелить парней из «МИ-шесть», но кто сегодня станет слушать старика? Можете считать это инстинктом, выработавшимся за десятилетия работы в разведке. Я знал, что готовится нечто крупное и кровавое. Поэтому, к сожалению, потеряв Арчибальда, я был вынужден использовать всех вас.

— Использовать нас? — рявкнул Ковальски. — Они убили Эйба!

Мастерсон моргнул.

— Я пытался остановить их, но наш друг оказался слишком горяч. Он решил воспользоваться своим мечом-плетью. — Мастерсон скорбно покачал головой. — Азарт молодости, а что еще!

— Стоп! — Ковальски вдруг осенило. — Но ты же хотел меня убить!

Грей отмахнулся от него.

— Мастерсон играл роль.

Старик кивнул:

— Я должен был быть убедителен.

— Твою мать! Ты здорово меня убедил!

— И слава богу, что мне это удалось! — Мастерсон повернулся к Грею. — Этот негодяй собирается убить лидеров половины мира.

— Что?!

Мастерсон подвел их к лестничному проему рядом со старой комнатой для охраны и заговорил шепотом:

— Там, внизу, еще люди. Они держали меня взаперти. Я такой же пленник, как и вы. Сейчас я пойду освобожу Элизабет и доктора Розауро. — Он указал в конец коридора, дальше комнаты охраны. — Если мне удастся вызволить ваших крутых подружек, мы попытаемся найти телефон и сделать пару звонков, чтобы свалить отсюда.

— Возьмите с собой Луку, — предложил Грей.

Он хотел обезопасить старика. Кроме этого, присутствие цыгана убедит женщин в искренности намерений Мастерсона, которого они считают предателем.

Лука согласно кивнул головой.

— Хорошо. Он может мне понадобиться, — проговорил Мастерсон.

Он вытащил из кармана русскую портативную рацию и передал Грею. Теперь у них была связь.

— Но главное сейчас...

— Знаю, — перебил его Грей. — Я должен остановить Соколова.

Мастерсон кивнул.

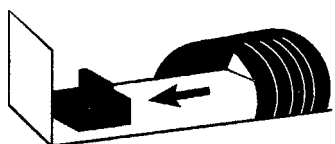
— У вас меньше часа. Я не знаю точно, каков его план, но он связан с церемонией в Чернобыле.

— С какой еще церемонией?

Мастерсон вытащил из кармана пиджака лист бумаги, развернул его и передал Грею.

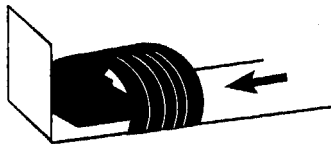
— Они перекрывают старый саркофаг в Чернобыле. Огромным стальным ангаром.

ПЛАН ВЫПОЛНЕНИЯ УБЕЖИЩА

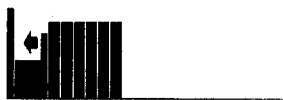
Саркофаг

Новое укрытие

Саркофаг

Новое укрытие

Пока Грей рассматривал рисунок, Мастерсон продолжал говорить, перечисляя знаменитостей и лидеров государств, которые должны были присутствовать на утренней церемонии.

— Я не знаю, что затеял Николай. Слышал только два слова: операция «Уран».

— Операция «Анус»?* — переспросил Ковальски. — Звучит неприятно.

Грей пропустил эту реплику мимо ушей и спросил Мастерсона:

— Где Солоков сейчас?

— Едет в Чернобыль.

Грей вместе с Ковальски бежал вниз по ступеням, а в его мозгу метались мысли. Что бы ни задумал мерзавец, он наверняка использует атомный реактор. Операция «Уран»... Почему он выбрал такое название?

Со времени воинской учебы Грей помнил: операция «Уран» означала самое ужасное кровопролитие.

Именно так Советский Союз называл контрнаступление в битве под Сталинградом.

Так откуда такое название?

Что-то беспокоило Грея, тревожило его. И не зря. Впереди, перед выходом из тюрьмы, расположились двое стражников. Они стояли спиной к Грею.

Он поднял взятый у охранника пистолет.

Тревоги подождут.

* Игра слов. По-английски «Uranus» звучит так же, как «your anus» («твой анус»).

7 сентября, 10 часов 07 минут

Южноуральские горы

Солнце всходило, но утро было отвратительным. Монк, пригнувшись, крался по усыпанной гравием дороге, тянувшейся через весь город-призрак. Все здесь заросло непомерно вымахавшими кустами и сорняками, и от этого создавалось ощущение, что они бредут по пояс в зеленой воде. Первым шел Константин, за ним — Монк. Петр и Киска замыкали процессию. Марта тоже не отставала, но из-за малого роста она с головой утопала в зеленом море, и о ее местонахождении можно было догадаться только по шевелению верхушек травяных зарослей.

— В этих горах мало угля, — принялся объяснять Константин, зевнув так, что у него хрустнула челюсть. — Поэтому в здешнем регионе шахтеры добывали в основном металлы и железные руды.

Монк понимал, что мальчика раздражают два чувства: усталость и страх. Поэтому, чтобы побороть их, он и говорил так спокойно.

— Кобальт, никель, вольфрам, ванадий, бокситы, платина...

Монк вполуха слушал его болтовню, продолжая при этом внимательно осматривать город во всех направлениях. Здания выглядели построенными наспех, из досок; по обе стороны дороги тянулись приподнятые над ее уровнем дощатые тротуары. Они миновали состоящее всего из одного большого класса школьное здание с уцелевшими окнами и до сих пор

сохранившимися в нем деревянными партами. Прямо посередине дороги навсегда застыли два проржавевших зеленых грузовика советской эпохи. Вдоль фасада единственного здесь кирпичного здания вытянулась надпись на кириллице. Монк не мог прочитать ее, но, судя по полкам и обстановке внутри, когда-то здесь размещался универмаг и почтовое отделение. Рядом расположилось питейное заведение, на полках которого все еще стояли покрывшиеся пылью бутылки.

Казалось, будто в один прекрасный день все население города разом покинуло свои жилища и ушло отсюда не оглядываясь.

Монку не было нужды гадать, почему это могло случиться. С высокого места, на котором они находились, было хорошо видно широко раскинувшееся озеро Карачай, обрамленное грязными берегами и отражающее солнечный свет с обманчивой беззаботностью, за которой скрывалось его ядовитое нутро. Монк взглянул на значок, прикрепленный к рюкзаку. Красный цвет сменился малиновым. Он проверял его каждые несколько минут.

Константин заметил его взгляд.

— Мы не должны находиться здесь больше часа. Тут очень опасно. Нам нужно как можно скорее спуститься под землю.

Монк кивнул и посмотрел вверх. Вход в шахту располагался в миле от них, выше по склону холма. Уже были видны металлические наземные строения и похожие на скелеты подъемные краны, обступившие большое сооружение на склоне. По обе стороны от него высились два больших железных колеса, задачей которых некогда являлся подъем на поверхность добытой в шахте породы. Гравий, по которому они ступали, по всей вероятности, был вынут именно из этой шахты.

Монк ускорил шаг.

Впереди, за крутым изгибом дороги, взбиравшейся к вершине, появилось еще одно большое сооружение — водяная мельница высотой с трехэтажный дом, самый высокий объект в городе. Ее колесо, зеленое от мха и лишайника, слетело

с оси и упало поперек речушки. Вероятно, это случилось в результате произошедшего здесь когда-то наводнения местного масштаба.

Они продолжали идти, и вдруг Киска закричала.

Монк резко развернулся и увидел Петра, застывшего, как изваяние, с глазами, расширившимися от ужаса.

У Монка сдавило в груди.

«Нет... только не здесь!»

Марта обошла мальчика кругом, также почувствовав его испуг. Как и Монк, шимпанзе не знала, где затаилась опасность и от кого она может исходить, но обоим было ясно: Петр отчетливо почувствовал ее.

Монк вспомнил тигра с порванным ухом.

Захар.

Зверь не мог выследить их по следу, тем более что значительную часть пути они проделали по воде, однако тигры — умелые пловцы. Этот полосатый охотник, должно быть, перебрался через болота и устроил им здесь засаду. Монк не ожидал от Захара подобной хитрости.

Монк окинул взглядом высокие травы и нагромождение зданий. Хищник мог прятаться где угодно. У Коккалиса зашевелились волосы на руках. Он словно наяву видел устремленный на него взгляд зверя, суливший смерть, а они сейчас находились на открытом пространстве и были совершенно беззащитны. У них не было никакого оружия. Единственного имевшегося у них ножа они лишились, когда Марта атаковала Аркадия.

— Назад, — проговорил Монк, указав на кирпичное здание. — Двигайтесь медленно и идите к магазину.

Несмотря на наличие в здании окон, оно выглядело вполне надежным укрытием, кроме того, на полках магазина они могли найти что-нибудь для самозащиты. Монк притянул Петра к себе. Мальчик дрожал всем телом. Тесно прижавшись друг к другу, они двинулись обратно по тропе, которую только что сами же и протоптали в траве.

Монк, то и дело оглядываясь, пристально смотрел назад — в основном потому, что то же самое делал Петр. Теперь он безоговорочно доверял инстинктам мальчика. Мельница стояла по другую сторону речки, там, где дорога поворачивала к шахте. Монк знал, что тигры часто выбирают для засады высокие места, предпочитая затаиться на большом валуне, в ветвях дерева, на выступе скалы — там, откуда они могут спрыгнуть на свою добычу.

Словно почувствовав, что он обнаружен, тигр полосатой тенью плавно выпрыгнул из верхнего окна мельницы. Не будь Монк предельно сосредоточен, он не заметил бы этого. Зверь тут же исчез в высокой траве.

— Бегите! — крикнул он Константину и Киске, а сам рывком подхватил Петра и зажал его под мышкой.

Двое детей, шедших теперь впереди него, припустились со всех ног. Монк последовал за ними. Сзади скакала Марта.

За их спинами послышался громкий треск досок, будто кто-то тяжелый пересек речку по мельничному колесу. От распахнутой двери универмага их отделяли какие-то тридцать ярдов. Совсем близко. Монк мысленно молился о том, чтобы где-нибудь рядом со входом оказался холодильник, которым можно было бы забаррикадировать дверь.

Сзади раздался хрустящий звук выстрела. Пуля ударила в дорогу, и разлетевшийся в разные стороны гравий больно впился в его ноги.

Монк нырнул вбок, съезжился и покатился по высокой траве, прикрывая Петра своим телом. Он катился до тех пор, пока не оказался за ржавым кузовом одного из старых грузовиков.

Снайпер стрелял с нижней части улицы.

Скорее всего, это был один из русских солдат.

Повернув голову, Монк увидел, как Константин и Киска, словно испуганные косули, прыжками несутся по деревянному тротуару и вбегают в открытую дверь универмага. Туда же одним скачком за ними влетела и Марта. От нового выстрела разлетелось окно, но эти трое уже находились в безопасности.

Монк на корточках сидел за грузовиком. Ему не удалось бы добежать до магазина, не оказавшись при этом на открытом пространстве.

Он взглянул вверх по улице.

Там не было видно никаких признаков присутствия тигра. Не колыхалась ни одна травинка, не хрустел гравий под огромными лапами. Наверное, выстрелы заставили Захара затаиться, напугав животное не меньше, чем их. Он лежал, прячась где-то там.

Теперь Монк находился в западне между тигром и стрелком. Но это была далеко не единственная опасность. Другая, не менее страшная угроза нависла над ними. У границ города жизнерадостно поблескивало озеро Карачай, наполняя все вокруг смертоносной радиацией. Даже просто оставаться здесь означало смерть.

12 часов 30 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Сирены продолжали завывать, а Юрий стоял у кровати Саше, закрывая ее от Макбрайда. Девочка, сверхчувствительная к любым громким звукам и уж тем более к вою сирен и крикам людей, лежала, закутавшись в простыни и зажимая уши ладонями. Находившаяся по другую сторону кровати Кэт Брайент подошла к Саше и стала гладить ее по голове, пытаясь успокоить. Позади женщины стояли патологоанатом Малкольм Дженнингс и охранник.

Юрий посмотрел на Макбрайда. Тот, в нескольких шагах от них, вжался спиной в угол комнаты, вцепившись одной рукой в светлые волосы своей заложницы, доктора Лизы Каммингс. Он все так же прижимал свой телефон-пистолет к ее шее.

Все они оказались в тупике.

А Мэпплторп и его командос уже топали сюда, вниз. При мысли о том, что мерзавец наложит свои мерзкие лапы на девочку, у Юрия вскипела кровь. Он не мог этого допустить.

Юрий переместился к металлическому столику, на котором были расставлены флаконы с лекарствами для Саши, и взял с него два шприца.

— Юрий! — предупреждающе рявкнул Макбрайд.

Тот ответил по-русски, зная, что Макбрайд его поймет.

— Я не позволю вам забрать Сашу, — сказал он и вонзил иглу в трубку капельницы, тянувшуюся к руке девочки.

Нажимая на поршень шприца, он увидел, как Макбрайд отвел пистолет от шеи женщины и направил на него. Со стороны Юрия это была уловка, поскольку шприц содержал всего лишь безобидный соляной раствор. Затем он развернулся и кинулся напрямик на него. В тот же момент Лиза ударила Макбрайда каблуком по ноге и резко откинула голову назад, нанеся ему удар затылком в лицо.

Раздался выстрел, прозвучавший громом в маленьком замкнутом помещении.

Пуля ударила Юрия в плечо, вынудив отступить на полшага, но, едва замечая боль, он снова бросился вперед и одним рывком освободил Лизу от хватки Макбрайда. Затем одной рукой он впился в горло Макбрайда, а другой вонзил ему в яремную вену второй шприц. Этот был наполнен лекарством Саши — комбинацией средств, применяемых при химиотерапии, эпинефрина и стероидов. В неразбавленном виде эта смесь являлась смертельной, а в шприце она была именно такой.

Макбрайд выпустил в прилепившегося к нему Юрия всю обойму. Выстрелы прозвучали приглушенно, как громкие хлопки. Юрий испытал ощущение, как будто кто-то нанес ему несколько ударов в живот. И все же ему хватило сил нажать на поршень шприца и загнать смертоносную жидкость в шею врага, откуда она сразу же поступила в сердце.

Макбрайд закричал.

Юрий повалился на пол, увлекая за собой второго мужчину. Он знал, что испытывает сейчас Макбрайд: огонь, распространяющийся по венам, давление, разрывающее голову изнутри, мучительную боль, сжимающую сердце. Чьи-то руки

оторвали Юрия от Макбрайда и перевернули на спину. Он увидел Кэт, склонившуюся над Сашей, чтобы защитить ее от выстрелов, и отвернувшую голову ребенка в сторону.

Рядом с ним бился в конвульсиях Макбрайд. Из его рта летела слюна, ставшая кровавой после того, как он прокусил себе язык. Его тело будет жить, но рассудок умрет, поскольку лекарство сожжет его мозг и оставит от него пустую оболочку.

Над Юрием склонилась Лиза.

— Помогите мне! — позвала она кого-то.

Появились другие руки и зажали рану на его животе. По полу растекалась кровь. Подошла Кэт и положила его голову себе на колени. Юрий закашлялся. Кровь потекла сильнее. Он протянул к ней руку, зная, что она поможет.

— Саша... — выдохнул он.

— Мы не дадим ее в обиду, — проговорила женщина.

Юрий уже знал это и не сомневался в доброте ее сердца, поэтому он покачал головой.

— Другие... Другие дети...

Ему было трудно сфокусировать взгляд и мысли. Мир перед его глазами темнел, а боль сменялась холодом.

Он пытался сказать ей, где находятся другие дети.

— Челя... бинск.

Он заскреб рукой по полу и вывел в луже собственной крови число 88.

Кэт сжала его ладонь.

— Держитесь, Юрий.

Он хотел бы держаться — ради Саши, ради всех остальных.

Тьма окончательно заволокла его, голоса звучали как из глубокого колодца. И с последним вдохом он подарил этой женщине единственное, что мог.

Надежду.

Он стиснул руку Кэт и выдавил из себя единственную фразу:

— Он жив...

Ошеломленная, Кэт сидела, продолжая держать на коленях голову уже мертвого Юрия. Верно ли она расслышала? Она посмотрела в его открытые, но остекленевшие, безжизненные глаза. В последние минуты жизни он стал словно одержимым, будто пытаясь исполнить какую-то епитимью, и даже переходил на русский. Искушенная в языках благодаря годам службы в морской разведке, она понимала его.

Другие дети.

Такие, как Саша.

Кэт взглянула на лежащую в кровати девочку, заботу о которой теперь взял на себя Малкольм.

Потом Юрий пролепетал нечто такое, что показалось Кэт полной бессмыслицей, и пытался что-то нарисовать своей кровью. Но что означала его последняя фраза?

Кэт повернулась к Лизе.

Ее подруга стояла на коленях в луже крови.

— Он спас мне жизнь, — пробормотала она и положила ладонь на грудь Юрия. Поглощенная оказанием помощи Раеву, она не слышала его последних слов.

Лежавшее рядом с Лизой тело Макбрайда перестало дергаться. Открытые глаза американца были такими же остекленевшими и безжизненными, как у Юрия, но его грудь вздымалась и опускалась.

Кэт сидела, будучи не в состоянии подняться. Взгляд женщины был устремлен на Сашу и лежавшую на тумбочке стопку ее рисунков.

Во всем мире для нее существовали лишь слова Юрия.

«Он жив».

Перед тем как произнести их, он крепко сжал ее руку.

Это было послание, адресованное только ей.

Она поняла, что он имеет в виду, но это было невозможно.

И все же эти слова развязали в ее душе какой-то узел и возродили огонь надежды, который никогда не угасал внутри нее. Она дышала все с большим трудом, и с каждым вдохом этот огонь разгорался все сильнее, сжигая сомнения, освещая темные углы ее души. Какая-то ее часть опасалась выходить на

свет. В тени она чувствовала себя в большей безопасности, но гасить этот огонь — отказывалась.

Именно этот огонь заставил ее вскочить на ноги.

Подняв с пола пистолет охранника, Кэт заговорила, обращаясь ко всем находившимся в палате:

— Оставаться здесь опасно. Мы должны пробиваться к выходу, а если не удастся, то найти какое-нибудь место, где можно занять оборону.

Лиза отсоединила капельницу от руки девочки. Кэт заметила, что альбом для рисования до сих пор лежит на прикроватной тумбочке, открытый на той странице, где зеленым карандашом был нарисован мужчина на плоту.

Она знала, что это хоть и невозможно, но является правдой.

Монк...

Он жив.

10 часов 07 минут

Южноуральские горы

Американец должен умереть.

Промашнувшись с первого раза, Борсаков выругался. Он укрылся в тени одной из шахтерских лачуг, прижимаясь щекой к ложе винтовки.

Он не ожидал внезапного маневра, предпринятого его мишенями, кинувшимися прямо на него. Из-за этого пришлось менять позицию и стрелять наспех. Кроме того, он предполагал, что во время крушения лодки прицел винтовки оказался сбит, а пристрелять ее и настроить прицел у Борсакова не было времени. Поэтому выстрелы лишь выдали беглецам его присутствие.

Но ему хотя бы удалось остановить их и пришпилить к месту.

Двое детишек и шимпанзе спрятались в кирпичном здании, а американец с мальчишкой — за грузовиком.

Борсаков скользнул назад, не высовываясь из травы. Все, что ему оставалось сделать, — это пересечь улицу, и тогда американец вновь будет у него как на ладони.

На сей раз он не промахнется.

Пригигбаясь, он пошел через дорогу, пытаюсь как можно дольше оставаться в тени. Добравшись до угла, спрятался за перевернутой бочкой и, приготовив винтовку, осторожно выглянул.

Теперь он мог видеть все пространство по другую сторону грузовика.

Пальцы Борсакова впились в оружие. Его охватили злость и растерянность.

Там никого не было.

Американец и мальчишка исчезли.

Петр забрался в грузовик и свернулся калачиком на полу. За минуту до этого Монк подсадил его и помог влезть в полуоткрытое окно, а сам исчез между двумя домиками, стоявшими позади грузовика. Перед тем как уйти, он знаками велел Петру не произносить ни звука и спрятаться как можно ниже под передним сиденьем. Теперь Петр делил свое убежище с сухими листьями и жуками. Он обхватил колени руками.

В каких-то потаенных уголках его памяти, куда ему самому было страшно заглядывать, жили воспоминания о том, как он прятался вот так же: содрогаясь от страха, боясь дышать, преследуемый. Это было в другой жизни, не в его. Только тогда вокруг него было не железо, а камень.

Мечась между «тогда» и «сейчас», он ощущал булавоочные уколы света снаружи. Звезды в ночном небе. Если на них посмотреть подольше, они становились ярче и словно падали на него. Но ночное небо всегда пугало его, поэтому он ушел «оттуда» и вернулся «сюда».

Как только Петр сделал это, он сразу испытал острое чувство голода. Но как и предыдущие воспоминания, этот голод принадлежал не ему. Совсем рядом билось большое сердце, заглушая биение его маленького сердечка. Он ощущал в воздухе странные запахи мокрой травы, горячей крови, слышал хруст гравия под ногами. Он почувствовал на лице глубокий

выдох — гораздо более сильный, нежели могла произвести его детская грудь. Это были запахи охоты.

А потом пришел мускусный запах.

Совсем другой.

Среди них появился новый охотник.

Но это ощущение несло с собой больше чем едкий запах.

Вместе с ним пришло воспоминание об острой боли.

Она пронзила позвоночник, ярость выжгла ощущение года.

Когда Петр съезжился еще сильнее, большое сердце устремилось вперед, по направлению к нему.

Монк бежал позади стоящих вдоль дороги построек. Его спина и грудь горели от заноз, которые он нахватал, протискиваясь в узкий проем между двумя дощатыми хибарами. Он спрятал Петра в грузовике, обезопасив его таким образом хотя бы от тигра, но не от снайпера. Его главной задачей на данный момент было увести солдата подальше от детей, заставить его преследовать себя в лабиринте домиков, стоящих ниже по дороге.

Перехитрить стрелка означало победить его, а наградой за это станет выживание.

Монк бежал, низко пригнувшись, избегая наступать на сухие опавшие листья и гравий. Он двигался бесшумно до того момента, пока не достиг последней из построек. Обогнув ее, он оказался на главной дороге. Достаточно ли он удалился от того места, где скрывались дети?

Задержав дыхание, он выглянул из-за угла и, окинув дорогу взглядом, увидел кирпичное здание, ржавый грузовик и заросли травы. Нигде никакого движения. Лишь ветерок с вершины горы шевелил верхушки зеленых зарослей.

Снайпера видно не было.

Однако он был там и, возможно, как раз сейчас подбирался к детям. Монк не мог допустить, чтобы русский взял в заложники хотя бы одного из ребят. Он присел и напружинил ноги.

Необходимо было перепрыгнуть через дорогу и кинуться в сторону нижней части заброшенного города. Хруст гравия будет достаточно громким, чтобы привлечь внимание русского.

Однако, чтобы его план удался, он должен действовать достаточно убедительно.

Набрав в легкие воздуха, Монк выскочил из-за своего укрытия и побежал по гравиям.

— Бегите! — крикнул он и махнул рукой воображаемым детям. — Бегите не останавливаясь!

Пусть стрелок думает, что все дети — вместе с...

Вах!

Пуля попала Монку в бедро. Левая нога тут же отказалась служить хозяину.

Он тяжело упал, вытянув руки, чтобы смягчить падение. Гравий содрал кожу с его ладони и культи. Монк позволил инерции протащить себя чуть дальше по дороге. Второй выстрел. Пуля просвистела над его головой и ушла в траву.

Монк распластался на земле, но сквозь заросли травы увидел, как солдат поднялся из своего укрытия. Он прятался примерно на середине расстояния, отделявшего Монка от кирпичного дома, и теперь, прижимая винтовку к плечу, бочком двинулся прямо на него.

Солдат допускал возможность того, что противник зайдет ему с тыла, поэтому затаился в засаде и ждал его появления.

Однако снайпер был тут не единственным охотником.

В пятидесяти ярдах выше по улице трава раздвинулась, и выпрыгнувший из нее полосатый силуэт понесся на Борсакова подобно торпедо, летящей сквозь воду.

Лицо Борсакова оставалось бесстрастным, но его душа пела от темного удовлетворения. Он подстрелил американца, и теперь тот лежит обездвиженный и беспомощный. Здесь ему и придет конец. Он заставит американца заплатить за гибель его товарищей на лодке, заставит его помучиться, сначала прострелив ему колено, а потом, возможно, еще и плечо.

Борсаков сделал еще один шаг. Позади него послышался хруст гравия, шорох травы, словно потревоженной ветром.

Но это был не ветер.

Борсаков знал.

Он резко развернулся и начал стрелять даже раньше, чем успел занять устойчивое положение. Звериный рев ярости разорвал воздух. Захар, вырвавшийся из травы, продолжал лететь на свою жертву: широкими прыжками, впиваясь в землю черными когтями, оскалив желтые клыки.

Борсаков стрелял и стрелял. Из полосатой шкуры фонтанами брызгала кровь, но человек знал: ему не остановить это чудовище.

Это была сама ярость и боль, месть и голод, зло и решимость.

Перед лицом подобного ужаса из глотки Борсакова вырвался вопль — неистовый, исходящий из самого нутра, первобытный крик ужаса.

А затем тигр прыгнул и пригвоздил его к земле.

Монк приподнялся повыше и наблюдал за тем, как зверь терзает тело солдата. Это зрелище напомнило ему сцену, свидетелем которой он стал вчера: медведь, разрывающий на части здоровенных волков. До Монка донесся хруст костей, и крик человека тут же оборвался. Тигр трепал труп снайпера, словно тряпичную куклу. Он перекусил ему шею, и из нее фонтаном била кровь.

«Хватит с меня», — подумал Монк и, поднявшись из травы, заковылял прямоком по направлению к хищнику. Его левая нога горела огнем.

Винтовка солдата отлетела в сторону, когда на него обрушились четыреста килограммов звериных мускулов и клыков. Она упала на полпути между тигром и Монком. Без нее им не спастись от этого монстра.

Послышался злобный рык. Глаза Захара были устремлены на Монка, и в их черной глубине тот прочитал: зверь узнал его, убийцу своего брата.

Тигр, изогнув спину, стоял на исковерканном теле русского. Он был готов к прыжку: мышцы перекатывались под кожей, шерсть — дыбом, зубы оскалены. По груди и бокам зверя текла кровь, расплываясь пятнами на шкуре. Было видно, что кошку поддерживает одна только ненависть.

Дотянувшись до оружия, Монк опустился на колени и взял его. Однорукому, ему было тяжело справиться с винтовкой: поднять ее, найти спусковой крючок, прицелиться.

Он нипочем не успеет сделать все это вовремя.

Задние ноги Захара напряглись для смертельного прыжка...

...когда вдруг послышался вой другого тигра. Он был не таким громким, как тот, что издавал Захар, но в нем звучала такая же злость и боль. Монк узнал его, поскольку слышал точно такой же всего несколько часов назад.

Это был предсмертный крик Аркадия, брата Захара.

Захар тоже узнал его и распрямился. Он спрыгнул с тела поверженного врага и, развернувшись, застыл, высоко подняв хвост. Затем огромная кошка зашипела, но в этом звуке слышалась уже не столько злость, сколько растерянность.

Монк поднял винтовку, навел ее на металлическую шапочку, закрепленную на затылке зверя, а затем опустил прицел чуть ниже.

Шипение Захара, стоявшего в нескольких шагах от него, переросло в вой, наполненный горечью и тоской зверя по своему навсегда утраченному брату.

Расставив колени пошире, Монк нажал на курок.

Винтовка ответила выстрелом и короткой, злой отдачей.

Тигр дернулся, а затем повалился в траву.

Монк опустился на землю рядом с ним, опершись на культю, и закинул винтовку на плечо. Он знал, что его прицел был точен, а выстрел в основание черепа — милосерден. Затем он осмотрел собственную рану. Пуля солдата пробила его бедро, но рана была сквозная и чистая.

Он будет жить.

Сделав несколько глубоких вдохов, Монк заставил себя встать.

Выше по дороге появились Константин и Киска. Монк знал, что обязан жизнью именно маленькой Киске и ее удивительному дару подражать голосам животных. Услышав однажды крик Аркадия, она безукоризненно воспроизвела его, а ее голос был усилен импровизированным рупором, который Константин скрутил из куска старой жести. Теперь подросток за ненадобностью отбросил его в траву.

Из магазина появилась Марта и поскакала напрямик к грузовику.

Сейчас они заберут Петра и пойдут дальше. Хромая, Монк смотрел на шахтные постройки, доминирующие над всем городом. Им предстоял весьма непростой подъем, но сначала нужно было сделать здесь еще кое-что. Он подковылял к Захару и положил руку на окровавленную холку тигра, всей душой желая зверю обрести наконец покой, которого тот был лишен на протяжении всей своей жизни здесь.

— Извини, здоровяк... Отправляйся навстречу своему брату.

12 часов 43 минуты

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер бежал по пустому коридору по направлению к лестнице. Выла сигнализация, ей аккомпанировала сирена протокола «Альфа». Эвакуация «Сигмы» была почти завершена. Аварийные выходы вели в прилегающий подземный гараж. Пейнтер не сомневался в том, что Мэпплторп расставил там своих людей, чтобы не допустить вывоза девочки из здания. Но по крайней мере, сотрудники службы успешно покинули подземный бетонный бункер.

Все, кроме тех, кто был взят в заложники в самом начале нападения.

После того как был введен в действие особый план, Пейнтер сначала пришел в коммутационный центр главного командования. Он обнаружил, что связь бункера с внешним миром отключена. Это означало, что у кого-то имелась схема структуры командования. Зато внутренняя связь по-прежнему функцио-

нировала. На мониторах, на которые транслировалось изображение с камер, установленных на верхних этажах, он видел, как командос Мэпллторпа взяли с дюжину заложников и связали каждому руки за спиной с помощью пластиковых наручников.

Могло быть хуже. В этот поздний час в «Сигме» находилось минимум сотрудников. Удовлетворенный увиденным, Пейнтер приготовил все, что было ему необходимо, и занялся тем, что в данный момент тревожило его больше всего. Он резко открыл дверь на лестницу и едва не сбил с ног оказавшуюся за ней Кэт Брайент.

На руках она держала Сашу.

Пейнтер ничего не понимал.

Позади Кэт он увидел Малкольма Дженнингса и охранника.

— Что? Как? — растерянно бормотал он.

Из-за спины Малкольма вынырнула Лиза и поспешила к нему. Ее одежда была залита кровью. Она раскрыла руки и обняла его. Пейнтер чувствовал, как женщина дрожит от облегчения — точно такого же, какое испытывал он сам. Затем они отступили друг от друга и вновь превратились в профессионалов.

— Что произошло? — спросил он.

Кэт лаконично и бесстрастно пересказала ему события последних часов и под конец добавила:

— Мы пытаемся выбраться отсюда.

— С Сашей вам это не удастся, — проговорил Пейнтер. — Все выходы наверняка заблокированы.

— Так что же делать? — осведомилась Лиза.

Пейнтер взглянул на часы.

— Ну, избавившись от Макбрайда собственными силами, вы уже значительно облегчили мне жизнь. — Он указал назад. — Несите Сашу в раздевалку спортзала и запритесь там вместе с ней.

— А как же вы? — спросила Кэт.

Он поцеловал Лизу в щеку, повернулся к двери и вышел.

— Мне осталось кое-что доделать, а потом я присоединюсь к вам.

— Будь осторожен, — попросила Лиза.

— Директор! — окликнула его Кэт. — Монк все еще жив!

Пейнтер остановился и обернулся, но дверь на лестничную клетку уже закрылась. Не ослышался ли он? Впрочем, расспрашивать Кэт о том, что она имела в виду, не было времени. Это подождет. Он побежал по коридору и вернулся туда, откуда начал, в коммутационный центр. Замедлив ход, он понюхал воздух. Пространство вокруг пахло свежестью, как и должно было быть.

Это была первая ступень плана чрезвычайных действий — наполнить воздух газообразным катализатором. На то, чтобы его содержание достигло критического уровня, требовалось пятнадцать минут. И хотя дышать без ущерба для себя можно было еще пару часов, у них не было этого времени. Уже через десять минут система осуществит поджог газа, и по всем этажам командного пункта пронесется огненный шквал, усиливаемый катализатором. Пожар будет продолжаться всего несколько секунд, выжигая каждый сантиметр бетонного бункера. Затем включится система пожаротушения и моментально справится с огнем.

Оказавшись в нужном помещении, Пейнтер просмотрел несколько мониторов, транслировавших изображение со всех этажей.

Он переводил взгляд с одного на другой до тех пор, пока не нашел то, что искал. На нем Мэпплторп стоял позади Шона Макнайта, уткнув ему в спину дуло пистолета. Еще дальше было видно, как командос один за другим исчезают в двери, ведущей внутрь бункера.

Пейнтер включил звук.

— ...безумие, — говорил Шон. — Такими методами действовать нельзя. Вы что, думаете, что можете совершить вооруженный налет на разведывательное агентство и выйти потом сухим из воды?

— Мне уже приходилось это делать! — прорычал Мэпплторп. — Главное, чтобы были результаты. Победителей не судят.

— Иными словами, цель оправдывает средства, — фыркнул Шон. — Вам это нипочем не сойдет с рук. Убиты два человека.

— Всего-то? Как я уже сказал, мне неоднократно приходилось проделывать то же самое. И за границей, и здесь.

В разговор вступил Пейнтер. Он заговорил в микрофон, соединенный с громкоговорителями, установленными на том этаже.

— Мэпплторп!

Мужчина подпрыгнул от неожиданности, но его пистолет остался там же, где был до этого. Повертев головой, он увидел установленную на стене видеокамеру и снова обрел уверенность. На его губах появилась презрительная усмешка.

— А-а, директор? Значит, вы не эвакуировались вместе с остальными своими людьми? Очень хорошо. Тогда давайте закончим с этим побыстрее. Отдайте девочку, и никто больше не пострадает.

— Мы уже вывели из строя ваших людей, Мэпплторп, и спрятали девочку там, где вам ее ни за что не найти.

— Вот как? — Мэпплторп понюхал воздух. — Я вижу, вы активировали систему чрезвычайных действий «Сигмы».

Пейнтер похолодел. Этот человек раздобыл не только план их базы, но проник значительно глубже. Шон предупреждал его о том, насколько опасен Мэпплторп. Этот подонок раскинул сети повсюду, а сам, подобно черному пауку, устроился посередине своей шпионской паутины. Его вкрадчивые, приторные манеры скрывали страшное, безжалостное нутро.

— А таймер, как я полагаю, вы установили на «ноль сто», — продолжал Мэпплторп, видимо желая показать, сколь многое ему известно. — Нам не удалось получить код, чтобы блокировать эту вашу систему, но какое-то внутреннее чувство подсказывает мне, что нам это и не понадобится. Хотя бы потому, что наверху мы держим в заложниках двадцать чело-

век. Двадцать ваших людей — мужчин и женщин. У которых, между прочим, за пределами этих стен есть семьи. Не думаю, что у вас хватит духу убить их собственными руками. Что касается меня...

Негодяй поднял пистолет и приставил его к затылку Шона.

— ...то мне решимости не занимать.

Мэпплторп выстрелил. Грохот выстрела оказался слишком большой нагрузкой для микрофонов, и колонки разразились шипением и пронзительным свистом. Шон упал на колени, а потом повалился лицом на пол.

Грудь Пейнтера сдавило словно тисками. Не в состоянии дышать, он смотрел на происходящее и не верил собственным глазам. Вопреки реальности, ему казалось, что вот сейчас Шон встанет и даст подонку достойный отпор. Разумеется, этого не случилось, да и не могло случиться. Мозг Пейнтера охватила ненависть — столь же жаркая, как и огненное цунами, которое вскоре должно было пронестись по бункеру. Потрясенный жестокостью и бессердечностью этого человека, он не мог произнести ни слова.

В отличие от его противника.

В динамиках вновь зазвучал голос Мэпплторпа:

— Мы идем за девочкой, директор, и никто не сможет нас остановить.

7 сентября, 10 часов 38 минут

Припять, Украина

Грей затянул черный солдатский ремень на российской военной форме, окрашенной в зеленые камуфляжные цвета, и постучал ногами по полу, чтобы ботинки держались покрепче. Ковальски передал ему фуражку. Форма с чужого плеча сидела на нем вполне прилично, а вот на его огромном напарнике трещала по всем швам. Двое русских солдат, раздетые до трусов и в бесчувственном виде, были усажены на пол и приклонены к стенке в коридоре напротив камеры, из которой они только что выбрались благодаря Мастерсону. Они застали двух недотеп врасплох, поэтому оглушить их и позаимствовать у них форму не представляло труда.

— Идем, — сказал Грей и направился к мотоциклу.

— Ну и дробовик! — откликнулся Ковальски.

Обернувшись, Грей понял, что его товарищ говорит не об оружии. У них обоих были российские автоматы АН-94. Ковальски смотрел на коляску тяжелого мотоцикла «Урал».

— Всегда хотел покататься на такой хреновине, — сказал великан и залез в коляску, с трудом втиснувшись в нее.

Грей повесил автомат на плечо и, закинув ногу, вскочил на водительское сиденье. Через несколько секунд мотор зарычал, они вихрем вылетели из ворот старой тюрьмы и понеслись по поросшим травой улицам Припяти. Грей посмотрел на часы.

Двадцать минут.

Пригнувшись к рулю, он увеличил скорость. Мотоцикл стремглав несся через безлюдный, пожираемый ржавчиной город. Асфальт был покрыт трещинами, а валявшееся повсюду битое стекло грозило в любую минуту проколоть покрышки. За каждым углом они натывались на какое-нибудь препятствие: заржавевшие остовы брошенных автомобилей, покрывшуюся мхом старую мебель, а один раз, к своему величайшему удивлению, проехали мимо сваленных в кучу музыкальных инструментов, которых хватило бы для целого оркестра.

Несмотря на все эти опасности, Грей гнал мотоцикл на умопомрачительной скорости, заворачивая так резко, что коляска отрывалась от асфальта. При каждом таком повороте Ковальски издавал негромкие возгласы. Они проехали мимо патрулирующего улицу солдата, который приветствовал их, подняв в воздух автомат. В другой раз Грей заметил в разбитом окне испуганное бледное лицо. Это наверняка был один из бездомных, оставшихся в мертвом городе оттого, что им некуда было идти.

Когда они выехали за городскую черту, то спугнули трех оленей. Грей гнал мотоцикл к горизонту, ориентируясь на вентиляционную башню реактора. Даже сквозь рев мощного «Урала» Грей слышал обрывки голосов, звучавших из динамиков, установленных по бокам от трибун. По утверждению Мастерсона, сенатор Николай Солоков планировал какой-то теракт, направленный против тех, кто собрался на церемонию установки нового саркофага.

Но в чем именно заключался его план?

И что такое операция «Уран»?

Они уже ехали по свежееуложенному асфальту, а Грей смотрел на увеличивающуюся в размерах громадину Чернобыльской АЭС. Его внимание было приковано к тому, что издали напоминало гигантский сборный дом из гофрированного железа и располагалось сбоку от комплекса электростанции. Сводчатый стальной ангар, словно зеркало, отражал лучи утреннего солнца.

И оно двигалось.

Будто масло по воде, солнечный свет растекался по его изогнутой поверхности. Сооружение медленно надвигалось на черновобильский реактор. Большая часть комплекса представляла собой серый бетон и побеленные поверхности. Но с одной стороны огромного здания торчал выступ, почерневший, словно гнилой зуб. Это была могила реактора четвертого энергоблока, первоначально установленный над ним черный саркофаг. Катящийся вперед и открытый с одной стороны ангар должен был поглотить его и спрятать под своими высокими сводами.

Грей перебирал в уме различные возможные варианты. Арчибальд Полк умер от лучевой болезни, и смертельную дозу радиации он, возможно, получил именно здесь. Что бы ни замыслил Николай, это наверняка связано со старым реактором. Все иное не имело смысла.

Мастерсон предупредил, что возле трибун будет выставлен мощный кордон охраны, в первую очередь потому, что на церемонии присутствуют высокопоставленные персоны. Трибуны располагались в четверти мили от реактора. Грей размышлял над тем, куда направиться — к трибунам или к реактору. А что, если он ошибается в своих предположениях относительно реактора? Разве не может быть такого, что бомба заложена где-то среди трибун?

Когда мотоцикл вылетел на открытое пространство между Припятью и Чернобылем, он наконец отчетливо услышал искаженный громкоговорителями, отдающийся эхом голос, вещавший относительно преимуществ сотрудничества в области ядерной энергетики ради создания нового мира. Этот голос нельзя было перепутать ни с одним другим. Грей неоднократно слышал его, когда ему приходилось бывать в Белом доме.

Это был президент Соединенных Штатов Америки.

Грей внес это новое обстоятельство в свои расчеты. Если президент здесь, то Секретная служба наверняка десять раз прочесала место проведения торжеств и установила строжай-

ший порядок соблюдения мер безопасности. В дополнение ко всему Секретная служба непременно расставила своих агентов со всех сторон реактора и обыскала его окрестности на предмет любого источника опасности.

Грей смотрел на бесчисленные припаркованные поодаль машины, море спутниковых антенн. Вся зона трибун была окружена загородками, переносными воротами, ее патрулировали охранники — пешие и в открытых джипах. Поскольку похищенный у оглушенных солдат камуфляж — в прямом и переносном смысле — срабатывал только на расстоянии, Грей сомневался, что им удастся проникнуть в зону трибун. У них не было ни удостоверений личности, ни приглашений на мероприятие.

Грея поразили немыслимые масштабы происходящего. Чудовищный ангар медленно полз по специально проложенным рельсам. Его тащили две гидравлические лебедки размером с кита. Он уже добрался до мертвого реактора и стал закрывать его, вздымаясь высоко в небо, его стальная поверхность столь интенсивно отражала солнечный свет, что это производило слепящий эффект. Сооружение было настолько высоким, что статуя Свободы могла бы встать себе на плечи, и эта пирамида все равно не достигла бы крыши ангара.

Даже Ковальски уважительно присвистнул, оценив размеры ползущей машины.

Наконец он наклонился влево и, перекрывая шум двигателя, прокричал:

— Какой план? Что будем делать, когда...

Грей поднял руку, веля ему замолчать. В речь президента вмешался другой голос. Как и голос президента, он был знаком Грею. Человек говорил по-русски, а потом повторял свои слова на английском — для международной публики.

Из динамиков гремел голос Николая Солокова.

— Я протестую против этой пародии! — ревел он. — Мы поздравляем друг друга с тем, что стирается позорная страница российской истории, с тем, что мы прячем ее под стальным колпаком и делаем вид, будто ее никогда не существовало.

А как же те, кто погиб во время взрыва? Как же сотни тысяч людей, обреченных умереть от рака и лейкемии? Как же тысячи детей, родившихся уродами, мучающихся от боли, страдающих психическими расстройствами? Кто скажет о них?

Грей находился уже достаточно близко, чтобы видеть возвышение над расположенными амфитеатром трибунами. Фигурки людей были еще слишком малы, лица не различались, но все происходящее на импровизированной сцене транслировалось на гигантский видеоэкран. За двумя трибунами стояли президент России и президент Соединенных Штатов, а в центре сцены торчала третья фигура, вокруг которой царил подлинный хаос. Николай Солоков. Охранники пытались стащить сенатора со сцены, а другие тем временем защищали его, чтобы он мог говорить. Судя по сумятице, Николай, видимо, самовольно взобрался на трибуну, чтобы заявить этот свой протест перед объективами сотен телекамер.

В следующую секунду люди в черном окружили своего президента живым щитом.

Что бы там ни запланировал Николай, это, судя по всему, началось. Грей наклонился ниже и дал полный газ. Мотоцикл ракетой понесся через терновые кусты в сторону трибун.

Динамики зашипели электронными помехами, а потом снова раздались крики Николая:

— Вы все верите в то, что здоровенный стальной гроб вроде этого означает конец проклятого наследия, но все это — прикрытие! Монстр уже вырвался из клетки! Каким бы тяжелым ни был замок, какой бы крепкой — сталь, загнать монстра обратно за решетку уже невозможно! Единственный способ понастоящему покончить со страшным наследием — это в корне изменить наше отношение, наши подходы, выработать реальную и неизменную политику. Эта церемония — не что иное, как откровенная профанация! Пустые слова и никакого реального содержания! Нам должно быть стыдно!

Наконец охранники одержали верх над защитниками сенатора. У него отобрали микрофон, а самого его стащили со сцены.

Российский президент заговорил на своем родном языке. В его голосе звучали одновременно злые и виноватые нотки.

Американский лидер жестом велел своим охранникам убраться, не желая, чтобы зрители подумали, будто он испугался устроившего цирк политика. Через некоторое время торжественные речи возобновились.

Позади них стальная арка продолжала поглощать реактор.

Грей сбавил скорость. Он до сих пор не решил, куда ехать: к трибунам или к реактору. Он размышлял о протесте Николая, о его театральном появлении на сцене. Все это было тщательно спланировано и подготовлено. Сенатор, и это было очевидно, устроил все так, чтобы его удалили с мероприятия и куда-нибудь увезли. Но куда? Он ни за что не пустил бы это на самотек, не подверг бы себя ни малейшему риску. Те, кто стащил Николая со сцены, наверняка входят в его команду и теперь везут сенатора в безопасное место.

За скопищем телевизионных фургонов Грей заметил зеленый армейский джип, выбирающийся из зоны, отведенной для автотранспорта журналистов. Он ехал по изрезанной колеями грунтовой дороге, параллельно рельсам в восемь футов высотой, по которым тащили ангар. Чуть дальше дорога уходила от реактора и, огибая конец рельсов, вела к задней части комплекса.

На заднем сиденье джипа Грей заметил фигуру мужчины в костюме.

Николай.

Грей посмотрел вверх. Ослепительная стальная конструкция поглотила уже половину черного саркофага. Еще пятнадцать минут, и дело будет сделано.

Нужно было принимать решение.

Грей вспомнил, как Николай Солоков сидел за столом в комнате охраны во время допроса. Все — от покроя его одежды до манеры говорить — буквально кричало о том, что это высокомерный, самонадеянный человек, одержимый исключительно собственным эго. Все это так и перло из него.

Николай непременно захочет посмотреть на то, что будет происходить.

Так почему же он едет за реактор?

А если...

Грей развернул мотоцикл и понесся по голому полю. Он направлялся к тому месту, где заканчивались рельсы, намереваясь перехватить джип на повороте дороги.

— Пирс! — проорал Ковальски. — Куда мы едем?

— Спасать президента.

— Но трибуны в другой стороне. — Ковальски ткнул пальцем себе за спину.

Не обращая на него внимания, Грей гнал мотоцикл, словно участвовал в мотокроссе по бездорожью. Ковальски крепко держался за поручни коляски. Мотоцикл мчался все быстрее. Из-под колес летели трава и грязь.

Впереди, вдоль рельсов, протянувшихся на четыреста ярдов, катил джип. Он уже почти добрался до конца рельсов, а Грея от дороги отделяли еще сто ярдов.

К тому же их заметили.

Из окна высунулась рука и указала в их сторону. На расстоянии Грей и Ковальски выглядели как российские солдаты, отправившиеся покататься на мотоцикле. На некоторое время в джипе должна воцариться растерянность, и это все, на что мог рассчитывать Грей.

— Ковальски!

— Что?

— Можешь прострелить им заднее колесо, когда они окажутся на повороте?

— Вы что, псих? — осведомился великан, и тембр его голоса очень походил на рычание мотоцикла.

— Держись крепче!

Грей вывернул руль, и мотоцикл выскочил на длинную песчаную полосу. Потoki дождевой воды смыли отсюда грязь и сделали землю твердой и ровной.

— Стреляй! — крикнул он.

Великан уже поднял свой автомат и прижал приклад к плечу. Грей услышал, как он почти воркует, обращаясь к оружию:

— Ну давай, детка! Сделай так, чтобы папочка тобой гордился!

Прямо перед ними джип достиг окончания рельсов и сбавил скорость, чтобы вписаться в крутой поворот. Тем не менее его занесло, и водитель изо всех сил пытался вернуть автомобиль на дорогу.

Бах-бах! — послышалось из коляски. Российский АН-94 при одном нажатии на курок выстреливал сразу дважды. В тот же момент крышка левого заднего колеса джипа задымилась. Машина завилась, словно потеряв управление, и врезалась в бетонную сваю между двумя рельсами там, где они заканчивались.

Ковальски гикнул от радости и погладил бок автомата.

— Спасибо, малышка!

Однако сеанс самопоздравлений тут же пришлось прервать, поскольку песчаная полоса закончилась, мотоцикл вырвался на более неровную поверхность и, разбрасывая колесами камни, в считанные секунды домчался до дороги.

Российский джип оставался там же, где он столкнулся с препятствием. Автомобиль ударился в сваю правой стороной, и солдат, сидевший на переднем пассажирском сиденье, погиб на месте. Остальные — два пассажира и водитель — выбрались из машины и укрылись среди бетонных ограждений и металлических балок, которых в пространстве между рельсами было в избытке.

Когда Грей миновал поворот, со стороны трибун донесся шквал оваций и восторженных криков. Церемония приближалась к кульминационной точке. Из-за этого шума Грей даже не сразу услышал выстрелы. А стреляли в них. Переднее колесо мотоцикла лопнуло, но Грей ожидал подобного приема и поэтому, прибавив газу, направил мотоцикл к передней части разбитого джипа. Там он, резко затормозив, остановил ма-

шину и скатился на землю. Ковальски моментально оказался рядом с ним, и вместе они укрылись за кузовом джипа.

Перед капотом автомобиля землю взрыли еще несколько пуль.

Грей рискнул выглянуть из-за заднего бампера и увидел мужскую фигуру в костюме, бегущую между рельсами высотой в восемь футов, сделанными из бетона и стали. Чтобы достичь цели, Солокову предстояло преодолеть триста ярдов, а целью его являлся задний конец катящегося ангара. Грей хотел выстрелить в него, но в тот же миг в задний бампер ударила пуля и, срикошетив, просвистела мимо его уха. Он успел заметить дымящийся пистолет в руке женщины с угольно-черными волосами.

Елена.

Мысленно ругаясь, он отполз назад.

Раненный в плечо Ковальски тихонько взвыл.

Солдат и женщина держали их на прицеле, не давая поднять головы.

Грей взглянул на часы.

Десять минут.

Услышав стрельбу за спиной, Николай пытался бежать еще быстрее, однако в момент аварии он повредил колено, поэтому теперь ему оставалось рассчитывать только на то, что Елена сумеет задержать преследователей. У задней части стального Укрытия остановились двое рабочих. Гигантская конструкция продолжала медленно ползти по рельсам, запряженная двумя почти столь же огромными гидравлическими лебедками.

Впереди виднелся открытый служебный люк размером с ворота гаража. Через него можно было попасть в чрево Укрытия. Именно по этой причине Николай убежал от остальных. Он не мог оставаться снаружи, когда операция «Уран» вступает в решающую фазу.

Припадая на одну ногу, он бежал так быстро, как только мог, по утрамбованной дорожке из гравия, которая тянулась

между рельсами. Ему нужно было успеть нырнуть в этот люк, пробежать через все Укрытие и выбраться с противоположной стороны раньше, чем оно закроется.

Даже он уже был не в силах остановить операцию «Уран».

Единственное, что он мог сделать, — это убратся с ее пути.

План был разработан еще в 1999 году, когда начались подготовительные работы по установке нового саркофага, или, сокращенно, УНС. Целью УНС являлось усиление радиационной защиты в зоне аварии Чернобыльской АЭС, поскольку старый саркофаг перестал справляться с этой задачей. Уже много лет инженеры высказывали опасения относительно того, что старое сооружение может вот-вот рассыпаться, в результате чего двести тонн радиоактивного урана оказались бы в буквальном смысле под открытым небом. К тому времени некоторые секции старого саркофага начали крошиться. В нем стали появляться крошечные отверстия и трещины. Поэтому первой ступенью УНС было хотя бы закрепить саркофаг в его нынешнем состоянии. Это означало залатать прорехи, усилить стенные колонны и укрепить расшатавшиеся вентиляционные трубы. Все это было сделано за то время, пока на безопасном расстоянии в четыреста ярдов от старого саркофага сооружалось новое Укрытие.

Начальная стадия работ была завершена в 1999 году, но тут имелись свои секреты. После развала Советского Союза усилилась коррупция. Тайно установить в стенных колоннах четыре фугасных заряда с дистанционным управлением обошлось очень недорого. До вчерашнего дня они дремали, но накануне вечером один из людей Николая послал этим скрытым бомбам радиосигнал, задав определенное время взрыва. Заряды активированы, и теперь обратной дороги не было.

Ровно за две минуты до того момента, когда Укрытие закроет старый саркофаг, заряды взорвутся. Взрывов никто не услышит. Со стороны будет видно лишь, как ломается бетон, после чего рухнет целая секция стены саркофага — с той стороны, которая смотрит на трибуны. Целых две минуты при-

сутствующих на церемонии будет омывать мощная волна радиации, после чего Укрытие блокирует ее, окончательно закрыв старый саркофаг. Последствия наступят не сразу. Более того, никто даже ничего не почувствует. Но за эти две минуты все, кто находится на трибунах или рядом с ними, получают смертельную дозу радиоактивного облучения.

Через несколько недель все они будут мертвы.

Между тем на церемонии присутствовали президент и премьер-министр России, а также лидеры Америки и стран Европейского Союза. Если миссия Николая будет успешной, правительства ведущих стран мира окажутся в смятении, поэтому, когда расцветет радиоактивный цветок, возвращенный его матерью в Челябинске-88, миру понадобится сильная рука человека, который давно предупреждал о возможности подобной катастрофы.

Они обратятся к единственному уцелевшему в операции «Уран».

И в последующие месяцы, направляемый тайным сообществом савантов, Николай продемонстрирует поразительное предвидение, интуитивное знание и блестящие провидческие способности.

Ядерный пожар приведет Николая к вершинам власти в России, а оттуда — к мировому лидерству. Из этого радиоактивного огня возродится Российская империя, чтобы повести мир к новым рубежам.

Именно мысли об этом сейчас придавали ему сил.

Он доковылял до двух мужчин, стоявших у технического люка, и вытащил из кармана пистолет. Два выстрела в голову, почти в упор. Они повалились на гравий, как мешки. Свидетелей оставаться не должно.

После этого Николай вошел в черное отверстие люка. Еще двадцать шагов — и он был уже внутри ангара. Стены сооружения были сделаны из стали толщиной в двенадцать метров. Пройдя это расстояние, Николай оказался в самом сердце Укрытия.

Несмотря на то что следовало торопиться, он не мог не задержаться и не восхититься поистине фантастическим зрелищем. Покатая крыша стального ангара маячила на высоте ста метров и была в два с половиной раза шире этого расстояния. Если бы сравнить внутреннее пространство конструкции с пещерой, это было бы насмешкой над тем, что открылось взгляду Николая. Сотни ламп освещали внутренности Укрытия, светя под потолком, словно звезды в ночном небе. По крыше в разных направлениях тянулись желтые монорельсы. Краны-роботы, которые должны по ним перемещаться, терпеливо ждали момента, когда по сигналу извне они раздерут на части старый саркофаг. С других кранов, перемещающихся по полу Укрытия, на толстых цепях свисали крюки размером с корабельный якорь.

Николай нажал на большую красную кнопку, управлявшую служебным люком, и тот, движимый огромными шестернями, медленно закрылся.

В соответствии с первоначальным планом они с Еленой должны были спрятаться в кабине управления, расположенной в дальнем конце Укрытия. Кабина, из которой осуществлялось управление лебедками, имела свинцовые стены, чтобы обезопасить операторов от радиации. Кроме того, она находилась по другую сторону от фугасных зарядов, поэтому риск подвергнуться облучению был минимальным. Николаю было необходимо добраться до этой кабины, но, если Елена не сможет присоединиться к нему, находясь под прицелами преследователей, он хотел защитить ее от радиоактивной вспышки, которая должна была последовать через несколько минут. Хотя Елена, в отличие от собравшихся на трибунах, не находилась на прямой линии выброса, через открытый задний люк она все равно могла бы хватануть изрядную дозу. Возможно, недостаточную для того, чтобы убить ее, но такую, которая наверняка лишит ее возможности иметь здоровых детей.

Поэтому, чтобы защитить свое будущее потомство, Николай должен был обезопасить ее. Однако это было не единствен-

ным соображением, заставлявшим его заботиться о Елене. Даже перед самим собой он не мог отрицать, что эта женщина ему глубоко небезразлична. Его мать, конечно, назвала бы это слабостью, но Николай не мог идти наперекор своему сердцу.

Когда люк медленно опустился, Николай двинулся вперед.

— Елена! — позвал Грей из-за джипа.

Ответа не последовало. По крайней мере, от Елены.

— Пирс, я думаю, разговорами тут ничего не добьешься, — проговорил Ковальски, скрючившийся в нескольких шагах от Грея. Камуфляжная гимнастерка на его плече пропиталась кровью. К счастью, рана оказалась пустяковой. — Она психованная сука. Вот почему только эти психованные всегда так здорово стреляют?

— Не думаю, что она психованная, — откликнулся Грей. По крайней мере, ему хотелось верить в это.

Он видел, как женщина реагировала на сообщение о том, что Саша является биологической дочерью Николая. Ее реакция представляла собой смесь шока, нежелания верить и стремления защитить девочку. Между Еленой и Сашей существовала какая-то связь, нечто большее, чем псевдосестринская близость двух стимулированных индивидов женского пола.

Оставалось лишь надеяться на то, что он не ошибся.

— Саша пришла ко мне! — крикнул Грей. — Она разыскала меня. Именно она направляла нас, и, видимо, у нее была для этого причина.

Снова молчание. И наконец послышался негромкий голос:

— Как? Каким образом Саша направила вас сюда?

Елена испытывала его.

Грей сделал глубокий вдох, а затем поднял автомат высоко в воздух и отбросил его в сторону.

— Пирс... — зашипел Ковальски. — Если вы думаете, что я тоже выброшу свое оружие, значит, вы такой же псих, как она.

Грей встал.

Автомат российского солдата тут же нацелился на него. Елена тоже поднялась и резким тоном отдала солдату какой-то приказ, видимо запретив ему стрелять. Она хотела побольше узнать о Саше. Двое русских укрывались за бетонными сваями. Пистолет Елены был направлен на Грея.

Он ответил на ее вопрос:

— Как направляла нас Саша? Она рисовала картинки. Сначала она привела к моему порогу цыган. Затем она нарисовала Тадж-Махал. Это толкнуло нас на поездку в Индию, где мы узнали о вашем подлинном наследии и истории. Вы должны спросить у самой себя: почему она это делала? Саша ведь особенная.

Елена молча смотрела на него в упор своими темными глазами.

Грей истолковал это как согласие и продолжал говорить, пытаясь сделать все, чтобы Елена поверила в правдивость его слов и в искренность его самого.

— Зачем было направлять нас в Индию? Зачем было вообще втягивать нас во все это? И почему именно сейчас? Ведь должна же быть какая-то причина. Я думаю, Саша — сознательно или нет — пытается предотвратить то, что вы задумали.

Елена ни одним движением не дала понять, что знает, о чем идет речь, но Грей не отступал.

— Она вывела нас на эту дорогу, чтобы узнать ваше подлинное происхождение — от Дельфийского оракула, через цыган и до сегодняшнего дня. Мне кажется, ваша линия началась не просто так, а для того, например, чтобы выполнить великое предсказание, которому еще предстоит осуществиться.

— Какое предсказание?

Грей заметил, что в глазах женщины промелькнуло понимание и одновременно страх. Не терзают ли ее подсознание какие-то страшные воспоминания, доставшиеся по наследству от предков? Грей вспомнил мозаику, которую они обнаружили в греческом городе-крепости в Индии, огненную фигуру, поднимающуюся из омфала в клубях дыма. Торопясь, он рас-

сказал Елене об изображениях на найденной ими мозаике и закончил словами:

— Эта фигура напоминала мальчика с огнем, горящим в глазах.

Пистолет в руке Елены, хотя и был все так же направлен в грудь Грея, стал ходить ходуном. Грей услышал, как женщина пробормотала имя, похожее на «Питер».

— Кто такой Питер? — спросил он.

— Петр, — поправила его Елена. — Это брат Саши. Иногда ему снятся кошмары, и тогда он просыпается в слезах и говорит, что у него горят глаза. Но... но...

— Что? — давил на нее Грей. Несмотря на то что время неумолимо истекало, его терзало любопытство.

— Мы все просыпаемся одновременно с ним и буквально на мгновение видим, что Петр горит. — Она помотала головой. — Но его дар заключается в эмпатии. Он очень сильный эмпат. Мы списывали эти видения на всплески его дара, который способен влиять даже на окружающих. Так сказать, эмпатическое эхо.

— Это эхо не просто исходит от Петра, — вслух рассуждал Грей. — Это эхо из вашего прошлого, от самого начала.

Каким же будет конец?

Грей смотрел на Елену.

— Вы не можете искренне желать того, что должно произойти. По крайней мере, Саша этого точно не хочет. Поэтому она привела меня сюда. Если бы она хотела, чтобы планы Николая осуществились, ей нужно было бы просто ничего не делать. Но она сделала. Она привела меня к вам, Елена. К вам. К этой самой минуте. У вас есть возможность либо помочь Саше, либо разрушить то, что она начала. Вам выбирать.

Елена приняла решение мгновенно. Возможно, оно было рождено огнем, пылавшим в ее мозгу. Она приподнялась на цыпочки и выстрелила. Русский солдат рухнул, мгновенно испустив дух.

Грей поспешно подошел к ней.

— Как мы остановим операцию «Уран»?

— Ее невозможно остановить, — ответила Елена немного удивленным голосом.

Возможно, у нее закружилась голова от внезапной смены ролей, а может, оттого, что она просто проснулась после долгого сна.

Елена протянула Грею свой пистолет, словно без слов зная, куда ему идти. Он уже проскользнул мимо нее и уходил прочь по проходу между колоссальными рельсами. Если она не знает, как остановить операцию «Уран», возможно, это известно Николаю.

— Вы должны торопиться, — проговорила Елена. — Но... может быть, я знаю, что нужно делать.

Она повернулась и посмотрела на заднюю сторону комплекса, куда изначально направлялся Николай.

Грей указал на мотоцикл. Хотя переднее колесо было прострелено, на нем можно было передвигаться все же быстрее, чем пешком.

— Ковальски, помоги ей.

— Но она подстрелила меня!

У Грея не было времени спорить. Он повернулся и побежал сквозь чащу бетонных свай. Вдалеке он увидел Николая. Хромая, тот подошел к широкой двери в массивной стальной стене и исчез в ее темном зеве.

Грей бежал вперед.

Оставалось шесть минут.

Он увидел, как стальная стена начала двигаться. Дверь закрывалась.

Они выбрались из тюрьмы, но что теперь?

Элизабет бежала за Розауро, а Лука с пистолетом прикрывал их сзади. Рядом с Элизабет, помогая себе тростью, с максимальной скоростью, на какую был способен, рысил Мастерсон. Она помогала старику, поддерживая его под локоть.

Главной задачей сейчас было найти телефон и поднять тревогу. Но город выглядел заброшенным и пустынным. Из трещин в асфальте торчали кривые березы, все вокруг поросло

сорняками, здания были покрыты мхом и лишайником. Разве найдешь тут работающий телефон?

— На следующем перекрестке — налево, — задыхаясь, проговорил Мастерсон, указывая вперед своей тростью и прыгая в этот момент на здоровой ноге. — В конце квартала находится гостиница «Полиссия».

Это была здравая мысль. Гостиницу обновили для приема, состоявшегося накануне вечером, а нынче утром из нее развозили прибывших на церемонию гостей.

Но как встретят там гостей непрошенных?

В отдалении Элизабет заметила Грея и Ковальски, мчащихся куда-то на мотоцикле. Значит, они тоже сбежали из тюрьмы. Дай-то бог, чтобы у них все было в порядке и им удалось остановить этого мерзавца!

У нее болела голова и щипало в глазах. Напряжение и страх придавливали ее к земле.

— Простите меня, Элизабет, — преодолевая одышку, проговорил Мастерсон.

Элизабет взглянула на него. Она понимала: старик извиняется не только за то, что стал причиной их последних злоключений.

— Я и вправду не думал, что вашему отцу грозит столь ужасная опасность, — объяснял он. — Я полагал, что интерес русских к работе Арчибальда — это банальный промышленный шпионаж, что речь идет всего лишь о воровстве в области информации. Мне и в голову прийти не могло, что все закончится его смертью.

Хотя Элизабет и понимала, почему профессор вел себя подобным образом в прошлом, и видела международную угрозу, возникшую теперь, она не могла заставить себя простить его — ни за смерть отца, ни за то, что Мастерсон стал причиной их пленения. Она устала от секретов — и отцовских, и этого человека.

Когда они уже приближались к перекрестку, из какого-то подъезда вышли двое русских солдат. Один из них поднял автомат и гаркнул по-русски:

— Кто вы?

— Позвольте мне, — сказал Мастерсон и сделал знак Розауро и Луке, давая им понять, чтобы они не доставали оружие. Затем, поправив свою белую панаму и тяжело опираясь на трость, профессор вышел вперед. — Доброе утро, — сказал он на русском языке.

Мастерсон бегло говорил по-русски. Единственное, что поняла Элизабет, были слова «Лондон таймс». Должно быть, Мастерсон пытался выдать их за журналистов, приехавших для освещения церемонии.

Солдат опустил оружие.

— Так вы англичане?

Мастерсон кивнул с широкой и немного смущенной улыбкой.

— Вы говорите по-английски? Прекрасно! Мы, видите ли, заблудились и не можем найти дорогу в гостиницу «Полиссия». Если вас не затруднит, не могли бы вы проводить нас туда?

Судя по тому, как недоуменно вздернули брови солдаты, они не до конца поняли тираду старика. Мастерсон использовал их скверное знание английского для того, чтобы заставить их нервничать и отвлечь от возможных расспросов.

Однако солдат с автоматом уловил главное.

— Гостиница «Полиссия»? — переспросил он.

— Да. Вот ведь славный малый! Отведете нас туда?

Двое русских обменялись несколькими быстрыми фразами. Затем один пожал плечами, а второй повернулся и кивнул.

Позади них, нарушая тишину мертвого города, послышалось рычание мотоциклетного мотора. Ниже по улице, с той стороны, где находилась тюрьма, на дорогу вылетел мотоцикл с коляской и работающим синим проблесковым маячком. В нем находились двое солдат. Они обнаружены! Послышались выкрики на русском.

Двое солдат, стоявших перед ними, замерли и напряглись.

— У нас проблемы, — проговорил Мастерсон и толкнул Элизабет вперед от себя. — Бегите!

Розауро развернулась на каблуках и ударила ближайшего к ней солдата в лицо. Хрустнула кость, и он неуклюже упал на спину. Второй поднял автомат, но Лука оказался быстрее в обращении с пистолетом. Из плеча солдата хлынула кровь. Раненого развернуло, словно его лягнул мул, но он успел нажать на спусковой крючок, и автомат разразился злобным лаем, посылая пули в их сторону.

Мастерсон прикрыл собой Элизабет, а Розауро и Лука упали плашмя на асфальт. Профессор навалился на Элизабет и заставил ее опуститься на колени, а затем лечь. Сам он повалился на нее. Пистолет Луки рывкнул еще раз, и автоматная стрельба прекратилась.

Когда Мастерсон лежал на Элизабет, она чувствовала, как по его телу колотят пули. Теперь он перекатился в сторону, но даже не попытался подняться. Из-под его тела вытекала кровь.

— Хейден!

Он слабо махнул рукой.

— Уходите...

Мотоцикл тарахтел все ближе и ближе.

Розауро сильным рывком заставила Элизабет подняться на ноги.

Лука выстрелил по мотоциклу, но тот вильнул в сторону, за ржавые машины и горы битого кирпича. Солдат, сидевший в коляске, ответил автоматной очередью, и пули выбили искры из асфальта возле их ног.

— Прости меня, Элизабет, — снова прошептал Мастерсон, на его губах пузырилась кровь.

— Хейден...

Она прикрыла ладонью его рот, не в состоянии найти подходящие слова, чтобы поблагодарить и простить его.

Однако старик все прочитал в ее глазах, и уголки его рта раздвинулись в едва заметной улыбке.

— Иди... — сказал он и закрыл глаза.

Розауро потащила ее по улице, к следующему перекрестку. Лука стрелял на бегу, выставив руку с оружием назад. Наконец затвор пистолета остановился в открытом положе-

нии, сигнализируя о том, что кончились патроны. Вслед им летели автоматные очереди.

Розауро бежала первой, придерживаясь края дороги, чтобы между ними и преследователями постоянно находились какие-то стоявшие вдоль тротуара брошенные машины.

— Поворачиваем за угол! — крикнула она.

Но делать этого им не пришлось.

Элизабет обернулась назад. Когда мотоцикл лавировал, объезжая лежавшие на мостовой тела, Мастерсон из последних сил перекатился и сунул свою трость в его переднее колесо. Задняя часть мотоцикла взлетела в воздух, он сделал сальто, рухнул кверху колесами и заскользил по грубому асфальту, оставляя за собой кровавый след.

— Скорее! — прикрикнула на своих спутников Розауро.

К счастью, из-за рева мотоциклетного двигателя вряд ли кто-то слышал стрельбу, но им все равно нужно было как можно скорее уходить отсюда.

Дойдя до перекрестка, они свернули налево. На расстоянии в полмили от них стояло, переливаясь огнями, светлое, недавно перекрашенное здание отеля. У тротуара поджидали своих пассажиров несколько сияющих черных лимузинов.

Они поспешили в том направлении. Лука отбросил бесполезный теперь пистолет. Задержавшись на несколько секунд, они отряхнули с одежды пыль и постарались хотя бы немного привести ее в божеский вид. Приблизившись к отелю, они замедлили шаг и пошли спокойной, уверенной походкой, всем своим видом показывая, что являются постояльцами этого достойного заведения. Впрочем, как оказалось, в этом не было особой нужды. Отель был практически пуст, и только двое водителей, скучая, слонялись в вестибюле. За стойкой регистрации работали несколько служащих, а все остальные, судя по всему, отправились на церемонию.

Розауро подошла к стойке.

— Есть ли здесь телефон, которым мы могли бы воспользоваться? Мы... Мы из «Нью-Йорк таймс».

— Пройдите в комнату для прессы, — проговорил на ужасном английском языке молодой человек с усталыми глазами. — Она вон там, — добавил он, указав на одну из дверей, выходящих в вестибюль.

— Спасибо, — поблагодарила его на русском Розауро.

Они вошли в указанную дверь. Помещение было квадратным, с низкой стойкой, тянувшейся по периметру всей комнаты. На столе в центре комнаты возвышалась целая гора различных канцелярских принадлежностей: пачки бумаги, блокноты, ручки, степлеры. Но внимание Элизабет привлекло другое — две дюжины черных телефонных аппаратов, расставленных на стойке вдоль стен.

Розауро подошла к одному из них, сняла трубку и, услышав гудок, удовлетворенно кивнула. Набирая номер, она сказала:

— Я проинформирую о происходящем наше центральное командование. Они сообщат кому надо, и будет отдан приказ об эвакуации.

Элизабет без сил опустилась на ближайший к ней стул. Однако покой не снизошел на нее. Ее начало трясти, и она ничего не могла с собой поделать. Смерть Мастерсона что-то сломала внутри нее. По ее щекам потекли слезы. Она оплакивала одновременно и профессора, и своего отца.

Розауро закончила набирать номер и теперь ждала ответа. Затем на ее лбу появились складки, а брови сошлись в одну линию.

— В чем дело? — спросил Лука.

— Никто не отвечает.

12 часов 50 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер легонько постучал в дверь раздевалки и, осторожно толкнув, открыл ее. Его встретил ствол пистолета, направленный ему в лицо. Увидев директора, Кэт опустила оружие, в ее глазах читалось облегчение.

— Как вы тут? — спросил он и вошел внутрь.

— Пока хорошо.

Ее место у двери занял охранник «Сигмы». Кэт провела Пейнтера в главное помещение раздевалки, где рядами выстроились лавки и металлические шкафчики для одежды. В дальнем конце комнаты сводчатый коридор вел к душе и сауне.

Кэт провела его в соседний проход. Малкольм сидел на лавке, Лиза — на полу, обнимая за плечи Сашу. Девочка посмотрела на него снизу вверх своими большими голубыми глазами и стала раскачиваться. Затем она увидела Кэт, и ее тело расслабилось.

Лиза встала. Она успела переодеться, сменив запачканную кровью медицинскую одежду на свежую. Кэт наклонилась, подняла с пола Сашу и села на лавку, держа девочку на руках. Она принялась что-то нашептывать ей на ухо, и Саша застенчиво улыбнулась.

Лиза скользнула в объятия Пейнтера и заглянула ему в глаза.

— Что случилось? — обеспокоенно прошептала она.

Пейнтер думал, что он умело скрывает свои чувства, но разве можно было утаить ту горечь и ярость, которые владели им в эту минуту!

— Шон... — пробормотал он.

Кэт и Малкольм одновременно посмотрели на него.

Пейнтер сделал глубокий вдох.

— Негодяй застрелил его.

В его ушах до сих пор звучал звук выстрела, шипение динамиков, он до сих пор видел, как падает его друг.

— О боже... — выдохнула Лиза и крепче прижалась к нему.

— Мэпплторп спускается сюда. Он ищет девочку. — Пейнтер посмотрел на часы.

От Кэт не укрылся этот взгляд.

— «План “Ч”»? —

— Сработает через четыре минуты.

Только бы он все предусмотрел и правильно настроил! Воздух уже наполнился тяжелым, сладковатым запахом катализатора.

— Если нам придется обороняться, не воспламенится ли катализатор от стрельбы? — спросила Кэт.

Пейнтер мотнул головой.

— Катализатор действует как распыленный в воздухе пластик. Огонь из ствола пистолета не воспламенит его. Для этого необходима искра от сильного электрического разряда.

Лиза все еще прижималась к нему.

— И что мы будем делать теперь?

Пейнтер жестом руки предложил всем встать. Мысль о других возможных потерях была для него непереносимой. Он всей душой хотел защитить их, но мало что мог предложить.

— Лучше всего будет спрятаться.

Мэпплторп вел группу своих командос по коридору.

С этой группой он неоднократно работал в прошлом. Это были наемники, бывшие бойцы спецназа — британского и южноафриканского. Они являлись кулаком Мэпплторпа на политической карте мира и ради выполнения приказа были готовы на все: убийства, похищение людей, пытки, изнасилования. Самое приятное заключалось в том, что после очередной миссии они бесследно исчезали — как тени, как призраки.

Только крутые парни вроде этих и могли обеспечить безопасность его страны. Там, где другие боялись сделать хотя бы шаг, эти без колебаний шли напролом.

Командир группы дошел до двери в конце коридора. Табличка на ней гласила: «РАЗДЕВАЛКА». Один из командос поднял кулак. В другой руке он сжимал прибор электронного отслеживания.

Трент Макбрайд успел сообщить Мэпплторпу, что микропередатчик ребенка все еще функционирует. В таком случае ей нигде не спрятаться. На этом этаже они запеленговали ее сигнал.

Наемник ждал, пока Мэпплторп отдаст ему приказ действовать.

Мэпплторп махнул рукой в сторону двери и взглянул на часы. Система «Плана “С”» работает через три минуты. На

тот случай, если Пейнтер Кроу не отменил огненный шторм, он хотел успеть захватить девочку и вывести ее из здания. Если действовать быстро, это вполне возможно. Аварийный выход находился в противоположном конце коридора и вел в подземный гараж.

Солдаты впереди открыли дверь и, низко наклоняясь, ворвались в раздевалку. Мэпплторп вошел последним и закрыл за собой дверь. Он слышал негромкие приказы. Наемники, рассредоточившись, обыскивали все проходы между шкафчиками.

Мэпплторп следовал за наемником с электронным устройством, по обе стороны от них шли еще двое солдат. Высоко подняв руку с прибором, командир двигался вдоль шкафчиков. Наконец он обнаружил место, откуда исходил сигнал, опустил руку и указал на шкафчик. В наступившей тишине Мэпплторп слышал, как оттуда раздается негромкое хныканье.

Наконец-то!

Шкафчик был заперт на замок, но один из солдат легко перекусил дужку мощными ножницами.

Мэпплторп снова махнул рукой.

— Торопитесь!

Командир наемников потянул за ручку, и дверца шкафчика распахнулась. Взгляду Мэпплторпа предстал цифровой диктофон, радиопередатчик и тазер, привязанный к двери.

Западня!

Мэпплторп повернулся и побежал.

Выстрел электрошокового пистолета сопровождался хлопком и треском электрических разрядов.

Мэпплторп закричал, услышав «вуф-ф», похожее на звук, с которым зажигается газ в духовке домашней плиты. Это воспламенился катализатор. Волна огня метнулась вперед, сбила Мэпплторпа с ног и потащила по полу между рядами шкафчиков. Его одежда запеклась и прилипла к спине. Он вдыхал огонь, его череп обгорел до кости. Он ударился в сте-

ну — уже не человек, а пылающий факел, снедаемый непереносимой болью.

Он катался и горел, казалось, целую вечность, пока тьма не поглотила его.

Находясь в раздевалке спортзала, Пейнтер слышал крики, доносившиеся из раздевалки для медицинского персонала, расположенной этажом выше. Это он подготовил ловушку, заранее зная, что Мэпплторп будет искать девочку, пеленгуя сигнал ее микропередатчика. В качестве приманки Пейнтер установил в шкафчике радиопередатчик «Кобра» — точно такой же, какие они использовали возле конспиративной квартиры, чтобы сбить с толку вертолеты, — предварительно настроив его на частоту Сашиного микропередатчика.

Еще мальчишкой Пейнтер часто ходил вместе с отцом охотиться в резервации Машантакер. Это была родина племени, из которого они происходили. Тогда он научился многому из искусства устраивать ловушки и подманивать дичь.

Сегодня пришлось заняться почти тем же самым.

Как мотыльки к огню, они полетели по ложному следу, созданному его руками.

И, как мотыльки, встретили свой огненный конец.

Пейнтер не испытывал угрызений совести. Он до сих пор видел, как Шон Макнайт падает на пол. Были убиты и еще двое его сотрудников. Пейнтер посмотрел на часы. Короткая стрелка указывала на единицу, длинная подползла к двенадцати и пересекла черту, за которой должна была сработать система воспламенения, установленная на час дня.

Он задержал дыхание, но ничего не произошло.

После того как Пейнтер установил передатчик, он зашел в центр технического контроля и вручную отключил систему электронного воспламенения. Ему было необходимо, чтобы этажи заполнились горючим газом, но Мэпплторп был прав: Пейнтер не мог позволить, чтобы погибли люди, которых командос взяли в заложники. Даже ради спасения девочки. Поэтому он и соорудил ловушку, локализовав огненный шторм

в одном помещении — том, где находились Мэпплторп и его наемники.

Когда большинство солдат и их лидер погибнут, остальные попросту разбегутся, растворятся в ночи.

Лиза прижалась к нему.

— Огонь не распространится?

Ответ на ее вопрос пришел с потолка. Включились пожаротушители, обдав их водой и пеной.

— Все кончено? — спросила она.

— Как есть, — кивнул Пейнтер.

И все же он знал: в другом месте до счастливого конца было еще далеко.

10 часов 53 минуты

Припять, Украина

Грей несясь по направлению к закрывающейся стальной двери в дальнем конце гигантского ангара. Мчась по дорожке между рельсами, по которым ползло Укрытие, он пробежал мимо двух мертвых рабочих, застреленных в голову.

В ушах у него стучало, но, даже невзирая на это, он слышал ликующие крики, доносившиеся с далеких трибун, как если бы, поощряемый зрителями, он приближался к финишной ленточке в забеге на четырехсотметровой дистанции. Вот только в этом забеге жизни самих зрителей зависели от того, успеет ли он вовремя добежать до финиша.

В последнем рывке он достиг люка и, нырнув, на животе пополз в щель под закрывающейся дверью. Она была толщиной в ярд и сделана из стальных плит. Дверь опускалась все ниже, грозя раздавить его. Сердце Грея наполнилось страхом. Дрыгая ногами, он полз и полз наперегонки с толстой дверью.

Добравшись до конца порога, он перекатился вперед и оказался в пространстве, которому не было ни конца ни края. Оглядевшись, он увидел сооружение высотой с десятиэтажный дом из бетона и почерневшей стали — печально известный саркофаг, своего рода могильный камень над четвертым энергоблоком. Ангар уже почти полностью закрывал его. Позади сар-

кофага возвышалась бетонная стена. Когда ангар закончит свое черепашье движение, он упрется в эту стену и окончательно похоронит под собой старый саркофаг.

Но пока сквозь оставшуюся щель на него, как пылающая радуга, еще падал солнечный свет. Эта щель была единственным, что еще соединяло саркофаг с окружающим миром. На глазах Грея она становилась все уже и уже.

Слева доносилась звучавшая из установленных возле трибун динамиков русская речь, в которой слышались уверенность и гордость. Грей также слышал непрекращающееся басовитое гудение гидравлических лебедок, тянувших ангар, которому осталось преодолеть последние несколько футов пути.

А затем справа от него раздался пистолетный выстрел.

Грей вспомнил тела, лежавшие снаружи.

Николай оставлял за собой отчетливый след, по которому его было просто найти.

Пригибаясь, Грей бросился в том направлении. Ему пришлось бежать зигзагами, обходя кипу стальных листов, кучу колотого бетона и электропогрузчик. В воздухе пахло машинным маслом и ржавчиной. Добравшись до угла саркофага, он вытащил из-за пояса пистолет.

Выглянув из-за угла, Грей увидел фигуру мужчины, который, прихрамывая, направлялся к остававшемуся просвету. От спасения его отделяло не более двадцати ярдов.

Грей поднял пистолет.

— Николай! — крикнул он.

Потрясенный, мужчина обернулся.

— Не двигаться! — прокричал Грей.

Солоков пошарил глазами, а затем повернулся и побежал. Грей не мог убить его прямо сейчас. Сначала нужно было выяснить, что тот задумал. Поэтому Грей хорошенько прицелился и нажал на курок. Здоровая нога Николая подломилась, и он рухнул на пол.

Грей кинулся к нему, но Солоков относился к тому типу людей, которые не пасуют перед трудностями, иначе им не удавалось бы подниматься к вершинам власти. Поэтому сена-

тор откатился за кучу стальной арматуры и открыл ответный огонь. Чтобы не попасть под пули, Грею пришлось нырнуть в сторону, и он укрылся за штабелем досок.

— Черт! Ты что, родился через жопу?! — костерил его Николай на русском. В его голосе звучали истерические нотки. — Мы не можем торчать здесь, ты, сволочь! — орал он. — У нас осталось меньше трех минут!

Грей видел, как позади того места, где укрылся русский, серебристая полоска солнечного света между бетонной стеной и краем ангара стала еще тоньше. Просвет теперь был не больше четырех футов. Неудивительно, что Николая так разоблало.

— Тогда расскажи мне, как остановить операцию «Уран»! — крикнул Грей.

— Никак! Все уже приведено в действие, и единственное, что нам остается, — это бежать отсюда! Сейчас же!

— Расскажи мне, что ты сделал!

— Да пожалуйста! Фугасные заряды. Они заложены в колонны на противоположной стороне саркофага. Заряды обрушат стену, в результате чего все, кто находится с той стороны, получат смертельную дозу радиации. Защитить их уже невозможно. Мы должны убираться отсюда!

Грей пытался переварить услышанное, найти какой-нибудь выход. Даже если он выскочит наружу и начнет кричать, призывая всех спасаться, будет слишком поздно.

— Нам нет никакого резона умирать вместе с ними, — продолжал говорить Николай. — Мир нуждается в новом руководстве. Ему нужны сильные люди — как я, как ты. Наша цель — обновить человечество, дать начало новому Ренессансу.

Грей вспомнил уже слышанные им рассуждения Солокова о необходимости вывести на мировую арену нового пророка. Так вот как он задумал сделать это! Сначала устроить вселенский хаос, а затем предложить миру решение, опираясь при этом на помощь и руководство стимулированных детей.

— Даже если мы умрем здесь, — не отступал Николай, — на этом все не закончится. Наши планы куда шире, их осу-

ществование уже началось, и остановить это невозможно. Наша смерть ничего не даст. Присоединяйся к нам. Для таких людей, как ты, у нас всегда найдется дело.

Сказать по правде, Грей ничего не мог придумать, чтобы предотвратить надвигающуюся трагедию.

Стена за спиной Николая продолжала приближаться.

— Две минуты! — крикнул он Грею. — Снаружи есть обшитая свинцом кабина управления лебедками. Если мы пойдем прямо сейчас, то еще успеем до нее добраться!

Солоков дернулся, по всей видимости намереваясь двинуться в направлении еще остававшегося просвета между ангаром и стеной. Но затем он понял, что с выбитой левой коленкой и простреленной правой ногой такая попытка означает верную смерть. Остаться здесь — тоже.

Наконец он отбросил пистолет в сторону и, ковыляя, вышел на открытое пространство. Он стоял, шатаясь и разведя руки в стороны.

— Если сдаться — единственный способ выжить, то так тому и быть!

Грей выругался про себя. Предотвратить массовое убийство он был не в состоянии и мог только захватить того, кто все это организовал. Он также вышел из-за своего укрытия, целясь в грудь противника.

В этот момент гудение лебедок сменилось резким визгливым звуком. Стальная конструкция весом в двести тысяч тонн начала вибрировать и содрогаться.

Что это было?

Перешагнув через мертвого солдата, Ковальски присоединился к Елене, стоявшей у панели управления. Пока Грей бежал к люку, Елена управляла мотоциклом не хуже гонщика НАСКАР. Ковальски так крепко вцепился в поручни мотоцикла, что у него до сих пор болели руки. Они ракетой долетели до дальнего конца стального ангара и нырнули в бетонный бункер, в который тянулись толстые кабели.

Это была будка управления гидравлическими лебедками. Последовала короткая, но ожесточенная перестрелка.

Ковальски пытался помочь Елене, но та справлялась и без него — крутилась, как балерина, с автоматом в руках. Она буквально танцевала и выделявала пируэты под градом летевших в нее пуль и уклонялась от них так, словно предвидела каждый новый выстрел. Она сняла четырех солдат, Ковальски успел убить только одного.

— Люди Николая, — сообщила Елена, когда автоматный огонь замер.

Оказавшись внутри, Елена сразу же принялась за работу. Склонившись над панелью приборов, она запустила механизм лебедок на максимум, желая ускорить движение ангара.

За окном будки задымился огромный мотор, грозя вот-вот взорваться. На одном из экранов тревожно замигали красные знаки, предупреждающие об опасности.

Это было скверно.

Встав поодаль от Елены, Ковальски смотрел на выстроившиеся в ряд мониторы. На них транслировалось изображение с камер, установленных внутри ангара. На среднем экране Ковальски заметил две крошечные фигурки. Грей и русский.

На экране Ковальски видел то, чего не мог видеть Грей.

«О черт!»

— Елена! — позвал он. — Тут нужна ваша помощи!

Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как она медленно оседает на пол. Подпрыгнув к женщине, Ковальски обхватил ее за талию и не позволил упасть. Сунув руку под ее куртку, он ощутил на рубашке что-то теплое и влажное. Растегнув куртку Елены, Ковальски увидел, что вся левая сторона ее рубашки пропиталась кровью. Похоже, ее танец оказался не столь безупречным, как ему подумалось сначала.

— Почему вы не сказали, что ранены? — с упреком спросил он.

— Покажите мне, — попросила она, кивнув на мониторы.

Грей пытался понять, почему ангар вдруг ускорил ход. Что бы тащить махину в двести тысяч тонн, и без того требуются колоссальные усилия, но сейчас Укрытие явно двигалось быстрее, чем минуту назад. Это движение сопровождалось надрывным воем гидравлических механизмов.

— Нет! — выкрикнул Николай.

Грей понял, что отчаяние, прозвучавшее в этом крике, вызвано двумя причинами: с одной стороны, страхом, что времени для спасения теперь оставалось еще меньше, с другой — нежеланием верить в то, что его планам не суждено осуществиться, если ангар закроется слишком быстро.

— Пошли! — приказал Грей, направив пистолет на русского.

Николай опустил руки, и стало видно то, что он сжимал в правой руке, спрятанной до этого за кучей арматуры.

Второй пистолет.

Он направил его Грею в живот и выстрелил.

За мгновение до выстрела Грей метнулся вбок, но пуля все равно обожгла его живот. В следующую секунду Грей выстрелил сам, однако, поскольку он все еще находился в движении и не мог прицелиться, пуля безобидно щелкнула об пол и срикошетила куда-то в сторону.

Хуже того, затвор пистолета замер в отведенном положении.

Конец патронам.

Зато у Николая их хватало, и он стал целиться в Грея, чтобы произвести последний, смертельный выстрел. Сконцентрировавшись на этом занятии, он не заметил движения наверху. По крыше ангара, прямо над их головами, скользнул массивный желтый передвижной кран и сбросил крюк.

Свист летящего снаряда наконец привлек внимание Николая. Он поднял голову и увидел, как с потолка летит стальной крюк — настолько огромный, что мог бы служить корабельным якорем. Крюк упал на груды арматуры, возле которой стоял Николай. Он пытался уклониться, но от удара половина

стальных прутьев подлетела в воздух и обрушилась на ноги Николая.

Его пистолет отлетел в сторону, скользя по бетонному полу.
— Помогите! — в отчаянии и ужасе простонал мужчина.

Однако на это уже не было времени.

Между бетонной стеной и ангаром остался всего один фут свободного пространства. Грей перепрыгнул через кучу арматуры и кинулся к выходу. Когда он добрался до узкой полоски света, сзади послышался крик Николая:

— Ты еще не победил, сволочь! Миллионам все равно суждено умереть!

У Грея не было времени выяснять, что имеет в виду русский. Он повернулся боком и червяком полез в щель между сближающимися стенами — бетонной и стальной. Стена ангара была двенадцати ярдов толщиной, и Грей пробирался вперед так быстро, как только мог. Его грудь ощущала все более сильное давление, словно стальная стена пыталась удержать его, чтобы через несколько секунд превратить в мокрое пятно на стене бетонной.

Сделав последний вдох, Грей выпустил из легких весь воздух, втянул грудь. Преодолев последние несколько футов, он буквально вывалился наружу, приземлившись на руки и колени.

Он словно родился во второй раз.

Поначалу он не заметил фигуры, стоявшей чуть сбоку. Она скользнула в щель между двумя стенами сразу же после того, как Грей из нее выбрался. Грей обернулся.

— Елена, нет! Вам ни за что не успеть!

Поднявшись на ноги, он бросился к щели, намереваясь выдернуть женщину наружу, но она уже продвинулась слишком глубоко, и он не смог до нее дотянуться. Она двигалась быстро, ее стройная фигура уходила все дальше.

Грей молился, чтобы ее не раздавило, но даже в этом случае она была обречена. Только потом он заметил кровавый след, тянувшийся за женщиной.

Позади него раздался басовитый голос.

— Где Елена? — прогудел Ковальски.

Грей видел, как, пройдя сквозь узкий коридор, она исчезла внутри ангара, и покачал головой.

Ковальски оглядел боковую стену ангара.

— Сбросив якорь на этого мерзавца, она оставила меня, сказав, что идет сюда, чтобы помочь.

Грей отвернулся.

— Она пошла умирать.

Николай лежал на спине, его ноги были придавлены грудой стальных прутьев весом в полтонны. Сквозь туман мучительной боли до его слуха донеслись приближающиеся шаги. Он повернул голову. Над ним склонилось лицо Елены.

Глаза Николая наполнила мука более сильная, нежели от боли из-за сломанных костей.

— О, милая, зачем ты сюда пришла?

Женщина опустилась на пол рядом с ним.

Ее рубашка пропиталась кровью.

— Любовь моя... — проговорил Николай одновременно с горечью и радостью.

Он поднял руку, и Елена скользнула в его объятия. Когда последний луч солнца, проникавший в ангар снаружи, погас, он прижимал ее к себе и нежно, как ребенка, баюкал.

Властный стук стали о бетон возвестил о том, что Укрытие закончило движение. Секундой позже в дальнем его конце ухнуло, и послышался звук, как будто что-то крошится. Фугасные заряды сработали, как и было запланировано, но новый саркофаг уже был запечатан, и находящимся снаружи ничего не угрожало.

Николаю повезло меньше.

Он окинул взглядом освещенное пространство. Стены были покрыты толстым слоем поликарбоната, предназначенного для того, чтобы отражать радиацию и сохранять ее внутри.

Это уже не имело ровным счетом никакого значения, но Николай посмотрел на дозиметрический значок, приколотый к нагрудному карману пиджака. Когда он прицепил его сего-

дня утром, поверхность значка была девственно-белой. Теперь она стала угольно-черной.

Николай обнял Елену второй рукой и крепче прижал к себе.

— Почему? — спросил он.

В одно это слово уместилось множество вопросов. Почему Елена предала его? Николай знал, что это было так, иначе его план не был бы сорван. И еще: почему она пришла сюда?

Елена не ответила. Он отодвинулся и увидел, что глаза ее остекленели.

Мертва.

И он — тоже.

Живой мертвец.

Он знал, какой конец его ожидает. Всю жизнь он профессионально изучал подобное. Его смерть будет столь же мучительной, сколь и унижительной.

Когда он снова прижал Елену к себе, что-то выскользнуло из ее руки и упало ему на ногу. Он протянул руку и взял последний подарок Елены.

Его пистолет.

Должно быть, она подобрала его с пола.

Так вот зачем она пришла.

Чтобы попрощаться и предложить ему путь избавления, которым они должны были пройти вместе.

Он прильнул к ней и в последний раз поцеловал ее холодные губы.

— Ты мое солнышко...

Она действительно была его солнцем.

Крепко прижимая любимую к груди, он поднес дуло пистолета к губам.

И обрел избавление.

7 сентября, 11 часов 00 минут

Южноуральские горы

С винтовкой на плече Монк преодолевал последний отрезок дороги. Впереди к гранитному склону скалы прилепился рудничный комплекс. Металлические наземные постройки и старая электростанция окислились. С крыши и водосточных желобов свисали сосульки ржавчины, окна были выбиты или висели на одной петле, изуродованный коррозией инструмент — лопаты, кирки, тачки — валялся там, где его бросили десятилетия назад.

На утесах виднелись старые насыпи пустой и отработанной породы. Среди этих каменных нагромождений возвышалось погрузочно-разгрузочное устройство со стрелой крана, подъемником и желобами для выгрузки руды.

Припадая на раненую ногу, которую он наспех забинтовал, Монк шел вперед и удивлялся, откуда ему известно так много о горном деле. Может, его семья занималась...

Внезапно в его мозгу один за другим стали мыльными пузырями возникать и лопаться образы.

Пожилый мужчина в комбинезоне, покрытом угольной пылью... тот же мужчина в гробу... плачущая женщина...

Волна острой боли, пронзившей мозг, смыла образы, эти мерцающие остатки его памяти.

Моргнув, он повел детей и Марту сквозь лабиринт конвейерных лент, вагонеток для руды и разгрузочных желобов по направлению к их цели. Старые рельсы тянулись к отверстию в склоне утеса. Это был главный вход в рудник.

Когда они подошли к нему, Монк обернулся.

Под ними лежало озеро Карачай. По его прикидкам получалось, что оно раскинулось на две мили в ширину и примерно на три — в длину. Он обшарил глазами лесистые горы по другую сторону озера, выискивая хоть какие-то приметы того, ради чего они затеяли это путешествие.

— Нужно торопиться! — напомнил ему Константин.

Монк кивнул. Старший мальчик шел между двумя малышами, Марта — за ними. Он повел их по направлению к отверстию.

Подойдя ближе, они натолкнулись на препятствие. Вход в рудник от пола до потолка закрывал большой деревянный барьер из скрепленных раствором толстых бревен.

Судя по виду построек и оборудования, находившегося снаружи, работы здесь не велись уже давным-давно. Однако на полу возле барьера Монк заметил кучку окурков и пустые водочные бутылки. Песчаный пол покрывали свежие следы, оставленные ботинками. Выходит, лежавший внизу рудник был не таким уж заброшенным, каким казался снаружи. Недавно кто-то устроил здесь перекур.

Монк оглянулся. На территории комплекса не было видно ни припаркованных грузовиков, ни следов от автомобильных покрышек. Значит, тот, кто здесь побывал, покинул территорию каким-то иным способом. Константин уже описал этот способ.

От этого горнорудного комплекса до Челябинска-88 под озером Карачай тянулся подземный железнодорожный тоннель. Работавшие на руднике, должно быть, выходили на поверхность на другой стороне.

Монк молился о том, чтобы не наткнуться на хозяев здешних подземелий.

Он подошел к стальному прямоугольнику, врезанному в бревенчатый барьер, и спросил:

— Что делать теперь? Постучать?

Константин наморщил лоб и тоже подошел к двери. Он поднял щеколду и толкнул дверь. Она легко открылась.

Монк нашарил винтовку, снял ее с плеча и направил на дверь.

— Предупреждать надо! — прошипел он.

— Сюда никто не ходит, — пояснил Константин. — Слишком опасно. Поэтому и замки не нужны. Дверь поставили только для того, чтобы тут не шастали медведи и волки.

— И беспризорные тигры, — пробормотал Монк.

Константин положил на пол рюкзак, выудил оттуда фонарик и передал его Монку, который тем временем снова повесил винтовку на плечо.

Нырнув в открывшийся проход, Монк оказался в главном тоннеле и включил фонарик. По обеим сторонам тоннеля, уходящего в глубь горы, возвышались массивные деревянные подпорки. Стальные рельсы уходили в темноту — туда, куда не дотягивался луч фонаря. Совсем рядом, за барьером, на рельсах стояли две вагонетки.

Вглядываясь в темноту, Монк заметил, что впереди от тоннеля отходят ответвления. Это подтвердило его предположение относительно того, что гора буквально изрыта тоннелями и шахтами. Неудивительно, что шахтеры, работающие в них сегодня, время от времени выползали из этого адского мрака, чтобы хоть ненадолго увидеть свет. Даже несмотря на соседство озера Карачай.

Когда они дошли до развилки, нужно было выбирать направление, и Монк осведомился у Константина:

— Куда теперь?

Мальчик молчал.

Монк повернулся к нему.

Подросток пожал плечами.

— Понятия не имею. Я знаю только одно: нам нужно вниз.

Монк вздохнул.

— Что ж, «вниз» — это тоже направление.

Держа фонарик в вытянутой руке, он начал спускаться.

Савина видела вокруг себя улыбающиеся лица. Старшие дети оживленно болтали, младшие бегали и возились, пытались потратить накопившуюся нервную энергию. Они состав-

ляли яркий контраст совсем маленьким, младше пяти лет, которые еще не созрели для установки имплантата. Эти немногие вели себя тихо и держались особняком, демонстрируя различные стадии невылеченного аутизма. Они сидели молча, безучастно глядя в пространство и делая монотонные, однообразные движения.

Четверо учителей пытались навести порядок среди своих подопечных.

— Держитесь своих групп! Не разбегайтесь!

На рельсах за бронированными воротами Челябинска-88 их ожидал поезд. На нем дети предпримут короткую увеселительную прогулку. Младшим из детей иногда доставляли такое удовольствие, но сегодня предстояла прогулка в один конец. Поезд не вернется, навеки остановившись в центре операции «Сатурн».

Позади Савины на детей смотрело пустыми глазницами выбитых окон жилое здание советской эпохи. У учителей, не смотря на показную бодрость, был загнанный вид.

— Все взяли свои лекарства? — громко осведомилась дама начальственного вида.

Лекарство представляло собой смесь седативных средств и радиочувствительного раствора. Хотя сейчас дети были возбуждены, уже через час они впадут в дремотное состояние. Это снизит напряжение, когда в дальнем конце тоннеля взорвутся заряды, положив начало операции «Сатурн». Водяной вал, который пронесется по тоннелю, и сопровождающий его выброс радиации превратит радиочувствительный раствор в смертельный нервный токсин, который мгновенно убьет детей.

Группа Савины рассматривала возможность умерщвления детей с помощью смертельных инъекций, но перспектива убивать каждого ребенка по отдельности смутила даже самых профессиональных ученых. Кроме того, маленькие мертвые тела потом пришлось бы собирать, грузить на поезд и везти в пещеру «Сатурн». В соответствии с другим планом радиация, которая будет неделю за неделей воздействовать на тела после

того, как озеро осушат, сожжет их и разрушит ДНК до состояния неузнаваемости. Последнее было необходимо на тот случай, если кто-нибудь когда-нибудь осмелится приблизиться к телам. Уровень радиации в тоннеле станет непреодолимой преградой на многие десятилетия.

В конце концов этот план был признан наиболее рациональным, минимально жестоким и дарил детям возможность в последний раз порадоваться и получить удовольствие.

Савина стояла, заложив руки за спину и сцепив пальцы так сильно, что их костяшки побелели, — для того, чтобы не броситься к поезду и не начать вытаскивать оттуда детишек.

Но десятерых она спасла.

Она могла утешить себя этим.

Десятерых лучших.

Они оставались в жилом корпусе позади нее, где располагался командный пункт операции «Сатурн». После того как здесь все будет кончено, десятерых омега-субъектов перевезут в другое учреждение, расположенное в Москве. Настало время вывести проект из тени.

Это будет ее наследием.

Но за подобный взлет надо было платить высокую цену.

Светлый смех и веселые крики тянулись за детьми, как невесомый хвост воздушного змея. Они спорили о том, кто поедет в открытых вагонах, кто сядет впереди, а кто — сзади. Лишь несколько более старших удивлялись тому, что они едут одни, без взрослых, но даже их голоса звучали скорее возбужденно, нежели озабоченно.

Когда все погрузились, поезд зашипел, гидравлические тормоза отключились, и с электрическим потрескиванием он покатился по тоннелю. До взрослых все еще доносились смех и озорные выкрики. Через мгновение бронированные ворота медленно закрылись, запечатав тоннель и заглушив счастливые голоса.

Четверо учителей молча пошли прочь. Они даже не смотрели друг на друга. Все, кроме толстой матроны в переднике до колен. Проходя мимо Савины, она подняла руку, намере-

ваясь успокаивающе похлопать ее по плечу, но в итоге не решилась.

— Вам не стоило приходить, — пробормотала женщина. Не доверяя собственному голосу, Савина отвернулась.
«Стоило... Я должна была прийти».

11 часов 16 минут

Припять, Украина

Грей сидел на заднем сиденье лимузина. Автомобиль вела Розауро, а Лука расположился рядом с ней. Они пулей пролетели первый контрольно-пропускной пункт на выезде из города. Чернобыльская зона отчуждения простиралась на тридцать километров во все стороны от реакторного комплекса. Один КПП располагался на удалении в десять, другой — в тридцать километров.

Грей хотел покинуть город, прежде чем кто-то поймет, что с реактором что-то не так. Очень скоро с помощью камер наблюдения внутри Укрытия обнаружат два мертвых тела, и все окрестности будут тут же оцеплены.

Чуть раньше Грей вместе с Ковальски вернулся от места проведения церемонии в Припять и с помощью портативной рации, которую оставил им Мастерсон, вызвал Розауро. Она доложила о том, что не может связаться со штаб-квартирой «Сигмы», но Грей велел ей продолжать попытки. К тому времени, когда он приехал в отель, линии связи с Вашингтоном вновь открылись. Розауро реквизировала один из лимузинов и заодно украла сотовый телефон шофера.

Именно его сжимал теперь Грей, ожидая звонка от директора Кроу. У Пейнтера в Вашингтоне было дел по горло, но, по крайней мере, Мэпплторпа вывели из игры, и Саше больше ничто не угрожало.

Помимо Грея на заднем сиденье расположились Элизабет и Ковальски. Великан сидел с обнаженным торсом, а Элизабет обрабатывала рану на его плече.

— Прекрати ерзать.
— Больно же!

— Это всего лишь йод.

— Уй, черт! Все равно щиплет, как хрен знает...

Сердитый взгляд женщины положил конец дальнейшим стенаниям.

Грей должен был отдать должное своему напарнику. Ковальски спас ему жизнь в ангаре, сбросив с потолка крюк весом в полтонны. Пусть на кнопку нажал палец Елены, именно острые глаза Ковальски заметили опасность и спасли его.

И все же они еще не отвели от себя угрозу.

Грей обернулся и посмотрел на убегающие назад холмистые поля с белеющими там и сям стволами берез. Его сердце не могло успокоиться, а мозг анализировал десятки возможных сценариев. Автомобиль удалялся от Чернобыля, но Грей понимал: куда-то же они должны направляться!

Ему не давали покоя последние слова Николая: «Ты еще не победил... Миллионам все равно суждено умереть».

Что он имел в виду? Грей знал: это не пустая угроза. Эти люди запланировали что-то еще, и оно должно было случиться. Даже название плана Николая — операция «Уран» — поначалу не давало Грею покоя. Оно было позаимствовано из истории Второй мировой, когда Советский Союз победил немцев под Сталинградом. Но победа была достигнута не за счет одной только этой операции. Это был результат блестяще осуществленного тактического плана, включавшего в себя две операции: за «Ураном» последовал «Сатурн».

Видимо, именно на это наметнул Николай, когда Грей выбирался из ангара. Значит, запланирована еще одна операция. Но где она будет проводиться и в чем состоит ее суть?

Наконец телефон зазвонил. Грей открыл его и приложил к уху.

— Директор Кроу?

— Как вы там? — спросил Пейнтер.

— Пока живы.

— Я организовал для вас транспорт. В нескольких милях от Зоны отчуждения есть частная взлетно-посадочная полоса. Ее использовали для приема бортов с VIP-гостями, прибыва-

ющими для участия в церемонии. Британская разведка любезно предложила использовать один из их реактивных самолетов. Они, видимо, пытаются спасти свою репутацию после того, как не прислушались к профессору Мастерсону, одному из своих бывших агентов. Кстати, я пошел напролом и объявил тревогу. Известие о неудавшемся теракте в Чернобыле распространяется среди разведывательных служб со скоростью лесного пожара. С целью обеспечения безопасности — так, на всякий случай, — уже начата эвакуация прибывших на церемонию, но вы пока опережаете этот хаос.

— Очень хорошо.

Грей не мог отрицать того, что твердый голос директора помог и ему обрести большую уверенность. Он был не одинок во всем этом.

— Сегодня тебе хватило хлопот, не так ли, командер?

— Как и у вас... Но мне кажется, что это еще не конец.

— Что вы имеете в виду?

Грей рассказал о последних словах русского сенатора и о собственных подозрениях.

— Подождите, — проговорил Пейнтер. — У меня тут Кэт Брайент и Малкольм Дженнингс. Сейчас я переключусь на громкую связь.

Грей продолжал говорить, объясняя свои опасения относительно второй операции, жертвами которой предположительно должно стать еще большее количество людей.

Ковальски, которому Элизабет перевязывала рану, также слушал рассказ Грея.

— Расскажите им про желейные бобы, — подал он голос.

Перед тем как уйти в ангар к Николаю, Елена пыталась предупредить Ковальски о чем-то, но мужчина явно не понял ее, потеряв что-то важное в переводе.

— Вы знаете, о чем я, — не отступал Ковальски. — Восемьдесят восьмые желейные бобы*.

* Jelly beans (конфеты «желейные бобы») по звучанию схоже с названием Челябинск.

В телефонной трубке прозвучал шепот Кэт:

— Что он сказал?

— Желейные бобы!

Ковальски удовлетворенно кивнул. Грей покачал головой. Ему казалось, что он участвует в какой-то комедии.

На том конце линии слышались озабоченные голоса. Пейнтер, Кэт и Малкольм что-то обсуждали. Грей перестал что-либо понимать. Он слышал, как Кэт сказала что-то про число 88, нарисованное кровью.

Зазвучал голос Малкольма — более громкий и возбужденный. Его слова были адресованы одновременно Кэт и Грею.

— Может ли то, что вы оба слышали, быть словом «Челябинск»?

— Челябинск? — переспросил Грей.

Ковальски вскинул голову.

Грей закатил глаза.

— Да, такое возможно.

Кэт тоже согласилась.

Малкольм заговорил очень спокойным тоном — верный признак того, что патологоанатом возбужден до крайней степени.

— Мне встречалось это название. Просто из-за бардака, который здесь творился на протяжении последних часов, не было возможности сосредоточиться и задуматься о его значении.

— Переходи к делу! — наседал Пейнтер.

— Тело доктора Полка. Радиационный рисунок в тканях его легких содержал вполне определенные изотопы, характерные для урана и плутония, которые использовались в Чернобыле. Но как вам известно, в результате проведения дополнительных исследований возникли новые вопросы. Все не так просто, как мне показалось вначале. Было похоже на то, что доктор Полк подвергся облучению из двух разных источников, хотя самым сильным, несомненно, был чернобыльский.

— И что это нам дает? — поинтересовалась Кэт.

— Я основывал свои выводы на базе данных по «горячим» зонам Международного агентства по атомной энергии. Одна-

ко есть один район, который заражен радиацией до такой степени, что ему невозможно присвоить какой-то один рисунок. Это расположенный в Центральной России Челябинск и его окрестности. Там, спрятанный в Уральских горах, при Советском Союзе находился центр добычи урана и производства плутония. На протяжении пятидесяти лет этот район был закрыт для всех, и только пару лет назад запреты сняли. — Он сделал паузу для пущего эффекта. — Именно в Челябинске добывалось и производилось топливо для Чернобыльской АЭС.

Грей выпрямился.

— То есть вы думаете, что доктор Полк получил дозу облучения именно там. Не возле реактора, а в том месте, где для него производилось топливо. В Челябинске.

— Думаю, да. Взять хотя бы число «восемьдесят восемь». Советы строили в Уральских горах подземные города и называли их в соответствии с местными почтовыми индексами: Челябинск сорок, Челябинск семьдесят пять.

И Челябинск-88.

Сердце Грея вновь забилося в ускоренном темпе. Теперь он знал, куда они направляются. Был известен даже почтовый индекс.

Пейнтер тоже понял это.

— Я предупрежу британскую разведку. Сообщу им, что вы сделаете небольшой крюк. Они смогут доставить вас в Уральские горы за час с небольшим.

Грей думал об одном: только бы успеть!

«Миллионам суждено умереть...»

Лимузин приблизился к второму КПП, и скучающий охранник жестом разрешил им проехать, а Пейнтер тем временем продолжал:

— Но, командер, за столь короткий срок я не сумею обеспечить вам наземную поддержку в том районе.

Лимузин выехал из зоны отчуждения и мчался по открытой местности.

— Я думаю, мы справимся.

По обе стороны дороги выстроились потрепанные грузовики различных моделей. Их было не меньше дюжины. В открытых кузовах и кабинах сидели мужчины.

Лука наклонился к Розауро и что-то быстро зашептал ей. Лимузин сбавил скорость. Лука выпрямился и, высунув руку из окна, помахал ею.

Этот сигнал было бы трудно не понять.

«Езжайте за нами».

Грузовики зарычали моторами, стали отъезжать от обочины и вскоре выстроились вереницей за лимузином. Как и директор Кроу, Лука объявил собственную тревогу, используя телефоны в отеле после того, как им не удалось связаться со штаб-квартирой «Сигмы».

Грей вспомнил слова, сказанные Лукой про свой народ: «Мы — повсюду». Он оказался прав, и его боевой клич был услышан.

Позади лимузина собиралась цыганская армия.

11 часов 38 минут

Южноуральские горы

Чем глубже в рудник спускался Монк, тем яснее ему становилось, что поблизости никого нет. Он не слышал эха голосов, звуков работающей техники. И хотя, с одной стороны, он испытывал облегчение от сознания, что их не обнаружат, в этой тишине было что-то пугающее. Казалось, рудник затаил дыхание...

Они спускались по тоннелю, довольно круто уходявшему вниз. Раненая нога Монка горела от боли. Не имея карты, он был вынужден идти, ориентируясь на следы тех, кто оставил окурки и пустые бутылки у входа. Это было несложно. На песчаном полу тоннеля отчетливо различались следы ботинок.

И хотя сейчас в шахте не было ни души, Монк обнаружил много примет того, что еще недавно здесь кипела работа: вагонетки с пустой породой, новенькие блестящие инструменты, закрепленные по стенам, и даже забытую кем-то сумку-

холодильник, наполовину наполненную водой, в которой плавали несколько банок с пивом.

Константин шел сзади, рядом с сестрой, а Петр жался к Монку, округлившимися от страха глазами глядя в темные проходы. Монк ощущал его страх и понимал, что мальчика пугают не узкие тоннели, а темнота. Монк несколько раз выключал фонарик, пытаясь определить, не сочтется ли откуда-нибудь свет. В эти моменты Петр испуганно прижимался к нему всем телом.

Марта ковыляла рядом с мальчиком, готовая защитить его от любой опасности, но и она, словно разделяя страх Петра, начинала дрожать, когда вокруг них на несколько секунд смыкалась непроглядная тьма.

Монк достиг конца тоннеля. От него отходил другой, с рельсами для вагонеток и неподвижной сейчас конвейерной лентой. Монк заметил, что в дальнем конце тоннеля тьма не такая густая, как везде. Он нагнулся, прижал к себе Петра своей култей и выключил фонарик. Темнота окутала их плотным покрывалом, но в конце тоннеля стало отчетливо видно слабое свечение.

К нему приблизился Константин.

— Больше никакого света, — прошептал Монк и отдал мальчику выключенный фонарик.

Если он ошибся и это место не так уж безлюдно, ни к чему оповещать о своем появлении лучом яркого света.

Монк приготовил винтовку, которую забрал у мертвого русского снайпера.

— Теперь — тихо! — предупредил он и пошел по тоннелю.

Он двигался, ступая по шпалам, чтобы под ногой, не дай бог, не хрустнул гравий. Дети шли, повторяя каждый его шаг, а Марта, балансируя, как канатоходец, ковыляла по одному из рельсов. Монк напрягал слух, пытаясь различить какие-нибудь голоса или звуки, которые подтвердили бы, что это место обитаемо. Однако единственное, что он слышал, были звуки капающей воды. Они становились все громче по мере того, как

Монк и его спутники продвигались по тоннелю. Это тревожило Монка, поскольку он ни на секунду не забывал об опасном соседстве озера Карачай.

А еще все сильнее начинал ощущаться запах. Пахло машинным маслом, солидолом и выхлопами дизельного двигателя. Однако чем глубже они опускались, тем отчетливее чуткие ноздри Монка ощущали еще один запах — отвратительное зловоние органики.

Осторожно завернув за угол, Монк обнаружил, что тоннель выходит в некое подобие пещеры, вырубленной в скальной породе. Она была в сотни раз меньше Челябинска-88, но даже при этом ее свод находился на уровне трехэтажного дома, а площадь равнялась половине футбольного поля.

Пол пещеры был завален брошенным оборудованием и грудами строительных материалов: бухтами электрических проводов, штабелями досок, кучами камней. Тут же возвышались наполовину разобранные строительные леса. На стоявшем поблизости грузовике была смонтирована компактная буровая установка. Все здесь выглядело как после поспешной эвакуации, словно кто-то впопыхах побросал вещи в уже отъезжающий грузовик, нисколько не заботясь о порядке.

Хорошо хоть беженцы оставили свет. В противоположном конце пещеры горели несколько натриевых ламп.

— Осторожнее, — сказал Монк.

Он махнул рукой, веля детям держаться сзади и быть готовыми в любой момент пуститься наутек и спрятаться среди нагромождения всякой всячины.

Монк крался вперед, пригибаясь и прижимая к плечу винтовку. Он шел зигзагами, от одной кучи к другой, задерживая дыхание и осторожно ступая. Дойдя до противоположной стороны пещеры, он обнаружил высокие бронированные двери. Они были заперты и отражали свет ламп. Выглядели они более новыми, нежели все остальное оборудование. Справа стояла небольшая будка размером с обычный киоск. Заглянув в ее открытую дверь, Монк увидел несколько темных мониторов, клавиатуру и ряд выключателей.

Внутри никого не было.

Монк заметил, что винтовка дрожит в его руке. Его нервы были натянуты до предела, он устал и выдохся. Пытаясь успокоиться, он сделал глубокий вдох. Зловоние здесь ощущалось гораздо сильнее. Слева от себя, позади груды какого-то оборудования, Монк заметил темное маслянистое пятно. Он подался вперед и заглянул за кабинку.

Это было не масло, а кровь.

Он нашел источник неприятного запаха. У дальней стены были кучей навалены человеческие тела в шахтерских комбинезонах и белых лабораторных халатах. Стена позади них была забрызгана запекшейся кровью.

Расстреляны.

Кто-то здесь тщательно прибрался, подчищая концы.

Позади Монка появился Константин. Монк повернулся, отрицательно покачал головой и показал на компьютерную кабинку, а Петру и Киске жестом велел оставаться на месте. Он не хотел, чтобы дети видели эту бойню. Затем Монк направился к бронированным дверям. Константин пошел с ним.

— Я уже бывал здесь, — сказал мальчик. — Иногда нам позволяли прокатиться на поезде. Тут есть пункт управления подстанцией.

— Покажи, — попросил Монк.

Константин уже просветил его относительно плана генерал-майора Савины Мартовой, получившего название «Операция “Сатурн”». Она должна была проходить за этими дверями.

Они оба втиснулись в кабинку, и Константин принялся изучать панель управления. Его заблестевшие глаза бегали по надписям на кириллице. Монк почти слышал, как его мысли летают на скоростях, недоступных обычному человеческому мозгу. Через минуту руки мальчика легли на панель управления и принялись переключать тумблеры с поразительной уверенностью. Можно было подумать, что ему приходилось делать это уже тысячу раз.

— Откуда ты узнал про операцию «Сатурн»? — спросил Монк.

Константин бросил на него взгляд, полный невинного удивления.

— Мой дар заключается в способности к быстрым вычислениям и деривативному анализу. — Он пожал плечами. — Я часто работал в компьютерном центре Муравейника.

Монк все понял. Вы можете превратить мальчишку в саванта, но он все равно останется мальчишкой — любопытным, своевольным, не признающим никаких рамок.

— Ты влез в ее файлы.

Константин снова пожал плечами.

— Неделю назад Саша, сестра Петра, нарисовала для меня картинку. Она отдала ее мне посреди ночи, когда мы проснулись от очередного кошмара, приснившегося Петру.

— Что это была за картинка?

— На ней был нарисован поезд, полный детей. Все они были мертвы и горели. Там еще была изображена шахта, расположенная за этими стальными дверями. Поэтому на следующий день я взломал файлы, касающиеся операции. Я понял, что именно планируется и когда это должно произойти. Я не знал, что делать, кому доверять. Саша уехала с доктором Раевым в Америку, поэтому я поговорил с Петром. — Константин покачал головой. — Не понимаю, откуда Петр узнал... Может, он и сам этого не понимает... Иногда такое случается.

Константин поднял глаза на Монка. Тот не мог взять в толк, о чем толкует мальчик, и спросил:

— Что именно узнал Петр?

— Он — сильный эмпат. Он почувствовал, что вы поможете нам. Ему даже было известно ваше имя. Дескать, во сне его прошептала Саша, его сестра. Они очень странные, эти двое, очень сильные.

Монк различил в голосе мальчика нотки страха. Константин даже боязливо оглянулся на Петра, а затем снова принялся за работу.

— Вот мы и пришли за вами.

Он щелкнул последним переключателем, и мониторы на столе ожили. На них было черно-белое изображение маленькой пещеры со строительными лесами по стенам. Несколько камер снимали ее с разных углов. В центре пещеры располагалась стальная заслонка-диафрагма.

Средоточие операции «Сатурн».

Внимание Монка привлекло какое-то движение на центральном мониторе. На нем появился электропоезд, полный детей. Некоторые выбрались из открытых вагонов и стояли, растерянно вертя головой, другие смеялись и играли.

Константин схватил Монка за рукав.

— Они... Они уже здесь!

Савина сидела в ярко освещенном центре управления. По обе стороны от нее расположились техники. На двух компьютерах они проводили заключительный этап диагностики. Центр управления располагался в подземном бункере под одним из заброшенных жилых корпусов. Здесь не было окон, а за тем, что происходит в окружающем мире, они следили с помощью семи жидкокристаллических мониторов, развешанных по стенам. На них поступало изображение с камер в тоннеле и в пещере «Сатурн».

Савина смотрела на остановившийся в пещере поезд еще несколько секунд, а затем встала. Сидеть было невмоготу. Она почувствовала знакомую боль в пояснице. Сегодня она была слишком занята последними приготовлениями и не успела сделать инъекцию стероидов. Савина отвернулась от монитора, на котором был виден поезд. Не потому, что ей было больно смотреть, хотя и это тоже, а из-за охватившего ее возбуждения.

Савина взглянула на часы. Они показывали уже больше половины одиннадцатого, а новостей от Николая все не было.

Она вышла из комнаты, чтобы другие не видели, как нервно она заламывает руки. Это были чисто женские движения,

признак слабости, и она заставила себя прекратить их. Савина направилась к лестнице и поднялась этажом выше. Не то чтобы ей там было что-то нужно, просто движение помогало успокоить нервы.

От знакомых в спецслужбах до нее уже дошли слухи о «несчастном случае» в Чернобыле. Утечка радиации, мертвые тела. Все присутствовавшие на церемонии эвакуированы. Если Николаю удалось задуманное, все эти меры запоздали. Вероятно, в воцарившемся хаосе ее сын просто не имеет возможности связаться с ней. Ее операция должна была начаться через сорок пять минут после того, как она получит подтверждение от Николая.

Поднимаясь по лестнице, Савина представляла, как торжествует сын, одержавший столь выдающуюся победу. Возможно, он даже отмечает свой успех с маленькой Еленой. Это было вполне в духе Николая: сначала праздновать, а уж потом заниматься делом. К ее возбуждению добавился гнев.

Наконец Савина оказалась на этаже, под которым располагался центр управления. Он был превращен в жилой отсек для техников: спальни, зал для физических тренировок и общее помещение, уставленное диванами и обеденными столами. Сейчас здесь не было никого, кроме десяти детей. Каждого из них она знала по имени.

Они одновременно повернули головы в ее сторону, как стайка птиц, которая резко сворачивает в полете. В груди Савины промелькнуло дурное предчувствие, ощущение того, что рядом с ней находится чуждый разум. Эти омега-субъекты являлись савантами настолько сильными, что их дар переходил общечеловеческие границы и существовал в измерении, куда Савине ходу не было.

Тринадцатилетний Борис с глазами такими голубыми, что они казались замерзшими, изучал ее. Его даром являлась эйдетическая* память вкупе со способностью удерживать в голове

* Способность четко и детально восстанавливать в памяти зрительные образы виденного.

абсолютно все, что он когда-либо видел и слышал. Он помнил даже собственное появление на свет.

— Почему нам не разрешили поехать с другими? — спросил он.

Другие закивали.

Прежде чем отвечать, Савина сглотнула комок.

— Вам предначертан иной путь. Вы собрали свои рюкзаки?

Они молча смотрели на нее. Ответ был не нужен. Разумеется, их рюкзаки были собраны. Вопрос Савины лишь выдавал ее нервозность. Перед ней находилась сила, которая приведет ее родину в новую эру, и при этом в глубине души Савина понимала, что эта сила находится за пределами ее понимания.

— Мы уезжаем через час, — сообщила она.

На нее смотрели десять пар голубых глаз.

Сзади послышались шаги. Она обернулась и увидела одного из техников.

— Товарищ генерал-майор, — заговорил он, — у нас случился какой-то сбой с бронированными дверями на другой стороне тоннеля. Не могли бы вы посоветовать, что следует предпринять в данной ситуации?

Она кивнула, довольная тем, что нашлось хоть какое-то дело, которое поможет отвлечься, и направилась следом за техником к лестнице. Но все равно она чувствовала, как десять пар глаз провожают ее, холодные и бесстрастные. Чтобы побыстрее избавиться от этого ощущения, она ускорила шаг.

— Открывай двери! — скомандовал Монк.

Константин, находившийся в будке, кивнул. Загудели электромоторы, завертелись большие стальные шестерни, и двери стали раздвигаться.

Константин подбежал к Монку.

— Пять минут! — напомнил он.

Монк понял значение этой фразы. Константин перевел систему видеонаблюдения в режим самотестирования и перезагрузки. Умный парень обеспечил им пятиминутную невиди-

мость. За это время, прежде чем камеры вновь заработают, они должны успеть вывести детей из поезда.

Помимо этого он мало что мог сделать. Главный центр управления находился на другом конце тоннеля. Как только их уловка будет обнаружена, электропитание будки, где колдовал Константин, отключат.

В их распоряжении только одна попытка.

Когда двери немного раздвинулись, Монк протиснулся между ними. Следующим был Константин, и даже Марта вприпрыжку последовала за ними. Старая шимпанзе задыхалась от усталости, но не снижала темпа и даже обогнала Монка.

Обезьяна знала: они должны торопиться.

В сотне метров впереди поезд стоял неподвижно.

Марта бежала впереди всех, прихрамывая на раненую ногу. Константин принялся кричать на русском, требуя, чтобы все дети сошли с поезда и уходили через стальные двери. Мальчик размахивал обеими руками.

— Очисти поезд, — велел ему Монк. — Я должен отправляться как можно скорее.

Монк побежал к поезду. На каждом его плече висело по автомату с полностью заряженными рожками по шестьдесят патронов в каждом. Константин уже объяснил ему, как управляться с поездом. Это было несложно.

Сесть в передний вагон, перевести рукоятку в верхнее положение.

Добравшись до поезда, Монк побежал вдоль одной его стороны, Константин — вдоль другой.

— Все с поезда! — кричал Монк. — Уходите в стальные двери!

Константин эхом повторял эти приказы на русском.

И все же с полминуты среди детей царил подлинный хаос. Одни кричали, другие плакали. К нему тянулись руки — дрожащие от страха, молящие. Но при этом дети были приучены выполнять приказы. Суматоха понемногу улеглась, и все гуськом потянулись к дверям.

Теперь, когда у него под ногами не вертелась малышня, Монк быстро дошел до первого вагона. По обеим сторонам от маленького сиденья водителя торчали две рукоятки — зеленая и красная. Зеленая — ехать, красная — тормозить. На маленькой приборной доске располагались амперметр и вольтметр.

У Монка не было времени практиковаться в искусстве вождения электропоездов. Он высунул голову в окно.

— Константин!

— Все чисто, можете ехать! — ответил мальчишеский голос.

Вот и славно.

Монк сдвинул зеленую рукоятку вперед. Послышался электрический треск, несколько искр вылетело в лежавшую впереди темноту. Поезд дернулся и покатился по тоннелю.

Четыре минуты.

Он должен добраться до противоположного конца тоннеля раньше, чем включатся камеры. На Константина была возложена задача вывести детей из тоннеля и закрыть взрывостойкие двери. Монк проинструктировал мальчика относительно того, как задействовать тормозной механизм, чтобы двери было невозможно открыть.

Помимо этого Константин должен был сделать кое-что еще. В пещере Монк прихватил пару шахтерских раций. Добравшись до дальних дверей, он по рации сообщит об этом Константину, и тот их откроет. Если все пойдет согласно плану, у Монка будет преимущество. Он застанет противника врасплох с двумя полностью снаряженными автоматами наперевес. Эта миссия пахла самоубийством, но что еще оставалось делать? Дети сейчас в безопасности, но сколько миллионов людей погибнет, если операция «Сатурн» пойдет своим чередом? У Монка не было иного пути, кроме как захватить центр управления штурмом, обрушив на него шквал автоматного огня.

Сначала он подумывал о том, чтобы обезвредить мины, установленные под дном озера, но Константин отговорил его от

этой идеи. Пятьдесят установленных под Карачаем мин были оснащены детонаторами с дистанционным управлением. Даже если ему удастся проползти полкилометра по шахте за четыре минуты и добраться до них, любое неверное движение — и они взорвутся одна за другой.

Таким образом, решение было принято.

Стуча колесами, поезд катился по темному тоннелю, освещенному лишь голыми лампочками, висевшими на изрядном удалении друг от друга. На переднем вагоне имелась фара, бросавшая на рельсы тусклое пятно света. По мере того как поезд ускорял ход, Монк заметил на стене тоннеля верстовые знаки. По словам Константина, тоннель тянулся на четыре километра.

Монк поймал себя на том, что затаил дыхание и вот уже целую минуту считает про себя. Наконец справа на стене он увидел табличку с цифрой 2.

Середина пути.

В лучшем случае у него в запасе останется тридцать секунд. Не много. Но и не мало.

А потом свет погас, словно его прихлопнула рука Господня.

Поезд тяжело вздохнул. Лишенный электричества, он по инерции прокатился еще несколько метров и замер в непроглядной темноте.

Позади него, в самом начале тоннеля, послышался детский крик, полный ужаса. Тело Монка окаменело. Он узнал этот голос.

Петр.

Глядя на темные, безжизненные мониторы, Савина покачала головой. Несколько минут назад один из техников позвал ее в аппаратную, обеспокоенный сбоем системы. По его словам, что-то неладное творилось со взрывостойкими дверями на другом конце тоннеля. К тому времени, когда она спустилась сюда, отключились камеры, перейдя в режим самотестирования.

Хотя такой команды никто не давал.

В ее душе зашевелились подозрения. Что-то тут не так. Не желая сидеть сложа руки, она сделала упреждающий ход и отключила электроснабжение тоннеля.

— Горнорудный комплекс триста тридцать семь, — проговорила Савина. — Там есть электрическая подстанция.

Один из техников, инженер-электрик, кивнул.

— И насколько я помню, — продолжала Савина, — там еще есть камера, установленная на контрольной будке. Она позволяет общаться с техниками, работающими на той стороне.

Техник снова кивнул, а затем его глаза расширились.

— Она работает автономно, независимо от общей системы видеонаблюдения.

Это являлось мерой предосторожности, предусмотренной на случай сбоев вроде теперешнего и позволявшей двум центрам управления находиться на связи при любых обстоятельствах.

— Выведите изображение с этой камеры.

Инженер стал быстро печатать на клавиатуре компьютера. Через несколько секунд один из экранов ожил, и на нем появилось зернистое черно-белое изображение. Маленькая и простенькая камера была установлена над панелью управления под таким углом, чтобы отчетливо видеть оператора.

Савина подалась вперед. Через открытую дверь кабины были видны толкущиеся в пещере дети. Много детей. Тех самых, которых увез поезд.

Савина силилась понять, что происходит, как вдруг в поле зрения камеры попал мальчик — высокий, темноволосый, с удлиненным угловатым лицом. Она знала этого мальчика.

Константин.

Что за черт?

Из-за утренней суеты у нее не было времени поинтересоваться тем, как идут дела у лейтенанта Борсакова, отправившегося в погоню за американцем и тремя детьми. Она смотрела, как Константин машет рукой и что-то кричит, обращаясь к другим детям. Сомнений быть не могло: Борсаков потерпел неудачу.

Но что они там делают?

Савина вглядывалась в лица, ища американца и двух других детей. Одного она нашла. Того, которого хотела заполучить обратно.

Петр закричал оттого, что темнота душила его. Глаза мальчика расширились, стремясь найти хоть лучик света. Марта обнимала его своими сильными руками. Воспользовавшись суматохой, царившей в пещере, эти двое забрались в последний вагон и спрятались.

Петр знал, что должен оставаться с женщиной. Но темнота...

Мальчик тонул в темном, чернильном море. Марта пыталась успокоить его, но он не переставая раскачивался. Его ночной кошмар стал явью. Ему часто снился такой же сон: его тень поднимается, обволакивает его и начинает пожирать — до тех пор, пока не остается ничего, кроме тьмы. Единственный способ защититься от этого заключался в том, чтобы вспыхнуть, загореться подобно факелу и разогнать темноту. В этот момент он с криком просыпался.

Другие дети говорили, что в своих собственных снах видели его горящим. Сначала он думал, что они смеются над ним, но после нескольких таких случаев дети начали странно смотреть на него. С ним редко разговаривали и почти никогда не играли. Учителя тоже злились. Они бранили его, не давали ему медовых пряников, говорили, что он расстраивает других детей до такой степени, что на следующий день ни один из них не может прилично написать контрольную работу. Его обвиняли в том, что он всех пугает.

Это пугало и его самого. Пугало до мозга костей. Но то было только сон. *Эта* темнота ему не снилась.

Дрожа от страха, он хотел убежать от нее, но она была повсюду. Он искал света там, где его не было. Даже бегство страшило его, но это все же было лучше, чем разлившаяся вокруг чернота.

В темноте проступили маленькие светящиеся точки, словно огненные булавки, воткнутые в черную ткань. Сначала —

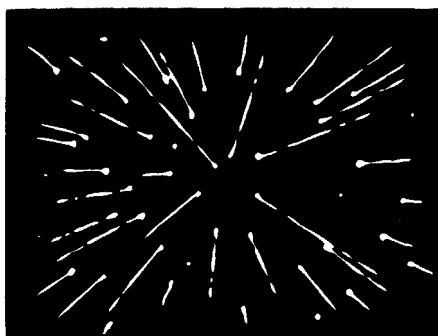
всего несколько, затем все больше и больше. Он смотрел вверх и видел, как это звездное поле расширяется, отодвигая темноту.

Но Петр знал правду: на самом деле там не было никаких звезд.

Его сердце билось, как пойманная птица. Он смотрел вверх, а звезды становились все ярче и росли в размерах по мере того, как приближались к нему. Он знал, что должен отвернуться, но его глаза раскрывались все шире. Как и темнота внутри него. Она тоже стремилась к свету, выползая из темного угла, нуждаясь в пище.

Звезды начали падать — все быстрее и быстрее. Сначала упало всего несколько, затем за ними последовали остальные. Со всех сторон они летели на Петра, намереваясь сокрушить его.

Он слышал плач и чувствовал, как бьются сердца. Они наполняли его своим светом. Он упал на спину, когда ночное небо обрушилось на него и подожгло его оболочку.

В отдалении он слышал предупреждающий вопль обезьяны. Марта знала его секрет.

В те моменты, когда Петр просыпался после своих кошмаров, он кричал не только от страха. Он кричал еще и от радостного опьянения.

С детьми что-то было чертовски не так.

Отключив электричество, Савина продолжала рассматривать изображение, передаваемое камерой из ГРК-337. Хотя звука не было, не вызывал сомнений тот факт, что дети по-прежнему возбуждены. Некоторые растерянно топтались на месте, кто-то плакал, многие бродили или стояли, словно контуженные. Единственным, кто держал себя в руках, был Константин. Он ходил среди детей, то появляясь в поле зрения камеры, то вновь пропадая.

Савина выискивала глазами Петра.

Хотя она и располагала десятью омега-субъектами, если бы мальчик был среди них...

Внезапно один из детей упал на пол. Ребенок, стоявший рядом, повернулся к нему, но тут же и сам повалился как подкошенный. Стали падать и другие дети. Один мальчик в страхе побежал, но тоже рухнул и остался лежать.

— Это действие нейротоксина? — спросил инженер, также наблюдавший эту сцену.

Савина смотрела на монитор, не зная, что ответить. Радиочувствительный состав остается инертным до тех пор, пока не подвергнется интенсивному облучению. Но уровень радиации в ГРК-337 никогда не был до такой степени высоким. Через мгновение на экране вновь появился Константин. Он нес на руках бесчувственное тело девочки. Это была его сестра, Киска. Полными страха глазами мальчик посмотрел прямо в камеру.

А потом в его глазах словно погас свет. Страх уступил место вялому безразличию, и он упал.

Это не было действием нейротоксина.

Константин и Киска не принимали препарат.

Сверху донесся глухой стук. Потом — еще и еще.

Савина вскочила.

«О нет...»

Повернувшись, она кинулась к лестнице и побежала на верхний этаж, перепрыгивая разом через две ступеньки. Ее спину сводило от боли, сердце заходило. Она ворвалась в комнату, где ее ждали десять детей. Теперь они все лежали — в креслах, на полу, безвольно свесив головы, раскинув руки и ноги. Савина бросилась к Борису. Проверив у него пульс, она ощутила слабые удары под кожей.

Жив.

Она перевернула мальчика и приподняла его полуоткрытые веки. Зрачки были невероятно расширены и не реагировали на свет.

Савина поднялась на ноги и оглядела комнату.

Да что же это такое?

*7 сентября, 2 часа 17 минут
Вашингтон, округ Колумбия*

Пейнтер быстро шел по коридору. Ему больше не нужны были неприятности, но по крайней мере одну он получил.

После нападения весь бункер «Сигмы» был переведен в режим строгой изоляции. Как он и думал, после гибели в огне Мэпплторпа оставшиеся наемники разбежались. Пейнтер был преисполнен решимости со временем найти их всех до единого, а также тех, кто снабжал Мэпплторпа ресурсами и информацией, которые он использовал для нападения на «Сигму».

Пока же нужно было восстановить порядок здесь.

Основной костяк сотрудников вернулся на рабочие места. Раненых увезли в местные больницы, мертвых трогать не стали. Пейнтер хотел оставить все как есть до прибытия его собственной группы криминалистов. Этим вечером дежурство было мрачным. Хотя он приказал включить на полную мощность воздухоочистительную установку и систему вентиляции, чтобы откачать остатки газа-катализатора, избавиться от вони сгоревшей человеческой плоти не получалось.

Вдобавок ко всему его донимали телефонные звонки из всех разведслужб. Коллеги желали знать подробности случившегося в «Сигме» и предотвращенного теракта в Чернобыле. В большинстве случаев Пейнтер просто отказывался подходить к телефону. У него не было времени пересказывать события последних часов и тем более играть в политические игры, выясняя, кто круче. Единственный короткий звонок, на который он ответил, был от благодарного президента. Эту начальствен-

ную благодарность Пейнтер использовал для того, чтобы выторговать для себя полную свободу действий и возможность посылать куда подальше всех остальных.

Возникла угроза нового, еще более ужасного теракта, и это сейчас было главным.

А поскольку последняя проблема была напрямую связана с этой угрозой, он решил заняться ею в первую очередь.

Поднявшись на медицинский этаж, он вошел в одну из палат. В ней находилась кровать, по обе стороны которой стояли Кэт и Лиза.

На кровати лежала Саша. Лиза прилаживала к ее виску электрод энцефалографа.

— Она снова заболела? — спросил Пейнтер.

— Это что-то другое, — ответила Лиза. — Сейчас у нее нет температуры, как в тот раз.

Кэт стояла, скрестив руки на груди. От волнения на ее лбу пролегли складки.

— Я читала ей, хотела, чтобы она успокоилась после всего, что здесь произошло. Девочка слушала. Потом она вдруг села, повернулась к пустому углу палаты, произнесла: «Петр» — и упала без чувств.

— Петр? Ты уверена?

Женщина кивнула.

— Юрий упоминал, что у Саши есть брат-близнец, которого зовут Петр. Должно быть, ей что-то привиделось.

Пока они разговаривали, Лиза подошла к столу с приборами и стала включать их. Саша была подключена одновременно к электрокардиографу и энцефалографу, отслеживавшим сердечную и нервную деятельность.

— Этот ее прибор работает? — спросил Пейнтер, указывая на устройство ТЭС за ухом Саши.

— Нет, — ответила Лиза. — Малкольм проверял. Он уже приходил и ушел. Сказал, что должен сделать несколько звонков. Но что-то внутри нее точно работает. Энцефалограмма показывает пиковые всплески в области боковых конвексиальных борозд височных долей головного мозга. Особенно справа,

где расположен имплантат. Это можно образно сравнить с судорожным припадком височной доли. А сердечный ритм, напротив, крайне низкий, и кровяное давление упало до минимально допустимого уровня. Ее тело словно переключилось на обслуживание одного-единственного органа.

— Мозга, — произнес Пейнтер.

— Точно. Все остальное как будто выключилось.

— Но почему?

— Не знаю, — качнула головой Лиза. — Я проведу дополнительные исследования, но если она и дальше не будет ни на что реагировать, боюсь, у нас останется только один выход.

— Какой именно? — осведомилась Кэт.

— Хотя устройство электростимуляции не активно, всплески нервной энергии сосредоточены именно вокруг него. Волей-неволей мне приходится думать, что к происходящему с девочкой каким-то образом причастны вживленные в ее мозг нейроэлектроды. Электрическая активность в этой области пугающе высока, словно они работают наподобие нити накаливания. Если я не сумею снизить ее нервную активность, она просто перегорит, как лампочка.

Услышав эти слова, Кэт побледнела.

— Ты говорила, что есть какой-то выход.

Лиза вздохнула с несчастным видом.

— Возможно, нам придется удалить этот имплантат. Малкольм как раз пошел звонить нейрохирургу из больницы Университета Джорджа Вашингтона.

Пейнтер подошел к Кэт и обнял ее за плечи. Он знал, как сильно она привязалась к Саше. Они потеряли многих людей, чтобы спасти девочку, и теперь — потерять ее?

— Мы сделаем все, что в наших силах, — пообещал он.

Кэт кивнула.

На поясе Пейнтера зажужжал пейджер. Он посмотрел на номер вызывающего. Российское посольство. На этот звонок нужно ответить. Грей приземлится в Челябинске уже через несколько минут.

Он обернулся. Лиза устало улыбнулась ему и махнула рукой в сторону двери.

— Я позвоню тебе, если будут какие-то изменения.

Он направился к двери, но тут вдруг кое о чем вспомнил. Поглощенный бурными событиями последних часов, он так и не удосужился задуматься над этим.

Повернувшись к Кэт, Пейнтер вопросительно вздернул брови.

— Я, откровенно говоря, не уверен, что правильно тебя слышал, — проговорил он.

Кэт подняла на него глаза.

— Что ты имела в виду, сказав, что Монк все еще жив?

12 часов 20 минут

Южноуральские горы

В крошечной темноте Монк медленно двигался вдоль поезда. Своей культей он вел по стенкам вагонов, а здоровую руку вытянул вперед и ощупывал пустоту перед собой. Спотыкаясь о шпалы и большие камни, попадавшие в гравии, он шел от первого вагона к последнему.

Минуту назад, когда Монк выбрался из поезда, Петр перестал кричать. Его крик оборвался резко и внезапно, однако от этого стало еще хуже. Гробовая тишина в сочетании с непроглядной темнотой создавали ощущение, будто ты находишься в могиле.

Добравшись до следующего вагона, Монк вцепился в его край, пошарил рукой в темноте и позвал:

— Петр?

Его голос прозвучал пугающе громко и эхом разнесся по тоннелю. Но Монк не знал, где находится мальчик и в поезде ли он вообще. Единственный способ выяснить это состоял в том, чтобы методично продвигаться к последнему вагону.

Монк двинулся дальше, снова вытянув вперед здоровую руку и шаря ею в пространстве.

И тут кто-то схватил его за руку.

От неожиданности Монк ойкнул. Теплые кожистые пальцы обезьяны сплелись с пальцами человека. Послышалось негромкое уханье.

— Марта! — с облегчением выдохнул Монк и ласково обнял животное в темноте.

Она ответила тем же и выдохнула так же облегченно, как Монк. Все ее тело дрожало. Он чувствовал, как быстро колотится ее сердце. Потом Марта вновь взяла его за руку и потащила за собой.

Монк позволил ей вести себя. Он знал, куда она его тащит. К Петру. Двигаясь более уверенно, Монк вскоре дошел до последнего вагона. В отличие от вагонов в середине поезда этот был крытым.

Марта запрыгнула в открытую дверь. Монк забрался следом за ней. Старая шимпанзе с пыхтением тащила его в дальний угол. Он нашел Петра лежащим на спине. Он ощупал его, пытаясь выяснить, что случилось с мальчиком.

— Петр?

Ответа не было.

Монк чувствовал, как поднимается и опускается грудь мальчика. Его пальцы ощупали личико Петра. Ранен? Упал и ударился головой? Кожа Петра была лихорадочно-горячей. А затем маленькие пальцы мальчика протянулись в темноту, нащупали руку взрослого мужчины и сжали ее.

— Петр, слава богу!

Монк поднял мальчика с пола и посадил к себе на колени.

— Я нашел тебя. Теперь ты в безопасности.

Маленькие руки обвились вокруг его шеи. Даже через одежду Монк чувствовал, как горит его кожа.

— Иди... — проговорил мальчик ему на ухо.

Монк почувствовал, как по его телу пробежал холодок. Голос мальчика прозвучал низко. Это не был обычный детский фальцет Петра. Почему так неузнаваемо изменился его голос? Возможно, виной тому была темнота, возможно, страх. Но Монк не ощутил дрожи в тонких руках малыша. Единственное произнесенное им слово прозвучало не просьбой, а приказом.

И все же это была неплохая идея.

Монк встал и взял мальчика на руки. Петр показался ему тяжелее, чем раньше. Впрочем, ничего удивительного. Монк был на пределе сил и буквально валился с ног от усталости. Марта помогла ему подойти к двери. Он спрыгнул, тяжело приземлился и с мальчиком на руках поспешил к переднему вагону. Один автомат он взял с собой, а второй оставался в кабине машиниста.

Добравшись туда, Монк спросил:

— Ты можешь...

Прежде чем он успел закончить вопрос, мальчик спрыгнул с его рук и встал на ноги.

— Оставайся здесь.

Монк быстро забрался внутрь, схватил второй автомат и выбрался наружу. Мальчик снова взял его за руку.

Коккалис тяжело выдохнул. Куда идти? Поезд остановился на середине тоннеля. Они могли либо вернуться к Константину и другим ребяташкам, либо продолжить путь вперед. Но если есть хоть какая-то надежда остановить эту сумасшедшую, какой смысл возвращаться?

Вероятно, Петр думал так же, поскольку двинулся вперед. В сторону Челябинска-88.

С двумя автоматами за спиной, с мальчиком и прыгающей рядом шимпанзе Монк шел по угольно-черному тоннелю. Они совершили полный круг и теперь возвращались туда, откуда ушли.

Врач сокрушенно покачал головой.

— Сожалею, генерал-майор, но я не знаю, что происходит с детьми. Раньше они никогда не демонстрировали подобных симптомов кататонии.

Савина смотрела на происходящее в комнате. Пара медсестер и двое солдат укладывали детей на полу — в ряд, как срубленные деревья. Из соседних спален были принесены подушки и одеяла, вызвали врачей: доктора Петрова, специалиста в области неврологии, и доктора Ростроповича, биоинженера.

Петров, одетый в короткую дубленку, стоял, уперев руки в бедра. Его вызвали сюда, когда медицинский персонал уже готовился к эвакуации. Длинная вереница грузовиков и фургонов терпеливо ожидала погрузки.

— Я смог бы лучше понять, что происходит, если бы провел полное обследование, — проговорил он. — Но мы уже разобрали оборудование...

— Да, я знаю. Придется подождать, пока не приедем в Москву. Транспортабельны ли сейчас дети?

— Полагаю, да.

Савина посмотрела на врача тяжелым взглядом. Ей не нравилась его уклончивость. Заметив это, он кивнул головой с большей уверенностью.

— Их состояние стабильно. Их можно перевозить.

— В таком случае организуйте перевозку.

— Есть, товарищ генерал-майор.

Оставив детали на усмотрение медперсонала, Савина отправилась в подземный бункер. Занимаясь неотложными делами здесь, она не забывала поддерживать контакт с людьми из российских разведывательных и военных кругов. Информационная блокада вокруг Чернобыля начала постепенно ослабевать. Стали расползаться противоречивые слухи, выдвигались самые невероятные версии происходившего на церемонии. Одни говорили о полном разрушении реактора, другие рассказывали о неудавшейся попытке теракта, предпринятой чеченскими боевиками. Все, однако, сходились во мнении, что там, несомненно, имела место утечка радиации, однако ее масштаб оставался неизвестным.

Но почему же молчал Николай?

Савину снедало беспокойство, грозя подвести черту под прищипанным ей терпением и выдержкой.

А теперь еще с детьми творится непонятно что.

Невзирая на царящий вокруг хаос, она должна продолжить начатое. Что бы ни произошло в Чернобыле, операция «Са-турн» будет идти своим чередом. Даже если Николай по какой-то причине потерпел неудачу, с ней этого не случится. Ее опе-

рации было достаточно для того, чтобы свалить мировую экономику и отравить половину земного шара радиацией. Это будет сложнее, но с помощью детей-савантов, все еще находящихся под ее контролем, им все удастся.

Настроив себя на такой лад, она отбросила сомнения и преисполнилась холодной, бесстрастной решимостью.

Войдя в бункер, она увидела, что мониторы по-прежнему остаются темными. Все, кроме того, на который транслировалась картинка из ГРК-337. Она видела маленькие тела, распростертые на каменистом полу. Там, как и в комнате наверху, тоже не было никаких признаков движения.

Савина повернулась к двум техникам.

— Почему не включились остальные камеры?

Главный инженер встал.

— Перезагрузка после тестирования закончилась несколько минут назад. Мы ждали вашего приказа, чтобы включить электропитание системы.

Савина вздохнула и прижала кончики пальцев к вискам. Неужели она должна всех водить за ручку?

Она кивнула на панель управления.

— Включайте.

Несмотря на то что ей хотелось рывкнуть на мужчину, она сдерживала себя и говорила спокойным тоном. Она приказала отключить подачу электричества, но действительно не давала приказа снова включить ее.

Чтобы избежать дальнейшего недопонимания, она указала на монитор с картинкой из ГРК-337.

— Вырубите питание этой подстанции. Пусть электричество подается только на эту камеру.

Она не хотела новых сюрпризов с той стороны тоннеля.

Техники принялись за работу. На панели замигали разноцветные огоньки. Темные экраны ожили, и на них появилось изображение тоннеля и центральной пещеры. На первый взгляд все было нормально. Все, кроме одного.

Поезд исчез.

Савина указала на экран.

— Выводите последовательно изображение с камер, установленных в тоннеле. Найдите поезд!

Пальцы техника застучали по клавиатуре главного компьютера, и на экране стали сменять друг друга картинки — с такой скоростью, что у нее поплыло в глазах. Наконец на мониторе появился поезд. Он стоял на рельсах без движения. Савина подошла ближе к монитору и стала рассматривать вагоны и вагонетки. Там ничто не двигалось. Возможно, кто-то прятался в поезде, но такая возможность показалась ей маловероятной.

— Продолжайте осматривать тоннель, — приказала она.

Поток сменяющих друг друга картинок возобновился. На одной из них она заметила какое-то движение.

— Стоп!

Здесь горела единственная вмонтированная в стену лампочка. Она располагалась в полукилометре от взрывостойких дверей, выходящих в Челябинск-88. Савина ждала, и наконец из темноты тоннеля появились две фигуры. Пальцы Савины впились в край стола.

Это был американец, и он вел за руку ребенка.

Когда они подошли ближе к свету, Савина узнала мальчика. Петр.

Выпрямившись, Савина посмотрела на зернистое изображение с камеры, установленной в ГРК-337. Все дети, как и прежде, неподвижно лежали на полу. Почему же этот мальчик на ногах и передвигается?

— Генерал-майор? — окликнул ее техник.

Ее мозг лихорадочно работал, но не мог найти какое-либо приемлемое объяснение происходящему. Она тряхнула головой. словно почувствовав на себе ее взгляд, пара остановилась в круте света, отбрасываемом лампой. Американец оглянулся. На его лице отразилось замешательство.

Когда включилось электричество и в тоннеле вспыхнул свет, Монк понял, что заработали и камеры. Поскольку прятаться было негде, да и незачем, он продолжал двигаться впе-

ред, пока не дошел до очередной лампы. Только тогда он осознал, что чего-то не хватает.

Или, точнее говоря, кого-то.

Он оглянулся. Марты не было. Монк думал, что она бесшумно следует за ними, однако не тут-то было. Он смотрел в ту сторону, откуда они пришли, но обезьяны и следа не было. Может, она осталась в поезде? Монк даже посмотрел вперед, предположив, что, возможно, Марта обогнала их. Однако тоннель, упирившийся в стальные двери в двух сотнях футов впереди, был пуст.

Марта исчезла.

Зашипели динамики, установленные по обе стороны от дверей, а затем из них раздался скрипучий голос, говоривший по-английски:

— Если хотите остаться в живых, продолжайте идти вперед! Приведите мальчика к дверям.

Монк застыл, не в силах пошевелиться и не зная, что делать дальше.

12 часов 35 минут

Кыштым, Россия

Грей трясся в деревенском грузовике, возглавлявшем целый караван таких же машин. Они выехали из ворот взлетного поля и двинулись по двухполосной дороге, уходящей в горы. По обеим сторонам дороги росли высокие ели и пихты, образуя красивый зеленый коридор.

В зеркале заднего вида он видел, как уменьшается в размерах и исчезает небольшой городок Кыштым, расположенный на восточных склонах Уральских гор. Отсюда до места их назначения, Челябинска-88, было всего девять миль. Как и весь этот регион, город не избежал трагедий, связанных с радиационным загрязнением. Он лежал с подветренной стороны от еще одного ядерного комплекса, Челябинска-40, в котором находился химический комбинат «Маяк», один из крупнейших российских центров по переработке радиоактивных материалов. Он, однако, отнюдь не мог считаться маяком в области

обеспечения радиационной безопасности. В 1957 году из-за сбоя системы охлаждения здесь разрушилась емкость с высоко-радиоактивными отходами, в результате чего пришлось эвакуировать сотни тысяч людей. Советские власти хранили эту трагедию в секрете вплоть до 1980 года. После того как история страны сделала крутой поворот, город Челябинск-40 исчез*, подобно значительной части истории советской ядерной энергетики.

Грей поерзал, удобнее устраиваясь на сиденье. Грузовик ехал по мосту, перила которого были выкрашены в кроваво-красный, пожарный цвет. Это было предупреждение. Мост соединял два берега глубокой реки, которая когда-то обозначала границу запретной зоны. Дорога поднималась вверх, в горы.

Позади головной машины, в которой ехал Грей, вытянулась вереница из дюжины потрепанных грузовиков различных марок. Рядом с Греем сидел Лука, оживленно болтавший с водителем на цыганском языке. Лука указал вперед, и водитель кивнул.

— Осталось совсем немного, — сказал Лука, повернувшись к Грею. — К въезду на территорию уже отправили наблюдателей, и они сообщают о царящей там подозрительной активности. С гор спускается множество грузовиков и фургонов.

Грей нахмурился, обдумывая услышанное. Это очень напоминало эвакуацию.

Не опоздали ли они?

В кузове грузовика, накрывшись до пояса брезентом, находились четверо мужчин. Под тем же брезентом был спрятан целый арсенал: ящики с автоматами, множество пистолетов и даже гранатометы.

Лука пояснил, что контроль за распространением оружия в России очень слабый, поэтому на черном рынке его — пруд пруди. В Кыштыме их встретила маленькая армия из российских цыган. Они пополнили ряды своих соплеменников, ко-

* Челябинск-40, переименованный в 1966 году в Челябинск-66, до 1994 года отсутствовал на картах. В 1994 году переименован в Озерск.

торых Лука привез с Украины. Грей не мог не признать: если вам необходимо быстро собрать ополчение, обращаться нужно к цыганам.

Во втором грузовике ехали Ковальски и Розауро. Элизабет они оставили в самолете, под охраной трех солдат из британского спецназа.

Действовать нужно было быстро, поскольку время играло решающую роль. Их план состоял в том, чтобы ворваться в подземный город, блокировать его и предотвратить то, что должно было произойти. Суть операции «Сатурн» по-прежнему оставалась для них загадкой, однако, учитывая то, что она планировалась в районе, где в советские времена были сосредоточены предприятия по производству оружейного плутония, не вызывало сомнений, что без радиации тут не обойдется.

В ушах Грея до сих пор звучали последние слова сенатора Николая Солокова.

«Миллионам суждено умереть».

Грей успел узнать, что этот человек родился в Екатеринбурге, расположенном в девяноста милях отсюда. Именно этот регион Солоков представлял в Совете Федерации, а значит, он отлично знал и этот регион, и хранящиеся здесь секреты. Если кто-то задумал совершить теракт с применением радиоактивных материалов, то лучше места не придумаешь.

Но что именно они задумали?

Вернувшаяся в Кыштым Элизабет мерила шагами салон самолета. Ее руки были сложены на груди, голова задумчиво опущена. Она беспокоилась за своих товарищей, испытывала откровенный страх после того, как услышала, с чем собираются сразиться Грей и его спутники.

«Миллионам суждено умереть».

Какое безумие!

От волнения она не могла усидеть на месте. Ее мучила тревога за свою команду, за судьбу миллионов невинных людей, которым грозит гибель. На столе стоял открытый ноутбук, и, чтобы отвлечься, Элизабет попыталась работать. Она приня-

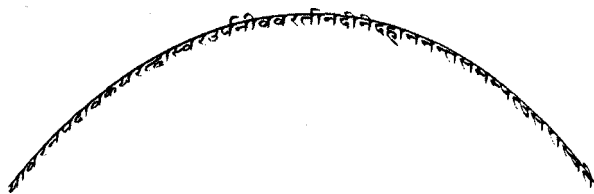

лась загружать в компьютер снимки со своего цифрового фотоаппарата. Когда они были захвачены русскими, профессор Мастерсон сохранил его и вернул ей после того, как помог им бежать из тюрьмы.

На экране, сменяя друг друга, мелькали фотографии, перемещаясь на жесткий диск компьютера.

Элизабет увидела снимок, запечатлевший омфал посередине колеса чакры. Ее сердце снова учащенно забилось при мысли о том, что это подлинный дельфийский артефакт. На протяжении двух десятилетий ученые знали, что небольшой камень, находящийся в музее, является копией, а местонахождение подлинника оставалось загадкой. Некоторые исследователи выдвигали гипотезу, в соответствии с которой некоторые представители пророческого культа уцелели при разрушении храма и похитили омфал для своего нового тайного храма.

Элизабет смотрела на фотографию омфала. Вот оно, доказательство. Внезапно в ее мозгу вспыхнула мысль, электрическим разрядом отбросившая ее на спинку кресла. Она вспомнила, что было вырезано на внутренней части музейной копии омфала. Строчка на санскрите.

Это была древняя молитва Сарасвати, индуистской богине мудрости и знаний. Ни один ученый не знал, кто сделал эту надпись и зачем. Но священные надписи, принадлежащие одной религии, сделанные на предметах, относящихся к другой, не являлись редкостью.

И все же Элизабет начала понимать, где лежит истина. Возможно, копия омфала являлась на самом деле чем-то вроде дорожного указателя. Она пролистала фотографии и нашла снимок фрагмента настенной мозаики, на котором были изобра-

жены ребенок и молодая женщина, прячущиеся от римского солдата под куполом омфала. И там были стихи на санскрите. В том числе такие строки: «Та, у которой нет ни начала, ни конца, ни пределов... Пусть защитит ее богиня Сарасвати». Это, без сомнения, могло относиться к последнему Дельфийскому оракулу. Молитва, призывающая богиню уберечь ее потомство. В конце концов, Сарасвати сама обитала в священной реке. Многие ученые полагали, что этой рекой был Инд, на берегах которого греки, спасшиеся бегством, создали свой новый дом.

Элизабет подозревала, что греки оставили копию омфала, желая указать путь другим, которые пойдут за ними. Как поступил ее отец и она сама.

Элизабет снова вывела на экран снимок подлинного омфала. Она сфотографировала его с нескольких точек; попали в кадр и строчки, вырезанные на трех языках — хараппском, санскрите и греческом, — предупреждающие о ловушке. Она принялась рассматривать именно эту фотографию.

Надпись на этих трех языках имела еще в одном месте — на мозаике, под изображением мальчика с огненными глазами. Она вывела на экран и эту фотографию. Строчка на хараппском языке сохранилась полностью, но строки на греческом и санскрите были наполовину стерты.

Элизабет прочитала то, что поддавалось прочтению: «Мир загорится...»

Эта строчка не давала ей покоя, напоминая о том, что пытались предотвратить Грей и остальные. Она смотрела на мальчика, стоявшего в клубах дыма и огня, поднимающихся из омфала, и чувствовала, как по коже бегут мурашки. Что еще говорилось в послании, оставленном на трех языках? Целиком оно сохранилось только на нечитаемом хараппском. Как разгадать эту словесную головоломку?

А что, если...

Элизабет выпрямилась и подвинулась ближе к компьютеру, позабыв о своих страхах. Она переводила взгляд с одной фотографии на другую и начинала понимать, что привлекло

ее внимание. У нее были строчки на хараппском языке, переведенные на греческий и санскрит. Переведенные... Дыхание Элизабет участилось. На экране ее компьютера был Розеттский камень для этого утраченного языка.

Она вернулась к надписи под огненным мальчиком, изучила ее, а потом поместила рядом надпись на стене колодца и стала искать в них общее.

Удастся ли ей перевести надпись?

Чувствуя, что наткнулась на что-то очень важное, Элизабет погрузилась в работу.

12 часов 45 минут

Савина разглядывала противника на мониторе. Американец все еще топтался в круге света от лампы. Она поднесла к губам микрофон и резко произнесла:

— Немедленно подойдите к дверям!

По тому, как вздрогнул мужчина, было件нятно: он ее услышал. Динамики у дверей работали исправно.

— Товарищ генерал-майор, вам поступил звонок первостепенной важности с ракетной базы в Архангельске.

Савина сделала шаг назад и взяла наушники с микрофоном. На базе работал один из ее информаторов.

— Мартова слушает, — проговорила она.

— Товарищ генерал-майор, с Украины поступает тревожная информация. Судя по всему, сенатор Николай Солоков погиб.

Савина резко выдохнула. Более сильных проявлений эмоций она себе не позволяла. Ее горло сдавила невидимая рука. Собеседник не знал, что Николай — ее сын. Ему было известно лишь то, что он является ее союзником и помощником в проведении операции.

Мужчина продолжал говорить:

— События в Чернобыле до сих пор продолжают порождать слухи. Некоторые утверждают, что он был убит террористами, другие говорят, что он сам собирался совершить террористический акт. Наверняка известно лишь то, что он мертв.

Камеры, установленные внутри Укрытия, показывают два тела: Николая и его помощницы. Он был застрелен в голову. Уровень радиации слишком высок, чтобы можно было вытащить его оттуда, но необходимые меры уже принимаются. Я не могу сказать...

Слова все еще звучали в наушниках, но Савина его уже не слушала. Ее глаза заволокли слезы, и она откинула голову назад, чтобы не дать им скатиться. Когда собеседник умолк, она поблагодарила его и сняла наушники.

Савина отвернулась от техника и инженера.

Николай мертв.

Ее единственный сын.

Возможно, в глубине души она уже догадывалась об этом. В течение последнего часа она не могла отделаться от навалившегося на нее чувства безысходности. Ей было трудно дышать.

Николай...

— Товарищ генерал-майор, — негромко проговорил инженер.

Его мягкость только разозлила Савину. Она повернулась к монитору. Американец стоял неподвижно. Ее горе мгновенно переплавилось в ярость. Этот тип целый день доставлял ей неприятности, а теперь открыто бросил ей вызов.

Больше она это терпеть не намерена.

От злости слезы на ее глазах мгновенно высохли.

Пусть ее сын мертв, но она дала жизнь другому ребенку — мечте, которая, восстав из огня, превратится в реальность. Потомство — не единственный способ оставить свой след в истории. Она завершит то дело, что убило ее сына. Она найдет другое подставное лицо, которое займет место Николая. Возможно, придется потратить чуть больше времени, но это будет сделано. Мир украл у нее сына. Он заплатит за это.

— Довольно! — прорычала Савина с такой яростью в голосе, что инженер отшатнулся.

Она указала на два крайних монитора, на которых передавалось изображение с двух камер, установленных в центре операции «Сатурн». Одна показывала наклонную шахту, идущую

щую к заложенным под дном озера зарядам, вторая смотрела на стальную диафрагму в центре пещеры.

— Запускайте «Сатурн»! По моему сигналу!

Инженер и техник кинулись к своим рабочим местам и принялись лихорадочно вводить команды.

Савина смотрела на мужчину на мониторе. Если он не приведет к ней Петра, она сожжет его заживо и спасения не будет.

— Все готово, — подал голос инженер. — Ждем вашей команды.

— Начинайте!

Она сделала глубокий вдох и стала смотреть на два монитора. Один из них осветился яркой вспышкой. Савина услышала далекий приглушенный звук взрыва. Мимо объектива камеры полетели камни, за ними потекла грязь. Видимость стала почти нулевой. На другом экране раздвинулись лепестки диафрагмы, которая приняла в себя все это. Через секунду из наклонной шахты хлынул поток черной воды. Расчеты инженеров оказались безупречными. Толстый столб воды бил в самый центр открывшейся стальной диафрагмы.

Началось.

Мир убил ее сына, но дитя, родившееся в ее мозгу, будет жить. Хотя начать операцию ее заставила злость, она уживалась с надеждой и желанием отомстить. Глядя, как хлещет отравленная вода озера Карачай, она знала, что рассчитается с миром за то, что у нее украли сегодня.

Савина снова обратила свое внимание на американца. Ее клинок покинул ножны и требовал новых жертв.

Месть только начиналась.

Монк поднялся с земли. От грохота взрыва у него звенело в ушах. Взрывная волна ударила по его барабанным перепонкам, словно две гигантские ладони, и швырнула на землю. Он накрыл Петра своим телом.

Теперь Монк помог мальчику встать на ноги. Из темного тоннеля позади них доносился какой-то гул, словно там очнулся ото сна большой дракон. Но Монк знал, что это такое.

Поток воды.

Тонны падающей воды.

Он также знал, что все это означает — взрыв, текущая вода. Это означало, что он проиграл. Операция «Сатурн» началась, и радиоактивный поток хлынул в окружающий мир.

Вновь заквакали динамики у дверей.

— Бросай оружие! — скомандовала женщина, в голосе которой переплелись огонь и лед, холодная решимость и пылающая ярость. — Приведи мальчика к дверям, и поскорее! Уровень радиации быстро повышается. Еще пять минут, и вы получите смертельную дозу.

У Монка не было выбора. Он скинул с плеча автоматы и с грохотом швырнул их в вагонетку. Петр вцепился в рукав на его искалеченной руке.

Бок о бок, они рысью преодолели последние двести футов, остававшиеся до взрывостойких дверей. Стальные двери медленно раздвинулись. За ними стояли пятеро солдат с автоматами на изготовку.

Комитет по встрече высоких гостей.

Петр тянул его вперед, словно знал какой-то секрет. Монк уже ничего не понимал.

Каждый шаг отдавался в его раненой ноге пронизывающей болью, грудь сжимали невидимые тиски, дыхание стало хриплым. Он опустил глаза к своему ремню, к которому до сих пор был прикреплен значок-дозиметр. Его поверхность была багровой и с каждым пройденным ярдом становилась все темнее.

Несмотря на боль в ноге, он ускорил шаг.

Когда они подбежали к выходу из тоннеля, снаружи раздался громоподобный взрыв. Шарахнуло в пещере Челябинска-88. От неожиданности Монк споткнулся, но Петр продолжал тянуть его вперед. Солдаты изумленно обернулись, а один даже упал и распластался на земле. Петр нацелился на брешь, образовавшуюся в строю солдат. Он перепрыгнул через упавшего, и одновременно его свободная рука выхватила пистолет из кобуры стоявшего рядом солдата. Не теряя ни секунды, мальчик сунул оружие Монку.

Его движения были быстрыми и точными. Рукоятка пистолета идеально легла в ладонь Монка, и тот в упор расстрелял солдат, автоматически включив навыки, лежавшие даже глубже, чем его стертая память.

Магазин опустел. На земле валялись пять мертвецов.

Монк отбросил пистолет в сторону. Петр кинулся вперед и подобрал другой. Передав его Монку, он снова ухватил его за рукав, и они пошли дальше.

В пещере загремели новые взрывы. Слышались крики, от нескольких заброшенных жилых корпусов валил дым. На бегу Монк заметил дымный след то ли от неуправляемой ракеты, то ли от выстрела гранатомета. Снаряд врезался еще в одно здание. Во все стороны полетели обломки кирпича и битое стекло, обдав стоявших внизу солдат колючим дождем.

Базу штурмовали.

Но кто?

Грей гнал грузовик вниз по бетонному пандусу по направлению к массивным дверям. В самолете он успел почитать про такие подземные города и все же не был готов к подобным масштабам.

И к царившему здесь хаосу.

Атаку начали шесть грузовиков.

«Чтобы размяться для начала», — сказал Лука.

Грей не мог с ним спорить. Это была армия Луки, а не его.

Он проскочил через стену дыма и увидел, как в пятиэтажный дом врезалась ракета, обрушив целую секцию здания. В кузове грузовика сидел Лука, пристроив на плече портативную ракетную установку. Справа и слева неслись еще два грузовика. Одним управлял Ковальски, другим — Розауро.

После того как грузовики проехали через тоннель, цыгане перекрыли подъездную дорогу позади них, перегородив ее двумя грузовиками с бревнами. Две дюжины вооруженных мужчин заняли позиции позади этой баррикады, не выпуская никого за ее пределы.

Грей был впечатлен тем, как четко и слаженно они действовали.

По пути из аэропорта вереница грузовиков выглядела вполне миролюбиво, ничем не выделяясь в обычном загородном потоке машин. А потом, по условленному сигналу, вся колонна повернула к горе, и началась атака. Грузовики оцетинились винтовками, из фургонов выскочили лошади с всадниками, вооруженные дробовиками, и тут же разлетелись по предгорной равнине. Из фургонов для перевозки молока появились мотоциклы и разъехались по прилегающим дорогам. В результате этого превращения гора была блокирована в считанные минуты.

Русских, которые успели выйти из подземного поселения, переловили, уложили на землю, обезоружили и связали. К тому времени, когда Грей подъехал к входу в тоннель, передовая группа уже пробилась внутрь, оставляя после себя след из огня и дыма, по которому Пирс и двинулся.

Он не колебался. Нельзя было терять ни секунды. Нужно было найти то место, откуда осуществлялась операция «Сатурн», и остановить ее.

Люди Луки и здесь оказались полезны. Как любая хорошая армия, перед тем как пойти в наступление, они собрали необходимую для этого информацию. На подъезде сюда на середину дороги вышел мужчина в черном пыльнике до колен и поднял руку, призывая головную машину остановиться. В придорожной канаве сидели двое в белых лабораторных халатах. Их руки были связаны за спиной, а в затылок каждому упирался ствол пистолета. Цыгане не церемонились. Да и с какой стати, ведь русские уничтожили жителей горной деревни и похитили их детей.

Русские начали эту войну, цыгане намеревались закончить ее.

Мужчина передал Луке нарисованную от руки карту, заляпанную кровью. Лука отдал ее Грею. Это была грубая схема Челябинска-88. Здание, в бункере которого располагался центр управления операцией «Сатурн», было обведено кружочком.

Теперь, зная местоположение цели, Грей гнал грузовик по извилистой дороге туда, где шел штурм многоэтажного ком-

плекса. После первой атаки, отчаянной и жестокой, дорога была усыпана обломками. Один дом целиком рухнул на нее. Цыгане в грузовиках продолжали поливать все вокруг шквальным огнем. Другие попрыгали из кузовов и приготовились сражаться на земле.

Грей направил грузовик туда, куда бежали мужчины. Ковальски и Розауро последовали за ним. Выскочив из кузова, Лука стал что-то кричать на своем языке, цыгане ему отвечали. Обменявшись с соплеменниками несколькими фразами, Лука повернулся к Грею и отошел вместе с ним за грузовик.

— Русские закрепились в здании и сопротивляются тем ожесточеннее, чем глубже мы заходим.

Грей знал, чем это объясняется.

— Они стянули сюда все свои силы, чтобы оборонять центр управления. Если они еще не начали операцию «Сатурн», то скоро начнут. Мы не можем ждать.

Лука поднял ладонь и оглянулся на толпящихся у здания цыган.

— Есть у меня один человек... Ага, вот и он.

По направлению к ним, низко пригибаясь, бежала маленькая фигурка. На мужчине была цементно-серая одежда и черная кепка. Двое цыган быстро заговорили.

— Это Рэт*, — представил Лука подошедшего.

— Красивое имя, — пробурчал Ковальски.

— Он разведчик. Умеет находить такие пути, о которых никто и не догадывается. Он может отыскать способ проникнуть внутрь, но пойти сможет только небольшая группа — человек пять или шесть. — Лука окинул взглядом их маленькую команду. — Может, мы и пойдем? Ва?

— Ва, — согласился Ковальски и посмотрел на Грея, ожидая его реакции.

— А другие люди тем временем будут отвлекать русских, — добавил Лука, указав на цыган и грузовики.

— Идем мы, нет? — спросил Рэт на корявом английском.

* Rat — крыса (англ.).

— Ва, — ответил Грей, заработав ухмылку цыгана и дружеский хлопок по коленке.

Они приготовили оружие — винтовки и ножи, — а потом двинулись за маленьким цыганом по направлению к груди развалин. Грей не видел способа пробраться через нее. Проходя мимо своих «наземных сил», Лука взмахнул рукой. Цыгане ответили заливистым свистом, резко разнесшимся по затянутой дымом пещере.

Рэт нырнул под покосившуюся секцию обрушившейся стены. Последовав за ним, Грей увидел, что они стоят перед окном полуподвального помещения ближайшего к ним жилого корпуса.

Они медленно шли по лабиринту руин, и тут Грей услышал раздавшиеся позади крики:

— Опре, рома!

Этот боевой клич распространялся, как степной пожар.

Идя вперед, Грей молился о том, чтобы они не опоздали.

Савина бесшумно спускалась по лестнице, ведущей в бункер, не обращая внимания на судороги в спине, боль в ногах и бешено бьющееся сердце. При первых же звуках атаки она закрыла и заперла взрывостойкие двери.

Наверху ее ждали пятеро самых сильных солдат, вызванных доктором Петровым. План состоял в том, чтобы бежать с пятью детьми, которых понесут солдаты. Всех десятерых она взять не могла. Они смогут спастись, только если будут передвигаться быстро и без задержек. Идею невольно подсказал ей американский пленник. Он и ребенок бежали через служебный тоннель. Она поступит так же.

Но сначала ей нужно было закончить еще одно важное дело.

Она вошла в бункер и застала инженера и техника за уничтожением компьютеров. С помощью сильных магнитов они уже стерли всю информацию с жестких дисков. Уничтожение средств контроля должно было гарантировать, что никто не сможет вмешаться и воспрепятствовать осуществлению операции «Сатурн».

— Вы закончили? — спросила Савина.

— Да, — ответил инженер. — Даже самому гениальному электрику понадобятся месяцы, чтобы восстановить все это.

— Очень хорошо, — проговорила Савина, а затем подняла пистолет и выстрелила инженера в лоб.

Техник попытался убежать, но Савина повернула руку с пистолетом и срезала его у подножия лестницы. С пульей в шее несчастный повалился на пол и забился в агонии, захлебываясь собственной кровью.

Нельзя было допустить, чтобы этих двоих схватили. Их могли заставить восстановить то, что они сами сломали.

Этого случиться не должно.

Для пущего удовлетворения Савина сняла с висевшего на стене пожарного щита топор и подошла к приборной панели, а затем, высоко поднимая свое оружие, разгромила оба компьютера и все другие электронные устройства. Покончив с этим, она поставила топор на пол и облокотилась на его длинную ручку. Она смотрела на ряд жидкокристаллических экранов, которые все еще показывали происходящее в разных подземных помещениях. Мелькнула мысль, что хорошо бы разбить и их, но спина болела невыносимо, и она не была уверена в том, что сможет поднять топор еще раз.

И в конце концов, какое это теперь имело значение?

Бросив топор на пол, она посмотрела на центральный экран. Отравленная вода продолжала изливаться черным потоком. Пусть посмотрят, какой подарок она им приготовила!

Савина улыбнулась, наслаждаясь этим последним актом жестокости, затем повернулась и пошла к лестнице.

Пусть смотрят, как погибает мир.

Ее никто не остановит.

7 сентября, 13 часов 03 минуты

Южноуральские горы

Петр тащил Монка за рукав. Вокруг царил сущий бедлам. Кричали солдаты, звенело бьющееся стекло, лаяли винтовки, отовсюду выбивалось пламя и клубы дыма. Но для Петра это не было хаосом.

Когда впереди из-за угла появился солдат, мальчик затащил Монка в темный подъезд. Переждав, пока солдат прошагает мимо, они двинулись дальше. Торопливо пройдя по коридору, по какой-то лестнице, они вылезли через окно, перебрались через груды обломков и оказались перед другим зданием.

— Петр, куда мы идем?

Мальчик не ответил, не мог ответить.

Оказавшись в очередном коридоре, Петр остановился. Он потянулся мыслью к тысяче возможностей. Сердца светились как маленькие погребальные костры, мерцая страхом, яростью, тревогой, злобой. Он знал, как поступит каждое из них, еще до того, как это происходило. В этом заключался его дар, который сейчас был силен как никогда.

Потому что у него был секрет.

В последние годы он часто просыпался от ночных кошмаров с криком, будившим других детей, заставляя их видеть горящие тела. И существовала причина, почему на следующий день они из рук вон плохо писали контрольные работы. Учителя винили в этом Петра, думая, что он их пугает, но они ошибались. Дар Петра заключался в том, чтобы читать сердца. Это называли эмпатией, но у него имелся секрет, о котором он говорил только с Мартой.

Секрет, который он узнал в своих снах.

Он умел нечто большее, чем просто *читать* сердца. Он мог *похищать* их. Дети начинали плохо учиться не из-за страха. В первые минуты после пробуждения Петр мог делать все, что угодно: перемножать большие числа, как Константин, безошибочно определять, лжет ли человек, как Елена, видеть за тысячи километров, как его сестра, и многое другое. Все это наполняло его до тех пор, пока он не начинал гореть.

Он представлял падающие в него звезды, крича и заполняя пустоту внутри себя. Он всегда просыпался раньше, чем полностью поглощал их. Но только не сегодня. Петр шел сквозь сон, от которого никогда не мог пробудиться. Он знал, что пересек линию, но знал также и то, что у него нет выбора. Гореть было его предназначением.

Петр смотрел на царящий вокруг хаос горящим взглядом, принадлежавшим не только ему. С помощью тысячи глаз он выискивал дорогу в этом крошечном аду.

Хотя он не умел видеть будущее — по крайней мере не больше, чем на несколько секунд вперед, — его слух ловил каждый звук, его глаза различали и истолковывали каждую вспышку, каждое движение теней, его сердце проникало в побуждения, заставлявшие других людей делать то или это, выйти из-за угла или нет, стрелять или бежать. Сейчас, когда он обрел возможности своей сестры, его чувства обострились еще больше.

И вот путь через хаос начал обретать четкие очертания.

Тропа, по которой можно было пройти.

Петр пошел по коридору, увлекая за собой Монка.

Он указал влево, и Монк выстрелил в солдата, который появился оттуда через секунду. Мужчина научился доверять инстинктам мальчика: идти, куда он ведет, стрелять по его сигналу.

Рука об руку они шли невидимой тропой, ведомые одним лишь инстинктом.

Инстинктом, рожденным слиянием сотни талантов.

Он все понимал. Инстинкт представлял собой всего лишь неосознанную интерпретацию мозгом миллионов едва различимых изменений в окружающем мире — как в момент самого

события, так и на пути к нему. Мозг собирал всю эту беспорядочную информацию, систематизировал ее, а тело соответствующим образом реагировало. То, что могло показаться магией, на самом деле являлось биологией в чистом виде.

Сейчас Петр делал то же самое, только в сотни раз сильнее.

Он расширил свои чувства, читал сердца, определял мотивы, траектории, расстояния, направления, улавливал звуки, голоса, интонации, ощущал дым, жар... И так далее, и так далее. Миллион деталей заполнял его и просеивался через сотню сознаний, которые он сейчас использовал. В море хаоса сформировалась тропа, и он знал каждый свой следующий шаг.

— Куда мы идем? — снова спросил Монк.

«Туда, где ты должен находиться», — молча ответил Петр.

Петр опять повел его вниз по лестнице, затем толкнул на пол, и через секунду над их головами просвистела пуля. Оттуда они заползли под стальные столы и отсиживались там, пока солдаты обыскивали помещение. Потом — снова вниз через два лестничных пролета. Наконец они оказались в длинном подвальном коридоре, в который выходили десятки дверей и других коридоров.

Петр спешил.

Он видел тропу, но не умел провидеть будущее. Он следовал путеводной нити инстинкта, ощущая давление веков. Они начинали опаздывать.

Мужчина выглядел все более расстроенным. По-видимому, он ощущал то же самое.

— Куда ты меня...

В этот момент из дальнего конца коридора раздался новый голос, полный удивления. Петр чувствовал, как учащенно бьется сердце незнакомца. Тот назвал имя — так, будто не верил собственным глазам:

— Монк?

Грей едва не пристрелил его. Выйдя в зал, он увидел двоих, бегущих прямо на него. Один держал выставленное вперед оружие. Если бы второй не был маленьким мальчиком, Грей непременно выстрелил бы, подчиняясь инстинкту.

Вместо этого он в изумлении застыл, сразу же узнав бегущего.

А вот друг его не узнал. Его пистолет выстрелил. Пуля ударила Грея в плечо, отбросив его назад. Все тело пронизала боль.

Ковальски поймал Грея, не позволив ему упасть на пол, и рывкнул:

— Монк, придурок! Что ты творишь?

Мальчик дернул Монка за рукав, и тот остановился. Его лицо приняло растерянное выражение.

— Кто... Кто вы такие?

Грей поднялся на ноги. Его плечо горело огнем.

— Монк, ты что, не узнаешь нас?

Монк провел пальцем по красной полоске швов у себя за ухом.

— Честно говоря... нет.

Грей, пошатываясь подошел к нему. В его голове теснились десятки вопросов. Что с его другом — амнезия или они с ним что-то сделали? Каким образом Монк здесь оказался? Впрочем, в данный момент все это не имело значения. Грей по-медвежьи обнял друга, на что его раненое плечо ответило яростной вспышкой боли. Подумаешь, какая-то царапина! Да за то, что Монк Коккалис оказался жив, Грей был готов получить пулю хоть в живот. Он сжал его еще крепче.

— Я знал... Я знал... — лихорадочно твердил Грей. По его щекам текли слезы. — Господи, ты живой!

— Он еще не долго останется живым, если мы будем торчать здесь, — проворчал Ковальски.

Великан был прав. Грей отпустил Монка, но одной рукой держал его за локоть, будто боялся, как бы тот не исчез снова.

Монк окинул их взглядом и заговорил:

— Слушайте, вы могли бы помочь мне. Я должен кое-что остановить.

— Операцию «Сатурн», — подсказал Грей.

Монк задумчиво посмотрел на Грея, а потом кивнул.

— Верно, — сказал он. — Этот мальчик может...

Внезапно он резко повернулся.

— Где Петр?

Грей понимал его растерянность.

Посреди всего этого хаоса мальчик исчез.

13 часов 15 минут

Кыштым, Россия

Элизабет рассматривала фотографию на экране компьютера. На ней был изображен фрагмент настенной мозаики из горного храма в Индии. Пять фигур сидели на треножниках вокруг стоящего в центра омфала. Из отверстия в камне, словно из жерла вулкана, вырывался дым, а из него, наполовину скрытая этим дымом, поднималась фигура огненного мальчика.

Но его поднимал не только дым.

Возле локтя Элизабет лежали листы, исписанные строчками на хараппском, санскрите и греческом. У нее были снимки надписей на стене и омфале. И все же она не была уверена в правильности своего перевода.

«Мир загорится...»

Она внимательнее вгляделась в мозаику. Пять женщин сидели на своих треножниках, словно в трансе, но каждая протягивала руку к мальчику, восстающему из дыма. Ее первой мыслью было, что они вызывают мальчика или заклинают его, но теперь она понимала, что это не так. Они не *вызывали* его. Они его *поддерживали*.

Элизабет посмотрела на строчку, которая родилась благодаря ее переводческим усилиям.

«Мир загорится... если только многие не станут одним».

Это было предупреждением. Мозаика предсказывала, что должно быть сделано, чтобы мир не был уничтожен в каком-то огромном пожаре. Элизабет вспомнила слова Грея. В чем бы ни заключалась суть операции, проводимой в этих горах, ее результатом станет гибель миллионов людей, и, скорее всего, вследствие применения радиации.

Она представила себе грибовидное облако, дымящееся и горящее адским огнем.

Эта картина весьма напоминала дым, вздымающийся из омфала.

«...Если только многие не станут одним».

Она переместила фотографию на экране вверх и прикоснулась пальцем к тому, что находилось под переведенным ею предупреждением.

Колесо чакр.

Кончик ее пальца скользнул по одному из лепестков к центру. Колесо чакр представляло собой то же самое предупреждение. Множество лепестков, встречающихся у одного центра.

«Многие станут одним».

Элизабет снова стала смотреть на пятерых женщин, поднимающих мальчика ввысь.

Внутри ее росла уверенность — относительно не только правильности ее перевода, но и его важности.

Элизабет дрожала от страха. Об этом необходимо кому-нибудь сообщить. Она подошла к спутниковому телефону, который оставил ей Грей. В случае чего, сказал он, нужно звонить директору Кроу.

И все же Элизабет колебалась. А вдруг она ошиблась? Вдруг ее звонок вызовет еще больший переполох? Может, лучше промолчать? Но тут она вспомнила своего отца и все его секреты, а также Мастерсона с его тайнами. Она была сыта по горло тайнами, полуправдами и недоговоренностями.

Хватит!

Она не станет уподобляться своему отцу.

Не сомневаясь в том, что ее открытие имеет первостепенную важность, Элизабет взяла телефон и набрала номер, который ей оставил Грей.

15 часов 18 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер смотрел, как ребенка готовят к тонкой операции. Они с Кэт Брайент стояли в наблюдательной комнате рядом с маленькой операционной «Сигмы». Возле операционного стола были разложены и дожидались своего часа стерильные устройства: ультразвуковой аспиратор, лазерные скальпели, стереотаксические центраторы. На столах поблескивали стальные инструменты и дрели со сверлами разного диаметра. Лиза, Малкольм и нейрохирург из больницы Университета Джорджа Вашингтона заканчивали последние приготовления.

На операционном столе, укрытая хирургической простыней, лежала Саша. Была видна только часть ее головы — выбритая и намазанная оранжевым антисептиком. Голова девочки была закреплена в твердой рамке, соединенной со сканирующим устройством. В центре участка, на котором должна была проводиться операция, в свете лампы поблескивал ее стальной имплантат.

Кэт, бледная и не находящая себе места от волнения, стояла, положив руку на стекло между наблюдательной комнатой и операционной.

Компьютерная томография и энцефалография, которые в течение последнего часа проводились несколько раз, показывали, что разрушение мозга девочки прогрессирует. Какие бы процессы ни происходили в мозгу Саши, они постепенно сжигали его. Поэтому, пока девочка окончательно не лишилась сил, было решено удалить имплантат. Похоже, именно он являлся центром, вокруг которого бушевала буря неврологической гиперактивности. Лиза назвала его «громоотводом».

Единственный способ спасти ребенка заключался в том, чтобы удалить имплантат. Нейрохирург внимательно изучил результаты сканирования и рентгеновские снимки. По его мнению, устройство можно было удалить, не причинив ребенку вреда. Операция предстояла тонкая, но вполне посильная для специалиста столь высокого класса.

Это была первая хорошая новость за всю ночь.

В кармане Пейнтера зазвонил телефон. Поначалу он хотел проигнорировать звонок, но, посмотрев на дисплей, увидел, что звонят из Кыштыма, города в России. Тогда Пейнтер повернулся спиной к окну, открыл трубку и ответил:

— Пейнтер Кроу слушает.

— Директор, — раздался женский голос, в котором слышалось облегчение. Это была Элизабет Полк. — Грей оставил мне этот номер.

Она говорила очень возбужденно, и Пейнтер это сразу почувствовал.

— Что случилось, Элизабет?

— Я сама точно не знаю. Я кое-что обнаружила, перевела... В общем...

Пейнтер слушал сбивчивый рассказ женщины о ее открытии, ее страхах, о том, что, по ее мнению, являлось предупреждением, зашифрованным в древней мозаике.

— Оракулы сидели на своих треножниках окаменевшие, находясь в бессознательном состоянии, словно накачавшись наркотиками. Единственный смысл их существования заключался в том, чтобы поддерживать того, кто мог спасти мир от уничтожения. Я понимаю, вы можете посчитать меня сумасшедшей, но мне кажется, что это как-то связано с тем, что происходит сегодня.

Пока она говорила, Пейнтер снова подошел к окну, выходящему в операционную. Слова Элизабет отдавались в его мозгу. «Окаменевшие, находясь в бессознательном состоянии, словно накачавшись наркотиками...»

В точности как Саша.

Кэт сказала, что перед тем, как отключиться, Саша назвала имя своего брата.

«Единственный смысл их существования заключался в том, чтобы поддерживать того, кто мог спасти мир от уничтожения».

Пейнтер видел, как хирург поднял скальпель, готовый начать операцию.

Нет!

Он кинулся к двери.

— В чем дело? — окликнула его Кэт.

У Пейнтера не было времени объяснять. Он ворвался в стерильную операционную.

— Стоп! Не делайте ничего!

13 часов 14 минут

— Товарищ генерал-майор, вам необходимо спуститься в бункер, — проговорил солдат. Он был на голову выше ее и словно сделан из одних только мускулов. — Мы займем оборону здесь.

Другой солдат втащил из коридора в комнату визжащего доктора Петрова. У того была по колено оторвана нога, из обрубка хлестала кровь. Вбежали другие солдаты, неся на закорках детей. Им всем пришлось вернуться в жилой корпус, чтобы не быть смятыми российскими подразделениями, в панике отступающими под натиском налетчиков.

Высокорослый солдат указал в сторону лестницы.

— Товарищ генерал-майор, прошу вас. Мы будем держаться, сколько сможем.

— Дети... — обронила Савина, понимая, что ее план трещит по швам. Она не могла позволить, чтобы кто-то прибрал к рукам то, что она создала. — Убейте их всех.

Глаза мужчины округлились от удивления, но он был солдатом и потому послушно кивнул.

Савина подошла к лестнице. Она не могла смотреть на это. Спотыкаясь, она спустилась вниз. Дверь в комнату была стальной, толщиной в четыре дюйма. Запершись здесь, она переждет, пока закончится война наверху. За открытой дверью она увидела светящиеся мониторы. На центральном было видно, как ядовитая вода изливается в землю. Уединившись здесь и наблюдая эту картину, она обретет успокоение.

Сверху послышались выстрелы.

Дети...

Цепляясь за стены, она направилась к комнате.

Но тут в дверном проеме возникла фигура, преградив ей путь.

Мальчик.

Петр.

Петр стоял в дверном проеме и смотрел на женщину. В сумраке лестничной площадки она была тенью, тьмой. Он не видел ее отчетливо, но он ее знал. Он сосредоточился на пламени ее сердца, горевшем у основания лестницы.

— Петр, — позвала она с робкой надеждой в голосе.

Савина сделала шаг вперед. Он поднял руки и потянулся вперед, но не плотью, а своим горящим духом. Он взял огонь ее сердца своими открытыми ладонями и держал как испуганную птицу. А затем осторожно сжал ее пламя, погасив его.

Женщина, вскрикнув, упала на колени, прижав к сердцу руку, сжатую в кулак.

— Петр, что ты...

Надежда уступила место ужасу, и она закричала.

Но он еще не закончил.

Эмпатический дар Петра имел еще одну грань. Он, бесспорно, был способен читать чужие сердца, но, пользуясь поддержкой сотни других, стоящих за ним, он мог гораздо больше.

Сотня глаз смотрела через его глаза. Он вычерпал из других детей боль от скальпеля, горечь одиночества, холод пренебрежения, мучения от тайного ночного насилия. Он потянулся еще дальше, в прошлое, к голубоглазой девочке в темной церкви, смотревшей на приближающихся к ней мужчину и женщину. Он забрал весь ее страх и вонзил все это, как кинжал, в сердце Савины.

Женщина дико закричала, выгнулась назад и погрузилась в безбрежную боль.

И хотя сейчас по жилам Петра бежали темные чувства, его снедал тот же огонь. Из его глаз текли горячие слезы. Он оплакивал всю утраченную чистоту и невинность, в том числе и свою.

Он не заметил пистолета, направленного на него.

Женщина хотела убить то, что убивало ее.

Грянул выстрел, разорвав тишину.

Петра отбросило назад, и ее огонь погас в его ладонях. Он успел увидеть, как она упала на пол; половины лица у нее не было. Петр поднял глаза и увидел Монка, бегущего вниз по лестнице с дымящимся пистолетом в руке.

Коккалис перешагнул через женщину и взял мальчика на руки.

— Петр!

Монк поднял мальчика и провел ладонью по его хрупкому телу. Он не обнаружил ни одной раны, но кожа ребенка была сухой и горячей.

На лестнице послышался топот. К ним бежали остальные. В результате короткой, но яростной перестрелки наверху защитники бункера были уничтожены. Все говорило о том, что русские собирались перестрелять нескольких находящихся без сознания детей.

Если бы они пришли хотя бы на полминуты позже...

С мальчиком на руках Монк вместе с остальными вошел в бункер. Глубокие рваные пробоины на контрольной панели дымились и воняли сгоревшей проводкой, клавиатуры были вдребезги разбиты, под ногами хрустело стекло. Все оборудование было безжалостно уничтожено. За исключением мониторов.

Монк указал на центральный монитор, узнав место на экране. Это была пещера, предназначенная для операции «Сатурн», только теперь из дыры в потолке хлестал поток воды и, бурля, падал в отверстие шахты.

— Операция «Сатурн» идет полным ходом, — с потерян-ным видом проговорил он. — Мы опоздали.

На соседнем мониторе Монк увидел пещеру, в которой он оставил Константина и других детей. Все они вповалку лежали на полу. Изображение было слишком размытым, чтобы можно было определить, живы они или нет.

Его захлестнула волна отчаяния.

Грей достал из кармана спутниковый телефон. Монк тем временем смотрел на его спутников — Ковальски и Розауро. Он силился вспомнить их, но не мог. Кто эти люди? Если они друзья, то, наверное, ожидают от него соответствующей реакции.

Петр тем временем вытянул руку и положил ладонь на центральный монитор.

— Что он делает? — спросил Грей, не отнимая трубки от уха.

Монк перевел взгляд на ребенка.

— Петр?

Мальчик неподвижным, глубоким взглядом смотрел на изображение на экране.

Заговорил стоявший слева Ковальски:

— Эй, глядите, поезд едет.

Грей посмотрел на экран. По рельсам медленно двигался поезд, разбрасывая электрические искры. Тоннель, по всей видимости, не был обесточен.

— Это делает он? Ребенок? Двигает предметы силой мысли?

Монк задержал дыхание, а потом медленно выпустил воздух.

— Нет, — ответил он, глядя, как поезд замедляет ход. А потом вдруг вспомнил: — Там есть еще кое-кто.

— Кто? — встрепнулся Грей.

Когда ладонь Петра прикоснулась к экрану, он отправил чувства в тоннель, достигнув своего предела. Для него, воспаленного похищенными талантами, сталь и бетон не являлись преградой. Все голоса, звучавшие рядом с ним, угасли. Он нырнул в темный тоннель и устремился к одной горячей звезде, которая оставалась внутри, к большому сердцу, которое он любил на протяжении всей своей короткой жизни.

Петр нашел ее в вагоне поезда. Она съежилась и раскачивалась из стороны в сторону. Она спряталась от камер потому, что он попросил ее об этом. Она являлась частью общей картины, но сейчас все это не имело значения. Он причинял ей боль

более сильную, чем когда-либо. Она была ему просто необходима. Дотянувшись до ее старого сердца, он нежно взял ее огонь и рассказал о том, как любит ее и нуждается в ней.

Она поняла, что он здесь, и тихонько заушала, протянув руки в пустоту. В темноте они обняли друг друга, соединив свои чувства на уровне более глубоком, чем это возможно для кого бы то ни было.

В этом заключался один из их секретов.

Истина открылась ему в тот момент, когда их руки впервые встретились. Петр знал, почему многие дети любили Марту, приходили к ней за утешением, поплакать в ее объятиях или просто побыть с ней.

Она обладала талантом, о котором не знали взрослые люди, — даром эмпатии, таким же сильным, как у Петра. Родственные души, они хранили тайны друг друга.

Но это не было их единственным секретом.

Был еще один, более глубокий, окутанный страхом, проявлявшийся в том, чего ни один из них не понимал, но оба признавали истиной. С того момента, когда они впервые увидели друг друга, они знали, что умрут вместе.

Грей смотрел, как поезд, набирая ход, катится к центру операции «Сатурн». Монк успел вкратце рассказать ему о ее сути.

— Кто находится в поезде? — спросил он. — Мы можем связаться с ними?

Монк держал на руках мальчика, маленькие пальчики которого лежали на экране монитора.

— Я думаю, Петр уже там. Мальчик умеет управлять поездом.

— Но кто же в поезде?

— Друг.

Поезд появился на экране с изображением центра операции и остановился. Из переднего вагона выпрыгнула темная фигура и поскакала внутрь пещеры.

— Это обезьяна? — спросил Ковальски, отступив назад.

— Человекообразная, — со вздохом уточнила Розауро, словно она устала то и дело поправлять великана. — Шимпанзе.

— Это Марта, — сказал Монк.

Грей слышал боль в его голосе. Там, наверное, бушевала настоящая радиоактивная буря. Фигура двигалась медленно, оскальзываясь, опираясь костяшками пальцев в землю.

— Что она пытается сделать? — спросил Грей.

— Спасти всех нас, — ответил Монк.

Петр оставался с Мартой. Он приблизил ее пламя к своему, но не для того, чтобы поглотить его, а чтобы питать его своей силой, чтобы объяснить ей, что нужно делать, и дать понять, что она не одна. Кроме того, таким образом он мог видеть происходящее вокруг ее глазами, пользоваться ее острыми чувствами.

Он видел столб ревушей воды, ощущал жар, ослаблявший и сжигавший Марту. В воздухе стоял запах тухлой рыбы, и, пугая их обоих, с потолка хлестал поток темной воды, которая снилась им в их общих ночных кошмарах.

Более смертоносной, чем любая река.

Но теперь они вместе противостояли ей.

Марта обошла отверстие шахты, которая жадно поглощала отравленную воду. Это нужно было остановить.

И сделать это можно было только одним способом.

Петр знал и рассказал Марте. Константин подробно объяснил ему, как тут все работает: о зарядах взрывчатки, о радиопередатчиках, об огромных стальных дверях шахты.

Рассказал он и про рычаг.

Марта не нуждалась в помощи. Она увидела рычаг за грудой брошенного оборудования. С его помощью можно было закрыть люк шахты и прекратить подачу отравленной воды в сердце земли. Петр слышал негромкое испуганное уханье Марты. Он почувствовал его у себя под ребрами.

«Ты сможешь сделать это, Марта...»

Она старалась изо всех сил. Ее кожа горела, шерсть стала жесткой, как елочные иголки, а костяшки пальцев, которые

ми она упиралась в забрызганную водой землю, покрылись пузырями.

Петр охранял ее пламя и подпитывал ее своей силой.

Она добралась до рычага. Тот находился в нижнем, почти горизонтальном положении, и его было необходимо поднять. Марта подставила под рычаг плечо, ухватила его обеими руками и уперлась ногами в землю.

Стальной рычаг не поддавался.

Позади нее рычащим потоком бурлила смерть. Петр ощущал, как напряглась ее спина, ноги, сердце.

Ее пламя стало угрожающе мигать в его ладонях.

«Марта...»

Но рычаг не двигался.

Монк наблюдал за тем, как Марта сражается с рычагом. Она была слишком слаба. Она не сумеет сдвинуть его с места. Дыхание Петра участилось, стало тяжелым. Он делил со старой шимпанзе ее страх и боль.

— Почему он не поддается? — спросил Грей.

— Ну давай же, чертова обезьяна! — крикнул Ковальски.

Монк приблизился к монитору и положил собственную ладонь на его экран. Он пытался восстановить в памяти эту пещеру, через которую торопливо пробежал. Монк напрягся, и в тот же момент его мозг словно прошел электрический разряд. В нем стали вспыхивать образы из другого времени и места.

Мужчина, покрытый угольной пылью... Захватывающая дух поездка в вагонетке... Белозубая улыбка на черном от пыли лице... Вот это парень!.. В точности как отец...

А потом все исчезло.

Монк пытался удержать воспоминания, но они, как сон после пробуждения, неудержимо утекали сквозь пальцы. Но почему всплыли именно эти образы? Наверняка в них крылось что-то очень важное.

Воспоминания растаяли — все, кроме одного: покрытый черной пылью мужчина тормозит вагонетку, нажимая на...

— Ручной стопор! — выдохнул Монк.

Он снова мысленно вернулся в пещеру и представил рычаг. На его конце имелась рукоять с кнопкой, высвобождающей стопор.

Монк наклонился к Петру и зашептал ему в ухо:

— Марта должна взяться за конец рычага и сжать рукоятку. Тогда все получится.

Мальчик продолжал смотреть на экран, словно оглохнув. А может быть, он действительно ничего не слышал. Монк должен был заставить его услышать себя.

Видя его растерянность, к нему подошла Розауро.

— Как они общаются? — спросила она. — С помощью телепатии?

— Нет, я думаю, с помощью эмпатии. Они делятся друг с другом своими чувствами. Я уже видел, как они это делают, но не на таком расстоянии.

— Значит, ты должен пробиться к нему таким же способом.

Монк посмотрел на нее как на сумасшедшую.

— Розауро — специалист в области неврологии, — произнес Грей. — Прислушайся к ней.

Женщина медленно заговорила:

— Эмпатия основывается на чувствительности и тактильности. Используя их, ты сможешь добраться до мальчика и его подружки. Предложи ему что-нибудь, что успокоит его. Возможно, это откроет проход.

Монк представил себе Петра и Марту. Они постоянно обнимались, прикасались друг к другу. Но Монк помнил, что успокаивало мальчика лучше всего, давая ему ощущение безопасности и уюта.

Он обвил Петра руками — так, как это часто делала Марта. Сердце мальчика билось, как пойманная птица. Баюкая малыша, Монк склонился к его уху и стал шептать, что нужно делать.

Он желал этого всем сердцем.

«Сожми рукоятку рычага...»

Пока Марта боролась с рычагом, Петр оставался с ней. Вдруг он ощутил сзади знакомое тепло. Он обернулся через плечо и увидел большое сильное сердце, из которого исходило мощное пламя. Глядя в него, он почувствовал, как нужно поступить, с такой же ясностью, как будто услышал это.

Петр повернулся к Марте и снова прильнул к ней, объясняя, что предстоит сделать.

Но его подруга дрожала и горела, все больше слабея.

«Прошу тебя...»

Она испуганно ухнула, но ее большая рука скользнула к концу рычага. Длинные пальцы обхватили рукоятку и сжали ее. Марта снова попыталась поднять рычаг. Он сдвинулся с места, но дело все равно шло туго. Дрожащими ногами она уперлась в землю и вложила в последнее усилие все остававшиеся у нее силы.

Что-то громко щелкнуло. Послышалось гудение больших шестерней.

Обессиленная, Марта рухнула на землю.

— У нее получилось! — воскликнул Грей.

На экране было видно, как медленно закрывается дыра в земле, преграждая стальной диафрагмой путь ядовитому потоку. Лишившись возможности стекать в шахту, вода стала заполнять пещеру.

Поток воды вынес шимпанзе из пещеры в тоннель. Измученная и обожженная, Марта все же нашла в себе силы подняться на ноги и залезть на крышу переднего вагона. Вода все прибывала, и обезьяна металась по крыше, крича от страха и отчаяния.

От жалости к несчастному животному у Грея сжалось сердце.

— Да заберите же оттуда эту треклятую обезьяну! — взревел Ковальски и грохнул кулаком по развороченной контрольной панели.

Но сделать это было невозможно. Двери были заперты, а вода постепенно заполняла тоннель, запечатанный с обеих сто-

рон. Даже если бы им удалось открыть двери, радиация убила бы их всех. Кроме того, шимпанзе уже получила гигантскую дозу радиации, которая стократно превосходила смертельную.

Розауро отвернулась и отошла в сторону, прижав ладонь ко рту.

Наконец старая шимпанзе уселась, обняла руками колени и принялась раскачиваться из стороны в сторону. Она знала, что должно произойти.

Монк стиснул Петра. По его щеке сбежала единственная слеза.

Мальчик в его руках тоже стал раскачиваться — в такт со своей подругой, находившейся в тоннеле.

Вода поднималась, а Петр оставался с Мартой. Ее сердце то вспыхивало, то угасало от страха. Она всегда знала, что ее убьет темная вода. Теперь Петр держал ее так, как много раз в прошлом держала его она. Он обвинил ее своими теплыми руками и прижал к себе. Они раскачивались вместе — в последний раз, в их сердцах горело одно пламя.

Марта тоже знала его секрет.

Она тихонько ухала, прижавшись щекой к щеке мальчика.

«Петр...»

«Я люблю тебя, Марта...»

Когда вода подобралась к его подружке, Петр заглянул в темное море, заполнявшее его. В нем светились семьдесят семь звездочек, вращавшихся вокруг яркого огня, которым было его сердце. Один из учителей рассказывал ему, как планеты вращаются вокруг Солнца, попав в плен его притяжения.

Он понял.

Он знал, что, захватив эти звезды, никогда не отпустит их от себя. Это был не ночной кошмар, когда он похищал лишь малую часть их талантов. Он переступил черту, за которой не было возврата. Он смотрел и видел, как эти огоньки неудержимо тускнеют. Он сжигал их, он пожирал своих друзей, свою сестру.

И существовал только один способ освободить их.

Это было еще одной причиной, по которой он пришел к Марте.

Она была нужна ему.

«Петр... Нет...»

«Ты должна...»

Он почувствовал, как ее руки неуверенно тянутся к яркому огню в его темном море. Ее длинные пальцы обхватили его сердце.

«Петр...»

Но она понимала, что это необходимо. Это был единственный путь. Ради того, чтобы жили другие. Они оказались пойманы на его орбите, и, если оставить все как есть, он сожжет их всех. Единственный способ освободить их — убрать солнце, которое их удерживало. И тогда звезды смогут полететь обратно и вернуться туда, где должны быть.

Поэтому Марта сжимала и сжимала руки, и вокруг нее поднималась темная вода. Обратив все внимание на мальчика, она уже не испытывала страха. Все так же раскачиваясь, она нежно сжала пальцы. Но все равно было больно.

Перед тем как его пламя окончательно погасло, Петр дотянулся до единственной звезды в этом темном море, которая была чуть ярче остальных.

— Саша, — прошептал он и поведал сестре свой секрет.

Мальчик обмяк на руках Монка. Его маленькая рука упала с экрана монитора. Монк видел, как вода смыла Марту с крыши вагона и унесла в непроглядную темноту тоннеля.

Монк опустил мальчика на пол.

— Петр!

Мальчик смотрел в потолок невидящим взглядом, его зрачки были расширены. Монк взял его за запястье. Пульс едва прощупывался. Его грудь вздымалась и опускалась.

Сверху слышались крики. Это были другие дети. Приходя в сознание, они поднимались, видели комнату, полную мертвецов, и пугались.

— Ковальски, Розауро, идите наверх и помогите им, — приказал Грей.

Монк взглянул на зернистое изображение на экране. Одни дети начинали шевелиться, другие уже стояли на ногах. Константин помогал Киске сесть.

Они были живы и здоровы.

— А что с мальчиком? — спросил Грей.

Монк сел на пол и баюкал его худое тело. Мальчик дышал, кровь все еще циркулировала по его артериям, но Монк знал: его уже нет.

Петр... Почему?

Грей подошел и положил руку ему на плечо.

— Может быть, это просто шок. Может, со временем...

Монк был благодарен за эту попытку подарить ему надежду, но он знал истину. Держа мальчика на руках, он чувствовал, как тот уходит. Его взгляд вернулся к экрану, полному детей. Монк знал. Петр пожертвовал своей жизнью ради них, ради своих братьев и сестер.

Грей уселся рядом с Монком, словно стремясь разделить с ним горе.

Незнакомец казался Монку хорошим человеком, и в этот скорбный момент, находясь рядом с ним, Монк ощутил покой. Воспоминания тут были ни при чем. Он почувствовал, что сейчас необязательно быть настороже и можно дать волю чувствам.

Поэтому ему не было ни капельки стыдно, когда по его щекам покатались тяжелые слезы. Он баюкал Петра в последний раз. Только теперь это уже была пустая оболочка мальчика.

28 сентября, 16 часов 21 минута

Вашингтон, округ Колумбия

Пейнтер пробирался между палатками и фургонами, которыми была заставлена Эспланада. Цыгане разбили лагерь прямо на поросших травой лужайках национального парка. Палатки были и традиционными, сооруженными из вбитых в землю шестов, накрытых парусиной, и современными, только что приобретенными в магазинах спорттоваров. Фургоны тоже отличались друг от друга. Рядом с простейшими телегами красовались настоящие дома на высоких раскрашенных колесах и с дымящимися трубами очагов.

На этот сход съехались цыгане со всего мира. Лошади паслись в сооруженных здесь же временных загонах, повсюду бегали детишки, гремела музыка, раздавались взрывы смеха. И с каждым днем прибывали все новые цыгане.

В конце недели президент должен был провести благодарственную церемонию. Цыганскому народу с благодарностью протянули руку гостеприимства за спасение многих жизней. Не говоря уже о спасении мира.

Пейнтер шел извилистым маршрутом, лавируя между фургонами и палатками. У него из-под ног разбегались собаки и дети. Помимо цыган в аллеях парка было полным-полно туристов. Они покупали у цыган безделушки, протягивали гадалкам ладони, чтобы узнать свою судьбу, или просто глазели на эту веселую суматоху. Чтобы сориентироваться, Пейнтер нашел глазами монумент Вашингтона и пошел дальше.

Повернув за угол, Пейнтер увидел фургон, по размерам и яркой раскраске превосходивший все остальные. Это был настоящий дом. Через открытую дверь была видна высокая двуспальная кровать и лакированные шкафчики, раскрашенные в желтый и красный цвета. Там был даже маленький камин с причудливо вырезанной полкой.

На пороге фургона, погруженные в беседу, сидели Лука и Грей. Рука командера до сих пор покоилась на перевязи. В нескольких шагах поодаль Шей Розауро состязалась с группой цыганских мужчин в метании кинжалов. Одно из ее лезвий вонзилось точно в «яблочко», выбив клинок противника. Судя по жалобным стенаниям, раздававшимся среди зрителей, она одерживала уверенную победу.

С другой стороны фургона Пейнтер с удивлением увидел Элизабет и Ковальски. Женщина, должно быть, только что вернулась из Индии специально для того, чтобы участвовать в церемонии. Совместно с цыганскими историками и индийскими археологами она работала над восстановлением затопленного греческого храмового комплекса.

Пейнтер перевел взгляд правее и увидел плакат на фасаде Музея естественной истории. На нем был изображен греческий храм и буква «эпсилон». Надпись гласила, что скоро здесь откроется выставка, посвященная Дельфийскому оракулу. Сенсационное известие об открытии затерянного храмового комплекса вызвало такой ажиотаж, что билеты были раскуплены на несколько месяцев вперед, причем наиболее активными покупателями стали цыгане, которым не терпелось узнать правду о своих корнях.

Лука заметил Пейнтера и поднялся. Цыган был одет в просторные штаны, подпоясанные широким ремнем, вышитую рубашку с длинными рукавами и расстегнутый камзол.

— А-а, директор Кроу! Добро пожаловать.

Пейнтер кивнул цыганскому барону.

— Найс туке, — поблагодарил он его на языке рома.

Грей тоже встал. Как и Ковальски, командер был в простых джинсах и легкой куртке. Они все вновь встретились,

съехавшись сюда. Последние две недели выдались мрачными: похороны, поминки... Пейнтер и Лиза приходили сюда почти каждую ночь. Держась за руки, они бродили по цыганскому лагерю, не разговаривали, а только слушали песни и смех семей, собиравшихся за ужином при свете свечей. Пейнтер черпал утешение в этом ярком и шумном напоминании о том, как полна жизнь. Слушая, как цыгане поют хором, он словно переносился в прошлое, на праздники своего племени в резервации Машантакер. Это было все равно что вернуться домой. Хотя бы ненадолго.

Но сегодняшний сбор был более официальным и деловым.

Все они подошли к столу, сколоченному из досок. Рядом стояли два стреноженных мерина-тяжеловоза.

Когда все расселись за столом, Грей спросил:

— Ну, как прошла встреча?

Лука смотрел на него сияющими глазами.

Пейнтер только что вернулся со встречи, в которой принимали участие представитель Госдепартамента, русского посольства и нескольких общественных организаций, занимающихся защитой детей. Именно статус семидесяти семи детей и являлся главной темой обсуждения. На них претендовали многие.

— Русские были счастливы переложить ответственность за принятие решений на наши плечи, — рассказывал Пейнтер. — Им сейчас не до того — отмыться надо. Последние радиологические тесты, проведенные совместной комиссией по надзору за использованием радиоактивных материалов, показали, что последствия попадания воды из озера Карачай в грунтовые воды, хотя и имеет катастрофические последствия на локальном уровне и потребует эвакуации людей на много миль вокруг, в глобальном масштабе катастрофой не являются. Водоспуск был закрыт вовремя.

Грей вздохнул с облегчением.

— А что с детьми?

Этим утром Пейнтер посетил их. Для детей, привезенных из России, было выделено и отгорожено целое крыло больни-

цы Университета Джорджа Вашингтона. Последние недели команда врачей-неврологов была занята тем, что медленно и методично удаляла у детей имплантаты. Как предположил ранее главный невролог, эта операция была тонкой, но не слишком сложной. Последнему из пациентов имплантат удалили буквально пару дней назад.

— Исследования показывают, что некоторые навыки савантов у детей остаются, хотя и в ослабленной форме, — говорил Пейнтер. — Что бы с ними ни произошло под конец, оно буквально выжгло фундамент неврологической структуры, которая способствовала развитию их удивительных талантов. Но в то же время это изменение понизило уровень их аутизма. Состояние малышей улучшается прямо на глазах. Однако тому, кто возьмет на себя ответственность за воспитание этих детей, придется постоянно следить за их здоровьем, а также проводить регулярные обследования — на предмет как их талантов, так и психического здоровья.

Пейнтер посмотрел на Луку. Тот держался внешне спокойно, но в его глазах светилась надежда.

— В результате участники встречи сошлись в едином мнении: нужно отдать детей на воспитание цыганским семьям.

Лука грохнул кулаком по столу.

— Да!

В ответ на столь бурную реакцию один из битюгов громко заржал и топнул тяжелым копытом о землю.

Пейнтер еще с полчаса рассказывал о различных деталях завершившейся встречи, что помогло отрезвить цыгана, но не сумело погасить радостный огонь в его глазах. Наконец все встали и начали расходиться.

Ковальски галантно поддерживал Элизабет под локоток.

— Теперь, когда вы снова в городе, — бормотал он, глядя ладонью свой бритый череп, — может, вы хотели бы... Может, мы могли бы...

Наблюдая мучения великана, Грей подмигнул Пейнтеру и кивком отозвал его в сторону.

— Не очень-то у него получается, — шепнул он.

— О чем это вы, Джо? — кокетливо спросила Элизабет, вздернув бровь и вопросительно глядя на Ковальски.

От волнения тот стал заикаться, выругался про себя, а затем выпалил:

— Не возражаешь пойти на свидание?

«Вот это круто!» — подумал Грей, с трудом удержавшись от улыбки.

Элизабет пожала плечами и пошла дальше.

— Ты имеешь в виду второе свидание? — уточнила она.

Лоб Ковальски собрался в складки и стал похож на стиральную доску.

— По-моему, то, что в нас стреляли, похищали, облучали, а потом мы спасали мир, вполне может считаться первым свиданием.

Ковальски плелся рядом с ней. Его мозг работал с такой же скоростью.

— Так ты пойдешь?

Элизабет кивнула.

— Только если ты захватишь сигары.

Ковальски ухмыльнулся.

— У меня дома — целая коробка... Ах, черт! — Великан опустил взгляд на свои ботинки. Его левая нога угодила точнехонько в кучу конского навоза. — Это же мои новенькие «Чукка»!

Элизабет взяла его под руку и повела вперед.

— Не переживай, я их отмою.

— Ты не понимаешь! Кожа полирована вручную с помощью...

Парочка растворилась в толпе.

Грей покачал головой.

— У Ковальски — свидание. Наверное, в аду сегодня похолодало.

Пейнтер и Грей пошли по направлению к Смитсоновскому замку. На каждом из них висела еще целая куча дел. В штаб-

квартире «Сигмы» по-прежнему царил кавардак — как в прямом, так и в переносном смысле слова. В результате нападения они потеряли нескольких ключевых людей из числа командования, а один этаж бункера до сих пор был закрыт из-за происшедшего там пожара. В настоящее время проводился ремонт помещений и подбирались новые кандидаты на руководящие должности.

Однако политический аспект был гораздо более скользкой материей. Им удалось поймать невролога Джеймса Чена, одного из «Ясонов», связанного с Мэпплторпом и Макбрайдом. На допросах он предоставил информацию, позволившую им как следует прополоть ряды «Ясонов», отделив честных ученых, работавших на Министерство обороны, от продажных. Но с Мэпплторпом дело обстояло иначе. Он запустил лапу практически во все разведывательные ведомства Вашингтона. До сих пор было не ясно, орудовал ли он в одиночку либо пользовался поддержкой кого-то из столичного истеблишмента. Теперь каждое разведывательное ведомство, подобно пионерам Дикого Запада, предельно сгруппировалось для самозащиты и тыкало пальцем в других.

Даже в «Сигму».

Итак, над ними тоже кружили стервятники, но у Пейнтера имелся крепкий тыл в лице благодарного президента. Работа предстояла нешуточная, однако Пейнтер не терял уверенности в том, что вскоре все наладится. На завтрашнее утро у него была назначена встреча с человеком, заменившим Шона Макнайта, временно исполнявшего обязанности главы УППОНИР. Первоначально президент предлагал эту должность Пейнтеру, но тот отказался. Организация нуждалась в стабильности, да и сам Пейнтер не мог бросить «Сигму», детище Арчиальда Полка и Шона Макнайта.

Пейнтер взглянул на Грея.

— Весь завтрашний день ты наверняка проведешь в больнице?

Тот кивнул.

— Кэт понадобится компания.

Монка Коккалиса должны были оперировать в шесть часов утра. Магнитно-резонансное исследование позволило выяснить, что именно сделали с ним в российской лаборатории, но до сих пор оставалось неясным, можно ли свести на нет нанесенный ему вред. Русские вживили ему в миндалевидное тело мозга микрочип. По мнению специалистов-неврологов, этот чип вызвал у Монка фиксационную амнезию и постоянно поддерживал его в этом состоянии. Такое вмешательство подразумевало амнезию на текущие и недавние события при сохранении памяти на приобретенные в прошлом знания. Эта технология уже изучалась и предусматривала, в частности, применение пропранолола, бета-адреноблокатора, стирающего особенно сильные воспоминания о полученной пациентом травме. Русские экспериментировали на Монке, используя вместо препарата его биотехнологический эквивалент.

Операцию отложили до того момента, когда Монк пройдет курс антирадиационного лечения. Это время неврологи использовали для того, чтобы еще более тщательно обследовать его, но они так и не могли с уверенностью сказать, вернется ли к нему память или нет, особенно с учетом еще одной детали, выявленной в ходе магнитно-резонансного исследования. Для того чтобы вживить чип, русские удалили небольшой участок коры головного мозга.

Пейнтер помнил, какой ужас отразился на лице Грея, когда он услышал эту новость, и его слова: «Сначала — рука, теперь — кусок мозга... Монка будто разбирают на части».

— Есть ли какие-нибудь признаки того, что Монк узнает Кэт? — спросил Пейнтер.

Грей покачал головой.

— Врачи не пускают ее к нему. По их мнению, пока микрочип находится в его мозгу, дополнительное давление на его память вроде общения с Кэт может принести скорее вред, чем пользу.

— И все же она навестила его.

— Да, — кивнул Грей, — она вошла в палату вместе с группой медсестер. Монк общался с ними, но никак не отреагировал на присутствие Кэт. Вообще никак. Она была просто раздавлена. Монк вернулся к ней, но по-прежнему потерян для нее.

— Что ж, нам остается только молиться о том, чтобы он поправился.

29 сентября, 18 часов 21 минута

Больница Университета Джорджа Вашингтона

Он проснулся в комнате с таким ярким светом, что от него резало глаза и отдавалось болью глубоко в голове. Накатила тошнота, комната закружилась перед его глазами. Он несколько раз с усилием сглотнул, пытаясь сфокусировать взгляд.

Стройная женщина в голубом медицинском комбинезоне похлопала его по руке.

— Ну вот вы и проснулись, мистер Коккалис. Дышите глубже, и вам станет легче. — Она отвернулась и сказала кому-то: — На этот раз он полностью пришел в себя.

Круговерть в глазах прекратилась, бой барабанов в ушах уступил место тупой тяжести в голове. Покосившись по сторонам, он понял, что лежит в больничной палате. По каким-то кусочкам, вертевшимся в мозгу, он вспомнил, что была операция. Поднял руку и увидел, что к ней подсоединены две трубки от капельниц. По одной поступал прозрачный раствор, по другой — кровь. Где-то рядом попискивали и жужжали приборы.

Монк попытался пошевелить головой, но болела шея, а на макушке обнаружилась какая-то шапочка, от которой тянулась трубка. Его окружили врачи: светили фонариком в глаза, проверяли психомоторные реакции, проводили холодовые пробы и другие тесты функций черепно-мозгового нерва.

Через десять минут они удалились, оживленно обсуждая случай Монка, а у его кровати остались стоять двое.

Монк узнал мужчину.

— Грей... — хрипло проговорил он. Горло до сих пор болело от эндотрахеальной трубки.

В глазах мужчины вспыхнула радость.

Монк знал, они надеются на то же, на что надеялся и он, но сейчас ему оставалось только покачать головой. Он знал этого человека только по сражению в России, во время которого они встретились. Рядом с ним стояла красавица с темно-рыжими волосами до плеч, в джинсах и просторной блузке. Ее изумрудные глаза смотрели на Монка, словно ожидая от него какого-то ответа, а он даже не знал, на какой вопрос надо отвечать.

Грей прикоснулся к ее локтю.

— Возможно, еще слишком рано, Кэт. Врачи говорят, что восстановление памяти может длиться месяцы.

Женщина отвернулась и украдкой вытерла глаза.

— Я знаю, — сказала она, но эти слова прозвучали стоном.

Обостренные приступом тошноты чувства Монка уловили в воздухе знакомый аромат — пряный, с привкусом мускуса. Он не вернул ему каких-либо воспоминаний, но его дыхание участилось. Он напоминал что-то... Что-то такое...

— Пусть отдыхает, — сказал Грей и повел женщину к выходу. — У него, да и у всех нас, был тяжелый день. Мы вернемся утром. Тебе ведь все равно нужно будет забирать ее домой.

Грей кивнул на голубую кровать позади них. В ней спал маленький ребенок — в такой же, как у Монка, шапочке, с закрытыми глазами и сложенными трубочкой губами.

Взгляд Монка был прикован к малышке. В его мозгу застучало стаккато и стали вспыхивать образы, взявшиеся ниоткуда.

Крохотная ручка ухватила за его палец... он идет по длинному темному коридору, баюкая на руках хрупкое тельце... ножки, которые нетерпеливо дрыгаются, пока он меняет подгузник...

Разрозненные, казалось бы, не связанные друг с другом картинки. Но сейчас, не то что раньше, боли не было, только мягкий свет, который на сей раз не растаял. Из этого света Монк выудил крохотный кусочек воспоминаний.

— Она... Ее зовут... — Двое посетителей резко повернулись к нему. — Это Пенелопа.

Женщина посмотрела на ребенка, а потом снова перевела взгляд на него. Все ее тело задрожало от нахлынувшей радости, а из глаз потекли слезы.

— О, Монк!

Она бросилась к кровати, упала рядом с ней на колени и стала нежно целовать его. Ее волосы закрыли их мягким пологом.

Он вспомнил.

Вкус корицы, мягкие губы...

Он все еще не знал ее имени, но почувствовал, как на него накатила волна такой сильной любви, что на глазах выступили слезы. Возможно, без посторонней помощи сам он никогда не сможет вспомнить ее имени, но сердцем он был уверен в одном: если сейчас она уйдет и больше не вернется, всю оставшуюся жизнь он посвятит тому, чтобы узнать, кто она и где ее искать.

19 часов 01 минута

Оставив Кэт и Монка наедине друг с другом, Грей шел по коридору, решив, уж коли он оказался здесь, посетить еще одного пациента. Дойдя до крыла, отведенного детям, он предъявил вооруженному охраннику удостоверение.

Войдя внутрь, он прошел мимо нескольких палат и маленьких комнат. Стены были разрисованы воздушными шариками и забавными рожицами мультяшных героев. Навстречу ему прошел высокий подросток в больничной пижаме. Рядом с ним семенила девочка помладше. Головы у обоих были выбриты с одной стороны. Они оживленно болтали на русском языке.

Было похоже, что все маленькие пациенты уверенно идут на поправку.

Все, кроме одного.

Грей подошел к одноместной палате в самом конце коридора. Дверь в палату была открыта, а изнутри слышались голоса.

Грей осторожно постучал и вошел. В палате стояла единственная кровать, а в углу располагалась игровая зона с желтым пластиковым столом и детскими стульчиками. Тут же сидела Лиза Каммингс, заполняя какой-то бланк. Обладая солидной медицинской подготовкой, она помогала здешним хирургам, а заодно информировала Пейнтера о том, как идут дела, и обращалась к нему за помощью в случае возникновения каких-либо проблем.

Саша сидела за столом и раскрашивала рисунки в своем альбоме. Ее частично выбритую голову покрывал розовый чепчик.

— Мистер Грей! — воскликнула Саша, а потом спрыгнула со стула, словно зайчонок, подбежала к нему и обняла его ноги. Он похлопал ее по плечу.

Саша приходила сюда не реже, чем Грей, навещая своего брата.

Петр сидел в кресле-каталке у окна и наблюдал за тем, как за стеклом сгущаются сумерки. Он напоминал манекен — холодный, неподвижный, не реагирующий ни на что.

— Есть какие-нибудь изменения? — спросил Грей, кивнув на бланк в руках Лизы.

— Кое-какие имеются. Теперь он ест с ложечки. Детское питание. Он словно начинает развиваться с младенчества. Врачи полагают, что со временем развитие дойдет до уровня его фактического возраста.

Грей надеялся на то, что так и будет. Этот мальчик спас мир и пожертвовал ради этого всем.

— Грей, если ты уложишь мальчика в кровать, мы позволим тебе побыть с ним некоторое время вдвоем.

Грей кивнул.

— Пойдем, Саша. Вернемся в твою комнату.

Девочка отпустила ноги Грея и подбежала к Петру.

— Пожелай Петру спокойной ночи, и пойдем, — настаивала Лиза.

Саша поцеловала брата в щеку, а потом вернулась к Грею и протянула к нему руки. Грей опустил на одно колено и под-

ставил ей щеку. Саша звонко чмокнула его, а затем ухватила за мочку уха, подтянула его голову ближе и заговорщически зашептала:

— Это не Петр. Это кто-то другой. Но я его все равно люблю.

Грей почувствовал, как по телу пробежал холодок. Саша, вероятно, подслушала разговор врачей. Их прогноз был крайне мрачным. Даже если Петр сможет поправиться и в какой-то степени вернуться к жизни, он уже не будет прежним.

Грей ободряюще погладил девочку по руке, но ничего не сказал.

Он не хотел внушать ей несбыточных надежд. Пусть свыкается с реальностью.

— Саша! — многозначительным тоном проговорила Лиза.

— Подожди! — Саша кинулась к столу и принялась рыть в кипе листов. — У меня есть кое-что для мистера Грея.

Лиза улыбнулась.

— Все, что угодно, только бы не ложиться спать!

Грей ждал, все так же стоя на одном колене.

Девочка вернулась, держа в руке вырванный из альбома лист.

— Вот! — с гордостью сказала она, протягивая его Грею.

Грей рассматривал изображенного на бумаге клоуна. Он был нарисован превосходно. Саша добавила к рисунку тени и некоторые детали, чтобы клоун выглядел одновременно смешным и немного страшноватым. Было очевидно, что у нее сохранились способности к рисованию.

Девочка снова приблизила губы к его уху и прошептала:

— Ты умрешь.

Столь неожиданное заявление застигло Грея врасплох, но в этих словах не было угрозы. Это была простая констатация факта, как прогноз погоды. Грей попытался представить себе, чем является смерть в понимании Саши. Она видела ее не раз, да и ее брат находился сейчас где-то между жизнью и смертью.

Грей не знал, что сказать, но, как и прежде, не захотел лгать девочке. Он поднялся, но его рука осталась лежать на ее плече.

— Мы все когда-нибудь умрем, Саша. Так устроен мир. Саша тяжело вздохнула, как вздыхают дети, когда сер-
дятся.

— Нет, глупый! — Она ткнула пальцем в рисунок. — Ты должен опасаться вот этого. Потому я его и нарисовала.

Лиза указала на дверь.

— Хватит, Саша. Пора спать.

— Подожди!

— Нет!

Упав духом, девочка позволила вытащить себя из палаты, на прощание помахав Грею всей рукой.

Когда они ушли, Грей приблизился к Петру. Ему нравилось сидеть рядом с мальчиком. Пусть знает, что о нем не забыли, что его жертва живет в памяти людей. Он делал это еще и ради Монка, поскольку знал, как много значит мальчик для его друга. Сидя рядом с Петром, он чувствовал, что выполняет некие важные обязательства.

А если говорить по-честному, эти посещения были бальзамом на его сердце. Находясь рядом с мальчиком, он ощущал необъяснимый покой, словно некая эмпатическая аура все еще окружала этого ребенка.

И вот сейчас, усевшись возле Петра, Грей думал обо всем, что произошло. Он вспомнил, как мальчик тащил Монка, когда они появились перед ним. Теперь Грей понимал, что делал Петр. Его сестра спасла Монку жизнь, когда тот тонул в море, а Петр возвращал им Коккалиса, словно гаечный ключ, взятый взаймы у соседа.

Грей знал: все произошедшее — не удача и не стечение обстоятельств... Он посмотрел на Петра и представил себе Сашу.

Все это было организовано.

И сразу же Грею вспомнился план Николая Солокова: манипулируя савантами, навязать миру нового великого пророка. Нового Будду, Мухаммеда или Христа. Грей даже обсуждал эту тему с Монком, когда они вдвоем навещали мальчика в этой самой палате.

Потом Монк кивнул в сторону мальчика и сказал:

— Возможно, русские преуспели в большей степени, чем сами думают.

Так или иначе, но, подобно многим великим людям, Петр принес последнюю жертву. Теперь им никогда не узнать правду. И возможно, это даже к лучшему.

Грей вздохнул и отбросил грустные мысли. Он все еще держал в руке листок с рисунком Саши. Судя по всему, теперь ему, помимо всего прочего, нужно опасаться еще и злобного клоуна. Он стал складывать листок и тут заметил, что на обратной стороне девочка нарисовала что-то еще.

Развернув лист, он рассматривал рисунок, аккуратно выполненный черным карандашом.

Это был великолепно нарисованный маленький китайский дракон.

В груди Грея разлился ледяной холод, а рука непроизвольно поднялась к горлу. На его шее висел серебряный кулон с изображением точно такого же дракона — подарок убийцы, означавший одновременно обещание новой встречи и проклятие.

Грей взглянул на дверь. Могла ли Саша видеть у него этот амулет? Он смотрел на рисунок, понимая: нет, не могла.

Это было предупреждение, но клоун тут был ни при чем. Внезапно Грей понял. Маленькая Саша показывала на листок, который он держал в руках, снизу вверх. Но указывала она не

на клоуна, а на дракона, изображенного на другой, обращенной к ней стороне листа.

На символ дракона.

Грей почувствовал, как в тишине комнаты над ним сгущается опасность. И прошептал имя, которым она называлась:

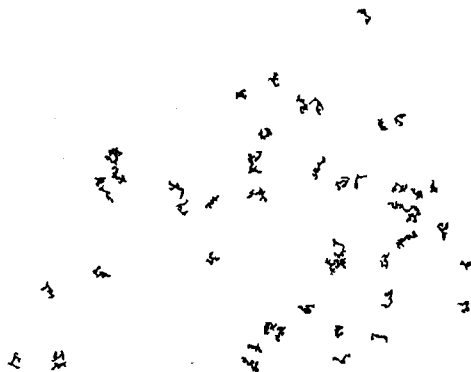
— Сейхан.

ЭПИЛОГ

Мальчик сидит у окна и смотрит, как за стеклом сгущаются сумерки. Он еще не готов выйти туда. Ему еще предстоит привыкнуть к его новому дому. Ему в нем неудобно, и он мешает думать.

Мальчик видит свое отражение в стекле: темные волосы, худое, хотя и знакомое лицо. Но он еще не чувствует его своим. Это со временем тоже придет. Глядя за окно, он видит, как за стеклом падают листья, медленно кружась в воздухе.

Страха нет, хотя листьев падает все больше и больше. То, что лежит внутри его, заполняет пустое пространство тенью и формой. Получившееся знакомо ему даже больше, чем собственное отражение в оконном стекле.

Он знает это лицо.

Когда-то оно принадлежало ему.

Он до сих пор помнит темноту, черную пучину с плавающими в ней звездочками. Он помнит умирающее солнце посередине, гаснущее ради того, чтобы другие могли улететь и продолжать светиться. Но в последний момент мальчик, которому раньше принадлежало это тело, утаил от них свой секрет. Уходя в небытие, он спас другую звездочку и бросил ее в пустое черное пространство.

Чтобы она смогла начать жизнь заново.

Листопад за окном становится все более густым, а тени, восставшие из памяти, заполняют пустое пространство, создавая истинный облик того, кто находится сейчас в этом теле.

Со временем это старое лицо забудется, но не забудется мальчик, отдавший жизнь, чтобы на свет могло появиться нечто совершенно новое. Часто во сне он видел, как мальчик бежит по полям, взбирается на вершину холма и машет рукой, а потом пропадает.

Такой теперь счастливый.

Новый мальчик, который сидит в кресле, смотрит в окно.

Когда-нибудь он тоже побежит.

Заметки автора

ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ

Подобно доктору Арчибальду Полку, я начал этот роман словами восхищения, обращенными к человеческой интуиции. Существует ли она? Что является ее источником? Поэтому в заключение я, как обычно, расскажу о происхождении идей и фактов, подразделив их на темы.

Дельфийский оракул в Греции. В прологе я уделил некоторое внимание мифам и реальным фактам, окружающим оракул. Могли ли женщины-прорицательницы видеть будущее — спорный вопрос, но мы знаем наверняка, что предсказания Дельфийского оракула существенно повлияли на развитие западной цивилизации. Если обратиться к деталям, то тайна заглавной буквы «эпсилон» и загадочный галлюциногенный газ — правда. Всем, кто хотел бы подробно ознакомиться с вопросом, можно порекомендовать книгу Уильяма Брода «Оракул. Утерянные секреты и скрытое послание античных Дельф».

«Ясоны». Сообщество ученых, работающее совместно с Министерством обороны, — реально существующая и до сих пор функционирующая организация. Больше узнать об их истории можно из книги Энн Финкбейнер ««Ясоны». Секретная история научной элиты после войны».

Проект «Звездные врата». Реально существующая программа Стэнфордского исследовательского института, финансируемая ЦРУ. Достигнутый в рамках программы удивительный успех в дистанционном видении — правда.

Воздействие на мозг человека. В романе много рассуждений о пластичности человеческого мозга, о его увеличении с помощью транскраниального магнитного стимулирования, о том, что человеческие существа не более чем «природные киборги». Что из этого является правдой? Все! Чтобы получить удовольствие, а заодно набраться знаний о тайнах человеческого мозга, рекомендую прочитать книгу доктора медицинских наук Нормана Дойджа «Мозг, который изменил себя сам». Относительно искусственно вызванной амнезии Монка: в настоящее время существуют химические технологии, способные стирать отдельно взятые воспоминания, особенно с помощью пропранолола.

Можем ли мы видеть будущее? Нобелевские лауреаты утверждают: «Да!» Эксперименты над игроками и солдатами, описываемые в романе, проводились в реальности и были повторены во многих университетах мира. Согласно утверждениям достойных доверия ученых, мы способны заглянуть в будущее примерно на три секунды. Как же это возможно? На этот вопрос нет ответа. Что до рассказов об удивительных савантах в Индии — об индийском мальчике, которого отвезли в Оксфорд, и о женщине, которую видел Эйнштейн, — эти истории основаны на фактах. О них можно прочитать в книге Ошо «Интуиция: знание вне логики».

Индия и цыгане. История о том, что корни цыган находятся в Пенджабе, — правда. Их происхождение является причиной того, что в центре румынского национального флага помещено колесо чакры. Касательно кастовой системы в Индии: положение и статус неприкасаемых вызывает большую озабоченность. Некоторые историки считают, что именно столкновения между кастами вынудили предков цыган покинуть Индию. За подробностями этого конфликта стоит обратиться к статье «Индийские неприкасаемые» в журнале «Нэшнл джиографик» за июнь 2003 года. Кстати, если вы когда-нибудь посетите Тадж-Махал, там действительно есть вращающийся ресторан наверху отеля «Дидар-и-Тадж». Рекомендую отведать пани-пани или голгуппу.

Радиоактивное наследие России. Описание Припяти и запланированного покрытия реактора новым куполом из двенадцатиметровой стали — правдивы. Детали производства плутония в бывшем Советском Союзе, на рудниках в Уральских горах, тоже правдивы, несмотря на их кажущуюся невероятность. Узники, работавшие на урановых рудниках, жили в подземных городах. Большинство горнорабочих умирали, не дожив до освобождения. Даже в настоящее время окрестности Челябинска остаются одним из самых загрязненных районов планеты. Озеро Карачай существует на самом деле, и, по свидетельству Совета по защите природных ресурсов (Вашингтон, округ Колумбия), уровень радиации на его берегу таков, что для получения человеком смертельной дозы достаточно менее часа. Поэтому Константин был прав, предупреждая, что это не лучшее место для пикника. Хуже того, существует утечка радиоактивного материала из озера в близлежащие Асановские болота. Линии геологического разлома пролегают под дном озера. Потенциальное землетрясение угрожает привести в действие план Савины Мартовой. Такая природная катастрофа уничтожит Северный Ледовитый океан и пагубно отразится на Северной Европе.

Экзотическое оружие. В этом романе я использую акустические гранаты, радиочувствительные яды, мечи-плети, тазеры и даже сотовые телефоны, которые превращаются в оружие. Как вы уже догадались, подобное оружие существует.

Аутизм и савант-синдром. Подлинная причина аутизма остается неизвестной, однако последние исследования показали, что некоторые гены в сочетании с воздействием окружающей среды ответственны за симптомы заболевания. Чтобы вы лучше поняли людей, обладающих таким уникальным мышлением, рекомендую прочитать книгу доктора Темпл Грандин «Мышление картинками: моя жизнь с аутизмом». Записки Даниеля Таммера «Рожденный в грустный понедельник» также помогли мне понять проблему аутизма.

На самом деле толчком к написанию этого романа послужили слова доктора Темпл Грандин, которые я привожу здесь с ее любезного согласия: «Если бы по мановению волшебной палочки аутизм исчез с лица земли, человек до сих пор сидел бы у костра, разожженного в пещере». С моей точки зрения, это созвучно словам Сократа о Дельфийском оракуле, приведенным в начале романа: «Высшее благословение приходит к нам, когда мы на пути к безумию, каковое есть святой дар».

Поневоле задумаешься: не эти ли люди пролагали путь всему человечеству?

Чтобы ответить на этот вопрос, я приведу неполный список знаменитостей, у которых, по слухам, наблюдались некоторые симптомы аутизма:

Ханс Кристиан Андерсен

Людвиг ван Бетховен

Томас Джефферсон

Эмили Дикинсон

Франц Кафка

Микеланджело

Вольфганг Амадей Моцарт

Фридрих Ницше

Нострадамус

Исаак Ньютон

Джейн Остин

Марк Твен

Никола Тесла

Генри Торо

Алан Тьюринг

Генри Форд

Томас Эдисон

Альберт Эйнштейн

Рассудите сами.

СОДЕРЖАНИЕ

Из исторических хроник	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	29
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	175
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	337
Заметки автора. ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ	519

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс

ПОСЛЕДНИЙ ОРАКУЛ

Ответственный редактор *Е. Гуляева*

Редактор *Е. Ампелогова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *В. Сергеев*

Корректор *Т. Андрианова*

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел./факс (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 08.08.2012. Формат 60х90^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,0.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ 6179

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-42834-2

9 785699 428342 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: *International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Автор мировых бестселлеров «Амазония», «Бездна»,
«Кости волхвов», «Песчаный дьявол», «Пирамида»,
«Черный орден», «Печать Иуды», «Пещера».

Проживает в горах Сьерра-Невада, Калифорния.

Является сопредседателем международной
ассоциации писателей остросюжетной прозы
«International Thriller Writers». Страстный спелеолог
и дипломированный дайвер, много времени
проводит под землей и под водой.

ISBN 978-5-699-42834-2

9 785699 428342 >

«Последний оракул»

ЭКСМО